

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ
РОССИЙСКОМУ СЕВЕРУ

С.В. ВОЛКОВ

РУССКИЙ
ОФИЦЕРСКИЙ
КОРПУС

Annotation

Книга посвящена истории и характеристике Русского офицерского корпуса от середины XVII до начала XX века. Современные читатели, включая военных, не знают о нем почти ничего, либо имеют превратное представление, основанное на однобоких советских стереотипах. В книге впервые в исторической ретроспективе рассмотрены вопросы подготовки и обучения русских офицеров, прохождения службы, благосостояния, быта, социального облика, идеологии, морали, долга, чести и т.д.

Книга возвращает нам историческую память и знание о своих лучших достижениях и традициях, которым должно продолжать следовать.

- [Волков Сергей Владимирович](#)
 - [Введение](#)
 - [Глава 1.](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [Глава 3.](#)
 - [Глава 4.](#)
 - [Глава 5.](#)
 - [Глава 6.](#)
 - [Глава 7.](#)
 - [Глава 8.](#)
 - [Глава 9.](#)
 - [Примечания](#)
 - [Фотографии и картины русских офицеров](#)
-

Волков Сергей Владимирович
Русский офицерский корпус

Введение

До недавнего времени офицерский корпус русской армии рисовали обычно в мрачных тонах. Да и как иначе: офицеры были ядром, душой белого движения, которое на полях гражданской войны отстаивало идею великой России. В этой битве они приняли на себя главный удар, они же стали основным объектом красного террора. Лишь сравнительно небольшой их части удалось спастись на чужбине. Что ожидало их на родине, показывает судьба многих тысяч офицеров, поверивших на слово некоторым большевистским лидерам и оставшихся в Крыму после эвакуации русской армии: почти все они были зверски истреблены.

Русский офицер, с точки зрения идеологов новой власти, был просто преступником. Потому в конечном итоге трагической участи не избежали ни те, кто после революции ушел от борьбы, отрекся от прошлого и профессии, ни те, кто все же пошел на службу к большевикам. Всем им в подавляющем большинстве пришлось разделить судьбу жертв 1917–1920 гг. только потому, что когда-то они гоже носили золотые погоны и были опорой государства Российского. Сразу после гражданской войны начались их аресты и расстрелы, и в ходе нескольких таких кампаний (как их называли, «офицерских призывов») к началу 30-х гг. с бывшими офицерами было в основном покончено.

Целенаправленно убивалась и память о них. Уничтожалось все, что было связано с «царскими сатрапами», — сносили памятники, сбивали мемориальные доски с именами офицеров, разрушали воинские кладбища, ликвидировали военные музеи и т. д. Было сделано все, чтобы в представлении новых поколений с образом русского офицера, доставившего столько неприятностей строителям и: много рая», связывались самые отрицательные черты. Офицерские погоны стали символом абсолютного зла. Сурово преследовалось любое положительное или хотя бы сочувственное изображение офицеров в литературе и искусстве (достаточно вспомнить реакцию на булгаковские «Дни Турбиных»). Одновременно усилиями целой плеяды «пролетарских писателей» от В. Билья — Белоцерковского до И. Соболева создавался карикатурный портрет российского офицерства как скопища негодяев и подонков — злейших врагов «трудового народа».

Так что же и откуда мог знать средний «советский человек» о русском офицерстве, представления о котором формировались под влиянием

тенденциозных кинофильмов и такой же литературы и в некоторой степени — из русской классики, которая лишь выборочно была дозволена.

Положительные образы офицеров появились в советской литературе со времени Великой Отечественной войны, когда суровая необходимость заставила — таки отбросить наиболее одиозные догмы «революционного сознания» и опереться на сознание патриотическое. Но и тогда соотношение положительных и отрицательных образов офицеров строго дозировалось, и первые, как правило, должны были составлять или исключение, или, во всяком случае, меньшую часть.

Сложнее обстояло дело с русской дореволюционной литературой, которая никогда не ставила задачей изображение «классовых противоречий в армии» и вообще никакого «социального заказа» не исполняла и не задавалась целью показать «типичных представителей» русского офицерства. Русская военная публицистика и произведения большинства русских писателей советскому читателю вообще известны не были. Что касается «классики», которую спрятать было полностью все — таки нельзя и которая содержала довольно много привлекательных офицерских образов, то тут выручало привычное советскому человеку со школьных лет «литературоведение». Если на положительных образах офицеров внимание не акцентировалось, то отрицательные, напротив, всячески выпячивались и трактовались как типичные для всего офицерства. Более того, зачастую даже образы, задуманные и выведенные писателем как положительные, в советской трактовке выглядели как отрицательные.

Но в основном советский интеллигент (слой которых и определял в стране «общественное мнение») судил о русских офицерах по произведениям себе подобных — таких же заполитизированных, обманутых пропагандой «мастеров художественного слова». Кинематографических и литературных образов считалось вполне достаточно, в более основательных источниках информации советский интеллигент необходимости не ощущал. Впрочем, объективной информации старались и не давать.

Вообще нелюбовь к «цифрам и фактам» — характерная черта советского образа мышления, и в таком «скользком» вопросе, как освещение дореволюционных реалий (в том числе и офицерства), она проявилась в полной мере. «Труды советских ученых» полны общих спекулятивных рассуждений и бездоказательных штампов, но крайне бедны конкретным материалом. Неудивительно, что и в отношении офицерства у нас нет серьезных исследовательских работ, но зато мы имеем великое множество разглагольствований и упоминаний все о

«реакционной военщине», «милитаристской касте» и т. п. Обнародование правдивой информации о составе и имущественном положении офицерского корпуса грозило разрушить основные догматы, связанные с установлением советского режима и побудительными мотивами поведения противников новой власти.

Итак, советскому человеку следовало знать, что русские офицеры представляли собой весьма неприглядное зрелище. Они: а) были глуповаты и невежественны»; б) «отличались ретроградством и противились прогрессу»; в) «плохо обращались с солдатами, за что те их ненавидели»; г) «пьянствовали, развратничали и предавались прочим порокам»; д) «обладали низким профессиональным уровнем» и т. д. и т. п.

В советской историографии общим местом стали штампы типа того, что офицерство «формировалось преимущественно за счет выходцев из имущих слоев, потому что успешно выполнять функции |,1щиты интересов господствующих классов могли только глубоко заинтересованные люди»; офицерский корпус был «буржуазно-помещичьим», состоял из «выходцев и представителей эксплуататорских классов», «комплектовался из помещиков и буржуазии». Советские историки (уровень информированности подавляющего большинства которых немногим отличается от уровня прочих советских людей) вполне серьезно могут полагать, например, что чуть ли не каждый офицер до революции непременно имел «поместье» и вообще был в несколько раз состоятельнее «простого труженика». Причем представления эти касаются и последних — до 1917 г. — 50–60 лет существования российской государственности (в отношении более раннего времени никаких попыток изучения офицерства новее не было). Особенно забавно появление слова «буржуазный» относительно состава офицерства: должны же офицеры быть представителями «господствующего класса» — а поскольку считается, что после 1861 г. наступил «период капитализма», то, значит, логично им происходить из «буржуазии». Что ничего общего с действительностью это не имело, многие и не подозревали.

Впрочем, вряд ли стоит вспоминать всю несуразицу, нелепости, высказанные по адресу русского офицерского корпуса. Они диктовались вполне понятными соображениями. Весьма интересно, кстати, и такое явление. Если применительно к более давним временам о русском офицерстве (и о русской армии вообще) еще можно было говорить вполне уважительно, то чем ближе к 1917 г. — тем прохладнее следовало о нем отзываться. Так, воспевать подвиги героев 1812 г. можно было беспрепятственно, чуть меньшую популярность имела оборона

Севастополя, еще реже (в основном по круглым датам) писали о героях Шипки и Плевны, почти не вспоминали о защитниках Порт–Артура, и надо было быть уж очень большим оригиналом, чтобы сказать доброе слово о сражавшихся на полях первой мировой войны. Казалось бы, героизм есть героизм, но проявлять его становилось по мере приближения революции все более неуместно: разрушить «до основания» Россию пора, а они все «за Пору, Царя и Отечество» воюют...

И все–таки, несмотря на все усилия коммунистической пропаганды, окончательно опошлить и извратить представление о русском офицерстве не удалось. Оно было таким, каким было, и память, которую оно оставило о себе, не смогли стереть десятилетия оплевывания. Даже на уровне массового сознания со словами «русский офицер» связываются такие понятия, как благородство, честь, чувство собственного достоинства, верность долгу. Для среды, сохранившей до известной степени традиции дореволюционного культураносного слоя, должное представление о русском офицерстве естественно. Были же, есть помимо «соцреалистических» творений и такие строки:

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса,
И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце оставляли след, —
Очаровательные франты
Минувших лет!

До тех пор пока хотя бы среди части общества будут жить понятия и ценности, свойственные людям, носившим в России офицерские погоны, не изгладится и память о русском офицерстве.

* * *

По самой природе своей, выполняемым функциям в обществе и государстве армия традиционно относилась к числу социальных групп и государственных институтов, положение и престиж которых наиболее высоки. Это совершенно естественно: ни общество, ни государство не могли допустить иного, не ставя под угрозу само свое существование. Поскольку на протяжении столетий существование государств зависело главным образом от боеспособности их вооруженных сил.

Лицо армии всегда определяет офицерский корпус — стержень армии, основа ее существования. Именно офицерский корпус концентрирует и воплощает в себе национальные военные традиции, в его среде

вырабатывается преемственность поколений носителей воинской славы страны. Каков офицер — такова и армия.

Что же представлял собой русский офицерский корпус? Как ни прискорбно, но в нашей стране, обладающей едва ли не самой большой армией в мире, и рядовые граждане, и даже историки, как неоднократно приходилось убеждаться, имеют на этот счет подчас самые нелепые представления. Естественно, что и современные офицеры явно недостаточно знают о своих не столь уж давних предшественниках.

Одна из причин этого — общее негативное отношение к изучению отечественной истории в нашей стране после революции, полностью не преодоленное до настоящего времени. Истории русской армии, естественно, повезло еще меньше. Ею почти не занимались (за исключением небольшого периода после войны, когда были подготовлены очень серьезные работы, впрочем так и не увидевшие света). Специальных исследований по этой теме — единицы. Что же касается офицерского корпуса русской армии, то он никогда не становился предметом серьезного анализа, да и вообще книг и статей о нем в историографии советского периода практически не существует (если не считать работ чисто пропагандистского характера, небольших разделов или упоминаний в нескольких книгах о русской армии вообще). Да и то, что опубликовано, способно скорее затемнить, чем прояснить вопросы об офицерском корпусе русской армии. Ведь истинное знание подорвало бы стереотипы, на внедрении которых и покоилась вся практика идеологического отщепенства от отечественной исторической традиции, из-за чего и возникло беспрецедентное в мировой цивилизации явление полного разрыва государства и общества со своим прошлым.

Таким образом, целостного представления об офицерском составе российских вооруженных сил современному читателю получить неоткуда. Между тем различные аспекты этой темы могут оказаться интересными для довольно большого круга читателей, и в первую очередь для тех, кто носит погоны и хотел бы считать себя наследником отечественных воинских традиций. Настоящая книга ставит своей целью изложить в популярной форме основные вопросы истории русского офицерского корпуса, его структуру, механизмы комплектования и подготовки, состав, численность, порядок прохождения службы, положение в обществе и т. д., чтобы 1 оставить у современника, таким образом, хотя бы общее представление о данной группе российского общества.

До революции любая значимая информация об офицерском корпусе предавалась широкой гласности. Поэтому, как ни парадоксально, сегодня о

нем при желании можно узнать больше, чем об офицерах советского периода. Стоит лишь пытливо и заинтересованно взглянуть в старые, но никогда не устаревающие исторические формуляры, списки, воспоминания, статистические сводки, ученые записки. И из сухих колонок цифр и официальных строчек документов живыми легендами предстанут славные образы наших предков, итоживших великие традиции военных профессионалов.

Материалы, дающие представление об офицерском корпусе России, можно разделить на три основные группы: законодательные, статистические и материалы по персональному составу. Законодательные акты о прохождении службы офицерами армии и флота, чинопроизводстве, наградах, пенсиях и т. д. собраны в Своде военных постановлений. Впервые он издан в 1838–1839 гг. в пяти книгах, каждая из которых состояла из нескольких книг. Затем до 1852 г. было издано девять приложений к своду. Повторно Свод военных постановлений с учетом всех изменений и дополнений вышел в 1859 г., после чего до 1870 г. было напечатано к нему шесть приложений. Третий (и последний) раз Свод военных постановлений составлен в 1869 г., и до конца существования русской армии ссылки по всем вопросам воинской службы делались на Свод военных постановлений 1869 года. Свод состоял из шести частей:

- 1 — Военные управления,
- 2 — Войска регулярные,
- 3 — Войска иррегулярные,
- 4 — Военные заведения,
- 5 — Военное хозяйство,
- 6 — Военно-уголовные уставы.

Они включали в общей сложности 24 книги, каждая из которых посвящена конкретной области военного законодательства. Однако, поскольку новые законодательные акты продолжали приниматься, в 1874, 1879 и 1887 гг. вышли продолжения свода. Затем от этой практики отказались, стали печатать новые издания соответствующих книг свода с включением в них всех происшедших к тому времени изменений. Всего свод 1869 г. выдержал пять изданий: первое — 1869–1911, второе — 1879–1912, третье — 1900–1915, четвертое — 1913–1914 и пятое — 1915–1918 гг. Однако каждый раз переиздавались не все книги свода, так как некоторые из предыдущего издания не успевали выйти в свет ко времени накопления существенных изменений в других отраслях военного законодательства. Во втором издании из 24 книг было выпущено 20, в третьем — 13, в четвертом — 6 и в пятом — 2. Это собрание

законодательных актов и содержит в себе все положения, регулировавшие службу офицеров. Кроме того, ежегодно (с 1809 г.) издавались хронологические своды приказов по военному ведомству. Обзор важнейших законодательных актов содержится в многотомном юбилейном труде «Столетие Военного министерства», вышедшем в 1902–1914 гг.{1} Это издание содержит и богатый статистический материал по комплектованию и убыли офицерского состава, наградам и т. д.

Статистические и иные данные сводного характера, так или иначе касающиеся офицерского корпуса, содержатся в ряде капитальных изданий, увидевших свет во второй половине XIX в. Это в первую очередь «Историческое обозрение военно–сухопутного управления с 1825 по 1850 г.»{2}, «Исторический очерк деятельности военного управления в России (1855–1880 гг.)»{3}, «Исторический очерк военно–учебных заведений»{4}, «Обзор деятельности морского управления в России, 1855–1880 гг.»{5}, «Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III, 1881–1894 гг.»{6} и «Обзор деятельности морского ведомства, 1881–1894 гг.»{7}. В этих изданиях систематизированы данные ежегодных «Всепоподданнейших отчетов Военного министерства». Цифровой материал по офицерскому составу содержится также в «Военно–статистическом сборнике»{8} и «Военно–статистических ежегодниках армии»{9}.

Особо следует остановиться на изданиях, содержащих списки офицеров, т. е. отражающих сам состав российского офицерства. (К сожалению, именно эти издания, представляющие собой наиболее ценный материал как источник для множества научных исследований, почти совершенно неизвестны и даже упоминания о них крайне редки.) Дело в том, что в России довольно хорошо был поставлен выпуск справочных изданий по персональному составу находившихся на государственной службе. Основную часть этих справочников составляли списки старших офицеров и чиновников (с VIII класса) по старшинству, выполнявшие практическую функцию определения старшинства при чинопроизводстве.

Такие списки впервые стали издаваться в России в екатерининское время — с 60–х гг. XVIII в. Сначала (до 1796 г.) это были общие списки генералам и штаб–офицерам{10} (от майора и выше), разбитые внутри по чинам (внутри чинов — по родам оружия) и указывавшие старшинство в настоящем чине (именно в этой последовательности расположены фамилии офицеров), дату присвоения первого офицерского чина и награды. Списки издавались ежегодно. С 1797 г. их составляют отдельно для генералов и для штаб–офицеров{11} (хотя в 1800–1801 гг. изданы общие списки{12}). Они

также были ежегодными, но с 1813 г. в отдельные годы стали выходить по несколько раз с учетом происшедших изменений. С 1817 г. отдельно печатают и списки полковникам{13}.

С 1838 г. офицерские списки издают по каждому чину отдельно: списки генералам{14}, полковникам{15}, подполковникам{16} и майорам{17}. Списки стали более подробными, содержали данные о должности, точных датах производства в офицеры, старшинства в последнем чине (год, месяц, число) и датах (год) получения различных наград (для генералов указывалось и получаемое на службе содержание). В некоторые годы списки издавали по несколько раз, а иногда не издавали совсем. В 1861–1884 гг. их публикуют ежемесячно, с 1885 г. — три раза в год (по состоянию на 1.1, 1.5 и 1.9). После упразднения чина майора с 1884 г. издаются списки капитанам — отдельно по каждому роду войск: списки капитанам армейской пехоты, ротмистрам армейской кавалерии, капитанам гвардейской пехоты, ротмистрам гвардейской кавалерии, капитанам артиллерии, капитанам инженерных войск (в 1912–1913 гг.) и есаулам казачьих войск (с 1904 г.). Капитанские списки издавались 1 раз в год. С 1906 г. списки генералам, полковникам и подполковникам выходят только 2 раза в год (по состоянию на 1.1 и 1.7). Списки по чинам охватывали всех офицеров в стране, где бы они ни служили, в том числе и в гражданских ведомствах.

С конца XIX в. информативность списков по чинам значительно возросла. С 1890 г. (подполковникам и капитанам — с 1887 г.) они стали включать следующие данные: должность, образование (какие учебные заведения окончил), в какой полк был выпущен офицером, вероисповедание, время пребывания в отставке, участие в военных кампаниях, награды (с указанием года получения), а также точные даты (год, месяц, число) рождения, вступления в службу, старшинства (даты присвоения) во всех офицерских чинах по порядку до последнего, прохождения службы (назначения на все должности от начала и до конца службы). Кроме того, с этого времени (у подполковников с 1900 г., у капитанов — с 1907 г.) до 1909 г. включительно и списках помещались сведения о семейном положении офицера (холост, женат, вдов, разведен), количество и пол детей.

Столь подробные сведения превращали списки по чинам в сокращенный вариант послужного списка. Те же данные содержались в «Списке Генерального штаба»{18}.

Во время мировой войны списки по чинам не издавались (в 1916 г. под грифом секретности составлены краткие, только с датой старшинства

списки генералам, полковникам и ротмистрам армейской кавалерии). Общие списки всех офицеров российской армии готовили очень редко. Они содержали только имя офицера, сведения о его наградах и составлялись по полкам (внутри полка — по чинам). Такие списки известны за 1797 г.¹⁹, за 1800 г.²⁰, за 1828–1829 и 1831–1832 гг.^{21} В начале XX в. их начали было издавать систематически (только фамилия, имя и отчество; по полкам и учреждениям с алфавитным указателем в конце), но скоро прекратили (вышли списки только за 1908–1910 гг.). Кроме того, в некоторые годы первой четверти XIX в. отдельно печатают списки офицеров некоторых родов войск и соединений (кавалерийских полковников, офицеров 3–й–24–й пехотных дивизий, кавалерийских офицеров по дивизиям и бригадам, офицеров артиллерии по бригадам и т. д.). Что касается артиллерии, то списки ее генералов, штаб–офицеров и капитанов ежегодно издавались в 1847–1913 гг., а по инженерным войскам в 1873–1913 гг. — списки всех (в том числе и обер–офицеров) офицеров этих войск. Списки военных чиновников готовят в разные годы или отдельно по каждому классу^{22} (не ниже VIII), или нескольких классов вместе (первых пяти классов^{23}, первых шести классов^{24}). Известны также списки офицеров корпуса топографов, инженерного корпуса, Отдельного корпуса пограничной стражи, Отдельного корпуса жандармов, а также списки состава каждого из управлений Военного министерства и военно–окружных управлений.

Списки морских офицеров ежегодно (иногда 2–3 раза в год) издавались в 1828–1916 гг.^{25} Отдельно (в 1834–1910 гг.) выходили списки офицеров корпусов морского ведомства и числящихся по адмиралтейству^{26} (штурманов, морских артиллеристов и других, не относящихся к строевым флотским офицерам), а также военных чиновников и врачей флота (в 1847–1910 гг.)^{27}. Эти справочники включали всех офицеров флота. В некоторые годы издавались списки флотских офицеров по экипажам, учреждениям и т. д. Общие списки всех чинов морского ведомства известны также за 1764, 1792–1793, 1799–1800, 1804, 1806–1809, 1825 гг. Однако все справочники до второй половины XIX в. перекрываются капитальным изданием «Общего морского списка»^{28}, представляющего собой хронологическое (по царствованиям) собрание послужных списков всех лиц, служивших в российском флоте с 1688 по 1855 г. (для 1855–1881 гг. только с фамилиями от «А» до «Г»), содержащего все сведения, которые о них известны. По сухопутной армии ничего подобного нет (разве что составленный в Герольдмейстерской конторе Сената список генералам и штаб–офицерам, включающий 772 человека, умерших или вышедших в отставку в 1721–1740 гг.)^{29}

Все издания, о которых шла речь выше, — официальные ведомственные издания военного и морского ведомств. Однако списки офицеров (по полкам, без дополнительных сведений — только чин и должность, иногда награды) содержатся обычно также в губернских адрес-календарях и справочных книжках, которые со второй половины XIX в. ежегодно издавались в каждой губернии. В числе прочих должностных лиц в них обычно указывались и офицеры (или все, или только начиная с командиров рот и занимающих административно-хозяйственные должности) стоявших в данной губернии воинских частей. Офицерский состав управлений Военного министерства, гвардейского и гренадерского корпусов перечислялся также в общероссийском «Адрес-календаре», издававшемся ежегодно с 1765 по 1916 г.^{30} Наконец, еще один источник такого рода — по множестве появившиеся в конце XIX — начале XX в. к круглым юбилейным датам истории отдельных полков и военно-учебных заведений, в которых обычно имеются в виде приложений списки офицеров, служивших в данном полку или в отдельные годы, или за нею историю его существования, а также всех выпускников и преподавателей данного учебного заведения за время его существования. Все эти материалы, хотя и не в полном виде, сохранились в библиотеках (наиболее полную коллекцию имеет ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, обладавшая в свое время правом получения обязательного экземпляра всех изданий, а по 30–60-м гг. XIX в. — ГПИБ и Москве).

Кроме того, огромное количество материалов об офицерском составе находится, разумеется, в архивах, прежде всего в ЦГВИА и ЦГАВМФ. Это подлинные послужные списки офицеров (послужной список был основным документом о службе офицера, содержащим все сведения о нем, и представлялся во всех случаях, когда должно было последовать какое-либо изменение в служебном положении офицера — повышение в чине, отставка и т. п., а также раз в пять лет независимо от этого; поэтому они сохранились в большом количестве, и если офицер служил достаточно долго, то в архиве можно обнаружить до 10 и более его послужных списков на разные годы), указы об отставке и краткие записки о службе, т. е. документы, содержащие изложение службы офицера и основные данные о нем (происхождение, образование, семейное положение и т. д.). Эти документы находятся в делах, связанных со всеми изменениями в службе офицеров (назначениями, награждениями, отставкой, назначениями пенсий и пособий и т. д.), по которым всегда велась переписка с Главным штабом, Инспекторским и другими департаментами и прочими органами Военного министерства, и хранятся в фондах этих учреждений в ЦГВИА^{31}. Они в

большом количестве имеются и в фондах полков и других воинских частей, где есть также приказы по полку, списки офицеров части за отдельные годы, кондуитные списки офицеров и другие материалы. Правда, если фонды центральных учреждений сохранились в общем достаточно хорошо, то фонды войсковых частей в значительной мере утрачены и сохранились очень неравномерно: по одним полкам — за каждый год их 100–150-летней истории, по другим — лишь за отдельные годы или десятилетия (причем нередко имеются дела за более ранние годы, например начало XIX в., и отсутствуют за последующие). Именных указателей к фондам не существует (пофамильная картотека имеется только по фонду Главного штаба), но в особый фонд выделена коллекция послужных списков офицеров, охватывающая главным образом период с последней четверти XIX в. до конца существования русской армии{32}, где опись фамилий составлена по алфавиту.

Наконец, все назначения, переводы, производство в чины, награды, увольнения в отпуск и от службы отражались в ежегодных (с 1796 г.) «Высочайших приказах о чинах военных», издававшихся типографским способом{33} (для отдельных лет за первую половину XIX в. к ним имеются именные указатели).

В общей сложности названные источники содержат сведения о нескольких сотнях тысяч офицеров, и их состояние в общем таково, что в принципе позволяет идентифицировать практически любого человека, служившего в русской армии в офицерских чинах. К сожалению, персональным составом российского офицерства никто до сих пор не занимался. По существу, единственным специалистом такого рода у нас в стране является А. Г. Кавтарадзе, но его исследования посвящены в основном судьбам офицеров русской армии (преимущественно штаб-офицерам и офицерам Генерального штаба) после революции{34}. Вообще офицерским корпусом ни в этом, ни в других аспектах в советский период никто специально не занимался, и вопрос о нем затрагивался лишь в двух-трех больших работах по истории русской армии{35} да в виде упоминаний — в нескольких статьях и книгах, посвященных другим аспектам отечественной истории. До революции офицерскому корпусу был посвящен ряд работ как публицистического, так и исследовательского характера{36}, которые используются в книге.

Глава 1.

Офицеры и общество

Офицеры как социальный слой

Офицер — это профессиональный военный. Служба в армии для него — постоянное занятие, поэтому офицерство как социально-профессиональный слой появляется не раньше, чем возникают постоянные военные формирования с устойчивой внутренней организацией.

Там, где такие формирования существовали, существовали и профессиональные командиры. В частности, в древнеримских легионах офицерский состав был представлен центурионами, которые с V–IV вв. до н. э. определяли организационный стержень армии (тогда как высший командный состав — трибуны избирались на время войны). Позже, в I в. н. э., по мере усложнения организации армии трибуны (по 6 человек в легионе) превратились в старший командный состав, а высший составили легаты — помощники полководца, назначавшиеся сенатом. Центурионы (командовавшие центурией — подразделением численностью 100 человек) составляли весь остальной командный состав: командир первой центурии командовал и манипулой (состоящей из двух центурий), а когортой (состоящей из трех манипул) командовал центурион центурии триариев (самых старших воинов). Различаясь по значению, центурионы, однако, не различались по формальным чинам. Позже легионом (6–7 тыс. человек) командовал префект, когортами — трибуны, а за центурионами были оставлены более мелкие подразделения{37}.

Социально-профессиональное положение римских центурионов и (позднее) трибунов в принципе не отличалось от положения офицеров регулярной армии, хотя чиновно-ранговая система и прочие атрибуты офицерской системы еще отсутствовали.

В средневековой Европе офицерам, как таковым, практически не было места. Ни рыцарь, выступающий в поход в сопровождении нескольких слуг и оруженосцев, ни более крупный сеньор, созывающий под свое знамя вассалов-рыцарей, не могли претендовать на эту роль, поскольку не были командирами определенных структурных единиц постоянной армии, а только более или менее значимыми членами собиравшегося на период войны рыцарского ополчения, которое тогда и заменяло собой армию.

Положение стало меняться примерно с середины XV в., когда в

европейских странах началось формирование постоянной армии. Во Франции начало ей было положено ордонансами 1445 г., согласно которым набор солдат превращался в государственную монополию, а офицеров мог назначать только король. Было сформировано 15 так называемых ордонансовых рот, состоящих из рыцарских «копий». В состав «копья» входили рыцарь, пехотинец, паж и конные стрелки. Таким образом происходило как бы вращение рыцарской организации войска в структуру постоянной армии (рыцарь не был, впрочем, командиром «копья», а только главным бойцом его: при боевом построении роты рыцари образовывали первую шеренгу). Офицеры рот, как и солдаты, получали жалованье от короля, в ротах устанавливалась строгая дисциплина, регламентировались отпуска, снабжение и т. д. Чуть позже такие же роты были введены в независимом тогда герцогстве Бургундском.

К началу XVI в. во всей Европе, особенно в Германии, практика комплектования постоянных армий, содержавшихся государством, была распространена очень широко и проводилась по сложившейся системе. Военачальнику выдавался патент на право набора войск установленной численности и определенная сумма денег. Он приглашал известных ему военных специалистов в качестве полковников, которые подбирали себе капитанов, формировавших роты. Капитаны имели заместителей — лейтенантов, и, кроме того, в каждой роте имелся прапорщик, носивший ротное знамя, и фельдфебель — распорядитель. Армия состояла, таким образом, из полков и рот (от 10 до 30 на полк){38}. С этого времени и появляется офицерский корпус как социально-профессиональная группа.

По мере того как постоянная армия заменяла собой рыцарское ополчение, ее ряды все в большей степени начинают пополняться дворянами-рыцарями, для которых военное дело было естественным сословным призванием. В конце XV — начале XVI в. наряду с обычной службой в рыцарском ополчении дворяне начинают поступать в постоянную армию, образуя в ней кавалерийские подразделения различных видов. Они поступали на службу с 17-летнего возраста и проходили 4 этапа военной службы длительностью 2–3 года каждый{39}. Дворяне могли наниматься вместе со слугами по особым вербовочным грамотам и имели особую систему подчиненности.

Естественно, что и офицерский корпус армий нового типа формировался из той же дворянско-рыцарской среды. Так было во всех странах, где осуществлялся переход от ополчений или дружин, состоящих из представителей привилегированного сословия профессиональных воинов — «единоборцев», к постоянной армии. Представителями этого

сословия закономерно стали комплектоваться и часть рядового и, конечно, командный состав ее. В Японии, например, при переходе во второй половине XIX в. к регулярной армии офицерство монопольно комплектовалось из самурайской среды (самураи — военное сословие, сопоставимое с европейским рыцарством), которая полностью сохранила свои традиции, воспроизводившиеся теперь в новых условиях^{40}. Рыцарство, таким образом, как бы преобразовалось в офицерство, унаследовавшее рыцарские воинские традиции и психологию. И если офицерство явилось как бы отрицанием рыцарства в организационном плане, то в плане социальном, психологическом и идейном оно выступило его прямым и непосредственным наследником, продолжателем.

По иному и быть не могло. В традиционной европейской (впрочем, не только европейской) системе представлений понятие благородства было неразрывно связано именно и почти исключительно с вооруженными силами, армией. Высшее сословие этих стран — дворянство с самого начала формировалось как военное сословие. Изначально оно было сословием людей, несущих военную службу, и довольно долго было связано исключительно с ней. Лишь к XVIII в. по мере формирования сравнительно развитого государственного аппарата дворянство стало пониматься как служилое сословие вообще. Но и потом военная служба считалась наиболее престижной. Именно в качестве военно-служилого сословия дворянство освобождалось от подушного налога — считалось, что оно платит «налог кровью». Военная служба рассматривалась как самое достойное благородного человека, дворянина занятие.

Поэтому офицерство как социальный слой с самого начала оказалось естественным образом отождествляемо с дворянством. Из представления о том, что наиболее присущее дворянину занятие — служба офицером, закономерно вытекало представление о том, что и каждый офицер должен быть дворянином, поскольку уже по своей социальной роли он занимает «дворянское» место в обществе. Понятно, что даже в странах с наиболее твердыми сословными перегородками получение дворянства в награду за военную службу выглядело в наибольшей степени соответствующим обычаям способом аноблирования — возведения в дворянство. Во Франции по эдикту 1600 г. по истечении определенного срока службы офицер недворянского происхождения освобождался, подобно дворянину, от талы — подушного налога (что было первым шагом к получению дворянского звания), а затем аноблировался; эдикт 1750 г. предусматривал срок аноблирования для офицеров-недворян в зависимости от полученного ими чина — чем выше чин, тем короче срок. Недворянин, достигший

генеральского звания, аноблировался сразу. «Дворяне шпаги» при этом даже формально пользовались некоторыми преимуществами перед «дворянами мантии» (лицами, получившими дворянство на гражданской службе) и долгое время отказывались признавать последних равной себе частью дворянского сословия{41}.

Иногда, впрочем, отождествление офицерского звания с дворянским становилось столь жестким, что приводило к ограничению доступа к офицерским чинам лиц недворянского происхождения. Такая тенденция наметилась, в частности, во Франции в конце XVIII в., когда в 1781 г. был принят специальный ордонанс военного министра, в результате чего доля недавно аноблированных лиц среди офицерства сократилась с 10 до 2% {42}, а среди генералитета и полковников к 1789 г. абсолютно преобладали представители высшей знати: среди 11 маршалов 1 человек имел титул принца, 5 — герцога, 4 — маркиза и 1 — графа, из 196 генерал-лейтенантов нетитулованными дворянами были только 9 человек, а из 109 полковников — 6. В Пруссии в XVIII в. лица недворянского происхождения производились в офицеры лишь в порядке исключения (и то в чин не старше лейтенанта), и в 80-х годах 90% прусских офицеров были дворянского происхождения; в 1805 г. из 8 тысяч офицеров прусской армии недворянами были только 695 человек. Затем положение сильно изменилось, и в 1818 г. на 3828 офицеров дворянского происхождения приходилось 3350 выходцев из других сословий, но в последующие годы (до 1860) дворяне по происхождению составляли более $\frac{2}{3}$ прусского офицерского корпуса{44}. В армиях других стран столь жестких ограничений обычно не было, но большинство офицерского корпуса везде составляли, конечно, дворяне.

Итак, профессиональная группа офицеров в европейских странах в социальном плане представляла собой элитный слой, практически идентичный по своему положению в обществе высшему сословию — дворянству. Офицерство служило связующим звеном между дворянством и остальными сословиями, поскольку через него происходило пополнение дворянского сословия новыми членами.

Офицеры в России до создания регулярной армии

Как известно, система офицерских чинов находится всегда в тесной связи с организацией вооруженных сил. Естественно, что и в России появление офицерских чинов зависело от развития организационных форм войска. Русские вооруженные силы к XVII в. состояли из поместной конницы (с городовыми казаками) и стрельцов, служивших на постоянной основе, но живших вместе с семьями и в мирное время могущих

заниматься ремеслом и торговлей. Поместная конница (дворянское ополчение) имела территориальную организацию. Единственной известной единицей ее была сотня (в ряде случаев состоящая из дворян и Детей боярских определенного города), но численность ее могла быть самой различной. Постоянного организационного объединения сотен в соединения высшего порядка также не было (так называемые полки были тактическими единицами, создаваемыми на время походов и военных действий). Поэтому единственным офицерским чином, известным по документам того времени, был сотник или сотенный голова. У городских казаков встречаются есаулы, атаманы. Что касается стрельцов, то при царе Михаиле Федоровиче основной их постоянной единицей был приказ (соответствующий полку), во главе которого стоял голова. Приказ делился на 5 сотен во главе с сотником или сотенным головой. Приказы и сотни именовались по фамилиям своих командиров. Известны также чины пятидесятника и десятника, но первый из них был помощником сотника, а второй назначался из рядовых стрельцов и играл роль унтер-офицера. При Алексее Михайловиче слово «приказ» заменяется на «полк», и соответственно его командира называют полковником. Кроме того, численность полка увеличивается до 10 сотен и появляется звание полуголовы или пятисотенного головы — помощника командира полка. Таким образом, все чины соответствовали определенной строевой должности. Высшие командиры были представлены воеводами полков, которые имели постоянные названия, но сами не были, как уже говорилось, постоянными единицами, а формировались только на время войны, и соответственно воеводы назначались только на это же время (русская армия делилась, как известно, на полки большой, правой и левой руки, передовой, сторожевой и прибылой). В XVIII в. делались попытки соотнести должности воевод с генеральскими чинами того времени (дворовый воевода приравнивался к генералиссимусу, первый воевода большого полка — к генерал-фельдмаршалу, второй воевода большого полка и первые воеводы полков правой и левой руки — к генералу, третий воевода большого полка, вторые воеводы полков правой и левой руки и первые воеводы остальных полков — к генерал-лейтенанту){45}, но делалось это чисто произвольно и, главное, не имело смысла, т. к. никакого постоянного прохождения службы воеводами не существовало и назначались они главным образом из местнических соображений.

Назначение на должности осуществлял Разрядный приказ, ведавший всеми вопросами службы дворян. Решения о назначениях принимались коллегиально дьяками этого приказа и в основном зависели от их

благоусмотрения. При очередном сборе войск Разрядный приказ, ведший «служилые списки» и книги учета служилых людей, составлял расписание по должностям, которое и вручал воеводе, назначавшемуся царем. Поскольку изменение служебного положения было связано с изменением размера жалованья, а финансирование было централизовано, воеводы не имели права производить подчиненных в служебные чины. Назначение в стрелецкие части производил Стрелецкий приказ, исходя из тех же принципов.

Двумя основными недостатками этой системы были следующие. Во-первых, назначения осуществлялись людьми, плохо знакомыми с военным делом и к тому же не имеющими возможности оценить поведение назначенных в бою, во-вторых, временный характер назначения сильно обесценивал значение военных чинов для служилого человека. Действительными чинами были тогда звания, развившиеся на базе придворных должностей и составлявшие общегосударственную служебную иерархию. Эта иерархия насчитывала 8 основных ступеней (не считая чинов, в которых одновременно находились 2–3 человека, — комнатного стольника, стряпчего с ключом и т. п.): 1) бояре; 2) окольные; 3) думные дворяне; 4) стольники; 5) стряпчие; 6) дворяне; 7) жильцы; 8) дети боярские. Носители первых трех категорий были членами Боярской думы, все они считались высшими чинами. Остальные составляли русское дворянство как сословие. Среди них помимо стольников и стряпчих выделялись московские дворяне и жильцы, входившие в состав «московского списка» (в 1681 г. в нем вместе с высшими чинами значилось 6385 человек){46}. Из этой среды и комплектовались в основном кадры «начальных людей» в вооруженных силах.

Становление системы офицерских чинов современного типа связано с привлечением на русскую службу иностранцев. Первые «вызовы» на русскую службу служилых иноземцев из европейских стран отмечены еще в XV в. К концу XVI в. они начинают играть заметную роль в русских вооруженных силах, однако на организацию армии и порядка службы они тогда большого влияния не оказывали, и напротив, многие из них были включены в русскую поместную систему и несли службу на тех же основаниях, что и русские дворяне. Однако в начале XVII в. в армейскую организацию применительно к иноземцам вводится понятие «рота», вследствие чего появляются чины командиров рот — ротмистра и капитана (встречается со времен Бориса Годунова почти одновременно с ротмистром, но намного реже), а также поручика — помощника или заместителя командира роты. Выше роты иноземческая организация не

шла, потому дальнейшего чинопроизводства иноземных офицеров не велось. Чин их определялся Посольским приказом, а общее заведование было возложено первоначально, так же как и русскими кадрами, на Разрядный приказ.

Заметным рубежом на пути становления офицерского корпуса стал Смоленский поход 1632–1634 гг., когда впервые были сформированы полки «иноземного строя». В 1630 г. были разосланы грамоты о высылке в Москву детей боярских для обучения их немецкими полковниками (главным образом привлекались беспоместные дети боярские с правом впоследствии возвратиться к службе на прежних основаниях), в результате чего были сформированы 6 пехотных и 1 рейтарский полк, состоявшие как из иностранцев, так и из русских служилых людей. Большой пользы в походе они, впрочем, не принесли и с окончанием войны были распущены (тем более что в ходе войны выявилась крайняя ненадежность иностранцев, переходивших, попав в плен, на службу к противнику), а оставшиеся в России иноземцы проходили службу на правах русских дворян. Но значение этого первого опыта было чрезвычайно велико. Впервые в русской армии появился кроме стрелецкого новый тип полка с полной иерархией чинов, отличной от старорусской: полковник — большой полковой поручик (подполковник) — майор — капитан (ротмистр) — поручик — прапорщик. Огромное значение имело также то обстоятельство, что впервые русские служилые люди (пусть захудалые, беспоместные, которым «для бедности» дадено было денежное вспомоществование, но все-таки принадлежащие к дворянскому сословию и в принципе имеющие право доступа к высшим придворным чинам) ставились под команду иноземцев, людей по русским понятиям абсолютно «неродословных», которым ранее разрешалось командовать лишь себе подобными. Важность этого обстоятельства для формирования у русского служилого человека представления о значимости и престиже воинского офицерского тми трудно переоценить. Наконец, тогда же сделана попытка сформировать полки «иноземного строя» исключительно из русских людей, для подготовки к чему в сформированные полки были назначены «дублеры» из русских — второй комплект офицеров (по 4 полковника, подполковника и майора, 2 квартирмистра, 17 капитанов, 32 поручика и 33 прапорщика){47}. Это первый случай присвоения русскому служилому человеку «иноземного» чина; он привыкал носить офицерский чин с определенным кругом обязанностей и подчиняться иноземному начальнику же не по причине своей «захудалости», а по положению и единой воинской иерархии.

В 1642 г. вновь были сформированы два выборных московских полка «иноземного строя», затем их число увеличилось с разделением на полки солдатские (пешие), рейтарские и драгунские. По уставу 1647 г. все начальствующие лица в полку (урядники) уже различаются на привычные ранги — высокие, средние и нижние (т. е. штаб-, обер — и унтер-офицеры): к высоким отнесены полковник, полковой поручик (подполковник) и полковой сторожеставец (майор), к средним — капитан, поручик и прапорщик.

Особое внимание уделялось роте — основному звену, прочность которой зиждилась на трех последних офицерских чинах: «...и та рота гораздо устроена, когда капитан печется о своих солдатах, а поручик мудр и разумен, а прапорщик весел и смел»{48}. Капитан являлся полным хозяином своей роты, несущим за нее всю полноту ответственности, поручик был его помощником и заместителем, вел роспись солдат, распределял их по капральствам и вел обучение, прапорщик должен был нести ротное знамя, «печаловаться» о солдатах и им «смелства наговаривать», т. е. поднимать боевой дух.

Увеличение числа полков «иноземного строя» во второй половине XVII в. (при Федоре Алексеевиче насчитывалось 48 солдатских и 26 рейтарских и копейных полков) привело к появлению генеральских чинов, и к 70-м гг. XVII в. уже существовали чины генерала, генерал-поручика и генерал-майора. В эти чины, как и в остальные офицерские чины полков нового строя, производились как иностранцы, так и русские. Однако командиры этих частей, даже произведенные в генералы, не могли рассчитывать на занятие должностей начальников отдельных больших отрядов русского войска. Солдатские полки занимали в нем все-таки второстепенное положение, а основу войска составляли поместная конница и стрельцы, объединяемые в оперативном отношении в унаследованные от прежних времен полки под началом воевод. Воеводою же генерал полков нового строя не мог быть назначен, не пройдя всей лестницы общегосударственных придворных чинов — по меньшей мере до окольного.

Положение, при котором наиболее подготовленные в военном отношении люди были отстранены от командования крупными соединениями войска, не могло, конечно, оставаться незамеченным, и реорганизация службы офицерских кадров неуклонно шла в направлении унификации системы чинов и устранения местнических влияний. В 1680 г. издан именной указ царя Федора Алексеевича, по которому он «велел быть из голов в полковниках, из полуголов в полуполковниках, из сотников в

капитанах» и служить им «против иноземского чину, как служат у гусарских и у рейтарских, и у пеших полков тех же чинов, которыми чинами пожалованы ныне, и впредь прежними чинами не именовать ...а которые упрямством своим в оном чине быть не похотят, и станут себе ставить то в бесчестье, и этим людям от Великого Государя за то быть в наказаньи и разореньи без всякия пощады». Речь шла о том, что во всех стрелецких полках вводилась такая же номенклатура офицерских чинов, какая была в попках нового строя (что, по-видимому, вызвало некоторую психологическую ломку среди стрелецких командиров). В 1682 г. была наконец официально отменена местническая система занятия должностей в государстве, основанная на приоритете родовитости и служебного положения предков, что устранило последнюю преграду к становлению новой иерархии офицерских чинов. Правительство получило свободу рук при назначении на должности, и генералы заняли подобающее им место в войсках (хотя до Петра I во главе армии ставился все-таки не генерал, а воевода). Таким образом, к концу XVII в. в России сложилась социально-профессиональная группа воинских начальников, имеющая европейскую иерархию чинов. Она и послужила прообразом офицерского корпуса русской регулярной армии.

Эта группа в значительной степени состояла из офицеров-иностранцев. Порядок чинопроизводства и оплаты для них и русских офицеров был различным, что, впрочем, вполне естественно, если учитывать совершенно разное общественное положение этих людей при поступлении на службу. Офицеры-иностранцы были людьми в России случайными, не вписывавшимися в социальную структуру русского общества, посторонним для него элементом, тогда как для русских дворян служба офицерами была выражением их социальной сущности, естественной и неотъемлемой обязанности служить государству, которой и определялось их благосостояние и положение в русском обществе.

Для иностранцев поэтому была установлена отдельная линия чинопроизводства; находилось оно в ведении Иноземского приказа, причем вопросы чинопроизводства со временем все в большей степени решались именно в этом учреждении, а не строевым начальником. Когда в 1631 г. «старшему полковнику и рыцарю» А. Лесли поручили вербовать за границей офицеров, то он и его полковники почти не были стеснены в правах по их чинопроизводству, однако в 1656 г., когда в той же роли выступал Ш. Эргард, ему разрешили производить подчиненных офицеров в чины не выше майора, а в 1672 г. специальный указ предписал в случае открытия вакансий сообщать об этом в Иноземский приказ, а «в вышние

чины с майоров никого и за службы не переписывать». Однако на практике и производство в обер–офицерские чины зависело от приказа, т. е. оклад жалованья любому офицеру мог выдаваться в новом размере только после занесения в соответствующие списки Иноземского приказа. Поэтому многие офицеры обращались со своими челобитьями непосредственно в приказ, где решение вопроса зависело главным образом от благоусмотрения дьяков, которые хотя и требовали патенты, свидетельства о службе за границей и другие рекомендательные документы, но проконтролировать их достоверность не могли, вследствие чего далеко не всегда возвышались по службе достойные того лица.

Старшинство почти не соблюдалось. До 1672 г. (когда последовало распоряжение производить исключительно «из чина в чин»){49} практиковалось и производство через чин. Однако среди офицеров одного чина в следующий чин производился не старший в этом чине, а тот, на кого пал выбор дьяков Иноземского приказа. В первый офицерский чин человек мог производиться, например, за заслуги отца или брата, и вообще в системе чинопроизводства иностранных офицеров царил произвол. Однако при этом приказ строго следил за тем, чтобы не выйти из финансовой сметы, в результате чего к концу XVII в. офицеры–иностранцы стали производиться только на вакансии умерших, что делало их чинопроизводство крайне медленным. Например, даже после потерь во время Азовских походов четверо полковников состояли в этом чине 16 лет, трое — 17, трое — 22, один — 28 и один даже 36 лет{50}.

С чинопроизводством русских офицеров дело обстояло еще сложнее. Благодаря сохранению для них поместного способа довольствия (о чем будет сказано ниже) они продолжали состоять на учете Разрядного приказа, ведавшего службой всех русских дворян, и призывались на службу грамотами на тех же основаниях, что и «начальные люди» поместных войск. Однако в отличие от последних офицер полков нового строя должен был находиться в своей части продолжительное время, что грозило запустением и разорением его поместья. Правительство, не желавшее, естественно, допустить этого, вынуждено было периодически сменять офицеров в полках, несущих действительную службу, что повлекло за собой перепроизводство офицеров и снижение ценности офицерского чина в глазах дворян.

Кроме того, учет русских офицеров был сильно запутан в результате отсутствия единых органов военного управления в России того времени. Как служилый человек, как дворянин офицер состоял на учете в Разрядном приказе, но как воинский начальник мог состоять в ведении Стрелецкого,

Иноземского, Рейтарского приказов (ведавших каждый своим родом войск) и даже областных приказов и разрядов, имевших автономные права по некоторым отраслям военного управления. При этом не всегда существовала ясность, в ведении какого приказа состоят те или иные воинские (особенно областные) части, что создавало дополнительную путаницу в учете офицерского состава.

Поскольку чинопроизводство русских офицеров не зависело от финансовых смет, оно не ограничивалось и до 1665 г. находилось в руках воевод (за исключением производства в полковники), не стесненных никакими правилами. В 1665 г. был издан указ, предписывающий воеводам сообщать об открывшихся вакансиях в Разрядный приказ, а тот в свою очередь информировал об этом Иноземский приказ, который и производил офицеров в чины от имени царя. Воеводам было оставлено только право временного назначения на офицерские должности «до государева указу». С 1672 г. это их право было ограничено только обер–офицерскими чинами (и не иначе как из чина в чин). Однако, не имея возможности контролировать правильность воеводских назначений, дьяки Иноземского приказа в большинстве случаев просто санкционировали их.

В целом же порядок чинопроизводства был весьма далек от совершенства и отражал именно то состояние вооруженных сил, которое требовалось изменить путем создания регулярной армии. На систему чинопроизводства сильнейшее влияние оказывали прежние представления о престижности старых придворных чинов, (и вследствие чего получение последних иногда связывалось и с повышением в офицерских чинах, часто минуя промежуточные чины. Порой стряпчие производились прямо в подполковники, стольники в ротмистры, жильцы — в поручики и т. д.; имел даже место случай производства дворцового служителя (подключника) в стрелецкие капитаны. Иногда бывали случаи, когда в качестве первого офицерского чина выступали сразу более высокие чины — известны случаи производства недорослей сразу в капитаны{51}. Наконец, даже и последние годы XVII в. встречаются производства через чин: из капитанов — в полковники, из прапорщиков — в капитаны. В ряде случаев право производства помимо воевод и дьяков соответствующих приказов присваивали себе некоторые генералы. Из–за некомпетентности приказных дьяков производство слабо было связано с отличиями по службе и боевой пригодностью; иногда единственным основанием к производству служило челобитье заинтересованного лица. Не были разграничены и линии производства по родам войск, офицеры при повышении в чине часто переводились из пехоты в конницу и обратно. Время от времени сведения о

службе офицеров собирались и заносились в специальные «разборные книги», однако быстрое движение кадрового состава обесценивало этот учета и приводило к различным злоупотреблениям. Что касается жалования офицеров в полках нового строя, то оно первоначально было исключительно высоким, но это касалось главным образом иностранных офицеров. При первом массовом наборе офицеров в эти полки жалование составило сумму, совершенно невероятную для офицерских окладов XIX в. (учитывая, что рубль времен Михаила Федоровича соответствовал по своей покупательной способности 14 рублям конца XIX в.). Размер месячного жалования по раздаточным книгам 1634 г. показан в таблице I{52}. Такие оклады (в начале XVII в. на 3 руб. можно было купить недорогую лошадь или пару коров) привлекли в Россию, конечно, массу иностранцев, но оказались чересчур обременительными для русской казны, поэтому вскоре полки были распущены, а на будущее время установлены более умеренные оклады (сокращенные для некоторых чинов десятикратно). В 1661 г. полковник в коннице получал в месяц 40 руб., в пехоте — 30, подполковник — 18 и 15, майор — 16 и 14, капитан (ротмистр) — 13 и 11, поручик — 8 и 8, прапорщик — 7 и 5{53}.

Кроме того, в 1634 г. одновременно с массовым увольнением иностранных офицеров было установлено, чтобы впредь выдавать им жалование по трем вариантам окладов в зависимости от характера службы каждого. Полный размер жалования должны были получать только несущие действительную службу в походе, несущие «городовую службу» в военное время (находящиеся в крепостях) получали $\frac{2}{3}$ оклада, а оказавшиеся за штатом — вне строевых списков получали «на прокорм» только $\frac{1}{3}$ оклада. В 1670 г. это правило было подтверждено Алексеем Михайловичем. Однако и на таких условиях служить в России иностранцам было весьма выгодно, и поток их на русскую службу не ослабевал. В конце XVII в. были даже приняты ограничительные меры, вплоть до того, что правительство царевны Софьи полностью прекратило доступ иностранцев в Россию без особого царского разрешения. Число иностранных офицеров в России и их оклады (руб. в месяц) в 1696 г. показаны в таблице 2{54}.

То есть оклады в конце XVII в. оставались такими же, какими они были установлены к середине столетия. Однако и такие оклады были обременительны для казны при довольно ограниченных ее средствах, поэтому правительство с 40-х гг. XVII в. наряду с установлением трех форм окладов (о чем шла речь выше) зачисляла часть иностранных офицеров в так называемые «кормовщики», которые получали очень

небольшое жалование (рейтарский полковник, в частности, получал вместо 226 руб. — 91 руб. 8 алтын и 2 деньги, солдатский подполковник вместо 180 руб. — всего 73, капитан вместо 133 руб. — 54 руб. 25 алт. и т. д.) и продовольствие натурой.

Особую группу офицеров составляли так называемые «новокрещены» — те иностранцы, которые, решив навсегда связать свою судьбу с Россией, приняли православие (преимущественно это были поляки и литовцы). Такие офицеры после перехода в православие считались русскими и зачислялись в состав поместного дворянства, получая жалование на общих основаниях с русскими офицерами-дворянами. Число их было довольно значительным: в 1696 г. из 794 русских офицеров «новокрещенов» было 455 человек{55}.

Для русских офицеров оклады к концу XVII столетия практически не отличались (кроме младших офицеров) от окладов офицеров-иностранцев: полковники и в рейтарских, и в солдатских полках должны были получать по 40 рублей в месяц, подполковники — соответственно 18 и 15, майоры — 16 и 14, капитаны (ротмистры) — 13 и от 11 до 7, поручики — 8 и от 8 до 5, прапорщики — 7 и от 5 до 3 рублей. Но в отличие от иноземцев русские офицеры получали жалование только за дни действительного пребывания в полку. Кроме того, за имеющиеся у офицеров крестьянские дворы у них ежемесячно вычиталось из жалованья по 3–11 алт. — за каждый двор. У полковников рейтарских полков — по 11 алт. 4 ден., полковников солдатских полков — по 11 алт. 4 ден., у подполковников — соответственно 8 алт. 2 ден. и 8 алт., у майоров — 8 алт. 2 ден. и 7 алт. 2 ден., у капитанов (ротмистров) — по 7 алт. 2 ден., у поручиков — по 6 алт. 4 ден. и у прапорщиков — 7 алт. 5 ден. и 3 алт. 2 ден. В результате жалование было очень небольшим и жить только на него долго было невозможно; фактически в полной неприкосновенности оставался поместный способ довольствия: офицеры из русских дворян должны были, как и все прочие служилые люди — дворяне, жить на доходы от своего поместья. Такая система, конечно, сильно облегчала положение казны, одновременно отчасти компенсируя разницу в оплате между иноземными и русскими офицерами, но в психологическом плане имела самые вредные последствия, так как русский офицер оставался во власти традиционных представлений о службе, сущность, порядок и характер которой оставались прежними. Менялось только название чина (который, кстати, не неся за собой реальных перемен, ценился ниже традиционных), а офицерская должность неизбежно рассматривалась как временная, ибо, всецело материально привязанный к своему поместью, дворянин не мог отлучаться

из него на продолжительное время. Все это вызывало желание вовсе при возможности уклоняться от службы и, конечно, не могло способствовать формированию психологии кадрового офицера.

Таким образом, состояние офицерского корпуса регулярной армии, которая была создана на рубеже XVII–XVIII вв., отличаем. от положения офицерского состава русских вооруженных сил XVII столетия и по системе оплаты, и по порядку получения первого офицерского чина и дальнейшего чинопроизводства, и по характеру службы, и, главное, по психологии — по осознанию себя прежде всего офицерами: не дворянами, не помещиками, не служилыми людьми вообще, не стольниками, окольничими, жильцами и т. д., а именно офицерами. Разница по всем этим критериям (и к тому же по профессиональной подготовке) между офицерами XVII столетия и требованиями, предъявляемыми к офицерам, в которых нуждалась регулярная армия, была, конечно, велика (и не случайно при создании регулярной армии множество прежних офицеров не было принято на службу).

Но тем не менее именно в XVII столетии в полках нового строя (и частично в стрелецких) заложены основы создания офицерства регулярной армии, а в общественное сознание внесены те начала и принципы, которые позволили со временем коренным образом изменить социальную роль и значение воинских начальников.

Постепенное введение новой, чисто военной иерархии чинов и отмена местничества совершили тот переворот в российском обществе, без которого было бы немислимым существование офицерства как костяка регулярной армии. Постановка «знания» (хотя бы и фиктивного) выше «породы» (а именно это означала и юридически закрепляла новая иерархия воинских чинов) приучала общество и армию к мысли, что офицером может быть каждый, кто окажется способен к исполнению соответствующих обязанностей. Это, в свою очередь, подводило к мысли о необходимости равенства всех при поступлении на службу, что нашло позже юридическое закрепление в петровских законах о том, что все военнослужащие должны начинать службу рядовыми. Без формирования (хотя бы в зародыше) подобных представлений реформаторская деятельность Петра в данном вопросе вряд ли могла быть успешной.

Начало традиции производства в офицеры независимо от происхождения, окончательно установившейся при Петре, было положено в XVII в. С другой стороны, представление о том, что всякий офицер должен быть членом высшего в государстве сословия, что первый офицерский чин открывает доступ в дворянство, также идет из этого

столетия — с наделения поместьями на правах русских дворян таких «неродословных» людей, какими были с точки зрения русского общества приезжие офицеры–иноземцы. (Конечно, только вполне слившихся со своим новым отечеством — «новокрещенов»; они получали и традиционные русские придворные чины — стольников и т. д.) Наконец, в XVII в. происходил постепенный рост группы служилых людей, социальное положение которых определялось носимым ими военным чином; сосуществование и негласное, объективное соперничество традиционной придворной и новой военной иерархии чинов завершилось, как известно, при Петре I полным торжеством последней. Коренное изменение взгляда на роль офицерского чина в сословной системе русского общества, подготовленное нововведениями XVII столетия, явилось важнейшей предпосылкой для обретения русским офицерством его статуса в последующие столетия.

Статус офицера в русском обществе XVIII–XX вв.

Высокий статус офицера в русском обществе XVIII–XIX вв. был явно не случаен: он закономерно подготовлен бытовавшим с раннего средневековья на Руси отношением к воинской службе. Та система представлений, сложившаяся в европейских и ряде азиатских стран, о которой шла речь выше, в полной мере была характерной и для России. Собственно, первоначально дворяне отличались от крестьян тем, что первые за свою землю несли военную службу, а вторые — платили подати. Разделение на «благородных» и «подлых» имело своим основанием именно это обстоятельство: носить оружие и быть воином считалось делом благородным, и занятие это из поколения в поколение давало основание считать свой род благородным, тогда как слово «подлый» (не носившее изначально своего нынешнего отрицательного значения) означало «податной», т. е. платящий подать. До XIX в. исключение человека из подушного оклада означало для него важнейшее изменение социального статуса — его выход из «податного состояния» (охватывавшего более 95% населения страны) и приобщение к одной из элитных групп, чьи занятия ставили их выше остальной массы населения, поскольку признавались настолько важными, что освобождали от личной подати (духовенство, чиновники, почетные граждане и др.). И первым из таких занятий была военная служба.

В допетровские времена быть рядовым воином дворянского ополчения считалось более почетным, чем занимать даже весьма нерядовое место в приказном аппарате гражданского управления. Служба предков в качестве подьячих, например, не рассматривалась как свидетельство дворянского

происхождения человека, потому что такая служба сама по себе не вводила человека в то время в состав дворянского сословия, тогда как факт упоминания предка в «десятиях» — списках лиц, обязанных наследственной военной службой, таким доказательством безусловно являлся. Важнейшее значение имел наследственный характер такой службы: высшим сословием были дворяне именно как служилые люди «по отечеству» — и сами обязанные военной службой по наследству, и потомки которых обязаны были продолжать ее в отличие от служилых людей «по прибору» (пушкарей, стрельцов и т. д.), которые не были связаны такой обязанностью. Военная служба в те времена, особенно на рубежах «дикого поля», была делом нелегким. В районах «засечных полос», прикрывавших страну от татарских набегов, было помещено особенно много дворян. Потому наибольший процент древнего дворянства, записанного в шестую часть родословных книг, обычно приходился на те губернии, где эти полосы в свое время пролегли, — Пензенскую, Рязанскую и т. п. О тягостях службы на «засечных полосах» свидетельствуют кажушиеся ныне парадоксальными царские указы о запрещении дворянам переходить в холопы.

По мере того как дворянское ополчение в структуре вооруженных сил все более вытеснялось полками нового строя с их специфической, чисто офицерской иерархией, статус служилого дворянина-воина закономерно переносился на офицера (причем на офицера, как такового, независимо от принадлежности его к дворянству в сословном отношении). К тому, что офицерское звание дает право не только стать вровень с дворянами, но и командовать ими, русское общество было постепенно приучено в XVII в., когда русские дворяне и «бездородные», по их понятиям, иноземцы стали служить в одних частях, в рамках единой иерархии.

Поэтому мероприятия Петра I по регламентации сословной принадлежности в ходе создания регулярной армии с массовым офицерским корпусом, полностью заменившей дворянское ополчение, явились логическим завершением естественного процесса превращения воинов-дворян в офицеров регулярной армии. Поднятию социального статуса лиц, служащих государству (и в первую очередь на поеном поприще), Петр I придавал огромное значение. Примерно в 1711 г. или в самом начале 1712 г. в его записной книжке появляется примечательная заметка: «Офицерам всем дворянство и первое место». Она достаточно определенно характеризует намерение царя, во-первых, законодательно ввести в состав дворянского сословия всех офицеров, а во-вторых, дать офицерам преимущество перед любыми другими дворянами. Уже 16

января 1712 г. последовал указ Сенату, гласивший: «Сказать всему шляхетству, чтоб каждой дворянин во всяких случаях какой бы фамилии ни был, почесть и первое место давал каждому обер-офицеру, и службу почитать и писатца только офицерам, а не шляхетству, которые не в офицерах, только то писать, куды разве посланы будут». За несоблюдение этого указа взыскивался штраф в размере трети жалованья⁵⁶. Таким образом, за исключением отдельных поручений, шла в зачет только офицерская служба. Указами 1714 и 1719 гг. подтверждалась возможность получения офицерского чина человеком низкого происхождения («из простых»), а указом 1721 г. подтверждалось включение всех офицеров и их детей в состав дворянского сословия.

Итак, на основании указа Правительствующему Сенату 16 января 1721 г. и Табели о рангах 1722 г. (пункты 5, 11 и 15) все лица, любого происхождения, достигшие первого офицерского чина — XIV класса (прапорщика), получали потомственное дворянство (передававшееся детям и, естественно, жене). При этом офицеры с самого начала получили очень большое преимущество перед лицами, имевшими гражданские чины (в том числе и военными чиновниками — как их именовали впоследствии «гражданскими чинами военного ведомства» — военными врачами и т. д.): на гражданской службе потомственное дворянство достигалось лишь с получением чина VIII класса (коллежского асессора), а чины XIV–IX классов давали их обладателям только личное дворянство (если они не были потомственными дворянами по происхождению), передававшееся жене, но не детям. (В законодательстве было сказано: «Все служители Российские и чужестранные, которые VIII первых рангов находятся или действительно были: имеют оных законные дети и потомки в вечные времена, лучшему старому Дворянству во всяких достоинствах и авантажах (выгодное, благоприятное положение. — Ред.) равно почтены быть, хотя бы они и низкой породы были, и прежде от коронованных глав никогда в дворянское достоинство произведены или гербом снабжены не были».) Офицеры же сразу становились потомственными дворянами.

При этом потомственное дворянство получали лишь дети, родившиеся после получения недворянином первого офицерского чина, а остальные зачислялись в особое сословие «обер-офицерских детей». Однако при отсутствии у офицера детей мужского пола, родившихся после получения офицерского чина и возведения его в дворянство, он имел возможность передать права потомственного дворянства любому из сыновей, родившихся до этого: «...которые дослужатся до обер-офицерства, не из дворян, то когда получит вышеописанный чин, оной суть дворянин и его

дети, которые родятся в обер-офицерстве; а ежели не будет в то время детей, а есть прежде, и отец будет бить челом, тогда дворянство давать и тем, только одному сыну, о котором отец будет просить»{57}.

Преимущественное положение офицеров делало само собой Разумеющимся тот факт, что дворяне избирали как правило военную карьеру и подавляющее большинство дворян в XVIII в. было офицерами. После указа о вольности дворянства 1762 г., освободившего дворян от обязательной службы, преимущества служилых дворян, в первую очередь офицеров, перед неслужилыми были усилены, проявляясь даже в мелочах. В частности, по манифесту Екатерины II от 1775 г. дворянам, не имеющим обер-офицерского чина, разрешалось ездить по городу не иначе как верхом или в одноколке на одной лошади (парою же могли ездить только офицеры) {58}. Весьма важным обстоятельством было ограничение неслужилых дворян в правах по выборам дворянских сословных учреждений в губерниях. При выборах уездных и губернских предводителей дворянства, капитан-исправников, уездных судей и заседателей и некоторых чинов губернского управления (проводившихся раз в три года) дворяне, даже владеющие большим имением, но либо вовсе не служившие, либо не дослужившиеся до обер-офицерского чина, лишались права голоса подобно беспоместным дворянам (им разрешалось только присутствовать на выборах).

Возведение в дворянство за военные заслуги считалось в XVIII в. самым обычным способом получения прав высшего сословия. По Жалованной грамоте дворянству от 21 апреля 1785 г. получение потомственного дворянства связывалось также с награждением любым российским орденом (для чего военные заслуги открывали широкую возможность). В 1788 г. было запрещено давать дворянство тем офицерам, которые получили первый офицерский чин не на действительной службе, а при отставке. В целом же принципиальные положения законодательства, устанавливающие неразрывную связь между службой офицером и принадлежностью к высшему в стране дворянскому сословию, не менялись очень долго — до середины XIX в.

С другой стороны, не служить офицером хотя бы какое-то время для дворянина считалось неприличным еще и в первой половине XIX в., спустя 80–90 лет после указа о вольности дворянства, и почти все помещики (в т. ч. богатые и не нуждавшиеся в дополнительном источнике средств существования в виде офицерского жалованья) некоторое время служили офицерами «из чести». При этом служба в гвардии и в некоторых кавалерийских полках требовала гораздо больше расходов, чем составляло

офицерское жалованье, и дворяне служили фактически за счет своих собственных доходов от имения. Как писал один из известных дворянских публицистов второй половины XIX в., «никогда не следует забывать, что не только деды, но и отцы и дяди наши — все сплошь почти были армейские и гвардейские отставные поручики и штаб-ротмистры»{59}. Особое совещание по делам дворянского сословия в 1898 г. справедливо отмечало: «Исторически сложившимся призванием нашего дворянства всегда было служение государству, причем главным поприщем сего служения искони была служба военная»{60}.

Итак, можно констатировать, что на протяжении полутора столетий офицерство в России не только полностью входило в состав дворянского сословия, но и было наиболее привилегированной частью этого сословия. Офицеры как профессиональная группа в социальном плане стояли выше любой другой социально-профессиональной группы населения в стране. Они обладали наиболее престижным статусом в русском обществе того времени. И вряд ли случайно, что именно этот период ознаменован самыми славными победами русского оружия, именно за это время Россия раздвинула свои границы в Европе предельно далеко (какими они и оставались с тех пор до конца ее существования), и именно в то время она была сильнейшей державой мира, занимая в нем такое положение, какое не занимала никогда ни в прошлом, ни в будущем. Вторая половина XVIII и первая половина XIX столетий поистине были «золотым веком» русской государственности.

Так или иначе положение офицерства в обществе неразрывно связано с положением в нем дворянства, неотъемлемой частью которого оно являлось, и изменения, происходившие в статусе и материальном положении высшего сословия в целом, не могли не отражаться и на положении офицерского корпуса. Между тем среди дворянства к середине XIX в. процент лиц, обладавших имениями или какой-либо иной недвижимостью, сократился очень сильно и составлял гораздо менее половины. Для лиц же, не имевших собственности, служба становилась единственным источником существования. При этом следует иметь в виду, что и благосостояние большинства неслужащих дворян-помещиков не отличалось существенно от среднекрестьянского, поскольку производимая «прибавочная стоимость» позволяла в то время десятерым содержать на том же уровне еще только одного неработающего, а уже по 8-й ревизии (1834 г.) менее 20 душ крестьян имели 45,9% дворян-помещиков (а еще 14% были вообще беспоместными){61}. К 1850 г. из 253 068 потомственных дворян в России 148 685 вообще не имели крепостных, а

еще 23 984 имели их менее 10 душ (при этом 109 444 дворян лично сами занимались хлебопашеством){62}.

Понятно, что дворяне, не имевшие никакой собственности или имевшие такое небольшое имение, которое позволяло обеспечивать уровень жизни практически не выше крестьянского, вынуждены были служить в любом случае. С другой стороны, офицеры — выходцы из других сословий, ставшие дворянами по офицерскому чину, тоже, естественно, не имели никакой собственности, и в результате к этому времени офицерский корпус стал превращаться в социальную группу, подавляющее большинство которой жили только на жалованье. Поскольку же число лиц, получивших дворянство по чинам и орденам (только за 1825–1845 гг. таким образом получило дворянство около 20 тыс. человек) {63}, было весьма значительным, то сказанное выше об офицерстве стало все в большей степени относиться ко всему дворянству в целом.

В связи с чрезмерно большим пополнением дворянства со стороны было решено ограничить доступ в высшее сословие, и манифестом 11 июня 1845 г. класс чинов, дающих право на потомственное дворянство, был повышен. Надо сказать, что Николай I долго колебался в этом вопросе именно потому, что усматривал здесь ущемление прав военных, которых он всегда любил и считал «своими». Отныне потомственное дворянство на военной службе приносил первый штаб-офицерский чин (майора — VIII класса), а на гражданской — чин статского советника (V класса), а личное дворянство — чины с XIV по IX и гражданские чины с IX по VI класс (более низкие чины давали почетное гражданство){64}. Тогда же было установлено, что орден Св. Анны (младший орден в системе наград) дает потомственное дворянство только по своей 1-й степени; в 1855 г. то же было сделано в отношении ордена Св. Станислава.

В 1856 г. класс чинов, приносящих потомственное дворянство, был поднят на военной службе до VI (полковник) и на гражданской — до IV (действительный статский советник); для получения личного дворянства условия не изменились — его давали все офицерские чины и гражданские чины с IX класса{65}. Такой порядок получения дворянства по чинам сохранился до 1917 г.

Несмотря на эти ограничения, нетрудно заметить, что, во-первых, для офицеров по-прежнему сохранилось большое преимущество в чинах при получении потомственного дворянства перед гражданскими чиновниками, а во-вторых (и это самое главное), если на гражданской службе чины ниже IX класса не давали после 1845 г. и личного дворянства, то для офицеров даже самый младший чин по-прежнему был связан с получением

дворянства (хотя бы и личного). То есть принцип, согласно которому сама профессия офицера обеспечивала ему принадлежность к высшему сословию, не был поколеблен, в чем находило свое выражение представление о значимости и статусе военной службы.

Что касается орденов, то ордена Св. Георгия и Св. Владимира (нее степени которых давали право на потомственное дворянство) в 1859 г. были изъяты из общей постепенности наград (о чем пойдет речь ниже), жаловались только по усмотрению верховной власти, указом от 16 августа 1887 г. было установлено, что для получения ордена Владимира 4-й степени необходимо прослужить в офицерских чинах беспорочно 20 лет, а в 1892 г. орден был введен в общую постепенность наград и для получения его 4-й степени требовалось 15 лет беспорочной офицерской службы. Указ от 28 мая 1900 г. отменил право получения потомственного дворянства по ордену Владимира 4-й степени, и так как этим орденом 3-й степени могли награждаться офицеры в чине не ниже полковника (и без того имеющие право на потомственное дворянство), то возможность получения офицерами потомственного дворянства не по чину, а по ордену осталась лишь за георгиевскими кавалерами (ибо ордена Анны и С'танислава 1-й степени офицеры ниже полковника также не могли получить).

Поскольку дети майоров и подполковников после 1856 г. не становились потомственными дворянами, то они образовали особое сословие «штаб-офицерских детей», к которому относились и дети полковников, рожденные до получения их отцами этого чина, пока с 4 апреля 1874 г. в потомственное дворянство не начали возводить всех детей лица, имевшего на это право, независимо от времени их рождения.

В целом приобретение дворянства на службе в России XVIII — XIX вв. носило чрезвычайно широкий характер. К началу XX в. дворянские роды, могущие доказать свою принадлежность к дворянству до 1685 г. (записывавшиеся в 6-ю часть губернских родословных книг), составляли 26–27% всех внесенных в родословные книги родов. Если же учесть, что очень многие лица, получившие право на потомственное дворянство и не имевшие недвижимости, в губернские книги не записывались (это само по себе не давало никаких преимуществ), то можно считать, что до 90% из имевшихся к концу XIX — началу XX в. дворянских родов возникли в XVIII–XIX вв. в результате службы.

Из них большую часть составляли те, чьи предки получили дворянство по офицерскому чину: во 2-ю часть родословных книг, куда описывались роды, получившие дворянство на военной службе, было в среднем занесено около 34% всех родов, а в 3-ю часть, куда описывались роды, получившие

дворянство на гражданской службе, — примерно 28%. Если же учесть, что часть родов офицерского происхождения заносилась и в другие части родословных книг (в 1-ю — дворянство, жалованное непосредственно монархом, и в 5-ю — титулованные роды), то в составе родов, внесенных в губернские родословные книги, за вычетом 6-й части, они составляли более половины. Вообще 2-я часть родословных книг была наиболее многочисленной — в среднем 33,7%, тогда как 1-я — 9,8%, 3-я — 28,2%, 4-я (иностранные роды) — 0,6%, 5-я — 1,7%, 6-я — 26,8%{66}.

В любом случае положение офицера в русском обществе было положением дворянина. И если в конце XIX в. его статус снизился, то это произошло почти в той же степени, в какой снизился в это время дворянский статус вообще. Дворянство утратило к этому времени экономическую независимость (во второй половине XIX в. менее трети всех потомственных дворян были помещиками), и подавляющее большинство его жило на жалованье, ничем не отличаясь в этом смысле от выходцев из других сословий, тем более что в ходе реформ 60–70-х гг. были ликвидированы и служебные привилегии дворян. Фактически никаких реальных преимуществ дворянское звание в это время не давало (за исключением возможности помещения детей в некоторые учебные заведения и т. п. мелких льгот).

Конечно, не только эта принадлежность обеспечивала офицеру престиж в обществе — сама профессия его была традиционно уважаема. Однако под влиянием ряда факторов (появление ряда профессий, суливших в то время быстрое преуспевание, отношение прессы определенного толка и т. д.) несколько ослабла и эта сторона офицерского престижа. Наконец, ухудшилось материальное положение офицера. В результате, если еще в начале XIX в. гражданская служба не пользовалась особой популярностью, теперь очень многие ее отрасли не только стали гораздо более привлекательны для молодых людей, чем офицерская карьера, но и многие офицеры при возможности оставляли военную службу и переходили на гражданскую.

Все это приводило к ухудшению качества офицерского состава, что, в свою очередь, работало на еще большее снижение престижа офицерской профессии. Чем большую роль в обществе приобретала власть денег, тем сильнее бросалась в глаза материальная неустроенность офицера, и его положение в обществе становилось все более незавидным. Меры же по исправлению этой ситуации были приняты с большим запозданием.

Тем не менее, несмотря ни на что, престиж офицера в русском обществе оставался и тогда достаточно высок. Пусть юридически и

фактически офицерство не было, как раньше, самой привилегированной группой общества, но традиционно связанные с этой профессией представления о чести, достоинстве и благородстве навсегда остались принадлежностью ее и ее представителей. В отношении личного достоинства офицер по-прежнему стоял на недостижимой высоте, и такое положение в моральном плане никогда не оспаривалось. За установленным для офицеров официальным титулованием (формой обращения к обер-офицерам было «ваше благородие», к штаб-офицерам — «ваше высокоблагородие», к генерал-майорам и генерал-лейтенантам — «ваше превосходительство», а к полным генералам — «ваше высокопревосходительство») во многом стояло действительное признание обществом их сущности как носителей определенных понятий и моральных устоев.

Глава 2.

Путь в офицеры

Система офицерских чинов

Система офицерских чинов в России сложилась исторически и была в основном оформлена в начале XVIII в. с организацией регулярной армии. В дальнейшем она претерпевала некоторые изменения, но в основных своих чертах оставалась неизменной на протяжении двух столетий. Структура ее и большинство наименований чинов сохраняются и в настоящее время.

Офицерские чины имели лица, служившие не только в разных родах войск, но и в ведомствах, не подчиненных военному министру. В России, кстати, никогда не существовало единого органа для руководства всеми вооруженными силами: сухопутная армия и военно-морской флот управлялись двумя отдельными ведомствами (в XVIII в. это были Военная и Адмиралтейская коллегии, а в XIX в. — Военное и Морское министерства). Флот имел и особую систему офицерских чинов.

В сухопутных войсках в привилегированном положении находилась гвардия (особенно так называемая старая гвардия, основу которой составляла «Петровская бригада» — Преображенский и Семеновский полки, «потешные» полки Петра I, ставшие первыми частями русской регулярной армии). В самой армии на особом положении были артиллерия (в петровской Табели о рангах артиллерийские чины шли отдельной графой) и инженерные войска. Традиционно различались чины в пехоте и кавалерии (причем названия чинов в драгунских полках были сходными с пехотными). Наконец, в XIX в. выделились некоторые особые категории офицеров специальных служб (корпусов или ведомств): корпуса офицеров Генерального штаба, военных топографов, военных инженеров, офицеры ведомств — военно-учебных заведений, военно-судебного. Свою систему чинов имели казачьи войска. Помимо полевых войск существовала внутренняя стража. В ведении Министерства внутренних дел находилась полиция и Отдельный корпус жандармов. Отдельный корпус пограничной стражи (как тесно связанный с таможенной службой) входил в состав Министерства финансов. Офицерские чины имели в 1809–1870 гг. члены Корпуса инженеров путей сообщения (Министерство путей сообщения), Корпуса горных инженеров (Министерство финансов) и Корпуса лесничих (Министерство государственных имуществ).

В морском ведомстве помимо собственно флотских строевых служили офицеры особых категорий (носившие специальные или общеармейские чины) — офицеры, состоящие по Адмиралтейству (т. е. офицеры береговой службы), офицеры ластовых (вспомогательных) команд и рабочих экипажей, галерного (гребного) флота и; XVIII в.), офицеры морской судебной части, а также корпусов: морской артиллерии, флотских штурманов, корабельных инженеров (судостроители), инженер–механиков флота, инженеров морской строительной части, гидрографов.

Деление на рода войск, службы и корпуса, естественно, находило отражение в системе офицерских чинов, которая применительно к этому делению варьировала по названиям чинов, их положению на общегосударственной шкале 14 классов, структуре (те или иные чины в отдельных родах войск могли пропускаться, да и вообще поенных чинов ряда классов, например V, XI, в некоторые периоды не существовало). Чины одинакового наименования в разных родах войск могли состоять в разных классах, так что, например, в начале XVIII в. капитан гвардии соответствовал майору артиллерии и подполковнику армии.

Однако в истории развития и совершенствования системы офицерских чинов четко просматривается тенденция к ее упрощению и унификации. Со временем, во–первых, упраздняется все большее число специальных чинов (в артиллерии, флотских корпусах) с заменой на общеармейские или общеслужбные, во–вторых, сокращается само число общеармейских чинов, и, в–третьих, сводится к минимуму разница в высоте класса одних и тех же чинов в разных родах войск. Изменение чиновной системы шло именно по этим трем направлениям, и в конце XIX в. осталось фактически три вида названий чинов: морские, казачьи и общеармейские (с той лишь разницей, что в кавалерии капитаны именовались ротмистрами, а подпоручики — корнетами), а единственная разница в классе чинов состояла в том, что в гвардии обер–офицерские чины были на один класс выше соответствующих армейских.

Офицерские чины в сухопутных войсках

В начале XVIII в., после образования русской регулярной армии, в ней бытовали офицерские чины, унаследованные от полков нового строя XVII в.: генерал (встречается с 1655 г.), генерал–поручик (с 1659 г.), генерал–майор (с 1661 г.), полковник, подполковник, капитан, ротмистр (в кавалерии), поручик и прапорщик (все эти чины известны с 30–х гг. XVII в.), а также некоторые чины, введенные в ходе создания регулярной армии Петром I: генералиссимус (с 1694 г.) (Этот высший чин, стоявший вне системы офицерских чинов, был присвоен лишь немногим лицам: в 1694 г.

— Ф. Ю. Ромодановскому, в 1696 г. — А. С. Шеину, в 1727 г. — А. Д. Меншикову, в 1741 г. — принцу Антону Ульриху Брауншвейгскому и в 1799 г. — А. В. Суворову); генерал-фельдмаршал (с 1699 г.) (Этот чин имели за 200 лет 64 человека; последний раз он был присвоен в 1898 г. Д. А. Милютину); генерал-лейтенант (с 1698 г. — это был чин, I 'шний генерал-поручику и употреблявшийся наравне с ним); бригадир (с 1705 г.); майор (с 1698 г.), который с 1711 г. имел две степени — премьер-майор (командовал первым батальоном полка) и секунд-майор (иностранные наемники в России носили этот чин со второй половины XVII в.); капитан-поручик (с 1699 г.) и подпоручик (в артиллерии — секунд-поручик с 1703 г.).

В начале 20-х гг. XVIII в., создавая общегосударственную Табель о рангах, Петр I за основу распределения всех должностей в государстве по рангам (классам) взял именно лестницу чинов, существовавшую в сухопутной армии. При этом он считал необходимым закрепить привилегированное положение офицеров гвардии и артиллерии (последней он придавал особое значение, недаром сам числился «капитаном бомбардирской роты» Преображенского полка), поставив гвардейские и артиллерийские чины на ранг выше армейских. Проект Табели о рангах обсуждался в Сенате, Военной и Адмиралтейской коллегиях. Военная коллегия предложила сделать гвардейские чины выше армейских не на один, а на два класса, исходя из сложившейся к тому времени практики, когда многие капитаны гвардии производились в армейские полковники{67}. Вице-адмирал К. И. Крюйс (его мнение было поддержано Адмиралтейской коллегией) предложил, мотивируя это более тяжелой службой на флоте, ранги морских офицеров повысить на один класс по сравнению с сухопутными{68}.

Табель о рангах, опубликованная в январе 1722 г., была довольно громоздкой: в нее включались не только чины в современном понимании этого слова, но и всевозможные должности офицеров и чиновников. Четкой разницы между чинами и должностями тогда еще не существовало: штаты предусматривали определенное количество должностей, занимавшие их лица носили соответствующий чин. Поэтому чин не был отделен от должности. Это означало, например, что бригадир был действительно командиром бригады, полковник — именно командиром полка, подполковник — его помощником, майор — командовал батальоном (причем премьер-майор — 1-м батальоном, на него также возлагалось руководство строем полка), капитан — ротой и т. д. То же касалось и гражданской службы — не случайно и гражданские чины носят названия

должностей, которые первоначально занимали чиновники соответствующего ранга (коллежский секретарь был действительно секретарем одной из коллегий и т. д.).

Со временем номенклатура должностей значительно увеличилась, и не было возможности включить их все в Табель о рангах. Поэтому произошло отделение чинов от должностей. Но в первой трети XVIII в. разницы между чином и должностью еще не было, и по 14 классам было распределено 262 должности–чины, из которых 126 (48%) составляли военные. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести первую Табель о рангах по военным чинам. Все воинские чины в Табели о рангах 1722 года были разбиты на 4 графы: сухопутные, гвардейские, артиллерийские и морские (см. таблицу 3) {69}.

Поскольку инженерные войска в организационном отношении еще не были оформлены, их чины включались в артиллерийские, но, как нетрудно заметить, они были ниже артиллерийских на один класс и соответствовали общеармейским. В Табели о рангах 1722 г. мы находим армейские чины капитан–лейтенанта, лейтенанта, унтер–лейтенанта и фендрика, введенные вместо капитан–поручика, поручика, подпоручика и прапорщика. Однако на практике такой замены не произошло, новые чины получили лишь весьма ограниченное распространение (в конце 20 — начале 30–х гг. XVIII в. в гвардии и некоторых армейских частях, расположенных вблизи столицы), и в армии в XVIII в. продолжали употребляться прежние чины этих классов (правда, в 1758 г. Елизавета ввела чин капитан–лейтенанта в гусарском полку Новосербского корпуса 70, но это было исключением).

В целом же петровская Табель о рангах оставалась почти неизменной до конца XVIII в., в течение столетия номенклатура чинов претерпевала лишь незначительные изменения. В 1731 г. в кавалерии (в лейб–гвардии конном и кирасирском полках) введен чин корнета, равный прапорщику (впервые он известен как установленный в 1726 г. для кавалергардов — особой гвардейской части, капитаном которой была сама Екатерина I). С 1741 г. стал все чаще употребляться чин генерал–поручика вместо генерал–лейтенанта (до того более употребительным был чин генерал–лейтенанта), а с 60–х гг. чин генерал–лейтенанта почти не встречается. В 1762 г. Петр III ввел в гвардейских полках чин штабс–капитана вместо капитан–поручика, но это нововведение оказалось столь же недолгим, как и его царствование. В 1763 г. чин бригадира отменен для полевых войск и оставлен только для комендантов крепостей и офицеров некоторых нестроевых должностей. Тогда же вместо полных генералов (кавалерии и инфантерии) введен чин генерал–аншефа. В 1786 г. в кирасирских и карабинерных полках отменен

чин подпоручика. В казачьих войсках, которые считались иррегулярными, существовали свои специфические офицерские чины — войсковой старшина (в 1754 г. был приравнен к армейскому майору), есаул, сотник и хорунжий.

Павел I, вступив на престол, сразу же вносит изменения в систему офицерских чинов. Первыми были изменены генеральские звания: в 1796 г. чин генерал-аншефа заменен на чин генерала от инфантерии (от кавалерии, от артиллерии), генерал-поручика — на генерал-лейтенанта, а чин бригадира окончательно упразднен. В 1797 г. капитан-поручики переименованы в штабс-капитанов (в кавалерии штаб-ротмистры вместо секунд-ротмистров), в 1798 г. чины премьер-майора и секунд-майора отменены и установлен единый чин майора. Кроме того, в артиллерии упразднены чины штык-юнкера и прапорщика, а в инженерных войсках — прапорщика. Чин подпоручика упразднен и в гусарских полках, оставлен только в драгунских, где все наименования офицерских чинов с самого начала установлены по образцу пехотных, а не кавалерийских полков (в кавалерии были ротмистры вместо капитанов). Казачьи чины войскового старшины, есаула, сотника и хорунжего были приравнены к армейским майору, ротмистру, поручику и корнету.

Наконец, полковники всех родов войск были сравнены в классе (гвардейские полковники переведены из IV в VI класс). Однако при этом чины подполковника и майора в гвардии упразднялись, а чины от капитана и ниже остались в прежних классах — VII, VIII, IX, X и XII, так что гвардейские офицеры сохранили преимущество в два чина перед армейскими. Артиллерийские чины были уравнены с общевойсковыми. В драгунских полках чина майора тоже не было, но это не влекло за собой преимущества в чине драгунских офицеров, так как драгунские подполковник и капитан по классам равнялись общеармейским. Таким образом, система офицерских чинов приобрела несколько большее единообразие.

Итак, с конца XVIII в. структура штаб — и обер-офицерских чинов выглядела следующим образом:

Класс	Армейская пехота	Артиллерия и инженерные войска	Драгуны	Кирасиры и гусары	Гвардейская пехота	Гвардейская кавалерия	Казачи
VI	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник
VII	Подполковник	Подполковник	Подполковник	Подполковник	Капитан	Ротмистр	Подполковник
VIII	Майор	Майор	-	Майор	Штабс-капитан	Штабс-ротмистр	Войсковой старшина
IX	Капитан	Капитан	Капитан	Ротмистр	Поручик	Поручик	Есаул
X	Штабс-капитан	Штабс-капитан	Штабс-капитан	Штабс-ротмистр	Подпоручик	-	-
XII	Поручик	Поручик	Поручик	Поручик	Прапорщик	Корнет	Сотник
XIII	Подпоручик	Подпоручик	Подпоручик	-	-	-	-
XIV	Прапорщик	-	Прапорщик	Корнет	-	-	Хорунжий

Гвардейские офицеры из-за отсутствия в гвардии чинов подполковника и майора пользовались преимуществом в два чина перед армейскими. В 1802 г. чины подполковника и майора были упразднены также в гвардейской артиллерии. В 1810 г. преимущество в один чин против армии получили офицеры 1-го и 2-го кадетских корпусов, а в 1811 и 1825 гг. — и других военно-учебных заведений. В 1811 г. в артиллерии и инженерных войсках (а также в квартирмейстерской части) упразднен чин майора, а следующие за ним чины повышены в классе, в результате чего они также получили преимущество в один чин перед пехотой и кавалерией. Тогда же в артиллерии и инженерных войсках введен чин прапорщика. В драгунских же полках чины были приведены в соответствие с остальной кавалерией: введен чин майора, упразднен чин подпоручика, прапорщики переименованы в корнеты, штабс-капитаны и капитаны — в штаб-ротмистры и ротмистры. В 1868 г. из офицеров, занимавших должности по военно-судебной части, образовано особое ведомство с предоставлением его офицерам преимуществ перед армейскими частями на один чин, т. е. как в артиллерии, инженерных войсках и военно-учебном ведомстве.

Система офицерских чинов была серьезно изменена только в 1884 г.: чин майора в армии упразднен, и тем самым устранено преимущество в один чин над офицерами армейской пехоты и кавалерии офицеров специальных войск и ведомств, а у гвардии осталось преимущество только в один чин. В казачьих войсках чин подполковника был заменен чином войскового старшины, который раньше соответствовал майору, и введен чин подъесаула, равный штабс-капитану. Летом того же года во всех родах войск в мирное время праздней чин прапорщика, а чин корнета в кавалерии приравнен к мину подпоручика. Чин прапорщика отныне существовал только для офицеров запаса (в том числе и кавалерии). Тем самым были устранены неудобства и несообразности, проистекавшие из несоответствия классов одних и тех же чинов в разных родах войск и stanovлена единая стройная система:

Класс	Армия (кроме кавалерии)	Кавалерия	Казачьи войска	Гвардия
VI	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник
VII	Подполковник	Подполковник	Войсковой старшина	Капитан (ротмистр)
VIII	Капитан	Ротмистр	Есаул	Штабс-капитан (штаб-ротмистр)
IX	Штабс-капитан	Штаб-ротмистр	Подъесаул	Поручик
X	Поручик	Поручик	Сотник	Подпоручик (корнет)
XII	Подпоручик	Корнет	Хорунжий	-

Классы всех обер-офицерских чинов по общегосударственной Табели

о рангах были таким образом подняты (капитана — с IX до VIII, штабс-капитана — с X до IX, поручика — с XII до X, подпоручика — с XIII до XII). Чин прапорщика, существовавший только в военное время, считался теперь в XIII классе вместо XIV. Система генеральских званий осталась прежней.

Такой вид система сухопутных чинов имела до самого конца существования русской армии. В годы мировой войны большое распространение получил чин прапорщика, с которым, начиная с зимы 1914/15 г., выпускались юнкера ускоренных выпусков военных училищ и школ прапорщиков и в который производили за боевые подвиги солдат и унтер-офицеров на фронте. К концу 1916 — началу 1917 г. до 80–90% офицеров состояли в чине прапорщика.

Что касается офицерских чинов других ведомств, то офицеры Отдельного корпуса пограничной стражи и Отдельного корпуса жандармов имели кавалерийские наименования чинов, а офицеры Корпуса горных инженеров, Корпуса инженеров путей сообщения и Корпуса лесничих — общеармейские пехотные.

Офицерские чины на флоте

В годы становления русского флота высшими чинами в нем были (с 1699 г.) адмирал, вице-адмирал и контр-адмирал, соответствовавшие сухопутным генералу, генерал-лейтенанту и генерал-майору. В 1708 г. введен самый высший чин — генерал-адмирала (Этот чин имели лишь несколько человек, последний раз он присваивался в 1908 г.) , равный генерал-фельдмаршалу. Ниже адмиралов стояли капитаны, тогда еще не делившиеся на ранги, но различавшиеся по жалованью. Затем шел чин комендера (соответствовавший армейскому майору) и два младших офицерских чина — поручик (лейтенант, или первый поручик) и подпоручик (унтер-лейтенант, или второй лейтенант), которые приблизительно соответствовали армейским капитану и поручику. В 1706 г. появился чин капитан-поручика (или капитан-лейтенанта), стоящий ниже комендера, но выше поручика, в 1907 г. — чин капитан-командора, стоящий ниже адмиралов, но выше капитанов и равный армейскому бригадиру. В начале второго десятилетия XVIII в. вместо контр-адмирала появился чин шаутбенахта, а в 1713 г. капитаны, примерно соответствовавшие армейским чинам полковника и подполковника, стали разделяться на капитанов 1, 2 и 3 ранга, а вместо комендера появился чин капитана 4 ранга. В 1717 г. чин капитана 4 ранга упразднен, а между чинами поручика и подпоручика появился чин корабельного секретаря; с 1724 г. корабельные секретари разделены на два ранга: 1 остался на таком же месте в лестнице чинов и

производился из подпоручиков (унтер-лейтенантов), а 2 соответствовал унтер-лейтенанту и был наряду с ним первым офицерским чином, в который производили мичманов (тогда это был унтер-офицерский чин).

Табель о рангах установила чин генерал-адмирала в I классе, адмирала — во II, вице-адмирала — в III, шаутбенахта — в IV, капитан-командора — в V, капитана 1 ранга — в VI, капитана 2 ранга — в VII, капитана 3 ранга — в VIII, капитан-лейтенанта — в IX, лейтенанта — в X, корабельного секретаря — в XI, унтер-лейтенанта — в XII. С этого времени система морских чинов (точнее, уже с 1720 г., когда был принят морской регламент) приобрела более устойчивую форму и четкое соответствие с сухопутными чинами, тогда как до принятия общегосударственной Табели о рангах состав морских чинов менялся очень часто. Кроме того, необходимо отметить, что в первой половине XVIII в. на флоте не было резкой грани между унтер-офицерами и офицерами, для перехода из первых во вторые не было никаких препятствий, и продвижение осуществлялось по единой линии, точно так же как из одного офицерского чина в другой. В частности, «шкипер» первоначально означал унтер-офицерский чин, который включал 3 ранга, но по Табели о рангах 1722 г. шкиперы 1 ранга приравнивались к сухопутному унтер-лейтенанту, а 2 — к фендрику, т. е. чинам офицерским. В 1728 г. всех их положено было считать обер-офицерами. По штатам 1732 г. все шкиперы имели ранг сухопутного поручика, а в 1757 г. опять разделены на 2 ранга. В 1770 и 1784 гг. из шкиперов производили во флотские офицеры (т. е. они считались унтер-офицерами), в 1798 г. им присвоены классные, но общегражданские чины (по штатам 1804 г. — IX и XIII классов). В 1834 г. допущено переименование их в военные чины с назначением по ластовым экипажам.

При Анне Иоанновне число флотских чинов решено сократить, а оставшиеся повысить в рангах, поскольку при малом числе вакансий чинопроизводство шло очень медленно, и офицеры старались избегать морской службы, при любой возможности переходя в сухопутную. Были упразднены чины капитан-командора, капитанов 2 и 3 ранга, капитан-лейтенанта, лейтенанта, унтер-лейтенанта и корабельного секретаря. Оставлен лишь чин капитана 1 ранга (равный полковнику) и введены чины лейтенанта (равный майору), мичмана (равный поручику; до того это был унтер-офицерский чин), а также по образцу английского флота необязательный для прохождения чин мастера (в ранге армейского капитана). Чин шаутбенахта в 40-х гг. XVIII в. заменен чином контр-адмирала.

Желание Елизаветы, во всем следовавшей порядкам, созданным ее отцом, преобразовать соответствующим образом и систему морских чинов породило массу сложностей и недоразумений, но в 1751 г. старая система все-таки была восстановлена. В 1758 г. капитаны (их было 30) составляли три равные части, из которых капитаны 1 ранга соответствовали полковнику, 2 — подполковнику и 3 — майору. Чин мичмана (с 1751 г. снова оказавшийся в унтер-офицерских) был приравнен к подпоручику и стал первым офицерским.

Восстановление прежней системы вновь сделало морскую службу менее выгодной, и при Екатерине II морская комиссия, справедливо обратив внимание на это (как и на то, что флотская служба более трудна, опасна), отметила, что, «кроме бедных дворян, по большей части поневоле записанных, и детей во флоте служащих офицеров, нет никого, кто бы в оную вступить отважился»⁷¹. Для исправления такого положения в 1764 г. чины капитана 3 ранга, корабельного секретаря и подпоручика были упразднены, чин капитан-поручика (теперь — капитан-лейтенанта) повышен и стал соответствовать майору (вместо капитана), а мичмана — поручику (вместо подпоручика). Вместо чина капитан-командора введены чины капитанов бригадирского и генерал-майорского рангов (из последнего производили уже в контр-адмиралы, так что этот чин был как бы лишним и не вменялся в схему соответствия морских и сухопутных чинов). В 1798 г. вместо этих двух чинов вновь введен чин капитан-командора («с жалованьем и преимуществами генерал-майора»). В 1827 г. он упразднен, и производить в контр-адмиралы стали из капитанов 1 ранга (как в генерал-майоры из полковников). В 1885 г. упразднен и чин капитан-лейтенанта. После этого никаких изменений в системе морских чинов не происходило до 1907 г., когда появился чин старшего лейтенанта (равный армейскому капитану), а в 1909–1911 гг. снова бытовал чин капитан-лейтенанта, стоявший между старшим лейтенантом и капитаном 2 ранга. Основные этапы эволюции морских чинов показаны в таблице 4.

В галерном флоте сначала чины капитанов не различались по рангам, но в 1728 г. их также разделили на капитанов 1, 2 и 3 ранга. В 1766 г. решено производить офицеров галерного флота по общим принципам с корабельным (если сначала офицерами его были в основном иностранцы, то впоследствии галерный флот комплектовался из тех, кто не способен был служить в корабельном, в результате лучшие офицеры стали избегать его, что и требовалось исправить), но в 1790 г. взамен галерного был утвержден штат гребного флота, в котором имелись чины капитанов 1 и 2 ранга, капитан-лейтенанта, лейтенанта и мичмана. Эта система не

изменялась до упразднения особых гребных команд.

Чины морской артиллерии появились в 1715 г. и носили специфические названия: цейхмейстер, капитан артиллерный, поручик артиллерный, фейерверкер–капитан, фейерверкер–поручик и подпоручик артиллерный. Первоначально они существовали только для артиллерийских должностей по Адмиралтейству, но потом были введены артиллерийские чины линейных (судовых) офицеров: от бомбардир майор, поручик и подпоручик. По регламенту 1720 г. и для Адмиралтейства, и для флота положены были следующие чины (в скобках — соответствующий армейский чин): обер–цейхмейстер (генерал–майор), цейхмейстер (бригадир), капитан (майор), капитан–лейтенант (капитан), фейерверкер, лейтенант (поручик) и унтер–лейтенант (подпоручик). Для отличия от флотских к артиллерийским чинам добавлялись слова «от артиллерии». В 1727 г. к ним прибавился чин констапеля (до того — - унтер–офицерский). В 1734 г., когда был учрежден особый корпус морской артиллерии, советникам артиллерийской экспедиции (учреждены в 1732 г. в ранге артиллерийских морских капитанов) дан ранг подполковника, чины капитан–лейтенанта и фейерверкера упразднены, учреждено звание квартирмейстера (капитанского ранга) и цейхвахтера (лейтенантского). В 1757 г. чины советников и квартирмейстера упразднены, а капитан–лейтенанта и фейерверкера (теперь тоже в ранге капитан–лейтенанта) — восстановлены. В 1764 г. учреждено звание генерал–цейхмейстера, а чин капитана разделен на 3 ранга (с 1771 до 1794 г. были капитаны только 2 и 3 ранга), упразднены чины фейерверкера и цейхвахтера и восстановлено звание советника артиллерийской экспедиции. В 1830 г. всем морским артиллеристам установлены общеармейские звания с преимуществом в один чин против сухопутной артиллерии. В 1885 г. Корпус морской артиллерии упразднен и впредь все 138 артиллерийских должностей полагалось замещать строевыми флотскими офицерами.

Что касается штурманских чинов, то в первой половине XVIII в. все они были унтер–офицерскими (штурман и подштурман). После экзамена их могли производить в офицеры флота (унтер–лейтенанты и лейтенанты), но с 1733 г. с учреждением чина мастера их стали производить в мастера (причем дворянам не полагалось занимать штурманские должности). С 1757 г. штурманов производили в сухопутные офицерские чины (от прапорщика до майора), а в 1798 г. все штурманы переименованы в соответствующие гражданские чины (по штату 1804 г. имелись штурманы VIII, IX; XII и XIV классов). С учреждением в 1827 г. корпуса флотских штурманов они вновь получили военные общеармейские (сухопутные)

чины, а с 1885 г. с упразднением этого корпуса все 210 штурманских должностей должны были замещаться строевыми флотскими офицерами.

Судостроители (сарваеры, мастера и подмастерья) также имели особые чины. Регламент 1720 г. устанавливал для обер-сарваера ранг капитан-командора, сарваера корабельного — капитана 1 ранга, корабельного мастера — капитана 3 ранга, галерного мастера — капитан-лейтенанта. В 1723 г. всем старшим мастерам даны ранги капитан-командора и капитана 1 ранга. С 1732 г. для судостроителей вводились общеармейские чины: при пожаловании корабельным мастером им присваивался чин майора, а затем — полковника и бригадира, для галерного мастера первым чином был капитанский. Званию корабельного подмастерья соответствовал чин поручика, и он мог повышаться до капитана. Вместо обер-сарваера и сарваера до 1857 г. были чины обер-интенданта и советника в тех же рангах. По штату 1764 г. вводилось звание генерал-интенданта над верфями и строениями, сохранялись звания обер-сарваера и сарваера, а для мастеров предусматривались ранги полковника, подполковника и майора. В 1798 г. звание сарваера упразднено, обер-сарваер остался приравнен к генерал-майору, а прочие судостроители имели чины полковника, подполковника, майора, капитана, поручика и прапорщика, но в ноябре того же года все они переименованы в соответствующие гражданские чины (в 1805 г. звание обер-сарваера упразднено), однако в 1826 г. с учреждением корпуса корабельных инженеров судостроители снова получили общеармейские военные чины, которые и носили до конца существования русского флота.

До 1917 г. общеармейские чины носили офицеры учрежденного в 1912 г. корпуса гидрографов, офицеры ластовых (вспомогательных) судов и команд и рабочих экипажей (с 1826 г.), офицеры, состоящие по адмиралтейству (береговой службы), а также офицеры корпуса морской строительной части (занимавшиеся постройкой зданий и портов для нужд флота) и офицеры морской судебной части. С 1854 по 1907 г. общеармейские чины носили и офицеры корпуса инженер-механиков флота (затем получившие морские чины).

Получение первого офицерского чина

Момент, когда человек получал первый офицерский чин, был важнейшим в его жизни: он переступал грань, очерчивавшую высшее в стране сословие, переход в которое коренным образом менял его положение в обществе (если он не был дворянином), и входил в наиболее престижную для дворянина социально-профессиональную общность. Совершенно естественно, что это был акт особого значения — гораздо

большого, чем поступление на военную службу или получение высших чинов, вплоть до генеральских (ибо в социально–правовом плане между прапорщиком и генерал–фельдмаршалом разницы не было, тогда как между старшим унтер–офицером — фельдфебелем или подпрапорщиком и прапорщиком она была огромной). Поэтому и законодательством вопросы производства в офицеры регулировались весьма тщательно.

Первые русские офицеры

Первый состав офицеров русской регулярной армии, создававшейся на рубеже XVII и XVIII столетий, комплектовался из старых контингентов «начальных людей» Иноземского и Рейтарского приказов (эти приказы ведали офицерами полков нового строя, среди которых было немало иностранцев), старослужащих рейтар, гусар и копейщиков (эти категории кавалеристов комплектовались низшими слоями дворянства; в 1701– 1702 гг. полки копейщиков, рейтар и гусар были расформированы), дворян, присылавшихся из Разрядного приказа, и солдат Преображенского и Семеновского полков.

С самого начала Петр I делал ставку на формирование офицерского корпуса новой армии главным образом за счет русских дворян, для которых военная служба и составляла всегда смысл существования. В начале 1697 г. для подготовки офицерских кадров в европейские страны было отправлено около 150 стольников, сержантов и солдат{72}. К 1699 г. в четырех регулярных полках — Преображенском, Семеновском, Гордона и Шепелева насчитывалось более 200 офицеров и сержантов.

Поскольку кадры Иноземского приказа оказались слабо подготовленными, решили начать подготовку офицеров непосредственно из дворян. 1 мая 1699 г. в Преображенском был назначен смотр стольникам, находящимся в Москве. Одновременно из деревень вызывались остальные. Проводивший смотр боярин А. М. Головин приказал: «...чтобы они учились пехотному строю на житном дворе, у ково есть свое ружье, фузии или пищали, а у ково нет, те б брали в Преображенском государево ружье». С 6 мая началось регулярное обучение будущих офицеров по артикулу, составленному А. М. Головиным и Петром. Царь лично присутствовал на учениях и проверял годность дворян к офицерской службе, строго наказывал нерадивых, вплоть до ссылки с конфискацией поместий и вотчин. После ускоренного обучения новопроизведенные офицеры распределялись по формирующимся трем дивизиям («генеральствам») по 70 человек в каждую. Следующая группа дворян, прибывшая в Москву в июле, после смотра тоже была распределена для обучения и производства в офицеры по дивизиям. Одновременно подготовка офицеров была

развернута непосредственно при регулярных полках. В Семеновском полку образована учебная команда сержантов, при Преображенском с 1698 г. существовала артиллерийская школа{73}.

В 1700 г. подготовка офицеров из русских дворян приняла массовый характер; с мая этого года офицерами стали набирать московских дворян, имеющих от 40 и более дворов. По мере их прибытия проводились смотры и обучение, в результате которых до выступления войск в поход определены офицерами 940 человек. Судя по тому что именно к А. М. Головину присылали для проверки годности к службе офицеров городских полков (более старых и плохо подготовленных оставляли в городских, т. е. гарнизонных полках, а лучших переводили в полевые войска), при его дивизии было создано нечто вроде кратковременных общеармейских сборов для подготовки пехотных офицеров{74}.

В первую очередь кандидатами в офицеры выдвигались представители московского дворянства. При формировании драгунских полков все полковники и капитаны были набраны из московских дворян, а младшие офицеры — из старослужилых рейтар и копейщиков. С комплектованием офицерами кавалерии дело вообще обстояло лучше, поскольку основная масса дворян всегда служила в поместной коннице и имела соответствующую подготовку. Поэтому если в пехотных полках новопроизведенные в офицеры дворяне получали обычно самые младшие чины (старшие должности занимали иностранцы), то в кавалерии им сразу могли даваться и старшие офицерские чины, вплоть до полковника (в зависимости от положения на прежней лестнице допетровских дворянских чинов и способностей).

Присвоением офицерских чинов ведал Военный приказ, который (как прежде Иноземский) являлся как бы аттестационной комиссией для офицеров. Производить в первый офицерский чин могли и другие приказы, ведавшие отдельными солдатскими полками (Новгородским, Смоленским и другими), а также военачальники (причем по мере удаления регулярной армии от столицы в ходе поенных действий и связанной с ними нехваткой кадров производство в офицеры все чаще стало практиковаться распоряжениями фронтовых военных, а затем и губернских властей). Но в этом случае Военный приказ должен был санкционировать производство. Для подтверждения своего чина офицеры ссылались на архивные дела этого приказа. Туда же из Разрядного приказа направляли дворян для производства в офицерские чины: «...и велено написать их в начальные люди, в какие чины пристойно»{75}.

Итак, при формировании русской регулярной армии основная масть ее

офицеров была произведена непосредственно из дворян после кратковременного обучения (другая часть — из солдат бывших полков нового строя и первых регулярных полков). В первые юды Северной войны офицеры производились в ходе военных действий из солдат и унтер-офицеров любого происхождения. После начала военных действий производство офицеров из лиц, не послуживших еще в войсках, было практически прекращено. С этого времени русский офицерский корпус комплектовался тремя основными способами (роль которых на протяжении последующих двухсот лет менялась): производством из солдат и унтер-офицеров действительной службы, выпускниками военно-учебных заведений и переходом офицеров на русскую службу из иностранных армий.

Производство из солдат, унтер-офицеров и юнкеров

Производство в офицеры солдат и унтер-офицеров было на протяжении полутора столетий главным источником пополнения офицерского корпуса. Петр I считал необходимым, чтобы каждый офицер непременно начинал военную службу с самых первых ее ступеней — рядовым солдатом. Особенно это касалось дворян, для которых пожизненная служба государству была обязательной, и традиционно это была служба военная. Указом от 26 февраля 1714 г. Петр I запретил производить в офицеры тех дворян, «которые с фундамента солдатского дела не знают» и не служили солдатами в гвардии. Запрет этот не распространялся на солдат «из простых людей», которые, «долго служа», получили право на офицерский чин, — они могли служить в любых частях{76}. Поскольку же Петр считал, что дворяне должны начинать службу именно в гвардии, то весь рядовой и унтер-офицерский состав гвардейских полков в первые десятилетия XVIII в. состоял исключительно из дворян. Если во время Северной войны дворяне служили рядовыми во всех полках, то в указе президенту Военной коллегии от 4 июня 1723 г. говорилось о том, что под страхом суда, «кроме гвардии, никуда дворянских детей и офицерских иноземческих не писать». Впрочем, после Петра это правило не соблюдалось, и дворяне начинали службу рядовыми и в армейских полках. Однако гвардия надолго сделалась кузницей офицерских кадров для всей российской армии.

Служба дворян до середины 30-х гг. XVIII в. была бессрочной, каждый дворянин, достигший 16 лет, записывался в войска рядовым для последующего производства в офицеры. В 1736 г. был издан манифест, разрешавший одному из сыновей помещика оставаться дома «для смотрения деревень и экономии», а срок службы остальных ограничивался.

Теперь предписывалось «всем шляхтичам от 7 до 20 лет возраста быть в науках, а от 20 лет употреблять в военную службу и всякий должен служить в воинской службе от 20 лет возраста своего 25 лет, а по прошествии 25 лет всех... отставлять с повышением одного ранга и отпускать в дома, а кто из них добровольно больше служить пожелает, таким давать на их волю».

В 1737 г. была введена регистрация всех недорослей (так именовались официально молодые дворяне, не достигшие призывного возраста) старше 7 лет. В 12 лет им назначалась проверка с выяснением, чему они обучались, и с определением желающих в школу. В 16 лет их вызывали в Петербург и после проверки знаний определяли дальнейшую судьбу. Имеющие достаточные знания могли сразу поступать на гражданскую службу, а остальных отпускали домой с обязательством продолжить образование, но по исполнении 20 лет они обязаны были явиться в Герольдию (ведавшую кадрами дворян, офицеров и чиновников) для определения на военную службу (кроме тех) которые оставались для ведения хозяйства в имении; это определялось еще на смотре в Петербурге). Тех, кто к 16 годам оставался необученным, записывали в матросы без права выслуги в офицеры. А кто получил основательное образование, приобретал право на ускоренное производство в офицеры{77}.

Производил в офицеры на вакансии начальник дивизии после экзамена по службе путем баллотировки, т. е. выборов всеми офицерами полка. При этом требовалось, чтобы кандидат в офицеры имел аттестат с рекомендацией, подписанный обществом офицеров полка. В офицеры могли производиться как дворяне, так и солдаты и унтер-офицеры из других сословий, в том числе взятые в армию по рекрутским наборам крестьяне — никаких ограничений закон здесь не устанавливал. Естественно, дворяне, получившие до поступления в армию образование (хотя бы и домашнее — оно могло быть в ряде случаев очень высокого качества), производились прежде всего.

В середине XVIII в. среди высшей части дворянства распространилась практика записывать своих детей в полки солдатами в очень раннем возрасте и даже с рождения, что позволяло им повышаться в чинах без прохождения действительной службы и ко времени поступления на фактическую службу в войска быть не рядовыми, а иметь уже унтер-офицерский и даже офицерский чин. Попытки эти наблюдались еще при Петре I, но тот решительно их пресекал, делая исключения лишь для ближайших к нему лиц в знак особой милости и в редчайших случаях (в последующие годы это также ограничивалось единичными фактами).

Например, в 1715 г. Петр приказал определить пятилетнего сына своего любимца Г. П. Чернышева — Петра солдатом в Преображенский полк, а семь лет спустя — назначил камер-пажом в ранге капитан-поручика при дворе шлезвиг-голштейнского герцога. В 1724 г. сын фельдмаршала князя М. М. Голицына — Александр был при рождении записан солдатом в гвардию и к 18 годам был уже капитаном Преображенского полка. В 1726 г. А. А. Нарышкин был произведен в мичманы флота в возрасте 1 года, в 1731 г. князь Д. М. Голицын стал прапорщиком Измайловского полка в 11 лет{78}. Однако в середине XVIII в. такие случаи получили более широкое распространение.

Издание манифеста «О вольности дворянства» 18 февраля 1762 г. не могло не сказаться очень существенно на порядке производства в офицеры. Если раньше дворяне были обязаны служить столько же, сколько солдаты-рекруты — 25 лет, и, естественно, они стремились возможно быстрее получить офицерский чин (в противном случае им бы пришлось все 25 лет оставаться рядовыми или унтер-офицерами), то теперь они могли не служить вообще, а армии теоретически грозила опасность остаться без образованных офицерских кадров. Поэтому для привлечения дворян на военную службу правила производства в первый офицерский чин были изменены таким образом, чтобы законодательно установить преимущество дворян при достижении офицерского звания.

В 1766 г. была издана так называемая «полковничья инструкция» — правила для командиров полков по порядку чинопроизводства, согласно которой срок производства унтер-офицеров в офицеры обуславливался происхождением. Минимальный срок выслуги в унтер-офицерском звании устанавливался для дворян 3 года, максимальный — для лиц, принятых по рекрутским наборам, — 12 лет. Поставщиком офицерских кадров оставалась гвардия, где большинство солдат (хотя в отличие от первой половины столетия не все) по-прежнему были дворянами{79}.

На флоте с 1720 г. также было установлено производство в первый офицерский чин по баллотировке из унтер-офицеров. Однако там уже с середины XVIII в. строевые морские офицеры стали производиться только из кадет Морского корпуса, который в отличие от сухопутных военно-учебных заведений был в состоянии покрывать потребность флота в офицерах. Так что флот очень рано начал комплектоваться исключительно выпускниками учебных заведений.

В конце XVIII в. производство из унтер-офицеров продолжало оставаться главным каналом пополнения офицерского корпуса. При этом существовало как бы две линии достижения офицерского чина таким

путем: для дворян и для всех остальных. Дворяне поступали на службу в войска сразу унтер-офицерами (первые 3 месяца они должны были служить рядовыми, но в унтер-офицерском мундире), затем они производились в подпрапорщики (юнкера) и далее — в портупей-прапорщики (портупей-юнкера, а в кавалерии — эстандарт-юнкера и фанен-юнкера), из которых на вакансии производились уже в первый офицерский чин. Недворяне до производства в унтер-офицеры должны были служить рядовыми 4 года. Затем они производились в старшие унтер-офицеры, а далее — в фельдфебели (в кавалерии — вахмистры), которые уже могли за заслуги стать офицерами.

Поскольку дворян принимали на службу унтер-офицерами вне вакансий, то образовывался огромный сверхкомплект этих чинов, особенно в гвардии, где унтер-офицерами могли быть только дворяне. Например, в 1792 г. в гвардии по штату полагалось иметь не более 400 унтер-офицеров, а числилось их 11 537. В Преображенском полку на 3502 рядовых приходилось 6134 унтер-офицера. Гвардейские унтер-офицеры производились в офицеры армии (над которой у гвардии было преимущество в два чина) нередко сразу через один-два чина — не только прапорщиками, но и подпоручиками и даже поручиками. Гвардейцы высшего унтер-офицерского чина — сержанты (потом фельдфебели) и вахмистры производились обычно поручиками армии, но иногда даже сразу капитанами. Порой осуществлялись массовые выпуски в армию гвардейских унтер-офицеров: например, в 1792 г. по указу от 26 декабря было выпущено 250 человек, в 1796 г. — 400{80}.

На офицерскую вакансию командир полка представлял обычно старшего по службе из унтер-офицеров — дворян, прослужившего не менее 3 лет. Если дворян с этой выслугой в полку не было, то в офицеры производились унтер-офицеры из других сословий. При этом они должны были иметь выслугу в унтер-офицерском чине: обер-офицерские дети (Сословие обер-офицерских детей состояло из детей гражданских чиновников недворянского происхождения, имевших чины «обер-офицерских» классов — от XIV до XI, дававших не потомственное, а только личное дворянство, и детей офицеров недворянского происхождения, которые родились до получения их отцами первого офицерского чина, приносившего, как уже указывалось, потомственное дворянство) и вольноопределяющиеся (лица, поступившие на службу добровольно) — 4 года, дети духовенства, подьячих и солдат — 8 лет, поступившие по рекрутскому набору — 12 лет. Последние могли быть производимы сразу в подпоручики, но только «по отменным способностям

и достоинствам». По тем же основаниям дворяне и обер-офицерские дети могли производиться в офицеры ранее положенных сроков выслуги. Павел I в 1798 г. запретил было производить в офицеры лиц недворянского происхождения, но уже в следующем году это положение было отменено; недворяне должны были только дослужиться до фельдфебеля и выслужить положенный срок.

Со времен Екатерины II практиковалось производство в офицеры «зауряд», вызванное большим некомплектом офицеров в ходе войны с Турцией и недостаточным числом в армейских полках унтер-офицеров из дворян. Поэтому в офицеры стали производить унтер-офицеров других сословий, даже не выслуживших установленного 12-летнего срока, однако с тем условием, чтобы старшинство для дальнейшего производства считалось только со дня выслуги узаконенного 12-летнего срока.

На производство в офицеры лиц различных сословий большое влияние оказывали установленные для них сроки службы в нижних чинах. Солдатские дети, в частности, считались принятыми на военную службу с момента своего рождения, а с 12 лет они помещались в одно из военно-сиротских заведений (впоследствии известных как «батальоны кантонистов»). Действительная служба считалась им с 15-летнего возраста, и они были обязаны прослужить еще 15 лет, т. е. до 30 лет. На такой же срок принимались добровольцы — вольноопределяющиеся. Рекруты же обязаны были служить 25 лет (в гвардии после наполеоновских войн — 22 года); при Николае I этот срок был сокращен до 20 лет (в т. ч. на действительной службе 15 лет).

Когда во время наполеоновских войн образовался большой некомплект офицеров, то унтер-офицеров недворянского происхождения было разрешено производить в офицеры даже в гвардии, а обер-офицерских детей — и без вакансий. Затем в гвардии срок выслуги в унтер-офицерском звании для производства в офицеры был сокращен для недворян с 12 до 10 лет, а для однодворцев, отыскивающих дворянство (К однодворцам относились потомки мелких служивых людей XVII в., многие из которых в свое время были и дворянами, но впоследствии записаны в податное состояние), определен в 6 лет. (Поскольку дворяне, производимые по выслуге 3 лет на вакансии, оказались в худшем положении, чем обер-офицерские дети, производимые через 4 года, но вне вакансий, то в начале 20-х гг. для дворян был тоже установлен 4-летний срок без вакансий.)

После войны 1805 г. были введены особые льготы по образовательному цензу: студенты университетов, поступившие на военную службу (даже и не из дворян), служили только 3 месяца рядовыми

и 3 месяца подпрапорщиками, а затем производились в офицеры вне вакансии. За год до этого в артиллерии и инженерных войсках перед производством в офицеры установлен довольно серьезный по тому времени экзамен.

В конце 20-х гг. XIX в. срок выслуги в унтер-офицерском звании для дворян был сокращен до 2 лет. Однако во время происходивших тогда войн с Турцией и Персией командиры частей, заинтересованные в опытных фронтовиках, предпочитали производить в офицеры унтер-офицеров с большим стажем, т. е. недворян, и для дворян с 2-летним стажем вакансий в своих частях почти не оставалось. Поэтому их было разрешено производить на вакансии и в другие части, но в этом случае — после 3 лет службы унтер-офицерами. Списки всех унтер-офицеров, не произведенных за отсутствием вакансий в своих частях, отсылались в Военное министерство (Инспекторский департамент), где составлялся общий список (сначала дворяне, потом вольноопределяющиеся и затем прочие), в соответствии с которым они производились на открывающиеся вакансии во всей армии.

Свод военных постановлений (не меняя принципиально положения, существующего с 1766 г. о разных сроках выслуги в унтер-офицерском звании для лиц разных социальных категорий) более точно определил, кто на каких правах поступает на службу и производится в офицеры. Итак, существовало две основные группы таких лиц: поступившие на службу добровольно вольноопределяющимися (из сословий, не обязанных рекрутской повинностью) и поступившие по рекрутским наборам. Рассмотрим сначала первую группу, делившуюся на несколько категорий.

Поступившие «на правах студентов» (любого происхождения) производились в офицеры: имеющие степень кандидата — через 3 месяца службы унтер-офицерами, а степень действительного студента — 6 месяцев — без экзаменов и в свои полки сверх вакансий.

Поступившие «на правах дворян» (дворяне и имевшие бесспорное право на дворянство: дети офицеров, чиновников VIII класса и выше, кавалеров орденов, дающих права на потомственное дворянство) производились через 2 года на вакансии в свои части и через 3 года — в другие части.

Все остальные, поступившие «на правах вольноопределяющихся», делились по происхождению на 3 разряда: 1) дети личных дворян, имеющие права на потомственное почетное гражданство; священников; купцов 1–2 гильдий, имеющих гильдейское свидетельство в течение 12 лет; врачей; аптекарей; художников и т. п. лиц; воспитанники воспитательных

домов; иностранцы; 2) дети однодворцев, имеющие право отыскивать дворянство; почетных граждан и купцов 1–2 гильдий, не имеющих 12-летнего «стажа»; 3) дети купцов 3 гильдии, мещан, однодворцев, утративших право на отыскание дворянства, канцелярских служителей, а также незаконнорожденные, вольноотпущенники и кантонисты. Лица 1-го разряда производились через 4 года (при отсутствии вакансий — через 6 лет в другие части), 2-го — через 6 лет и 3-го — через 12 лет. Поступившие на службу нижними чинами отставные офицеры производились в офицеры по особым правилам, в зависимости от причины увольнения из армии.

Перед производством устраивался экзамен на знание службы. Окончившие военно-учебные заведения, но не произведенные по неуспеваемости в офицеры, а выпущенные подпрапорщиками и юнкерами должны были прослужить несколько лет унтер-офицерами, но потом производились без экзамена. Подпрапорщики и эстандарт-юнкера гвардейских полков держали экзамен по программе Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, причем не выдержавшие его, но хорошо аттестованные по службе, переводились в армию прапорщиками и корнетами. Производимые в артиллерию и саперы гвардии держали экзамен при соответствующих военных училищах, а в армейскую артиллерию и инженерные войска — при соответствующих отделах Военно-ученого комитета. При отсутствии вакансий они направлялись подпоручиками в пехоту. (На вакансии же сначала зачислялись выпускники Михайловского и Николаевского училищ, затем юнкера и фейерверкеры, а затем — воспитанники непрофильных военных училищ.)

Выпускаемые из учебных войск пользовались правами по происхождению (см. выше) и производились в офицеры после экзамена, но при этом дворяне и обер-офицерские дети, поступившие в учебные войска из кантонистских эскадронов и батарей (в кантонистских батальонах обучались наряду с солдатскими детьми и дети неимущих дворян), производились только в части внутренней стражи с обязательством прослужить там не менее 6 лет.

Что касается второй группы (поступивших по набору), то они должны были прослужить в унтер-офицерском чине: в гвардии — 10 лет, в армии и нестроевыми в гвардии — 1,2 лет (в том числе не менее 6 лет в строю), в Оренбургском и Сибирском отдельных корпусах — 15 лет и во внутренней страже — 1,8 лет. В офицеры при этом не могли производиться лица, подвергавшиеся во время службы телесным наказаниям. Фельдфебели и старшие вахмистры производились сразу в подпоручики, а остальные

унтер-офицеры — в прапорщики (корнеты). Для производства в офицеры они должны были выдержать экзамен при дивизионном Штабе. Если унтер-офицер, выдержавший экзамен, отказывался от производства в офицеры (об этом его спрашивали перед экзаменом), то он навсегда терял право на производство, но зато получал оклад в $\frac{2}{3}$ жалованья прапорщика, который он, прослужив еще не менее 5 лет, получал в пенсию. Ему полагался также золотой или серебряный нарукавный шеврон и серебряный темляк. В случае несдачи экзамена отказник получал только $\frac{1}{3}$ этого оклада. Поскольку в материальном отношении такие условия были чрезвычайно выгодны, то большинство унтер-офицеров этой группы отказывались от производства в офицеры.

В 1854 г. в связи с необходимостью усиления офицерского корпуса во время войны сроки выслуги в унтер-офицерских чинах для производства в офицеры были сокращены вдвое для всех категорий вольноопределяющихся (соответственно 1, 2, 3 и 6 лет); в 1855 г. разрешено принимать лиц с высшим образованием сразу офицерами, выпускников гимназий из дворян производить в офицеры через 6 месяцев, а прочих — через половину положенного им срока выслуги. Унтер-офицеры из рекрутов производились через 10 лет (вместо 12), но после войны эти льготы были отменены.

В царствование Александра II порядок производства в офицеры меняли не раз. По окончании войны, в 1856 г., сокращенные сроки для производства были отменены, но унтер-офицеры из дворян и вольноопределяющихся могли производиться теперь и сверх вакансий. С 1856 г. магистры и кандидаты духовных академий приравнены в правах к выпускникам университетов (выслуга 3 месяца), а студентам духовных семинарий, воспитанникам дворянских институтов и гимназий (т. е. тем, кто в случае поступления на гражданскую службу имел право на чин XIV класса) предоставлено право служить в унтер-офицерском звании до производства в офицеры только 1 год. Унтер-офицерам из дворян и вольноопределяющихся было предоставлено право слушать лекции экстерном во всех кадетских корпусах.

В 1858 г. тем из дворян и вольноопределяющихся, кто не выдержал экзамена при поступлении на службу, предоставлена возможность держать его в течение всей службы, а не 1–2-летнего срока (как ранее); они принимались рядовыми с обязательством служить: дворяне — 2 года, вольноопределяющиеся 1-го разряда — 4 года, 2-го — 6 лет и 3-го — 12 лет. В унтер-офицеры они производились: дворяне — не ранее 6 месяцев, вольноопределяющиеся 1-го разряда — 1 года, 2-го — 1,5 лет и 3-го — 3

лет. Для дворян, поступавших в гвардию, возраст устанавливался с 16 лет и без ограничений (а не 17–20 лет, как раньше), чтобы желающие могли окончить университет. Выпускники университетов держали экзамен уже только перед производством, а не при поступлении на службу.

От экзаменов при поступлении на службу в артиллерию и инженерные войска освобождали выпускников всех высших и средних учебных заведений. В 1859 г. чины подпрапорщика, портупей–прапорщика, эстандарт — и фанен–юнкера упразднили и для ожидавших производства в офицеры дворян и вольноопределяющихся было введено единое звание юнкера (для старших — портупей–юнкера). Всем унтер–офицерам из рекрутов — и строевым, и нестроевым был установлен единый срок выслуги 12 лет (в гвардии — 10), а имеющим специальные познания — более короткие сроки, но только на вакансии.

В 1860 г. вновь установлено для всех категорий унтер–офицеров производство только на вакансии, кроме выпускников гражданских высших и средних учебных заведений и тех, кто производился в офицеры инженерных войск и корпуса топографов. Унтер–офицеры из дворян и вольноопределяющиеся, поступившие на службу до этого постановления, могли по выслуге своих лет уходить в отставку в чине коллежского регистратора. Дворяне и вольноопределяющиеся, которые служили в артиллерии, инженерных войсках и корпусе топографов, в случае неудачного экзамена на офицера этих войск теперь не производились в офицеры пехоты (а те из них, кто был выпущен из заведений военных кантонистов, — внутренней стражи), а переводились туда унтер–офицерами и производились на вакансии уже по представлению нового начальства.

В 1861 г. число юнкеров из дворян и вольноопределяющихся в полках было строго ограничено штатами, а в гвардию и кавалерию их принимали только на собственное содержание, но теперь вольноопределяющийся мог выйти в отставку в любое время. Все эти меры преследовали цель повышения образовательного уровня юнкеров.

В 1863 г. по случаю польского мятежа всех выпускников высших учебных заведений принимали унтер–офицерами без экзамена и производили в офицеры через 3 месяца без вакансий после экзамена по уставам и удостоению начальства (а выпускники средних учебных заведений — через 6 месяцев на вакансии). Прочие вольноопределяющиеся держали экзамен по программе 1844 г. (невыдержавшие принимались рядовыми) и становились унтер–офицерами, а через 1 год независимо от происхождения по удостоению начальства допускались к конкурсному офицерскому

экзамену и производились на вакансии (но можно было ходатайствовать о производстве и при отсутствии вакансий). Если же в части все равно оставался некомплект офицеров, то после экзамена производились унтер-офицеры и рекрутов по сокращенному сроку выслуги — в гвардии 7, в армии — 8 лет. В мае 1864 г. снова установлено производство только на вакансии (кроме лиц с высшим образованием). По мере открытия юнкерских училищ образовательные требования усиливались: в тех поенных округах, где существовали юнкерские училища, требовалось держать экзамен по всем предметам, читаемым в училище (выпускникам гражданских учебных заведений — только по военным), так что к началу 1868 г. производимые унтер-офицеры и юнкера или окончили юнкерское училище, или выдержали экзамен по его программе.

В 1866 г. установлены новые правила производства в офицеры. Чтобы стать офицером гвардии или армии на особых правах (равных выпускнику военного училища), выпускник гражданского высшего учебного заведения должен был сдать экзамен в военном училище по преподаваемым в нем военным предметам и отбыть в строю время лагерного сбора (не менее 2 месяцев), выпускник среднего учебного заведения — сдать полный выпускной экзамен военного училища и прослужить в строю 1 год. И те и другие производились вне вакансий. Для производства в армейские офицеры без особых прав все такие лица должны были выдержать экзамен при юнкерском училище по его программе и прослужить в строю: с высшим образованием — 3 месяца, со средним — 1 год; производились они в этом случае также без вакансий. Все остальные вольноопределяющиеся или заканчивали юнкерские училища, или сдавали экзамен по их программе и служили в строю: дворяне — 2 года, выходцы из сословий, не обязанных рекрутской повинностью, — 4 года, из «рекрутских» сословий — 6 лет. Даты экзаменов для них были установлены с таким расчетом, чтобы они успели выслужить свои сроки. Сдавшие по 1-му разряду производились вне вакансий. Те, кто не держал экзамен, могли выходить в отставку (сдав экзамен для канцелярских служителей или по программе 1844 г.) с чином коллежского регистратора после выслуги: дворяне — 12 лет, прочие — 15. Для помощи в подготовке к экзамену при Константиновском военном училище в 1867 г. был открыт годичный курс. Каково было соотношение различных групп вольноопределяющихся, видно из таблицы 5{81}.

В 1869 г. (8 марта) принято новое положение, согласно которому право добровольно поступать на службу было предоставлено лицам всех сословий с общим названием вольноопределяющихся на правах «по

образованию» и «по происхождению». «По образованию» поступали только выпускники высших и средних учебных заведений. Без экзаменов они производились в унтер-офицеры и служили: с высшим образованием — 2 месяца, со средним — 1 год.

Поступавшие «по происхождению» становились унтер-офицерами после экзамена и делились на три разряда: 1-й — потомственные дворяне; 2-й — личные дворяне, потомственные и личные почетные граждане, дети купцов 1–2 гильдий, священников, ученых и художников; 3-й — все остальные. Лица 1-го разряда служили 2 года, 2-го — 4 и 3-го — 6 лет (вместо прежних 12).

В офицеры на правах выпускников военного училища могли производиться только поступившие «по образованию», остальные на правах выпускников юнкерских училищ, при которых они и держали экзамены. Нижние чины, поступившие по рекрутскому набору, теперь обязаны были служить 10 лет (вместо 12), из которых 6 лет унтер-офицером и 1 год — старшим унтер-офицером; они могли поступать и в юнкерское училище, если к окончанию его выслуживали свой срок. Все выдержавшие экзамены на офицерский чин до производства в офицеры именовались портупей-юнкерами с правом выхода в отставку через год с первым офицерским чином.

В артиллерии и инженерных войсках условия и сроки выслуги были общими, но экзамен — специальный. Однако с 1868 г. в артиллерии лица с высшим образованием должны были служить 3 месяца, прочие — 1 год и все обязаны сдавать экзамен по программе военного училища; с 1869 г. это правило распространено и на инженерные войска с той разницей, что для производимых в подпоручики был обязателен экзамен по программе военного училища, а для производимых в прапорщики — экзамен по уменьшенной программе. В корпусе военных топографов (где ранее производство в офицеры осуществлялось по выслуге срока: дворяне и вольноопределяющиеся — 4 года, прочие — 12 лет) с 1866 г. унтер-офицерам из дворян требовалось служить 2 года, из «нерекрутских» сословий — 4 и «рекрутских» — 6 лет и пройти курс в топографическом училище.

С установлением всеобщей воинской повинности в 1874 г. изменились и правила производства в офицеры. Исходя из них все вольноопределяющиеся делились на разряды по образованию (теперь это было единственное деление, происхождение в расчет не принималось): 1-й — с высшим образованием (служили до производства в офицеры 3 месяца), 2-й — со средним образованием (служили 6 месяцев) и 3-й — с неполным

средним образованием (испытывались по специальной программе и служили 2 года). Все вольноопределяющиеся принимались на военную службу только рядовыми и могли поступать в юнкерские училища. От поступивших на службу по призыву на 6 и 7 лет требовалось прослужить не менее 2 лет, на 4-летний срок — 1 год, а от остальных (призванных на сокращенный срок) требовалось только производство в унтер-офицеры, после чего все они, как и вольноопределяющиеся, могли поступать в военные и юнкерские училища (с 1875 г. поляков полагалось принимать не более 20%, евреев — не более 3%).

В артиллерии обер-фейерверкеры и мастера с 1878 г. могли производиться после 3 лет по выпуску из специальных школ; экзамен на подпоручика они держали по программе Михайловского училища, а на прапорщика — облегченный. В 1879 г. для производства и офицеры местной артиллерии и в инженер-прапорщики местных войск введен экзамен по программе юнкерского училища. В инженерных войсках с 1880 г. офицерский экзамен проходил только по программе Николаевского училища. И в артиллерии, и в инженерных войсках разрешалось держать экзамен не более 2 раз, не выдержавшие его оба раза могли держать экзамен при юнкерских училищах на прапорщика пехоты и местной артиллерии.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. действовали льготы (отмененные после ее окончания): в офицеры производились боевые отличия без экзамена и по сокращенным срокам выслуги, эти сроки применялись и за обычные отличия. Однако таких офицеров могли повысить в следующий чин только после офицерского экзамена. За 1871–1879 гг. были приняты на службу 21 041 вольноопределяющийся^{82}.

Большинство офицеров казачьих войск комплектовались из урядников по выслуге лет. В Донском войске дворяне производились в офицеры через 2 года, вообще же дети обер-офицеров во всех казачьих войсках (кроме Донского и Забайкальского) служили 4 года, дети урядников и рядовых казаков — 12 лет (причем нестроевые — 20 лет). Все они производились только на вакансии, по удостоению начальства, но без экзамена (естественно, неграмотные не могли быть произведены). В Забайкальском войске в офицеры производились только дворяне, а дети казаков — «зауряд», т. е. временно. К началу 1871 г. комплектование офицерами было оставлено на прежних основаниях только в Амурском и Забайкальском войсках, а в остальных во всем уравнено с регулярными войсками. С 1 октября 1876 г. прием вольноопределяющихся прекратили, а казакам, имевшим образование, предоставили право на сокращенный срок службы и на производство в офицеры: 1-го разряда — через 3 месяца, 2-го — 6

месяцев, 3-го — 3 года, 4-го — 3 года (из них 2 года в строю и не менее 1 года — урядником). Прослужив этот срок, они могли поступать в юнкерские училища. С 1877 г. производство в офицеры «зауряд» прекращено.

С введением института прапорщиков запаса сроки действительной службы в войсках для вольноопределяющихся с высшим и средним образованием увеличены с 3 и 6 месяцев до 1 года, а для обычных призывников — с 6 месяцев и 1,5 года до 2 лет. При этом и в подпоручики они могли производиться не ранее этого срока. 1} 1884 г. приняты новые правила для производства в офицеры вольноопределяющихся. На особых правах (равных выпускникам военных училищ) производились лица с высшим образованием, сдавшие экзамен по военным наукам по программе военного училища, а со средним — по полному курсу военного училища, но после выпуска в офицеры юнкеров этого училища.

В специальных училищах с 1885 г. все вольноопределяющиеся сдавали экзамен по полному курсу (кроме лиц с высшим физико-математическим образованием). Вольноопределяющиеся инженерных войск могли по их желанию сдавать экзамен на офицера пехоты.

Право вольноопределяющихся, выдержавших экзамен при юнкерском училище по 1-му разряду, на производство вне вакансий было отменено еще в 1883 г., с 1885 г. они производились только на вакансии, хотя бы и в другие части. Это же правило распространялось на всех остальных выпускников, а право производства вне вакансий в свои части оставили только за лицами с высшим образованием, сдавшими экзамен при военном училище. В 1885 г. решено, что лица, выдержавшие экзамен в специальных училищах за полный курс по 1-му разряду, производятся в подпоручики, как и раньше, с 2 годами старшинства (Старшинство означало дату, с которой отсчитывался срок производства в следующий чин), по 2-му разряду — с 1 годом старшинства, а сдававшие экзамен по облегченной программе (в артиллерийском училище) — без старшинства. Сдавшие экзамены при инженерном училище по 2-му разряду производились при этом в армейскую пехоту (как и воспитанники училища, окончившие его по 2-му разряду). В 1891 г. экзамен по облегченной программе в артиллерийском училище был отменен, причем в артиллерию отныне производились только те, кто сдал экзамен по 1-му разряду, а остальные направлялись в пехоту и кавалерию.

В 1868 г. с развитием сети военных и юнкерских училищ производство в офицеры вольноопределяющихся (а с 1876 г. и лиц, поступивших по жребию), не прошедших в них обучение или не сдавших экзамен за их

полный курс, было прекращено. К началу XX в., когда юнкерские училища преобразовали в военные, фактически прекратилось производство в офицеры иначе, как при выпуске из училища (за исключением очень небольшой группы лиц с высшим образованием, производимых по экзамену; их число не превышало 100 человек в год).

Однако следует сказать еще о такой форме получения офицерского чина, как производство в офицеры запаса. В 1884 г., когда чин прапорщика на действительной службе в мирное время был упразднен, он остался только для офицеров запаса. Первоначально прапорщиками запаса зачислили офицеров, получивших этот свой первый чин на льготных условиях в войну 1877–1878 гг. и так и не сдавших офицерского экзамена (а потому не произведенных в подпоручики). Но в 1886 г. вышло положение о прапорщиках запаса, конституировавшее этот особый офицерский чин. Право на него имели лица с высшим и средним образованием, выдержавшие льготный экзамен. В течение 12 лет они были обязаны пребывать в запасе и за это время дважды отбыть сборы продолжительностью до 6 месяцев. К концу 1894 г. насчитывалось 2960 прапорщиков запаса.

В 1891 г. принято положение о зауряд–прапорщиках. Так именовались на действительной службе способные нижние чины из унтер–офицеров и вольноопределяющихся с высшим и средним образованием, а также фельдфебели и старшие унтер–офицеры, замещавшие вакантные офицерские должности.

К экзамену на чин прапорщика запаса допускались лишь те лица с высшим образованием, которые за время обязательной службы были произведены в унтер–офицеры, при этом вольноопределяющиеся — не ранее, чем они прослужат зимний и летний периоды, а остальные призывники — не ранее окончания 2–го года службы. Лица, успешно выдержавшие экзамен, могли увольняться в отставку немедленно (но не ранее чем за 4 месяца до окончания срока обязательной службы).

Поскольку выпускники юнкерских училищ, окончившие их по 1–му разряду (150–200 чел. в год), и выпускники 2–го разряда, окончившие до поступления в училище гимназию или равное учебное заведение (около 200 в год), производились в офицеры в течение первого года после выпуска, то остальным приходилось ждать производства (за недостатком вакансий) по несколько лет. В течение этих лет они (хотя и приравнивались по закону в отношении исполнения службы к младшим офицерам), не имея материальных средств, поневоле жили вместе с нижними чинами, усваивая привычки и образ жизни, мало соответствующие званию и положению

будущего офицера. Поэтому был поставлен вопрос о сокращении числа юнкерских училищ, что и было впоследствии осуществлено путем преобразования некоторых из них в военные училища, а с 1901 г. выпускники всех юнкерских училищ стали выпускаться, как и из военных училищ, офицерами.

В годы мировой войны в офицеры (прапорщики) снова стали производить за боевые заслуги непосредственно на фронте (без прохождения курса) из вольноопределяющихся, «охотников» (добровольцев), «жеребьевых 1-го разряда по образованию» (поступивших на действительную службу к 1 января 1914 г. по жребью согласно Уставу о воинской повинности 1912 г.), унтер-офицеров, солдат, юнкеров «ударных батальонов» (после первых же боев) и т. д.

Выпуск офицерами из военно-учебных заведений

Присвоение офицерского чина воспитанникам военно-учебных заведений непосредственно при выпуске их в войска, как это практикуется теперь и стало нормой в новейшее время, утвердилось в России далеко не сразу. Идущее от петровской традиции представление о том, что будущий офицер должен обязательно прослужить какое-то время в строю в нижних чинах, держалось очень долго. На военно-учебные заведения не смотрели как на институт, способный полностью компенсировать отсутствие опыта действительной службы, знание которой с азов считалось основным для командования людьми. Военно-учебные заведения должны были готовить к присвоению офицерского звания, но их окончание само по себе не означало гарантии его получения. Отголоски этого представления сохранились до начала XX в. в виде выпуска худших воспитанников военных училищ унтер-офицерами, а не офицерами.

Первые военные школы вообще имели целью не столько производство своих воспитанников в офицеры, сколько получение ими специальных познаний. Поэтому и были школы артиллерийскими, инженерными и морскими. Естественно, выпускники их, направляемые в войска унтер-офицерами, производились в офицеры в первую очередь. Офицерами стали выпускать только воспитанников Сухопутного кадетского корпуса, но и то далеко не всех: часть прапорщиками, часть — унтер-офицерами, зато лучшие получали сразу чин подпоручика и даже поручика. Созданный в конце XVIII в. Военно-сиротский дом тоже выпускал своих воспитанников юнкерами и портупей-прапорщиками, и только отличники производились в офицеры сразу при выпуске. То же касалось и Шкловского благородного училища.

В начале XIX в. кадетские корпуса и училища в основном выпускали с

правами на производство, а не офицерами (это не относится к Пажескому корпусу, все воспитанники которого выпускались офицерами). Но, конечно, выпускники военно-учебных заведений производились в офицеры очень быстро, обычно через несколько месяцев после прибытия в войска, им не надо было выслуживать срок в унтер-офицерском звании. Производство всех выпускников кадетских корпусов и училищ в офицеры сразу при выпуске было установлено в 1830 г., и с тех пор унтер-офицерами в виде исключения стали выпускаться только худшие по успехам воспитанники специальных училищ. На флоте офицеры с середины XVIII в. производились в первый офицерский чин мичмана только по аттестатам Морского корпуса (непосредственно при выпуске).

С дальнейшим развитием сети военно-учебных заведений их воспитанники по-прежнему начинали службу с чинами разных классов — в зависимости от успехов в учебе (по разрядам). В царствование Николая I окончившие кадетские корпуса по 1-му разряду выпускались поручиками в армию (или прапорщиками в гвардию), по 2-му разряду — подпоручиками, по 3-му — прапорщиками, по 4-му — в линейные батальоны (а неспособные к учебе в специальных классах — во внутреннюю стражу). Воспитанники Михайловского артиллерийского училища 1-го разряда переводились прапорщиками в офицерские классы, а 2-го — направлялись прапорщиками в войска (3-го — оставались еще на год, а 4-го — выпускались юнкерами с правом на производство через 2 года). Николаевское инженерное училище переводило своих выпускников 1-го разряда инженер-прапорщиками в офицерские классы, 2-го — оставляло еще на год, а 3-го — выпускало юнкерами с правом на производство через 2 года. Из школы топографов все выдержавшие выпускной экзамен производились в офицеры корпуса военных топографов (при недостатке вакансий они выпускались в армию подпоручиками). С 1862 г. все выпускники кадетских корпусов 1-го разряда, удостоенные к производству в гвардию, получали чин поручика армии, а к гвардейским полкам прикомандировывались лишь те, кто имел там ближайших родственников, или по выбору самого гвардейского начальства.

После реформы военно-учебных заведений, с 1866–1867 гг., выпускники общевоинских военных училищ 1-го разряда производились в подпоручики (частью — в прапорщики артиллерии и инженерных войск), а 2-го разряда — в прапорщики (3-й разряд выпускался юнкерами с правом на производство в офицеры через 6 месяцев). Лучшие из выпускников кавалерийского училища направлялись в гвардию корнетами, а лучшие выпускники пехотных училищ прикомандировывались к гвардии

для годичного испытания, после чего могли переводиться туда прапорщиками по представлению гвардейского начальства: в части старой гвардии — со старшинством со дня выпуска, а в части молодой гвардии — со старшинством 2 лет. Выпускники артиллерийского и инженерного училищ 1-го разряда производились в подпоручики этих войск (что соответствовало поручику армии), а 2-го разряда — в прапорщики с одним годом старшинства. Пажеский корпус выпускал: по 1-му разряду — в гвардию прапорщиками, по 2-му — в армию подпоручиками, по 3-му — в армию прапорщиками.

Юнкерские училища непосредственно офицеров не выпускали. Их выпускники (они теперь назывались подпрапорщиками, эстандарт-юнкерами и подхорунжими) 1-го разряда производились в офицеры в войсках вне вакансий в сентябрьской трети выпускного года, а 2-го разряда — не ранее январской трети следующего года на вакансии в своей части. С 1883 г. неудостоенным к производству в офицеры за неуспеваемость и дурное поведение вместо аттестата выдавали свидетельство о прохождении курса. Они могли стать офицерами не ранее их сверстников по дивизии, выпущенных по 2-му разряду (а не получившие аттестат вследствие неодобрительного поведения — не ранее чем через год после них).

В 1885 г. было установлено, что все выпускники военно-учебных заведений должны начинать службу с одного и того же первого офицерского чина — подпоручика (корнета). При этом все различия по качеству образования сводились к преимуществам, связанным с определением разных сроков старшинства в этом чине (от чего зависел срок производства в следующие чины). Правила на этот счет были следующими. Выпускники Пажеского корпуса 1-го разряда шли в гвардию с 1 годом старшинства, 2-го разряда — в армию с 1 годом старшинства, 3-го — в армию без старшинства (т. е. со старшинством со дня выпуска). Выпускники пехотных военных училищ 1-го разряда также имели 1 год старшинства (2-го — выпускались без старшинства) и шли в армейскую пехоту. Выпускники Николаевского кавалерийского училища 1-го разряда направлялись в гвардию без старшинства и в армию с 1 годом старшинства, 2-го — в армию без старшинства. Все воспитанники Михайловского артиллерийского училища получали 2 года старшинства (направляемые в артиллерию выпускники общевоинских училищ имели 1 год старшинства). Выпускники Николаевского инженерного училища 1-го разряда шли в инженерные войска с 2 годами старшинства, а 2-го разряда — с таким же старшинством, но в армейскую пехоту. Правила о выпуске воспитанников 3-го разряда военных училищ и 4-го разряда Пажеского

корпуса в войска без офицерских чинов и о выпускниках юнкерских училищ остались в основном прежними.

По «Положению о военных училищах» 1894 г. правила присвоения офицерских чинов выпускникам военных училищ остались практически теми же. Окончившие по 1-му разряду имели один год старшинства (а лучшие из них после годичного прикомандирования к гвардейским частям переводились туда со старшинством со дня выпуска), по 2-му разряду — старшинство со дня выпуска, а по 3-му разряду — переводились в армейские части с правом на производство через 6 месяцев на вакансии. (Те, кто по состоянию здоровья оказывался негодным к военной службе, получали гражданские чины — окончившие по 1-му разряду — XII класса, по 2-му — XIV.)

К концу XIX в. стало очевидным, что положение выпускников юнкерских училищ — подпрапорщиков до производства в офицеры оказывалось весьма тяжелым как в материальном, так и в моральном отношении (оно слагалось из постоянных противоречий, то ставящих их в ряды офицеров, то низводящих до положения нижнего чина) и нуждалось в изменении. Это обстоятельство (как и необходимость прослужить для поступления в училище год в строю вольноопределяющимся) затрудняло комплектование юнкерских училищ подготовленной молодежью. Поэтому в 1901 г., во-первых, было разрешено принимать в эти училища лиц с высшим и средним образованием прямо после учебы, без службы в войсках, а, во-вторых, производить выпускников юнкерских училищ в офицеры сразу по выпуску, как в военных училищах: по 1-му разряду (не менее 10 баллов в среднем) — с одним годом старшинства, по 2-му (не менее 7 баллов) — со старшинством со дня выпуска (выпускники 3-го разряда выпускались унтер-офицерами и производились без экзамена на вакансии по удостоению своего начальства не ранее чем через 1 год).

На флоте Морской корпус, как уже говорилось, выпускал своих воспитанников до 1860 г. с первым офицерским чином мичмана. Штурманское училище до середины XIX в. — кондукторами, а лучших — офицерами (с 1853 г. всех — прапорщиками корпуса флотских штурманов). Школа флотских юнкеров в Николаеве — гардемаринами, производившимися в мичмана после двух морских кампаний. В 1860–1882 гг. и с 1906 г. выпускники Морского корпуса становились корабельными гардемаринами и производились в мичмана только после практического плавания. Морские учебные заведения, готовившие штурманов, артиллеристов, судостроителей, инженер-механиков (т. е. категории лиц, имевших не морские, а общевойсковые звания) со второй половины XIX в.

выпускали всех своих воспитанников только с первым офицерским чином.

С началом мировой войны военные училища перешли на сокращенный (3-месячный) срок обучения, и те, кто поступил в училища осенью 1914 г., заканчивали в декабре того же года уже сокращенный курс. Все они получали при выпуске чин не подпоручика, а прапорщика. Открытые во время войны школы прапорщиков также, естественно, присваивали этот чин. Так что в 1914–1917 гг. военно-учебные заведения выпускали только прапорщиков (подпоручиками были выпущены те, кто к началу войны уже проучился больше года — юнкера приема 1913 г.), и первым офицерским чином во время войны стал исключительно чин прапорщика.

Переход офицеров из иностранных армий

Привлечение иностранных офицеров на русскую службу было довольно давней традицией. Наемники служили в вооруженных силах Российского государства еще в XVI в. Массовый характер привлечение иноземных офицеров приняло в XVII в. с формированием солдатских и рейтарских полков нового строя. Весьма характерно, что государственное учреждение, ведавшее всеми офицерскими кадрами, носило название Иноземский приказ, что красноречиво свидетельствует о первоначальном источнике пополнения собственно офицерских кадров. Однако к концу XVII в. подавляющее большинство офицеров было русскими (в 1695 г. в кадрах Иноземского приказа на 178 иноземцев приходилось 1129 русских офицеров{83}).

Для создания регулярной армии требовалось гораздо больше опытных офицеров, знакомых с тактикой европейских армий. Поэтому в ходе Великого посольства 1698 г. было набрано на русскую службу еще до 700 иноземцев. Однако на учениях весной 1700 г. многие из них обнаружили весьма слабую подготовку. А. М. Головин, руководивший обучением офицеров, писал Петру I, что «...трудов к ним много положено, а иные и ныне за мушкет не умеют приняться... выкинул из них человек с полтора ста, а в остатке в учении человек с полтора ста же». К тому же многие оказались и «гуляки великие»{84}. Такое качество набранных не должно особенно удивлять, если принять во внимание, что при крайнем дефиците командных кадров и неопытности самих набирающих на русскую службу ринулось множество самозванцев и авантюристов, выдававших себя за офицеров. Но, разумеется, было много и настоящих профессионалов, без которых рождающаяся армия не могла обойтись.

К лету 1700 г. в восьми регулярных пехотных полках из положенных по штату 264 средних офицеров имелось только 78; из них 33 были

иностранцами{85}. Некоторые иностранные офицеры, собираясь навсегда связать свою судьбу с Россией, принимали православие. Особенно большую долю составляли иностранные офицеры в пехоте. В 1701 г. в трех «генеральствах» (дивизиях), из которых состояла полевая армия, из 1137 офицеров около трети были иноземцы и «новокрещены», при этом иностранцами или «новокрещенами» были все старшие офицеры. В кавалерии (в 9 драгунских полках в 1702 г.){86}, напротив, все офицеры, за исключением одного полковника, были русские.

Конечно, такой большой процент иностранных офицеров в армии был крайне нежелателен, тем более что в 1700 г. под Нарвой иностранные офицеры проявили себя с самой худшей стороны, сдавшись в плен чуть ли не в полном составе во главе с главнокомандующим герцогом фон Кроа. Но их приходилось терпеть как необходимое зло, потому что русские офицеры тогда не отвечали в подавляющем большинстве самым скромным требованиям боевой подготовки. Дважды еще — в 1702 и 1704 гг. русское правительство объявляло «вызов» иностранцев на русскую службу. В первые годы Северной войны младшие офицерские должности в пехоте постепенно все больше заполнялись русскими офицерами, появились и русские командиры полков (но в кавалерии, напротив, к 1706 г. многие русские командиры драгунских полков были заменены иностранцами).

Прием иностранных офицеров на русскую службу проходил следующим образом. Агенты русского правительства, имевшие соответствующие полномочия, предлагали им подписать «договорное письмо», определявшее чин и жалованье этих иностранных офицеров на русской службе. Предпочтением пользовались лица, знавшие один из славянских языков. Сложившийся порядок регистрации был закреплен указом от 23 ноября 1703 г. Сначала прибывшие офицеры направлялись в Посольский приказ, где выяснялось, «кто где родился и в каких государствах, и в каких чинах служил» (в подтверждение сообщенных о себе данных офицеры предъявляли «свидетельствованные пасы»). Посольский приказ устанавливал официально чин «нововыезжего» офицера и размер жалованья, после чего направлял его в Военный приказ для назначения на должность, письменно извещая это учреждение о принятом решении. В Военном приказе прибывших иностранных офицеров вновь регистрировали, выдавали жалованье за несколько месяцев вперед и направляли в войска. Таков же был порядок приема и иноземных медиков, подавляющее большинство которых направлялось в армию{87}. По мере того как русские офицеры приобретали боевой опыт (после Полтавской победы это стало уже очевидным), появилась возможность отказаться от

услуг наиболее ненадежной и малоквалифицированной части иностранных офицеров. Первая чистка среди них была проведена в 1711 г., поводом к чему послужило неблаговидное поведение иностранных офицеров во время Прутского похода.

Период Северной войны был в истории русской армии исключительным по роли иностранных офицеров, которая в дальнейшем никогда не была столь велика. Немало из этих офицеров навсегда остались в России, положив начало многим известным офицерским династиям. Петр I, впрочем, привлекая по необходимости большое число иностранцев, при прочих равных условиях предпочитал делать ставку на национальный офицерский состав. Однако в 30-х гг. XVIII в. правительство Анны Иоанновны стало усиленно пополнять офицерский корпус иностранцами (вплоть до того, что им законодательно обеспечили преимущества по службе, чего ранее никогда не было). Указ 1736 г. разрешал назначать иностранных офицеров на вакантные должности, вплоть до майора, без утверждения императрицы. В результате доля иностранных офицеров в русской армии резко возросла.

Елизавета принимала иностранных офицеров на русскую службу крайне неохотно (особенно генералов), но число их оставалось еще значительным. Наконец, новый прилив иностранных офицеров отмечен в короткое царствование Петра III, и был он вызван как субъективными пристрастиями этого монарха, так и объективно возросшей потребностью в офицерских кадрах, поскольку после указа 1762 г. о вольности дворянства некоторая часть русских офицеров оставила службу, и приток дворян на службу также несколько уменьшился. Екатерина II, проводившая ярко выраженную национальную политику, ограничила прием иностранцев на службу, установив для них дискриминационные правила: при переходе на русскую службу они понижались в чине. В конце XVIII в., когда вновь отмечается некоторое увеличение притока иностранцев, большинство их составляли бывшие офицеры французской королевской армии — эмигранты-роялисты.

К началу XIX в. сохранялись основные правила, касающиеся принятия на службу офицеров иностранных армий и сложившиеся при Екатерине II. Прием этих офицеров осуществлялся с понижением на один чин (кроме прапорщиков), и исключения делались не иначе как каждый раз по особым Высочайшим повелениям. Наибольшее число из принятых составляли французы (в основном эмигранты).

Однако в ряде случаев в приеме им отказывали. Например, в 1807 г. было отказано одному дезертировавшему из французской армии поручику

«во уважении учиненного им поступка» — имелось в виду, что человек, изменивший своему знамени, ненадежен и для чужого{88} (совсем другое отношение было к французским роялистам, с самого начала враждебно относившимся к наполеоновскому режиму по идейным соображениям; на русской службе состоял целый корпус французских эмигрантов под началом принца Конде). С 1815 г., впрочем, при приеме иностранных офицеров было предписано «иметь более осмотрительности». В 1850 г. на русскую службу приняли офицеров молдавской и валахской милиции с понижением на два чина (кроме прапорщиков).

В 1844 г. решено иностранных офицеров, однажды уволенных с русской службы, более на нее не принимать. После 1815 г. случаев приема иностранных офицеров на русскую службу было вообще очень немного, подобные ходатайства рассматривались очень осторожно, т. к. среди подававших их лиц оказывалось немало авантюристов, представлявших подложные документы. Во время войны 1853–1856 гг. в русской армии служили добровольцы из нейтральных стран, носившие офицерские чины «зауряд». По окончании войны им было разрешено поступать на русскую службу с понижением на два чина: зауряд-поручикам — прапорщиками и т. д. В 1890 г. все законоположения о приеме на русскую службу офицеров иностранных армий были отменены.

Переименование из гражданских чинов

В очень небольшой степени офицерский корпус пополнялся за счет гражданских чиновников (в том числе и военного ведомства). Чиновники недворянского происхождения могли переименовываться в офицерские чины только с особого Высочайшего разрешения (ибо любой офицерский чин до 1845 г. давал потомственное дворянство). Относительно дворян манифест 18 февраля 1762 г. устанавливал, что отставные офицеры, находившиеся на гражданской службе, могут быть снова приняты на военную в тех офицерских чинах, которые соответствовали по классу полученным ими к тому времени гражданским, но старшинство их в этом чине должно считаться младшим, чем их сверстников, остававшихся на военной службе. Но в XVIII — начале XIX в. военные чиновники за отличие (и в мирное время, и за военные заслуги) могли производиться в офицерские чины, в том числе и генеральские. Известен целый ряд таких случаев, но массового характера это явление не имело. Во второй половине XIX в. число переименований в офицеры из гражданских чинов составляло от единиц до нескольких десятков случаев в год.

Чинопроизводство офицеров

С созданием регулярной армии функции аттестации и

чинопроизводства офицеров, выполняемые ранее Иноземским приказом, перешли к Военному приказу. Права по чинопроизводству офицеров принадлежали ему в той же мере, как и по производству в первый офицерский чин. Однако в годы Северной войны все чаще стало практиковаться производство офицеров в следующие чины военными властями в действующей армии, а затем — и губернскими (в отношении офицеров гарнизонных полков). В этих случаях Военный приказ все равно должен был санкционировать производство. В целом это вело к снижению общего уровня квалификации офицерского корпуса. Если, однако, производство в обер–офицерские чины на практике происходило порой без санкции Военного приказа, то в отношении штаб–офицерских должностей он сохранял свои полномочия в полном объеме. Генеральские чины присваивались непосредственно царем (хотя в общем порядке дела об этом проходили через Военный приказ).

В основе чинопроизводства офицеров при Петре I лежал принцип личных заслуг, что было юридически закреплено в указе от 1 января 1719 г. «О производстве в воинские чины и о замещении вакансий». По–прежнему требовалось «чрез чин никого не жаловать, но порядком чин от чину возводить». В 1720 г. Петр издал еще один указ о чинопроизводстве, написанный им собственноручно: «О вредности для государственного интереса порядка повышения по старшинству в службе и о неприменении его в России». В указе пересказывалась в назидание всем служащим история, произведшая на Петра глубокое впечатление. О том, как один из боцманов английского флота, произведенный королевой Анной в капитаны за подвиг при спасении горящего корабля, отказался от производства и «просил токмо жалованья, объявляя, что ему того не снести, а когда не снесет, то ни капитан, ни боцман будет». Производство в старшие офицерские чины, по мысли Петра, должно быть обусловлено исключительно способностями человека к данной роли. О практике повышения в чинах по старшинству в службе, существовавшей во многих современных ему государствах, царь отзывался крайне неодобрительно, рассуждая, что это, «кажетца, весьма не доброй есть порядок, и не точи доброй, но еще и вредной государственному интересу, а случаетца и самим тем, которые повышены бывают ... ибо всяк может лехко разсудить, что бог неравное дарование людем дал»{89}, и что человек не может хорошо выполнять новые обязанности, если они превышают его реальные возможности. В 1722 г. Петр I собирался также ввести перед повышением в чине испытательный срок, однако это начинание не получило дальнейшего развития.

В первой четверти XVIII в. принцип личной заслуги при повышении в чине находил выражение в том, что замещение вакансий при производстве в первые обер–офицерские и штаб–офицерские чины осуществлялось (по указу от 14.4.1714 г.) путем баллотировки, т. е. путем тайного голосования всех офицеров части (не ниже данного чина) или дивизии (для старших офицеров). Однако указом от 11 июня 1726 г. правительство Екатерины I отменило такой порядок, мотивируя это тем, что при выборах бывает много «страсти», т. е. имелось в виду, что мнения могут быть крайне субъективными и пристрастными.

Вместо этого предписано было повышать офицеров в чинах «по старшинству и достоинству». Через пять лет правительство Анны Иоанновны (5 февраля 1731 г.) восстановило выборность при чинопроизводстве офицеров, причем представления о производстве в полковники и выше следовало направлять лично императрице, минуя Сенат. Поскольку при производстве в обер–офицерские чины (кроме первого) и в штаб–офицерские (кроме майора) учитывалась выслуга в предыдущем чине, то во избежание конфликтов при счете служебного старшинства (оно считалось по каждой отдельной части) 7 декабря 1731 г. переводить офицеров из полка в полк без санкции императрицы было запрещено. Однако в 1736 г., констатируя, что «происходят немалые беспорядки и многие достойные по старшинству обойдены бывают», Анна Иоанновна, оставив баллотировку для первого обер–офицерского и первого штаб–офицерского чинов, повелела «в протчие чины производить по достоинствам, а не по старшинству, смотря только, чтобы достойные в чины были произведены»{90}.

На практике, однако, это привело к произволу при чинопроизводстве: когда повышение зависело главным образом от удостоения начальства, то, понятно, открывался широкий простор для злоупотреблений временщиков и фаворитов. Не случайно такой порядок установился именно в последние годы правления Анны Иоанновны и существовал в «период дворцовых переворотов». Он был невыгоден основной массе офицеров, не имевших высоких покровителей при дворе и не принадлежавших к нескольким влиятельным родам (недаром еще в 1730 г. рядовое дворянство требовало в числе прочего назначать чины с учетом выслуги).

Конечно, с одной стороны, принцип личных заслуг нежелательно было отбрасывать, но, с другой стороны, учет выслуги (старшинства) во всяком случае вносил элемент объективности и беспристрастности при чинопроизводстве, тогда как «заслуги» могли пониматься крайне субъективно — все зависело от добросовестности начальника. Поэтому

Елизавета Петровна после восшествия на престол, желая удовлетворить требования основной массы дворянства, офицерства и чиновничества, 25 февраля 1742 г. издала указ «О повышении чинами по старшинству и заслугам», где сочетались оба принципа и строго выдерживался петровский принцип о недопустимости повышения через чин (что получило распространение в предшествующее царствование). Таким образом, во второй половине XVIII в. чинопроизводство стало осуществляться и по старшинству службы в прежнем чине, и «по достоинству» — когда особо отличившихся офицеров командование могло представлять к повышению в чине вне очереди. Такой порядок применялся в русской армии более 100 лет. Конечно, имели место и отдельные исключения, но они не меняли существа дела.

С конца XVIII в. производство в обер-офицерские чины совершалось по старшинству и на вакансии, рассчитывавшиеся по каждой части отдельно для каждого чина. Число офицеров каждого чина, вплоть до роты, было точно определено штатами и положениями. В случае убыли офицера определенного чина, например поручика, на его место представлялся старший по выслуге офицер низшего чина — подпоручик, если же таковой по каким-либо причинам не признавался достойным к производству, то следующий за ним по старшинству подпоручик. Право представления к производству в следующий чин принадлежало командиру части, который предварительно обсуждал этот вопрос со всеми штаб-офицерами, но решение принимал единолично, т. к. по закону нес всю полноту ответственности за правильность сделанного выбора.

Точно так же совершалось производство в штаб-офицерские чины с той разницей, что вакансии рассчитывались не по части, а по всей армии, по четырем видам войск: пехоте, легкой кавалерии (гусары), тяжелой кавалерии (кирасиры и драгуны) и казачьим полкам. Никакого определенного срока выслуги в предыдущем чине, ценза или других требований не существовало, достаточным было наличие вакансии и удостоение начальства.

В гвардии производство во все чины осуществлялось не по старшинству, а «по достоинству» (т. е. выбору начальства). С 1796 г. было установлено, что командиры полков и батальонов сведения о вакансиях и кандидатах на них должны представлять в Военную коллегию, а та уже представляла их на рассмотрение императору (составляя по штаб-офицерам общие списки по видам армейских войск). Производство в чины осуществлялось непосредственно императором, и сведения об этом публиковались позже в «Высочайших приказах о чинах военных».

Производство «по выбору» с этого времени почти совсем исчезает, оставшись в законодательстве в виде исключения как награда за особые отличия (преимущественно на войне). Никаких правил для производства в генеральские чины не существовало. Государь Император лично производил в генералы отличившихся на службе офицеров. В 1808 г. был издан специальный указ о том, что никто не имеет права просить о производстве в генералы «в сравнение со сверстниками», ибо оно зависит не от старшинства, а от Монаршего соизволения. По указу 1721 г. каждый офицер, повышаемый в чине, приводился к присяге и на новый чин выдавался патент за подписью императора.

Для того чтобы не мешать производству на открывшиеся вакансии, в 1796 г. было запрещено переводить обер-офицеров из полка в полк. Но это привело к тому, что капитанский чин в силу чисто случайных обстоятельств мог достигаться в одних полках за 4–10 лет службы, а в других — на 20-м году независимо от личных достоинств офицера. В первой половине XIX в. этот порядок в основном сохранялся, но в царствование Николая I вакансии для производства в майоры стали считаться по дивизиям. Штаб-офицеры производились в следующие чины (подполковника и полковника) уже не по старшинству, а за отличие (т. е. по выбору начальства) на вакансии по всей армии. В корпусе внутренней стражи до чина поручика офицеры производились за выслугу 3 лет в предыдущем чине и на вакансию, а в следующие чины (со штабс-капитана) — только за отличие.

Вообще в армии производство в обер-офицерские чины за отличие почти не применялось, ибо для него нужно было прослужить в прежнем чине не менее 3 лет, а для производства за отличие в штаб-офицерские чины — не менее 5 лет (с 1865 г. — 2 и 3 года соответственно), а за особые заслуги — 2 и 3 года, тогда как производство по старшинству на вакансии не зависело от срока выслуги (лишь с 1864 г. кандидаты в майоры должны были не менее года командовать ротой или эскадрой). Такое положение ограничивало возможность продвижения по службе наиболее достойным офицерам, поэтому в 1861 г. (13 мая) было принято решение о производстве и в первый штаб-офицерский чин (майоры) только за отличие{91}.

По правилам 1870 г. строевые офицеры военно-учебных заведений производились в штаб-офицерские чины на общих основаниях с офицерами той части, где они числились и от которой считались в командировке; они могли переводиться в гвардию (без права поступления на действительную службу в гвардейские части). На должности по учебно-

воспитательной части офицеры принимались по выслуге 4 лет в строю, причем первые два года на учебных должностях они также считались в командировке от своих частей и лишь затем переводились в ведомство военно-учебных заведений. Офицеры этого ведомства пользовались таким же преимуществом перед армией в один чин, как офицеры военно-судебного ведомства и специальных войск, но в полковники производились лишь при занятии соответственной этому чину должности.

Офицеры, занимавшие должности по хозяйственной части и в канцеляриях, числились «по роду оружия» и производились в чины только за отличие. Те из них, кто занимал должности, положенные по штату не для офицеров, а для военных чиновников, могли с 1874 г. повышаться в чине лишь в том случае, если новый чин соответствовал занимаемой должности, а не был выше положенного для нее по штату. В 1880 г. это положение было распространено на офицеров Генерального штаба, корпусов военных инженеров и военных топографов, военно-судебного и военно-учебного ведомств.

В 1884 г. в связи с изменением системы чинов большие перемены произошли и в чинопроизводстве офицеров. С упразднением чина прапорщика все прапорщики были произведены в подпоручики, а корнеты сравнены с ними по классу чинов (за исключением тех, кто был произведен в годы войны 1877–1878 гг. без экзамена на офицерский чин и подлежал зачислению в запас). С 1 января 1885 г. производство из подпоручиков в поручики на вакансии по старшинству было отменено и заменено 4-летней выслугой (до этого в среднем в чине подпоручика офицеры пребывали чуть более 4 лет, почему и был выбран этот срок). Однако, поскольку качество военного образования у выпускников разных типов учебных заведений было разным, то в этот срок засчитывалось и то условно-льготное старшинство в чине, которое назначалось некоторым выпускникам военно-учебных заведений при выпуске (все выпускались подпоручиками), и, таким образом, некоторые из них служили подпоручиками 3, 2, а то и 1 год.

Для производства в поручики, как и ранее, необходимо было удостоение начальства. Одновременно упразднялось указание на точное число младших офицеров каждого чина в части и устанавливалось лишь общее число штатных должностей младших офицеров, которых могли замещать как поручиками, так и подпоручиками, а в военное время — и прапорщиками. Прежняя ваканционная система была сохранена только в старой гвардии (в пехоте линия старшинства шла до капитана по полкам, а для производства в полковники — по дивизиям; в кавалерии — по полкам, вплоть до полковника).

В том же 1884 г. изменены правила, касавшиеся производства капитанов в первый штаб-офицерский чин (теперь это был чин подполковника). Прежний порядок производства их в майоры только за отличие выявил немало субъективизма со стороны начальства, в результате чего в одних дивизиях не бывало произведено ни одного капитана за несколько лет, а в других производилось по несколько человек в год.

По временным правилам 1884 г. производство капитанов в подполковники совершалось раз в год — 1 января (с 1887 г. — 26 февраля), за исключением боевых отличий: 50% — по старшинству и 50% по выбору начальства за отличие (5% из них — за особые отличия «вне правил»). При этом требовалось помимо обладания соответствующими физическими, нравственными и служебными качествами иметь удостоверение начальства, командовать ротой не менее 2 лет подряд, быть не старше 50 лет, состоять на действительной службе в офицерских чинах не менее 12 лет и прослужить в чине капитана: для производства по старшинству — не менее 6 лет, для производства за отличие — не менее 4, но не более 6 лет и для производства за отличие «вне правил» — не менее 3 лет. Капитаны, окончившие академии Генерального штаба и юридическую, вместо награждения чином теперь получали годовой оклад жалованья.

Однако вскоре в качестве временной меры пришлось до 1889 г. ввести облегчительные правила — увеличить предельный возраст до 54 лет, срок командования ротой уменьшить до 1 года, а для ставших капитанами до 1879 г. срок пребывания в этом чине для производства в подполковники за отличие не ограничивать 6 годами. В 1885 г. все эти правила были распространены на ротмистров армейской кавалерии (которые должны были еще пройти курс в офицерской кавалерийской школе).

Число капитанов, перешедших 50-летний возраст, было очень велико: достаточно сказать, что из 195 человек, произведенных в подполковники в 1888 г., льготными правилами воспользовался 101, или 52%⁹². Ротные командиры в юнкерских училищах производились годом ранее строевых капитанов. В 1893 г. из числа капитанов, производимых за отличие, «вне правил» должны были производиться 10% (вместо 5%), а еще 20% отдавалось капитанам, окончившим по 1-му или 2-му разряду одну из военных академий. В военно-учебном ведомстве еще с 1882 г. в подполковники производились за отличие после не менее 3 лет выслуги в последнем чине и с учетом того, чтобы число подполковников в каждом заведении не превышало трети всех преподавателей.

В 1884 г. были установлены и новые правила производства в полковники, согласно которым не допускалась возможность представления

к этому чину без вакансии (кроме как за личные боевые подвиги и случаев увольнения в отставку). Для производства требовалось прослужить в предыдущем чине не менее 4 лет («вне правил» — 3 года) и быть не старше 55 лет. Заслуженные подполковники, не отвечающие этим требованиям, могли в виде исключения производиться в полковники с увольнением в отставку (чтобы получать большую пенсию). Лица, достигшие чина полковника на службе в гражданском ведомстве, не могли переводиться на действительную военную службу и в запас ни в мирное, ни в военное время, и их дальнейшее продвижение было возможно только при переименовании в гражданские чины. Они не могли производиться в генерал–майоры ни по отставке, ни тем более получать этот чин перед увольнением в отставку.

Для производства в генералы, как уже говорилось, срока выслуги не существовало, а с 1882 г. было запрещено представлять к чину генерал–майора за отличие ранее выслуги полковником 10 лет (кроме особо выдающихся случаев). Тем же, кто был произведен в генералы за выдающиеся отличия, давалось преимущество в старшинстве в чине генерал–майора перед сверстниками по чину полковника, если те были произведены в генерал–майоры обычным образом.

Итак, до конца XIX в. чинопроизводство офицеров осуществлялось тремя способами: 1) по старшинству на вакансии по полкам (главным образом строевые офицеры); 2) за отличие (строевые офицеры и занимающие административные должности); 3) за выслугу лет в предыдущем чине (офицеры местных и конвойных команд, дисциплинарных батальонов и рот, делопроизводители управлений уездных воинских начальников, офицеры Генерального штаба, корпуса военных топографов, военно–судебного и военно–учебного ведомств, а также по всей армии из подпоручиков в поручики). Такое положение было невыгодно для строевых офицеров, поскольку основная их часть производилась на вакансии, что зависело от случайных обстоятельств (и если в одних полках капитанский чин достигался на 10–11–м году службы, то в других — на 20– 22–м году); это побуждало офицеров переходить из строя в различные управления. Чтобы ослабить эту тенденцию, в 1897 г. было установлено, что делопроизводители уездных воинских начальников могут производиться в следующие чины не раньше чем их младшие сверстники по той части, из которой они поступили в управление. Но этого было недостаточно, и в 1900 г. система чинопроизводства изменена более радикально. Для обер–офицеров ваканционная система отменена, и теперь производство во все обер–офицерские чины — поручика, штабс–капитана

и капитана обуславливалось выслугой 4 лет в каждом чине.

Что касается производства капитанов в подполковники, то в 1896 г. было предписано для производства «вне правил» оставить 5% мест, а остальные поровну распределять для производимых по старшинству и за отличие, причем 20% последней половины выделять выпускникам академий. В том же году уездным воинским начальникам также было предоставлено право производства в подполковники не только за отличие, но и по старшинству. Но только в том случае, если хоть кто-либо из сверстников, кандидатов на производство, служивших на строевых должностях, производился в данном году в подполковники по старшинству, а не за отличие. При этом зги уездные воинские начальники должны были быть не старше 55 лет и прослужить не менее 12 лет в офицерских чинах. Выпускники академий с 1893 г. должны были прослужить в капитанском чине не менее 4 лет до производства в подполковники, а с 1898 г. — не менее 3 лет. Такой же срок с 1898 г. устанавливался для георгиевских кавалеров.

В 1900 г. определены и правила производства в генеральские чины, которое осуществлялось за отличие и «вне правил». Для производства за отличие в полные генералы требовалась выслуга в предыдущем чине 12 лет, в генерал-лейтенанты и в генерал-майоры — 8 лет; при производстве «вне правил» эти сроки сокращались на 2 года. Полковники, служившие в армии на административных должностях и вне военного ведомства, производились в генерал-майоры не ранее их строевых сверстников по службе. Производство в генеральские чины осуществлялось дважды в год — 6 декабря и в первый день Св. Пасхи.

С принятием в 1882 г. положения об офицерах запаса было установлено, что офицеры запаса разделяются по родам оружия: по пехоте — гвардейской, армейской и стрелковых батальонов, по кавалерии — гвардейской и армейской, по артиллерии — гвардейской конной, гвардейской пешей, полевой пешей, полевой конной и местной, по инженерным войскам — полевых инженерных войск и инженерных парков; по родам службы: Генерального штаба, корпуса военных топографов, военных инженеров, местных инженеров и военно-судебного ведомства. При этом обер-офицерам запаса всех родов оружия и службы предоставлялось право на дальнейшее повышение в чине, оставаясь в запасе, до капитана включительно. По каждому роду оружия для каждого чина было установлено определенное число вакансий, на которые и производились офицеры запаса. (Офицеры, состоящие в запасе корпуса военных топографов и военно-судебного ведомства и отбывавшие

лагерные сборы при пехотных полках, вместе с производством в следующий чин зачислялись в запас армейской пехоты, а офицеры прочих родов войск и служб в любом случае оставались числиться по своему роду оружия.)

Помимо вакансий требовалось, чтобы при повышении офицеры запаса не обошли в чинах своих сверстников, оставшихся на действительной службе, чтобы они добровольно пробыли в прикомандировании к войскам полные сроки лагерного сбора и чтобы на их производство имелось удостоверение начальства. Из подпоручиков в поручики офицеры запаса могли производиться не ранее чем через 3 года, а из поручиков в штабс-капитаны и из штабс-капитанов в капитаны — через 5 лет. При этом никто не мог, находясь в запасе, расти в чине более двух раз. Офицеры запаса, служившие вне военного ведомства и получившие более высокие гражданские чины, в запасе все равно числились своими военными чинами.

Прапорщики запаса по правилам 1889 г. допускались к экзамену при училище на офицера действительной службы и производились в подпоручики на тех же основаниях, что и вольноопределяющиеся (при этом разрешалось держать такой экзамен не чаще двух раз за каждые 5 лет пребывания в запасе), и должны были отбыть лагерный сбор. Они производились в подпоручики с оставлением в запасе (не ранее своих сверстников, сдавших экзамен по тому же разряду на действительной службе) и в дальнейшем определялись на действительную службу на общих основаниях.

Зауряд-прапорщики, имевшие образовательный ценз, за боевые заслуги могли производиться в прапорщики без экзамена, а затем за новые боевые отличия — и в следующие офицерские чины. В исключительных случаях они могли производиться сразу в подпоручики (по Высочайшему разрешению) и в этом случае оставаться на службе и в мирное время, производиться в следующие чины без экзамена. Остальные зауряд-прапорщики в мирное время могли оставаться на действительной службе в прежнем положении, а имеющие образовательный ценз — поступать в юнкерские училища (с высшим образованием — не старше 28 лет, со средним—24 лет) и по выпуску на общих основаниях производиться в подпоручики.

Следует еще заметить, что с 1894 г. для выпущенных из военных училищ офицеров устанавливался определенный порядок очередности для дальнейшего чинопроизводства в своих частях, согласно которому выпущенные по 1-му разряду имели преимущество над выпускниками 2-

го разряда, а внутри разряда — бывшие в училищах фельдфебелями и вахмистрами — над портупей-юнкерами, а последние — над рядовыми юнкерами. Среди имевших одинаковые знания старшинство определялось по среднему баллу, общему для всех училищ, при равенстве же балла преимущество давалось выпускникам Павловского училища, затем — Александровского.

Сложившийся порядок чинопроизводства зависел от количества ежегодно открывавшихся вакансий в войсках, а оно было небольшим, как и число строевых командных должностей. А большинство нестроевых должностей в военном ведомстве полагалось замещать не офицерами, а военными чиновниками. Поэтому в мирное время продвижение по службе большинства офицеров шло медленно. Командирам рот приходилось подолгу ждать вакансии батальонного командира, и многие уходили в отставку, достигнув предельного возраста (он с учетом этого обстоятельства был установлен в 1899 г. довольно большим — для пехотных обер-офицеров 53 года, для кавалерийских — 56 лет).

Объективно получалось так, что, несмотря на принимаемые меры по обеспечению преимуществ строевых офицеров в старшинстве над их сверстниками, находящимися на нестроевых должностях, повышение в чинах офицеров, служащих в штабах, управлениях и т. п., шло успешнее. Число штаб-офицерских и генеральских должностей там было гораздо большим относительно общей численности офицеров. Чина полковника (по данным на 1903 г.: когда из 2668 полковников на строевых должностях находились 1252 человека, или 47%, а на нестроевых — 1416, или 53% {93}) строевые офицеры (без особых преимуществ — академии и т. п.) достигали в среднем через 26 лет службы в офицерских чинах, а нестроевые — через 25 лет {94}, причем из служивших на нестроевых должностях полковниками становилось большинство, а из служивших на строевых должностях — меньшинство.

В худшем положении находились основные рода войск — армейские пехота и кавалерия, т. к. во всех специальных родах войск производство в полковники шло по старшинству и произведен мог быть каждый, а здесь производство в подполковники наполовину и в полковники полностью шло по избранию начальства на вакансии. В результате конкуренции производились немногие. Поэтому в армейской пехоте и кавалерии процент офицеров, уволенных в отставку капитанами и ротмистрами, был наибольшим.

Что же касается времени пребывания в офицерских чинах до получения чина полковника, то оно составляло в среднем 24,2 года (всего

полковники в 1903 г. состояли в офицерских чинах в среднем 29,2 года при среднем возрасте поступления на службу 20,6 года){95}.

Но при этом гвардейские офицеры получали этот чин в среднем через 21 год службы в офицерских чинах, а армейские — через 28,2 года. Некоторые группы офицеров повышались в чинах более быстро. Например, выпускники академии и представители титулованной аристократии становились полковниками в среднем через 19,5 года. Некоторую роль играло и награждение орденом Св. Георгия: георгиевские кавалеры получали чин полковника в среднем через 25,7 года{96}.

Правда, генеральских чинов быстрее достигали строевые офицеры. Соотношение строевых и нестроевых генеральских должностей было примерно таким же, как и полковничьих (на 1.12 1902 г. из 1386 генералов, в том числе 129 полных генералов и 387 генерал-лейтенантов, строевые должности занимал 661—48%, а нестроевые — 725, или 52%, причем среди полных генералов на строевых должностях состояли 22%, генерал-лейтенантов — 47% и генерал-майоров—52%). До получения первого генеральского чина полные генералы служили в среднем в офицерских чинах 20,7 года, генерал-лейтенанты — 27,2, генерал-майоры — 30 лет. Если не учитывать дополнительные факторы (окончание академии, титул, орден Св. Георгия), то среди генерал-майоров строевые офицеры получили генеральский чин через 31,7 года, а нестроевые — через 32,5, среди генерал-лейтенантов — соответственно 28,5 и 29, среди полных генералов — 21,5 и 20,3{97}.

В целом в чинопроизводстве просматривалась несомненно очевидная тенденция: для успешного продвижения по службе важно было достаточно рано занять должность батальонного командира; став затем командирами полков, такие офицеры быстро получали и генеральские чины. Быстрее всего шло повышение в чинах офицеров, занимавших старшие строевые должности, но этих должностей достигали сравнительно немногие строевые офицеры. После них наиболее хорошие перспективы имели офицеры, занимающие нестроевые должности в штабах и управлениях: генеральских чинов им достичь было труднее, но полковниками становилось большинство, и, наконец, в худшем положении оказывались строевые офицеры (командиры рот), не получившие батальонов или получившие их слишком поздно.

В военное время положение, естественно, было иным. В годы мировой войны повышение в чинах шло очень быстро, и немало офицеров, начавших войну капитанами и ротмистрами, к 1917 г. были произведены в генералы. Младшие офицеры в 1914–1917 гг. также росли очень быстро:

для производства прапорщиков в подпоручики и подпоручиков в поручики установили обычный срок в 8 месяцев, однако офицеры, окончившие ускоренный курс военных училищ и школы прапорщиков, не могли производиться в штаб-офицерские чины (это право имели только те, кто окончил военные училища подпоручиками — не позже осени 1914 года). Тем не менее многие офицеры, получившие чин прапорщика в 1914–1915 гг., через два года были уже поручиками и штабс-капитанами и командовали ротами и даже батальонами.

Чинопроизводство офицеров на флоте

На флоте в первые годы XVIII в. определенного порядка чинопроизводства не существовало и оно зависело от усмотрения императора, ходатайства начальства или личной просьбы офицера. Производство иностранцев определялось условиями контракта или личными заслугами, пока в 1706 г. не был установлен для них 3-летний срок выслуги при производстве в следующий унтер-офицерский и обер-офицерский чин до капитан-поручика включительно, 4-летний — из капитан-поручиков в комендеры и 5-летний — из комендеров в капитаны (а далее — только за отличие). За особые заслуги до 1719 г. могли повысить сразу через один, а то и через два чина.

В 1720 г. на флоте (как чуть ранее и в сухопутной армии) введен порядок чинопроизводства путем баллотировки, т. е. выборов сослуживцами — офицерами части или соединения. При этом по баллотировке производились из унтер-офицеров в первый офицерский чин — унтер-лейтенанта, из капитан-лейтенантов в первый штаб-офицерский чин — капитана 3 ранга и из капитанов 1 ранга — в капитан-командоры (но в этот чин — только по особому указу). Производство от унтер-лейтенанта до капитан-лейтенанта и от капитана 3 ранга до капитана 1 ранга осуществлялось без баллотировки, по старшинству. Право производства на вакансии предоставлялось Адмиралтейств-коллегий (с 1727 г. — только до капитана).

В 1728 г. было установлено, чтобы мичманов (тогда унтер-офицерский чин), прежде чем произвести в унтер-лейтенанты флота, производить в унтер-лейтенанты сухопутных войск. В 1733 г. Адмиралтейств-коллегия, чтобы не замедлять продвижения по службе строевых флотских унтер-офицеров (мичманов), запретила производство штурманов в унтер-лейтенанты. Им присваивали специально введенный чин мастера (равен армейскому капитану), но зато далее повышаться в чине — в лейтенанты флота (равен армейскому майору) могли только те из них, кто был дворянского происхождения. С 1757 г. штурманы производились в

общеармейский чин прапорщика и могли повышаться до капитана.

В 1742 г. производство по баллотировке отменено и стало совершаться исключительно по старшинству (недостойные обходились, причем командир обязан был это обосновать). Однако в течение десятилетия в морском чинопроизводстве царил полный беспорядок, т. к. одновременно восстановили прежнюю систему чинов, и вопрос о старшинстве был весьма запутан. В 1764 г. баллотировку на флоте восстановили и даже распространили на все чины (включая адмиральские), за единственным исключением — из мичманов в морские подпоручики (а с упразднением этого чина — в лейтенанты) производили по экзамену, а в мичманы (теперь первый офицерский чин) производились кадеты Морского корпуса по аттестатам корпусного начальства. В том же году сделано еще исключение: из капитанов 2 ранга в капитаны 1 ранга производство должно было осуществляться по старшинству в чине и заслугам. Это подтверждал регламент 1765 г. При баллотировке надо было набрать не менее $\frac{1}{3}$ положительных баллов (т. е. голосов «за»). О производстве в капитаны 1 ранга, полковники и выше докладывалось императрице. Старшинство до 1766 г. считалось по числу баллов, но затем — исключительно по дате присвоения чина.

В 1782 г. баллотировка на флоте вновь отменена, производство стало осуществляться по старшинству на вакансиях. В 1785 г. при учреждении Черноморского флота князь Потемкин получил право чинопроизводства его офицеров (до капитанов 1 ранга включительно) независимо от Адмиралтейств-коллегии, а с 1792 г. до 1796 г. офицеры Черноморского флота до капитан-лейтенанта производились Черноморским Адмиралтейским правлением. Павел I ввел порядок производства из мичманов в лейтенанты по экзамену, в капитан-лейтенанты и капитаны 2 ранга — по баллотировке, а далее — по старшинству. При этом император лично просматривал баллотировочные списки и замещал открывшиеся вакансии. Офицеры, имевшие хотя бы один сомнительный балл (шары при баллотировке были «избирательные», «неизбирательные» и «сомнительные»), не производились.

В 1801 г. восстановлены правила чинопроизводства 1765 г., но с тем, чтобы по баллотировке производить только тех, кто наберет не менее половины положительных баллов (причем офицеры, получившие два раза подряд менее $\frac{2}{3}$ положительных баллов, после этого отставлялись от службы). В 1804 г. при баллотировке были исключены «сомнительные» шары и оставлены только «избирательные» и «неизбирательные». В мичманы гардемарины теперь производились по экзамену и не ранее

совершения 5 морских кампаний, мичманы в лейтенанты — по выслуге 4 лет, а артиллерийские и штурманские чины до IX класса в следующий чин — по выслуге 2 лет. Шестую часть капитан–лейтенантских, четвертую часть капитанских и половину адмиральских вакансий полагалось замещать не баллотировкой, а по Высочайшему избранию.

В начале царствования Николая I баллотировка окончательно отменена и производство в чины стало осуществляться по старшинству и за отличие. Этот порядок существовал до 1885 г., когда «Положением о морском цензе для офицеров флота» были установлены следующие требования для производства в чины.

Мичмана: 1) выпускной экзамен из Морского училища; 2) не менее 4–летних плаваний гардемаринном (в т. ч. одного продолжительностью не менее 4 месяцев); 3) удостоверение комиссии по практическому экзамену на чин мичмана;

Лейтенанта: 50–месячное плавание (в т. ч. гардемаринном и кадетом Морского училища);

Капитана 2 ранга: 98 месяцев плавания (в т. ч. не менее 48 лейтенантом);

Капитана 1 ранга: 12 месяцев плавания в должности старшего офицера судна 1 или 2 ранга и 12 месяцев командования судном 2 ранга в плавании;

Контр–адмирала: 4 года командования судном I ранга при внутреннем плавании в этой должности 8 месяцев или заграничном плавании 12 месяцев;

Вице–адмирала: внутреннее плавание начальником отряда или эскадры 12 месяцев или заграничное — 24 месяца.

Для производства по старшинству необходимо было наличие вакансии и удостоверение начальства, за отличие — также наличие вакансии, выполнение указанного морского ценза и выслуга в предыдущем чине: для производства в лейтенанты — 5 лет, в капитаны 2 ранга — 6 лет, в капитаны 1 ранга — 3 года. При этом для производства за отличие выделялось не более $\frac{1}{3}$ всех вакансий капитанов 2 ранга и $\frac{1}{4}$ — капитанов 1 ранга. В контр–адмиралы производились только за отличие, а в вице–адмиралы — только по старшинству (за исключением особых заслуг или назначения на вице–адмиральскую должность), а в адмиралы — только по непосредственному усмотрению императора. Во время войны производство за отличие допускалось вне вакансий и без срока выслуги, а за боевые подвиги — и без морского ценза (но для вторичного повышения за отличие ценз для нового чина должен быть выполнен).

Обер–офицеры упраздненных корпусов флотских штурманов и

морской артиллерии также производились по старшинству и за отличие. Выпускникам Морского технического училища присваивали звание подпоручика, а для дальнейшего производства по старшинству устанавливались (помимо вакансии) следующие правила ценза. Штурманы могли получить чин поручика по выслуге 4 лет, проплавав 30 месяцев, штабс-капитана — по выслуге 4 лет, проплавав 50 месяцев (в том числе 12 месяцев старшим штурманом на судне 1 или 2 ранга или флагманским штурманом).

Для морских артиллеристов были установлены те же сроки выслуги в предыдущем чине; они должны были, кроме того, окончить курс в учебно-артиллерийской команде или проплавать на судах артиллерийского отряда. В штаб-офицерские чины офицеры обоих корпусов производились только на вакансии и каждый раз по особому усмотрению высшего морского начальства. За отличие они могли производиться в мирное время лишь на $\frac{1}{4}$ открывшихся вакансий, в военное время — вне сроков выслуги и вакансий, а за боевые подвиги (как и флотские офицеры) — и без ценза. Подпоручики корпуса флотских штурманов, выполнившие ценз на поручика, по особому разрешению высшего морского начальства могли после сдачи специальных для них экзаменов поступать в Морскую академию и, успешно окончив ее, переводиться в офицеры флота — мичманами (без старшинства).

В начале XX в. положения ценза для производства в следующие чины офицеров флота существенно не изменились. Для производства за отличие по службе для каждого чина существовала определенная квота. В лейтенанты за отличие разрешалось производить 15% офицеров, в старшие лейтенанты—35%, в капитаны 2 ранга — 65%, в капитаны 1 ранга и адмиралы все офицеры производились только за отличие. Существовал и предельный возраст пребывания в каждом чине (время пребывания в чине мичмана было ограничено 10 годами службы): для лейтенанта — 40 лет, старшего лейтенанта — 45, капитана 2 ранга — 50, капитана 1 ранга — 53, контр-адмирала — 56, вице-адмирала — 60 и адмирала — 65 лет. Достигшие его и не произведенные в следующий чин увольнялись в отставку.

Численность офицерского корпуса

При создании русской регулярной армии число офицеров, которыми она располагала, было очень невелико. В 1695 г. в кадрах Иноземского приказа насчитывалось 1307 офицеров{98}. В начале Северной войны в трех дивизиях, в которые были сведены формируемые пехотные полки (1701 г.), служили 1137 офицеров. Вместе с офицерами 12 драгунских полков и других частей общее число офицеров в 1701 г. составляло 2078

человек{99}. В ходе войны оно увеличилось до нескольких тысяч. К середине 50-х гг. XVIII в. в сухопутной армии насчитывалось примерно 9 тыс. офицеров. Число офицеров колебалось в зависимости от военно-политической обстановки. Например, в самом конце XVIII в. оно было несколько большим, чем в начале XIX в. Хотя точных данных о численности всего офицерского корпуса за эти годы нет, но о нем можно судить по числу штаб-офицеров. Если в 1797 г. в армии было 399 генералов и 2417 штаб-офицеров (297 полковников, 466 подполковников и 1654 майора), то в 1809 г. штаб-офицеров насчитывалось всего 2113 человек (495 полковников, 442 подполковника и 1176 майоров){100}. В 1803 г. в армии служило около 12 тыс. офицеров, накануне войн с Францией (1805–1807 гг.) — до 14 тыс., а во время войны 1812 г. — 15–17 тыс.{101} (не считая нескольких сотен офицеров иррегулярных войск — казаков и ополчения).

Во второй четверти XIX в. число офицеров оставалось примерно одинаковым, колеблясь в разные годы от 24 до 30 тыс. Представление об этом (сведения приводятся на конец года) дает таблица б{102}.

В данной таблице показан списочный состав офицеров. Среди офицеров регулярных войск в среднем до 10% состояло «по роду оружия», а остальные находились на действительной службе в частях. В иррегулярных войсках на действительной службе состояло обычно (за исключением военных лет) около половины списочного состава. На 1.1 1853 г. в казачьих войсках по спискам числилось 3278 генералов и офицеров, а на действительной службе состояло 2060, на 1.11856 г. — 4225 и 3453{103}. В инородческих частях (Балаклавский греческий батальон, Грузинская пешая дружина, Дагестанский конно-иррегулярный полк, Закавказский конно-мусульманский полк, Кавказский сводно-иррегулярный полк, лейб-гвардии Крымский татарский эскадрон, Анапский горский полуэскадрон, Кубанский конно-иррегулярный эскадрон, лейб-гвардии Кавказский эскадрон собственного Его Императорского Величества конвоя, Лабинский конно-иррегулярный эскадрон, Терский конно-иррегулярный полк, Дагестанская постоянная милиция и разные горские команды) все офицеры списочного состава, как правило, состояли на действительной службе (на 1.1 1856 г. в этих частях числился 121 офицер). К иррегулярным войскам относилось также Башкиро-мещеряцкое войско, из числившихся в котором офицеров на действительной службе состояло менее 10% (в 1856 г. — 68 человек из 730){104}. В таблице 7 показано соотношение списочного состава и состоящих на действительной службе в войсках по казачьим и инородческим частям в

60–70-е гг. XIX в. (данные на 1.1){105}.

В последней трети XIX — начале XX в. число генералов и офицеров регулярных войск (включая состоявших «по роду оружия»), как видно из таблицы 8, колебалось между 30 и 40 тыс. человек (данные приводятся на конец каждого года){106}.

Число офицеров казачьих войск, состоявших на действительной службе, за два последних десятилетия XIX в. увеличилось почти вдвое: в 1881 г. — 2174, в 1886 г. — 2242, в 1891 г. — 2591, в 1896 г. — 3670 и в 1900 г. — 3495 человек{107}.

К 1 января 1908 г. в русской армии служило 44 800 офицеров (без казаков — 42 906), в том числе 1300 генералов, 7811 штаб-офицеров и 35 689 обер-офицеров. На каждого офицера приходилось в среднем 24 солдата, что лишь незначительно отличалось от армий других стран: во Франции это соотношение составляло 1:19 (31 тыс. офицеров на 588 тыс. солдат), в Германии — 1:21 (28 тыс. офицеров на 588 тыс. солдат). Соотношение строевых и нестроевых офицерских должностей было 5:1 (обер-офицеров — 9:1, штаб-офицеров — 1,5:1, генералов — 0,7:1), но в целом, учитывая такие должности в строевых частях, — как заведующие швальней, командиры нестроевых рот, хозяева офицерских собраний и т. п., оно приближалось к 3:1{108}. В последние годы перед мировой войной численность офицерского корпуса возросла (данные на конец года см. в таблице 9){109}.

В начале 1914 г. в русской армии служило примерно 42–43 тыс. офицеров. Штатный состав офицерского корпуса приводится в таблице 10.

Однако списочный состав отличался от штатного, т. к., с одной стороны, существовал некомплект обер-офицеров (в апреле 1914 г. — 3380 человек), а с другой — многие штаб-офицеры и генералы служили на должностях, не значащихся в штатном расписании офицерских должностей военного ведомства (в том числе и других ведомствах). Кроме того, имелось еще 1645 офицеров Отдельного корпуса пограничной стражи (27 генералов, 280 штаб — и 1338 обер-офицеров), 997 офицеров Отдельного корпуса жандармов (35 генералов, 407 штаб — и 555 обер-офицеров) и около 200 офицеров, служивших по внутреннему управлению одиннадцати казачьих войск. После мобилизации число офицеров увеличилось до 80 тыс.{110, но в первые же месяцы армия понесла большие потери. Изменение численности офицеров в действующей армии (составлявшей 70–75% всех вооруженных сил) во время войны показано в таблице 11.

На 1.3 1917 г. в действующей армии числилось по спискам 190 623 офицера (в т.ч. 32 216 на Северном фронте, 39 104 на Западном, 63 293 на

Юго-Западном, 43 114 на Румынском и 12 896 — на Кавказском), из них налицо имелось 128 206 (при штатном расписании в 131 277){111}. По переписи действующей армии на 25 октября 1917 г. в ней состояло (налицо и находившихся в отпусках) 157 884 офицера, из них 127 508 служили в строевых частях, 4007 в ополченских, 26 258 в тыловых и 111 в общественных организациях (в т.ч. всего на Северном фронте — 27 390, на Западном — 28 206, на Юго-Западном — 43 207, на Румынском — 42 116, в подчинении начальника сухопутных войск Черноморского побережья — 1017 и на Кавказском фронте — 15 837){112}.

Что касается флота, то число офицеров на нем было относительно невелико. В начале XVIII в. морских офицеров было несколько сот, затем их число увеличилось до 2–3 тыс. Максимальной цифры оно достигло в середине XIX в., в эпоху расцвета парусного флота, но затем постепенно стало уменьшаться, сократившись к концу столетия почти вдвое. В таблице 12 показан состав флотских чинов (на конец года) во второй половине XIX в.{113}.

В 1913 г. на флоте насчитывалось 1970 строевых офицеров, 550 инженер-механиков, 230 военных врачей. За время мировой войны численность флотских офицеров возросла более чем вдвое: на 1.1 1917 г. на Черноморском флоте служили 1463 офицера, а на Балтийском — свыше 4300 (к октябрю на Балтийском флоте было около 4,5 тыс. офицеров). Таким образом, общая их численность к исходу 1917 г. превышала 6 тыс.

Убыль офицерского состава

В первой половине XVIII в. ежегодная убыль офицеров была небольшой, так как основная причина ее в последующем — уход в отставку по собственному желанию — тогда не действовала. Все офицеры как дворяне (а потомственное дворянство давал первый же офицерский чин) были обязаны служить пожизненно и могли увольняться в отставку только при неспособности продолжать службу по инвалидности, болезни или глубокой старости. Это обстоятельство сильно сокращало ротацию офицерского корпуса. Правда, потери в войнах, которые были достаточно кровопролитными, увеличивали убыль (равно как и естественная смертность, которая при более высоком среднем возрасте офицерского корпуса была значительнее, чем в последующее время, когда он помолодел, но в целом они не оказывали решающей роли). Мало изменило положение и сокращение срока службы дворян до 25 лет в 1736 г., поскольку такой срок все равно оставался довольно длительным. Существенные изменения внес только указ 1762 г. о вольности дворянства, позволивший офицерам уходить в отставку в любое время. Убыль офицеров сразу же резко

возросла, хотя многие впоследствии и возвращались на службу.

Во второй половине XVIII — начале XIX в. для абсолютного большинства дворян служба в армии оставалась морально обязательной и служить офицером было делом чести дворянина, даже материально обеспеченного. Однако, дослужившись до поручика или штабс-капитана, такие дворяне обычно уходили в отставку и селились в своем имении. Дослужившиеся до штаб-офицерских чинов по большей части оставались в армии. Крайне редко уходили и в отставку те офицеры, для кого служба была единственным источником существования (в т.ч. выслужившие офицерский чин представители других сословий) за неимением недвижимости; с начала XIX в. число таких офицеров стало быстро увеличиваться.

Во второй четверти XIX в. ежегодная убыль офицеров в мирное время обычно не превышала 1500 человек, причем до 80% убыли приходилось на уволенных в отставку. С 1826 до конца 1850 г. из регулярных частей армии выбыло в общей сложности 59 844 офицера. Из этого числа убито в боях 1232 человека (в т.ч. 26 генералов), умерло 14 992 (в т.ч. 516 генералов), уволено 42 934 (в т.ч. 629 генералов), бежало 3 и было разжаловано в рядовые 753{114}. В некоторые годы убыль превышала 2 тыс. человек (например, в 1852 г. — 2261){115}. В военные годы убыль была меньше, поскольку, несмотря на боевые потери, резко снижалось число уходивших в отставку, которые составляли обычно подавляющую часть убывших (а среди уходивших в отставку большинство делало это не по болезни или старости, а по собственному желанию, связанному с обстоятельствами, которые в годы войны отходили на второй план). С 1826 по 1858 г. всего убыло 78 047 офицеров (2501 убитый, 19 513 умерших, 54 937 уволенных и 1096 разжалованных).

Итак, подавляющая часть убыли офицеров была связана не со смертью, а с отставкой. О ее причинах дает представление таблица 13{116}.

Выход в отставку (с 1882 г. зачисление в запас) и переход в другие ведомства оставались главной причиной убыли офицеров и во второй половине XIX в.{117}. Каково было соотношение между различными причинами убыли офицеров, видно из таблицы 14. Более полное представление о всех причинах убыли офицерского состава дает таблица 15.

В начале XX в., за исключением отдельных лет (в частности, после русско-японской войны), убыль офицеров оставалась в основном на прежнем уровне относительно общей численности офицерского корпуса

(см. табл. 16). В казачьих войсках, однако, убыль (особенно в запас и отставку) была намного выше, чем в регулярных частях: более трети всех ежегодно уходивших в запас составляли казачьи офицеры, хотя их доля среди офицерского корпуса составляла чуть больше 4%{118}.

В запас увольнялись почти исключительно обер-офицеры, которые не могли уйти в отставку за невислугой лет для пенсии. Среди уволенных в отставку доля генералов и штаб-офицеров (по отношению ко всем состоящим на службе офицерам этих категорий) была примерно одинакова (10–15%) и втрое превышала соответствующий показатель для обер-офицеров. Например, в 1907 г. из армии убыло 4454 офицера (умерло — 656, уволено в отставку — 2631, в запас — 856, в другие ведомства — 246, исключено по суду — 65). Причем в отставку ушло 14% всех генералов, 12% штаб-офицеров и 4% обер-офицеров, а из 856 уволенных в запас 828 были обер-офицерами{119}. Что касается перехода в другие ведомства, то речь идет прежде всего о министерстве внутренних дел (к которому относились полиция и Отдельный корпус жандармов) и министерстве финансов (в ведении которого находилась пограничная стража).

В ходе мировой войны потери русского офицерского корпуса были очень велики. Только боевые потери (без учета умерших от ран в лазаретах, от болезней и выбывших по другим причинам) убитыми, ранеными, пропавшими без вести и т. д. составили за 1914–1917 гг. 71 298 человек{120}. Даже с учетом того, что около 20 тыс. человек после излечения вернулись в строй (в т. ч. 16 126 — к 1.1 1917 г.), одни безвозвратные боевые потери превысили всю довоенную численность офицерского корпуса{121}. За первый год войны выбыл из строя едва ли не весь кадровый офицерский состав: достаточно сказать, что из 72 985 человек боевых потерь за всю войну (в это число входят также 1687 военных чиновников и священников) на 1914–1915 гг. приходится 45 115, на 1916 г. — 19 411 и на 1917 г. — 8459. К концу войны во многих пехотных полках служили по 1–2 кадровых офицера, так что от довоенного офицерского корпуса русской армии (кроме кавалерии и артиллерии) мало что осталось.

Пополнение офицерского корпуса

В начале XVIII в. единственным источником пополнения армии офицерами было производство в офицерский чин унтер-офицеров (исключая прием на русскую службу офицеров иностранных армий). Со второй трети столетия офицерский корпус стал также пополняться выпускниками военно-учебных заведений, но их было сравнительно мало (за XVIII в. военно-учебные заведения дали не более 6 тыс. офицеров), и,

за исключением специальных родов войск, они далеко не покрывали потребности армии в офицерах. В начале XIX в. с увеличением сети военно-учебных заведений значение этого источника комплектования возросло, но все равно выпускники учебных заведений составляли менее четверти ежегодного пополнения офицерского состава армии.

Во второй четверти XIX в. убыль офицеров по-прежнему пополнялась главным образом путем производства их из унтер-офицеров. В 1826–1850 гг. армия пополнилась 59 125 офицерами, из которых 14 415 выпущены военно-учебными заведениями, 36 152 произведены из нижних чинов и 8558 возвратились из отставки и переведены из других ведомств. В среднем за год армия получала 2,3–2,4 тыс. офицеров (наибольшее число прибывших отмечено в 1848 г. — 3608, наименьшее в 1845 г. — 1530) {122}. В 1852 г. армия пополнилась 1787 офицерами, в том числе учебные заведения дали 523, из унтер-офицеров и вольноопределяющихся произведены 946 и из отставки возвратились 318 {123}. За 1826–1858 гг. всего прибыло в армию 79 494 офицера (14 871 из военно-учебных заведений, 53 155 произведены из нижних чинов и 11 468 — из отставки и других ведомств).

Поскольку каждый офицер имел право на отставку в любое время и в подавляющем большинстве случаев это делалось по преходящим домашним обстоятельствам, то очень многие возвращались вскоре на службу, причем часто офицер увольнялся в отставку за время службы по нескольку раз. (Число определенных на службу из отставки в период царствования Николая I показано в таблице 17 {124}).

Общая картина пополнения армии офицерами в 50–70-х гг. XIX в. представлена в таблице 18 {125}.

Следует иметь в виду, что выпускники юнкерских училищ возвращались в свои части и уже там производились в офицеры, поэтому они включены в число произведенных из унтер-офицеров. С развитием сети училищ производство в офицеры лиц, не прошедших в них курса или не сдавших экзамена по их программе, было прекращено.

В последующем число лиц, производимых в офицеры в войсках из унтер-офицеров, портупей-юнкеров, подпрапорщиков, эстандарт-юнкеров (окончивших военные или юнкерские училища, но не получивших офицерский чин при выпуске, либо сдавших экзамен за курс военного или юнкерского училища), переведенных из других ведомств, возвратившихся из запаса и отставки, переименованных из гражданских в офицерские чины, и тех, кому был возвращен офицерский чин после разжалования, составляло примерно 1,5 тыс. человек в год (см. табл. 19) {126}.

Все остальные выпускались в войска из военных училищ уже с офицерским чином (см. главу «Подготовка и обучение»).

Число возвратившихся из отставки сильно колебалось (например, в 1880 г. — 185 человек, в 1894 г. — 129, в 1897 г. — 1101){127}. В начале XX в. вся подготовка офицеров сосредоточилась в военных училищах и только небольшое число сдавало экзамен по их программе. В 1907 г. из 2585 прибывших офицеров впервые было произведено 2259, возвратилось из отставки 34, из запаса — 264 и из других ведомств — 31{128}. Пополнение офицерского корпуса перед первой мировой войной показано в таблице 20{129}.

Пополнение армии офицерами во время мировой войны осуществлялось в невиданных прежде масштабах (более чем в 6 раз превысив довоенную численность офицерского корпуса) и существенно изменило его состав (о чем пойдет речь в соответствующей главе). Проходило оно следующим образом. В преддверии войны, 12 июля 1914 г., на месяц раньше срока, произведен в офицеры 2831 выпускник военных училищ, с объявлением мобилизации 18 июля в армию прибыли еще около 40 тыс. из запаса и отставки. После начала войны было сделано еще три выпуска из военных училищ подпоручиками, хотя раньше срока, но с правами кадровых офицеров: 24 августа — 350 человек в артиллерию, 1 октября — 2500 человек в пехоту и 1 декабря — 455 человек в артиллерию и 99 в инженерные войска. Так были выпущены все юнкера, поступившие до войны, в 1913 г.

В дальнейшем выпускались только офицеры с сокращенным сроком обучения (с чином прапорщика), поступившие уже после начала войны (в пехотных училищах курс был 3–4-месячным, в остальных — 6-месячным). Первый выпуск офицеров военного времени состоялся 1 декабря 1914 г. Кроме того, офицеры готовились в специально созданных школах прапорщиков, а также производились за боевые заслуги непосредственно на фронте (без прохождения курса).

До 10 мая 1917 г. было подготовлено 172 358 прапорщиков, в том числе: окончили ускоренные курсы при военных училищах и Пажеском корпусе — 63 785 прапорщиков, произведены по экзамену при инженерном училище по программе ускоренного курса — 96, окончили школы прапорщиков, комплектуемые воспитанниками высших учебных заведений, — 7429, окончили обычные школы прапорщиков — 81 426, произведены за боевые отличия (как с правами по образованию, так и без них) — 11 494, произведены на фронте и в тылу по удостоению строевого начальства (с высшим и средним образованием) — 8128. С 11 мая по октябрь 1917 г. из

военных училищ выпущено 14 700 прапорщиков и из школ прапорщиков — 20 115 (за 10 месяцев 1917 г. военные училища выпустили 28 807 офицеров, а школы прапорщиков — примерно 40 тыс.){130}. С учетом произведенных за это время на фронте общее число подготовленных за войну прапорщиков составило около 220 тыс. человек.

Таким образом, в истории офицерского корпуса русской регулярной армии при всех многочисленных изменениях можно выделить три основных периода: первая половина XVIII в., вторая половина XVIII — первая половина XIX в. и вторая половина XIX — начало XX в. Каждый период представляет собой этап в становлении отечественного офицерства и отличается от других целым рядом особенностей.

В первой половине XVIII в. офицерский корпус русской армии насчитывал всего несколько тысяч человек (менее 10 тыс.) и персонально состав его менялся в общем крайне незначительно, поскольку убыль по инвалидности и смертность были в мирное время относительно невелики. Вхождение в офицерскую среду и дальнейшая карьера были довольно однообразны. Обязанные служить пожизненно (с 1736 г. — 25 лет), дворяне поступали на службу рядовыми, затем получали унтер-офицерский чин и, наконец, производились в офицеры (до трети при этом — из нижних чинов гвардии, где долгое время весь личный состав полков состоял из дворян). Для дворян в то время такая служба принципиально по смыслу своему не отличалась от их прежней службы в качестве членов военно-служилого сословия, хотя по характеру она, естественно, отличалась от прежней в той же мере, в какой регулярная армия отличается от дворянского ополчения. Значительное число офицеров производилось из солдат недворянского происхождения — какой-либо разницы в путях получения первого офицерского чина по принципу происхождения тогда не существовало.

Производство в офицеры осуществлялось на вакансии путем баллотировки — выборами всего офицерского состава полка. К третьему десятилетию XVIII в. была окончательно установлена Табелью о рангах определенная система офицерских чинов, пусть и не вполне совершенная, но в общем обеспечивавшая потребности воинской иерархии и в основном тождественная системам офицерских чинов других европейских государств. Однако порядок чинопроизводства еще окончательно не устоялся и менялся довольно часто, колеблясь между принципом баллотировки и производства по старшинству (т.е. в зависимости от длительности срока службы в предыдущем чине). К тому же порядок чинопроизводства был лишен внутреннего единства, поскольку при производстве в некоторые чины (первый обер-офицерский и первый штаб-

офицерский) практиковалась баллотировка, а в другие — принцип старшинства. В этом находил свое выражение характер самого исторического периода, когда после мощной перетряски российской жизни и устройстве ее на иных основаниях шел поиск путей совершенствования новых организационных форм.

Поскольку убыль офицеров в то время была, как уже говорилось, сравнительно небольшой и вакансий открывалось не так много, продвижение по службе в мирное время шло довольно медленно. Как правило, прослужив всю жизнь, офицер не достигал штаб-офицерских чинов (особенно, если он начинал солдатскую службу не в гвардии). Учитывая малое число штаб-офицерских должностей, чин майора считался уже весьма значительным.

Период, ограниченный рамками второй половины XVIII — первой половины XIX столетия, был, пожалуй, самым блестящим в российской истории. Почти непрерывные замечательные победы русского оружия доставили России первенствующее положение среди европейских держав. Это столетие стало и своего рода классическим периодом в истории русского офицерства. Не случайно сформировавшиеся в основном к 60-м гг. XVIII в. принципы организации офицерского корпуса не менялись в основных своих чертах очень долго — вплоть до 60-70-х гг. следующего столетия (когда кардинальные сдвиги в жизни всего российского общества неизбежно повлекли за собой и соответствующие изменения в воинской сфере). Это говорит о том, что в то время были найдены оптимальные и отвечающие потребностям обстановки формы устройства офицерской службы.

Увеличившийся офицерский корпус (за столетие его численность возросла в 3 раза — от примерно 10 тыс. в середине XVIII в. до 25-30 тыс. к середине XIX в.) обновлялся к тому же очень интенсивно. После знаменитого указа о вольности дворянства абсолютно преобладающей причиной убыли офицеров стала отставка (офицер имел право на нее в любое время). Понятно, что по сравнению с предшествующим периодом обязательной службы и последующим периодом, когда служба превратилась в единственный источник средств существования для подавляющего большинства офицеров, это время отличалось необычайно большой сменой состава офицерского корпуса. Через его ряды прошли тогда многие десятки, если не сотни тысяч людей.

С 60-х гг. XVIII в. установилась и существовала, принципиально не меняясь в течение всего этого периода, система производства в офицеры через определенное время службы в нижних чинах — в зависимости от

происхождения от 3 до 12 лет (общеобразовательный и культурный уровень в то время практически полностью определялся происхождением); в самом начале XIX в. этот порядок был дополнен прямыми внесловными льготами по образованию. Основная часть офицеров (процент их постоянно увеличивался) поступала из военно-учебных заведений. Прием на службу офицеров из иностранных армий резко сократился и, за исключением особых случаев (например, после французской революции), перестал быть сколько-нибудь заметным явлением.

В течение всего этого периода в сфере офицерского чиновпроизводства действовал устоявшийся порядок повышения в чинах на открывшиеся вакансии по старшинству состояния в предыдущем чине в сочетании с производством особо отличившихся по службе офицеров вне очереди — за отличие. Такой порядок в общем позволял, с одной стороны, избегать крайнего произвола в продвижении по службе, давая каждому офицеру определенные гарантии повышения (по крайней мере, в зависимости от ситуации с убылью офицеров в своей части), а с другой — открывал возможность поощрять наиболее способных. Система офицерских чинов в то время приобрела более стройный, единообразный и приспособленный к реальным потребностям воинской иерархии вид. Число ступеней несколько сократилось (особенно на флоте). Чины офицеров иррегулярных войск были приравнены к армейским и окончательно пошли в общую систему.

Состав офицерства в это время заметно изменился. Если раньше преобладающим (и практически единственным) типом офицера был человек, служивший всю жизнь и соответственно ориентированный, то теперь наряду с ним типичной фигурой стал молодой чело-нек, служащий не по необходимости, а из чести и уходящий в отставку в обер-офицерских чинах после нескольких лет службы. Вследствие постоянных войн продвижение по службе шло в целом достаточно быстро, офицерский состав заметно помолодел, и довольно часто первые штаб-офицерские чины человек получал после 6–7 лет службы, в возрасте 25–26 лет. Вполне обычным явлением было производство в полковники и даже в генералы офицеров, которым не исполнилось и 30 лет. Благодаря постоянному обновлению корпус офицеров в это время играл наиболее заметную роль в русском обществе. Практически в любой культурной семье кто-либо из ее членов служил офицером, и вообще доля лиц, когда-либо имевших офицерские чины, среди образованной части населения страны была тогда наивысшей. Не случайно именно этому периоду мы обязаны тому образу офицера, который сложился в рус-с кой классической литературе.

Во второй половине XIX — начале XX в. численность офицерского

корпуса выросла крайне незначительно — до 30–40 тыс. (если за первую половину XIX в. она возросла почти втрое, то за вторую — едва на одну треть). Основной причиной убыли по-прежнему оставался выход офицеров в отставку (с 80-х гг. и в запас). Несколько увеличился переход в другие ведомства, но в целом выход в отставку в относительно молодом возрасте сократился, поскольку для подавляющего большинства офицеров служба сделалась единственным источником дохода, и развитие системы пенсионного обеспечения служило дополнительным стимулом к продолжению ее до установленного полного срока. Вследствие этого офицерский корпус в целом существенно постарел. Типичным стал выход офицера в отставку после 30–35 лет службы в чинах от капитана до подполковника, и в этом смысле ситуация стала несколько напоминать ту, что существовала в первой половине XVIII в.

В этот период кардинально изменился порядок поступления офицеров на службу. Во второй половине XIX в. льготы по образованию существенно расширились, а в начале 70-х гг. чисто образовательный критерий полностью заменил собой сословный принцип при делении вольноопределяющихся на разряды. Расширение сети военно-учебных заведений привело к тому, что все будущие офицеры так или иначе проходили их курс. Производство из низших чинов полностью заменили выпуском из военно-учебных заведений (юнкерские училища формально не выпускали своих воспитанников офицерами, но так как их прохождение было обязательным, фактически они в этом смысле не отличались от военных училищ), так что в это время практика производства в офицеры приняла в общем современный вид. Прием офицеров из иностранных армий был практически прекращен.

Система офицерских чинов еще более упростилась с упразднением чинов майора и прапорщика, в ней осталось всего четыре обер-офицерских и два штаб-офицерских чина (а на флоте еще меньше — только два обер-офицерских и два штаб-офицерских чина). Кроме того, все рода войск (кроме гвардии) сравнены по классу одноименных чинов, что также упростило дело. Класс обер-офицерских чинов поднят на одну ступень по общегосударственной шкале. Все это сделало порядок чинопроизводства более четким, регулярным и однообразным. Впервые введены фиксированные, равные для всех сроки службы в обер-офицерских чинах и предельный возраст пребывания в обер-офицерских (капитанских) и штаб-офицерских чинах. В штаб-офицерские чины производство шло на вакансии по старшинству и за отличие. Поскольку же вакансий было мало, множество офицеров уходило в отставку капитанами, выслужив

предельный срок.

Роль офицеров в обществе в то время уже не столь значительна, как прежде. Это предопределялось хотя бы тем, что резко сократилась их доля среди образованных слоев страны: в то время как численность офицерского корпуса выросла крайне незначительно, численность других социально–профессиональных групп аналогичного культурного уровня увеличилась в несколько раз. Офицерство становилось относительно более замкнутым как профессиональная группа. Если раньше почти в каждой культурной семье были военные, то теперь, с одной стороны, более типичными, стали чисто военные семьи, где все или почти все дети мужского пола наследовали профессию родителей, а с другой стороны, во множестве семей образованного круга на протяжении двух–трех поколений никто не избирал офицерскую карьеру.

Численный состав офицерского корпуса был в общем вполне достаточным для обеспечения боеспособности армии. В то же время его численность не выходила из тех пределов, когда бы она сделала затруднительным комплектование офицерства из лиц, способных по своему общекультурному уровню выполнять офицерские функции и поддерживать престиж офицерской профессии в обществе. Следует признать, что система комплектования и подготовки офицеров в России вполне отвечала этим требованиям, в результате чего вплоть до революции положение офицера в русском обществе (хоть и пошатнувшееся в конце XIX в.) оставалось достаточно почетным, а качественный состав офицерского корпуса поддерживался на уровне, не уступающем уровню других профессиональных групп, образующих в совокупности культуросообразный слой страны.

При всяком искусственном увеличении численности офицерства его качественно–культурный состав стремительно ухудшается за счет лиц, не соответствующих социальным функциям офицерского звания (а лиц, отвечающих этим требованиям, в обществе всегда имеется ограниченное количество). И в общественном сознании офицерство (а с ним и профессия, как таковая) стремительно теряет престиж. Это, в свою очередь, делает еще более затруднительным пополнение офицерского корпуса достойными людьми и приводит к деградации офицерства, а с ним в конечном счете и всей армии. Послереволюционный период дает в этом отношении убедительный пример того, до какого низкого уровня можно довести мнение общества о такой издревле почетной и благородной профессии, как офицерская.

Структура офицерских чинов и порядок чинопроизводства в русской

армии после проведенных изменений были в принципе близки к оптимальным. Однако на практике они вступали в противоречие с резким уменьшением в строевой структуре должностей, предназначенных для замещения штаб–офицерскими чинами. Это противоречие носило, впрочем, временный характер, поскольку объективные закономерности развития армии вскоре неизбежно привели бы к увеличению числа нестроевых штаб–офицерских должностей, что разрешило бы проблему служебного продвижения офицеров.

Глава 3.

Подготовка и обучение

Профессиональная подготовка офицеров в России в специальных учебных заведениях началась при создании регулярной армии, но первоначально она касалась только специальных родов войск. Учебные заведения по подготовке общевойсковых офицеров появляются лишь в конце первой трети XVIII в. Система военно-учебных заведений сложилась в начале XIX в. Военно-учебные заведения, связанные с подготовкой офицеров, можно разделить на три группы: 1) непосредственно готовящие офицеров (выпускающие своих воспитанников офицерами или с правами на офицерский чин); 2) готовящие для поступления в заведения первой группы; 3) занимающиеся повышением квалификации и переподготовкой лиц, уже имеющих офицерские чины. До 60-х гг. XIX в. учебные заведения двух первых групп представляли собой единое целое в лице кадетских корпусов, и лишь затем функциональное различие между тремя типами учебных заведений было твердо установлено.

Военно-учебные заведения в XVIII в.

Начало военному образованию в России положено на рубеже XVII–XVIII вв. Петром I. В 1697 г., отправляясь в свое первое путешествие по Европе, он взял с собой несколько бомбардиров Преображенского полка, которые стали преподавателями первой военной школы, учрежденной при бомбардирской роте в начале XVIII в., где обучали математике, фортификации и артиллерии.

В 1701 г. в Москве образована Школа математических и навигацких наук, находившаяся до 1706 г. в ведении Оружейной палаты, а затем — Приказа морского флота и Адмиралтейской канцелярии. В школу принимали сыновей «дворянских, дьячих, подьчих, из домов боярских и других чинов» в возрасте 12–17 лет (позже и 20-летних), причем имевшие более 5 крестьянских дворов содержались за свой счет, а остальные получали кормовые деньги. Выпускники-дворяне назначались во флот, инженерами и в артиллерию, а лица низших сословий (которые обучались только грамоте и счету) становились писарями, архитекторскими помощниками и служащими Адмиралтейства.

С учреждением в Петербурге в 1715 г. Академии морской гвардии школа превратилась в подготовительное для нее заведение, потеряв

самостоятельное значение. В 1712 г. в Москве действовала Инженерная школа, объединенная в 1723 г. с Петербургской инженерной школой, образованной в 1719 г. В 1712 г. наряду с артиллерийской школой при бомбардирской роте учреждена еще одна — при артиллерийском полку, а в 1721 г. при Петербургском лабораторном доме создана особая школа на 30 человек для уже состоящих на службе артиллеристов. Однако вскоре после смерти Петра I созданные им артиллерийские школы перестали существовать.

В 1735 г. в Петербурге учреждена Чертежная артиллерийская школа на 30 человек из дворянских и офицерских детей, которая выпускала своих воспитанников унтер-офицерами в артиллерию. Вскоре к ней была присоединена открытая в 1730 г. Арифметическая артиллерийская школа для «пушкарских сыновей» (готовившая канцелярских и полковых писарей), и это учебное заведение стало именоваться Санкт-Петербургской артиллерийской школой. В начале 30-х гг. такая же школа появилась в Москве у Сухаревой Пашни.

Все ученики Инженерной и Артиллерийской школ считались нижними чинами армии и при поступлении в школу приводились к присяге. Они получали от 12 до 36 рублей жалованья и первое время жили на частных квартирах. По окончании курса выпускники поступали унтер-офицерами в соответствующий род войск и по представлению своего начальства производились в офицеры. Малоуспешные ученики выпускались рядовыми.

29 июля 1731 г. в Петербурге по инициативе графа П. И. Ягужинского учрежден Кадетский корпус по образцу существовавшего в Пруссии. Он был открыт 17 февраля 1732 г. В корпус принимали грамотных детей дворян в возрасте 13–18 лет. Учебный курс состоял из 4 классов, причем в трех старших учеба должна была продолжаться 5–6 лет. В 1732 г. штат корпуса включал 360 кадет, а в 1760 г. увеличен до 490. В 1743 г. корпус получил название Сухопутного (для отличия от Морского). При переводе в старший класс и перед выпуском совет корпуса определял для каждого кадета род войск, куда ему предстояло быть выпущенным на службу сообразно со способностями. Выпускникам присваивались унтер-офицерские чины или чин прапорщика, а особо отличившимся — сразу чин подпоручика и даже поручика.

В 1758 г. генерал-фельдцейхмейстер, главноначальствующий над инженерным корпусом граф П. И. Шувалов объединил Инженерную и Артиллерийскую школы в одно учебное заведение под названием Артиллерийской и инженерной дворянской школы (обучавшиеся в

Артиллерийской школе солдатские сыновья вместе с воспитанниками того же звания из Крепостной инженерной школы были переведены в образованную в 1759 г. Соединенную солдатскую школу, составившую особое отделение нового учебного заведения).

При Екатерине II, в 1762 г., штат Сухопутного кадетского корпуса был увеличен до 600 человек, причем теперь принимались только малолетние дети не старше 5 лет, с тем чтобы пробыть в корпусе не менее 15 лет. Право на поступление предоставлялось нетям штаб-офицеров, причем преимущественным правом пользовались среди них дети неимущих, раненных и убитых на войне. Родители давали подписку в том, что не будут забирать детей даже во временные отпуска.

В том же году Артиллерийская и инженерная дворянская школа была преобразована в Артиллерийский и инженерный шляхетный кадетский корпус со штатом в 146 кадет; в 1784 г. штат увеличен до 393 человек. На протяжении нескольких десятилетий почти весь состав артиллерийских и инженерных офицеров комплектовался из воспитанников этого корпуса. К концу XVIII в. он, впрочем, постепенно утрачивал специализацию и все более сближался с Сухопутным кадетским корпусом.

Таким образом, в XVIII в. подготовка офицеров сухопутных войск осуществлялась в двух учебных заведениях — общевоинском и инженерно-артиллерийском. За это время Сухопутный кадетский корпус выпустил 3300 офицеров, а Артиллерийский и инженерный шляхетный кадетский корпус — 1600 офицеров. 10 марта 1800 г. Сухопутный корпус переименовывается в 1-й Кадетский корпус, а Артиллерийский и инженерный — во 2-й Кадетский корпус. Греческий кадетский корпус, существовавший в 1775–1796 гг., выпустил 190 офицеров (в том числе 100 для флота).

Кроме них в конце XVIII в. появилось еще два военно-учебных заведения, готовившие офицеров: Военно-сиротский дом и Шкловское благородное училище. Сиротский дом образован в 1795 г. из двух школ, созданных для сирот и сыновей инвалидов-военнослужащих Павлом I незадолго до его воцарения в Гатчине и на Каменном острове; в 1798 г. это заведение, переведенное к тому времени в Петербург, преобразовано в Императорский Военно-сиротский дом, первое отделение которого предназначалось для 200 сыновей неимущих дворян и офицеров, преимущественно сирот. Воспитанники назывались кадетами и обучались Закону Божьему, русскому и немецкому языкам, арифметике, геометрии, артиллерии, фортификации, тактике, истории, географии и рисованию; они выпускались в армию юнкерами и портупей-прапорщиками, а отличников

производили в офицеры сразу при выпуске. Второе отделение предназначалось для 800 солдатских сыновей, обучавшихся ремеслам.

Благородное училище в г. Шклове было сначала частным благотворительным заведением, которое на собственные средства учредил генерал-майор С. Г. Зорич (серб, поступивший на русскую службу еще при Елизавете). Открытое 24 ноября 1778 г. училище для бедных дворян было рассчитано на 250 человек и разделялось на два кавалерийских взвода и две пехотные роты. Выпускники получали места на военной и гражданской службе, а с 1785 г. многие из них производились в офицеры прямо по выпуску. После воцарения Павла I училище переведено в казенное ведомство, а в ноябре 1799 г. названо кадетским корпусом, который вскоре был переведен в г. Гродно. До 1801 г. это учебное заведение выпустило 470 офицеров.

Военно-учебные заведения в первой половине XIX в.

В XIX в. система военно-учебных заведений постоянно расширялась. Можно выделить два основных периода ее развития — до реформ 60-х гг. и после них, когда произошло принципиальное разделение военно-учебных заведений на подготовительные (дающие общее образование) и собственно военно-специальные, непосредственно выпускающие офицеров. До этого кадетские корпуса, принимая воспитанников в раннем возрасте, выпускали их уже офицерами. В первой половине XIX в. офицеров выпускали кадетские корпуса, Военно-сиротский дом, Пажеский корпус, Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, Дворянский полк, юнкерские школы, некоторые общегражданские учебные заведения и специальные военные училища (артиллерийское, инженерное, топографическое, юридическое). Своя система подготовки офицеров существовала на флоте.

Кадетские корпуса

В первом десятилетии XIX в. в связи с наполеоновскими войнами произошло почти двойное увеличение числа подразделений русской армии, что потребовало соответствующего пополнения армии офицерами. Еще в 1801 г. шефом 1-го кадетского корпуса графом П. А. Зубовым был представлен план создания кадетских корпусов в 17 губерниях. Предполагалось, что они будут открыты на средства местных дворянских обществ. После рассмотрения этого проекта специальной комиссией под председательством великого князя Константина Павловича Александр I утвердил в 1805 г. «План военного воспитания», по которому предполагалось развернуть 10 военных училищ: в Петербурге, Москве, Киеве, Смоленске, Воронеже, Твери, Ярославле, Нижнем Новгороде,

Казани и Тобольске, а также приготовительные военные школы.

Первая из таких школ была учреждена в 1801 г. на средства и по ходатайству тульского дворянства для сыновей неимущих дворян и называлась Александровским училищем. В 1817 г. по новому уставу оно было названо Тульским военным училищем и было рассчитано на 50 учеников из Тульской губернии и 50 своекоштных (содержание за свой счет) учеников из других губерний. Принимались дети в возрасте 8–11 лет. Выпускники переводились во 2-й кадетский корпус, а неспособные к военной службе поступали на гражданскую службу с чином XIV класса. В 1802 г. такое же училище было открыто в Тамбове на 120 учеников, а в 1825 г. — Оренбургское Неплюевское военное училище на 80 учеников (в том числе и азиатов), в котором изучались еще и восточные языки. Последнее учебное заведение выпускало воспитанников непосредственно на службу нижними чинами с правами на производство.

Гродненский кадетский корпус в 1807 г. был переведен в Смоленск, в 1812 г. — в Тверь, потом в Ярославль и, наконец, в Москву, и с тех пор назывался Московским кадетским корпусом. Калишский кадетский корпус был основан еще в 1793 г. прусским королем Фридрихом-Вильгельмом II на принадлежавшей ему польской территории. В 1815 г. после присоединения этих земель к России корпус получил новый устав. Он состоял из 2 рот (150 казеннокоштных и 50 своекоштных учеников) и выпускал портупей-прапорщиков в армию, а лучшие ученики переводились в Варшавскую аппликационную школу. В конце 1831 г., после польского мятежа, корпус закрыт. В 1819 г. в Фридрихсгамме на базе топографического корпуса (который с 1816 г. уже был фактически общевоинским) был образован общевоинской Финляндский кадетский корпус на 30 казеннокоштных и 30 своекоштных учеников (последние должны были вносить по 410 рублей в год).

По положению 1817 г. штат 1-го кадетского корпуса был рассчитан на 800 учеников (плюс 200 учеников малолетнего отделения), 2-го — на 700, Военно-сиротского дома — на 500. Такие штаты сохранились к 1825 г. В это время остальные учебные заведения, подведомственные Главному управлению военно-учебных заведений, имели следующие штаты: Пажеский корпус — 170 кадет, Московский кадетский корпус — 500, Дворянский полк — 2236, Тульское училище — 86 и Тамбовское — 80. Всего 5272 места. В 1825 г. учебные заведения Главного управления военно-учебных заведений выпустили 415 человек, в том числе в гвардию — 11, армию — 299, артиллерию — 72, инженерные войска — 30 и во внутреннюю стражу — 3{131}. За 1801–1825 гг. Пажеский, 1-й и 2-й

кадетские корпуса выпустили в общей сложности 4845 офицеров, Военно-сиротский дом — 721.

Императорский военно-сиротский дом, учебный план и программы которого с 1817 г. не отличались от плана и программ 1-го кадетского корпуса, в 1829 г. преобразован в Павловский кадетский корпус. С 1830 г. он, 1-й и 2-й кадетские корпуса состояли из 4 строевых и 1 нестроевой (для детей 10–12 лет) роты по 120 человек (в Павловском — по 100); Московский кадетский корпус с 1828 г. также состоял из 4 строевых и 1 нестроевой роты (по 110 кадет в каждой) и малолетнего отделения на 100 человек (для детей до 10 лет).

В 30–40-х гг. сеть кадетских корпусов существенно расширилась. В 1830 г. открыт Александровский корпус для малолетних сирот в Царском Селе для подготовки их к поступлению в кадетские корпуса, в связи с чем малолетнее отделение при 1-м кадетском корпусе было упразднено. С 1832 г. штат Александровского корпуса составлял 400 учеников в возрасте 7–10 лет, разделенных на 4 роты (в т.ч. морская), а срок обучения был рассчитан на 5 лет (с 1836 г. — 3 года). В том же году в кадетские корпуса были преобразованы Тульское и Тамбовское военные училища (в 1844 и 1846 гг. с открытием кадетских корпусов в Орле и Воронеже первые два были преобразованы в неранжированные, т. е. в малолетние роты этих корпусов). Новое положение 1830 г. о Финляндском кадетском корпусе определяло его штат в 90 учеников. Туда принимались по экзамену дети 12–17 лет, а курс обучения был рассчитан на 6 лет (в 1845 г. штат увеличен до 105 казеннокоштных и 15 своекоштных кадет, а курс обучения продлен до 7 лет).

В 1832 г. было учреждено Уральское войсковое училище (с программой гражданских уездных училищ) для обучения сыновей офицеров Уральского казачьего войска. Еще в 1826 г. в Омске открылось такое же Училище Сибирского Линейного казачьего войска. Оренбургское Неплюевское военное училище с 1834 г. в строевом отношении составляло роту, разделенную на два отделения (европейское и азиатское), с 6-летним курсом обучения. Выпускники его были обязаны служить в войсках не менее 6 лет, причем дворяне могли производиться в офицеры сразу при выпуске. В 1844 г. училище преобразовано в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус двухэскадронного состава (70 казеннокоштных и 40 своекоштных учеников и 90 сыновей местных казаков).

На пожертвования дворянских губернских обществ и частных лиц (графа Аракчеева, полковника Бахтина и других) был открыт целый ряд новых кадетских корпусов. В 1834 г. был сформирован Новгородский графа

Аракчеева кадетский корпус из 4 рот по 100 человек в каждой и позже еще три корпуса с таким же штатом: в 1835 г. — Полоцкий, в 1840 г. — Петровский Полтавский и в 1842 г. — Александровский Брестский. В 1843 г. был открыт Орловский Бахтина кадетский корпус (на 300 казеннокоштных и 100 своекоштных воспитанников), а в 1845 г. такой же Михайловский Воронежский корпус. В 1849 г. открыт 2-й Московский кадетский корпус (4 роты), а вслед за этим имевшийся в Москве Александрийский Сиротский институт был преобразован в Александрийский Сиротский кадетский корпус на 400 офицерских детей-сирот. Наконец, 1 января 1852 г. открылся Неранжированный Владимирский Киевский корпус (из 2 рот по 100 человек) для малолетних воспитанников.

Вообще надо заметить, что кадетские корпуса помимо военного имели и благотворительное значение, давая возможность получать образование и содержание детям неимущих и умерших офицеров и дворян. Так как число желающих поступить в кадетские корпуса постоянно возрастало, то со временем прием стал обуславливаться служебными заслугами родителей. Но преимущественно принимали сирот и неимущих, причем существовало 26 разрядов по правам на казенное воспитание, в соответствии с которыми и определялась очередность приема. В Александровский малолетний и малолетнее отделение 1-го Московского кадетского корпуса принимались дети 6–8 лет, в остальные корпуса — 9,5–11,5 лет после экзамена.

Для всех корпусов еще в 1836 г. был введен единый учебный план и установлен общий порядок организации и устройства. Все предметы делились на три курса: подготовительный (1 год), общий (5 лет) и специальный (3 года). Помимо военных наук в кадетских корпусах преподавались Закон Божий, русский язык и литература, немецкий и французский языки, математика, естественные науки, география, история, статистика, законоведение, чистописание, рисование и черчение. С 40-х гг. в составе старших классов существовали одногодичные артиллерийские и инженерные отделения, где преподавались соответствующие дисциплины. Сначала специальные классы были только при столичных корпусах и рассчитаны на 2 года. Но с 1854 г. добавлен третий класс для подготовки к переходу в артиллерийское и инженерное училища и военную академию. Третьи специальные классы были открыты в Павловском, 1-м и 2-м кадетских корпусах в Петербурге, 1-м и 2-м Московских и Александрийском Сиротском кадетских корпусах, причем в каждом заведении они делились на три отделения — артиллерийское, инженерное и Генерального штаба.

Все кадетские корпуса делились на две группы: корпуса первой группы — 1-й и 2-й кадетские, 1-й и 2-й Московские, Финляндский, Павловский, Александрийский Сиротский, Новгородский графа Аракчеева, Орловский Бахтина, Михайловский Воронежский, Полоцкий, Петровский Полтавский, Александровский Брестский, Оренбургский Неплюевский и Сибирский (как и Пажеский корпус, Дворянский полк, Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров) непосредственно готовили офицеров, а корпуса второй группы, имевшие пятилетний общий курс, — Александровский малолетний, Тульский Александровский, Тамбовский, Владимирский Киевский и малолетнее отделение при 1-м Московском кадетском корпусе переводили воспитанников в корпуса первого класса. В кадетские корпуса принимались только дети офицеров и дворяне (в Оренбургский и Сибирский корпуса также выходцы из других сословий; в Финляндский — только уроженцы великого княжества Финляндского). За каждым корпусом были закреплены определенные губернии. Все корпуса за 1825–1856 гг. дали 17 653 офицера, причем в 1825–1850 гг. на военную службу было выпущено 14 415 человек офицерами и 1517 нижними чинами и на гражданскую службу — 963 человека классными чинами и 302 неклассными{132}.

По правилам, существовавшим с 1830 г., после экзамена воспитательный комитет определял каждого выпускника в тот или иной род войск. Самые лучшие получали направление в гвардию, лучшие — подпоручиками в армию (в 1847–1849 гг.) или производились в прапорщики артиллерии и инженерных войск с прикомандированием к соответствующим училищам, а также (в 1840–1853 гг.) к Генеральному штабу для поступления через два года в академию. Прочие же выпускались прапорщиками в армию.

Малоуспешные ученики выпускались после первого специального класса прапорщиками в линейные батальоны, а достигшие 19 лет и неспособные к дальнейшей учебе после четвертого общего класса — во внутреннюю стражу. Старшинство при выпуске зависело не только от баллов, но и от унтер-офицерских званий, полученных воспитанниками в корпусе. Для распределения в кавалерию надо было представить свидетельство о достаточном состоянии для такого вида службы (ибо служба в кавалерии стоила дополнительных расходов); такие выпускники с 1834 г. прикомандировывались на полгода в качестве юнкеров к Образцовому кавалерийскому полку. Выпускники, неспособные по состоянию здоровья к военной службе, направлялись на гражданскую службу с чинами X, XII или XIV класса в зависимости от полученных

баллов.

С 1854 г. окончившие третий специальный класс по 1-му разряду шли прапорщиками в гвардию или поручиками в армию, кроме того, они могли поступать в артиллерию и инженерные войска наряду с выпускниками соответствующих специальных училищ. Окончившие по 2-му разряду шли подпоручиками в армию или прапорщиками в артиллерию и инженерные войска, по 3-му разряду — прапорщиками в армию. Окончившие только второй специальный класс выпускались прапорщиками в линейные батальоны. В 1854 г. выпуск в артиллерию и инженерные войска из второго специального класса был разрешен временно, а с 1856 г. это стало практиковаться постоянно,

В середине 50-х гг. проведен ряд изменений в правилах приема и выпуска из корпусов. В 1857 г. двухгодичные специальные классы открыты во всех кадетских корпусах, и они стали выпускать воспитанников прямо на службу, а лучших — переводить в третий класс Константиновского кадетского корпуса (бывший Дворянский полк). Было установлено, что во все кадетские корпуса (кроме Константиновского, Финляндского, Александрийского Сиротского, Оренбургского и Сибирского) принимаются на казенное содержание дети 10–12 лет, а своекоштные — 10–14 лет; дворяне 14–17 лет могли поступать по экзамену сразу в соответствующий возрасту класс. Все дворяне со средним и высшим образованием, а недворяне — с высшим образованием могли теперь поступать экстернами (с правом проживания дома) в специальные классы кадетских корпусов. Действительная служба им засчитывалась с 16-летнего возраста, а права по выпуску они имели равные с кадетами. При этом все лица с высшим образованием должны были окончить только один третий специальный класс при Константиновском кадетском корпусе. С 1858 г. выпуск из корпусов стал практиковаться постоянно в июне.

Александровский Брестский корпус (переведенный в 1854 г. в Москву, а в 1860 г. — в Вильно) стал называться Александровским, а Александровский малолетний корпус в Царском Селе в 1857 г. упразднен (родителям их воспитанников вместо этого выдавалось по 300 руб. в год на воспитание детей). В 1857 г. вместо Неранжированного корпуса в Киеве 30 августа открыт Владимирский Киевский кадетский корпус. С 1861 г. вместо третьего специального класса выпускники направлялись прямо в артиллерийское и инженерное училища. Таким образом, артиллерийские и инженерные отделения третьих классов слились с соответствующими училищами.

Большинство из этих мер преследовали две цели: поощрить домашнее

воспитание в течение возможно большего времени и обеспечить свободный доступ в военно–учебные заведения лицам с высшим образованием всех сословий.

Кадетские корпуса были основным каналом, по которому осуществлялось пополнение офицерского корпуса лицами с военным образованием. Помимо них, как указывалось выше, существовали и некоторые другие общевоинские учебные заведения, выпускавшие офицеров.

Пажеский корпус

Это военно–учебное заведение сформировано в 1802 г. для лиц, назначенных пажами Высочайшего двора, и состояло из 3 пажеских и 1 камер–пажеского классов. В 1810 г. его штат был рассчитан на 50 пажей и 16 камер–пажей. Корпус построен по образцу кадетских корпусов. Срок обучения составлял 7 лет (5 — общий курс и 2 — специальный). Изучались Закон Божий, русский язык и литература, немецкий и французский языки, математика, механика, физика, статика, история, география, статистика, политэкономия, дипломатия, а из военных наук — фортификация, атака и оборона крепостей, тактика, минное дело, артиллерия и военное судопроизводство.

По положению 1827 г. Пажеский корпус представлял собой в строевом отношении роту (134 пажа и 16 камер–пажей); по правилам 1829 г. назначение в пажи и зачисление их в Пажеский корпус проводилось по собственному избранию Его Величества. С 1832 г. право на поступление в корпус предоставлялось также детям лиц, имевших «генеральские» ранги (I–IV классов) на военной и гражданской службе, а с 1837 г. это право ограничено первыми тремя классами (не ниже генерал–лейтенанта и тайного советника). Выпускники Пажеского корпуса почти исключительно (до 90% и более) направлялись в гвардию.

Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров

Для подготовки офицеров гвардейской кавалерии в 1823 г. учреждена Школа гвардейских подпрапорщиков (в строевом отношении — рота) с двухлетним сроком обучения. Число учащихся определялось штатным составом подпрапорщиков в гвардейских кавалерийских полках (по 24 человека на полк). В школе преподавались уставы, тактика, полевая фортификация и артиллерия, глазомерная съемка и ситуационное черчение, военное и гражданское законодательство, а также история и география. Лица, выдержавшие вступительные экзамены (по общеобразовательному курсу), по достижении 17 лет зачислялись в полк и принимались в школу, сохраняя полковую форму.

В 1826 г. при школе сформирован эскадрон юнкеров гвардейской кавалерии и она получила наименование Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров со штатом в 192 подпрапорщика и 99 юнкеров. С 1838 г. прием стал осуществляться по конкурсному экзамену из детей 13–15 лет, желающих служить в гвардии. В роте подпрапорщиков теперь насчитывалось 120 человек, в эскадроне юнкеров — 108. Из этого числа 20 казеннокоштных мест предоставлялось кандидатам Пажеского корпуса, а все остальные учащиеся были своекоштными и должны были ежегодно вносить 1204–1254 руб. Срок обучения стал четырехлетним. Лучшие выпускники школы производились в офицеры наравне с камер-пажами Пажеского корпуса, а прочие — наравне с пажами. За первую четверть XIX в. она выпустила 133 офицера и за вторую — около 500 (в 1.859 г. в связи с упразднением звания подпрапорщика школа стала называться Николаевским училищем гвардейских юнкеров).

Дворянский полк

В связи с почти двойным увеличением армии в ходе наполеоновских войн и ростом потребности в подготовленных офицерах Высочайшим рескриптом 14 марта 1807 г. установлено, что дворяне, достигшие 16 лет, вместо определения прямо в войска должны являться в Петербургские кадетские корпуса для ознакомления с порядком службы и подготовки к офицерскому званию. Туда же было разрешено принимать студентов и других выпускников гражданских учебных заведений. Эту миссию принял на себя 2-й кадетский корпус, при котором был сформирован «Волонтерный Корпус», наименованный в следующем году Дворянским полком (из 2 батальонов); уже в 1808 г. он выпустил 276 офицеров. В 1811 г. при нем сформировали Дворянский кавалерийский эскадрон на 100 человек. Первоначально в Дворянском полку обучали 600 человек, в 1813 г. — 1700, в 1815 г. — 2400, а по штату 1816 г. полагалось иметь 2000 человек плюс 236 человек в кавалерийском эскадроне. Они получали в основном только военную подготовку и ускоренными выпусками направлялись в войска с офицерским чином.

В 1826 г. кавалерийский эскадрон в Дворянском полку упразднен, с 1832 г. там полагалось иметь 2 батальона по 500 человек. С 1833 г. выпуски офицеров из провинциальных кадетских корпусов не производились, а их воспитанников для окончания курса переводили в Дворянский полк. До 1851 г. в него принимали также детей 13–15 лет «со стороны» по конкурсному экзамену. Третьи специальные классы были открыты в Дворянском полку на два года раньше, чем в столичных кадетских

корпусах, — уже в 1852 году. 17 апреля 1855 г. Дворянский полк преобразован в Константиновский кадетский корпус, который с 1857 г. переведен в Петербург, а в 1859 г. первым из всех корпусов преобразован в Константиновское военное училище. За первые 25 лет своего существования Дворянский полк подготовил 9070 офицеров.

Юнкерские школы

Юнкерские школы армейских подпрапорщиков существовали некоторое время при войсковых штабах и не имели единой организации. С 1820 по 1830 г. такая школа существовала при штабе 1-й армии в Могилеве. Она состояла из старшего и младшего классов и в строевом отношении представляла собой роту (120 человек). В 1818–1828 гг. юнкерская школа существовала при штабе 2-й армии в Тульчине (с трехлетним сроком обучения). Недолгое время существовали школы при корпусных штабах 1-й армии, содержащиеся на экстраординарные (неплановые) войсковые суммы. В школах преподавали в основном практические военные предметы; во 2-й армии юнкера во время лагерных сборов несли службу наравне со строевыми офицерами. Но в целом юнкерские школы в это время не получили развития.

* * *

Наконец, следует сказать о том, что офицеров готовили и некоторые учебные заведения, не входившие в военное ведомство. Офицеров выпускал, в частности, знаменитый Царскосельский лицей, основанный в 1811 г. как привилегированное учебное заведение для представителей знатных дворянских родов. В первой четверти XIX в. он дал 35 офицеров, а с 1822 по 1843 г. даже приобрел преимущественно военный характер и был передан из ведомства Министерства народного просвещения в ведение Совета о военных училищах, выпуская главным образом офицеров; с 1843 г. лицей офицеров не выпускал.

Военно-инженерные кадры готовили Институт инженеров путей сообщения, Горный и Лесной институты. Горный институт в 1804 г. был переименован в Горный кадетский корпус с правом производства выпускников в офицерские чины (в 1833 г. он снова стал именоваться Горным институтом, а с 1848 г. — Институтом корпуса горных инженеров, превратившись в закрытое военно-учебное заведение). Институт инженеров путей сообщения и Лесной институт в 1842 г. переведены на восьмилетний срок обучения (4 общих, 3 теоретических и 1 практический классы). Институт инженеров путей сообщения в 1849 г. преобразован в кадетский корпус. Выпускники этих учебных заведений производились в офицеры, но служили в основном в соответствующих ведомствах, а не в

армии.

К 1854 г. общий штат общевоинских военно-учебных заведений был рассчитан на 8288 человек (реально обучалось 7751), в том числе Пажеский корпус — 150, Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров — 228, Дворянский полк — 1000, Финляндский кадетский корпус — 120, Павловский — 500, 1-й и 2-й Петербургские — по 600, 1-й Московский (с малолетним отделением) — 650, Сибирский — 240, Оренбургский и Киевский — по 200, Тульский и Тамбовский — по 100, Александровский малолетний, 2-й Московский, Новгородский, Орловский, Воронежский, Полтавский, Брестский, Полоцкий и Александрийский Сиротский — по 400 человек. За 1845–1854 гг. они выпустили 5563 офицера.

Содержание каждого воспитанника обходилось в среднем: в 1853 г. — 373 руб., в 1854 г. — 383 руб., в 1855 г. — 384 руб.

В 1853–1861 гг. общевоинские учебные заведения подготовили в общей сложности 5833 офицера (91% всех выпускников), из которых направлены в гвардию 952 (16%), в артиллерию и инженерные войска — 1500 (26%), в пехоту и кавалерию — 2255 (38%), в линейные батальоны — 284 (4%), в корпус внутренней стражи — 645 (11%) и в казачьи войска — 297 (5%). Выпуск по годам показан в таблице 21{133}.

На гражданскую службу за этот период выпущено всего 216 человек, или 3% всех выпускников, а нижними чинами в армию — 410 (6%). Таким образом, военно-учебные заведения давали весьма небольшой процент «брака», но среди всех производимых в офицеры выпускники учебных заведений составляли менее трети, и система военного образования нуждалась в дальнейшем развитии.

Система военно-учебных заведений после реформ 60-х гг. XIX в.

В 60-е гг. XIX в. проведены крупные реформы в области военного образования, суть которых состояла в отделении общеобразовательного курса в военно-учебных заведениях от военно-специального и создании для каждого из них отдельных учебных заведений: военных гимназий (с 1882 г. — кадетские корпуса) и военных училищ, на которые разделились прежние кадетские корпуса. Кроме того, признано необходимым в офицеры производить только получивших специальное военное образование в учебных заведениях, для чего и решили пропускать через них всю массу вольноопределяющихся, юнкеров и унтер-офицеров — всех, кто ранее получал офицерское звание непосредственно в частях после определенного срока выслуги. Поскольку этот контингент обладал в большинстве худшим общеобразовательным уровнем, чем выпускники военных гимназий, для

него были созданы особые училища с облегченной программой, получившие названия юнкерских. Организованы и общеобразовательные военные учебные заведения сокращенного курса, получившие название военных прогимназий, которые готовили к поступлению в юнкерские училища подобно тому, как военные гимназии готовили к поступлению в военные училища. Таким образом, общевоинские военно-учебные заведения подразделялись на четыре основных типа.

Военные училища

В 1863 г. специальные классы кадетских корпусов (кроме Пажеского, Финляндского, Оренбургского и Сибирского) были сведены в три военных училища, получивших названия: 1-е Павловское, 2-е Константиновское и 3-е Александровское. Училища в строевом отношении составляли батальоны по 300 юнкеров; время учебы засчитывалось за действительную военную службу. В училища принимались воспитанники кадетских корпусов (военных гимназий), выпускники гражданских средних и высших учебных заведений независимо от сословной принадлежности (до введения всеобщей воинской повинности — из сословий, не обязанных рекрутской повинностью) не моложе 16 лет. В 1865 г. на базе Николаевского училища гвардейских юнкеров образовано Николаевское кавалерийское училище (на 200 юнкеров), в связи с чем с 1866 г. выпуск в кавалерию из других училищ был прекращен. В 1866 г. в Оренбурге создано четвертое пехотное училище (на 100 юнкеров), но в 1870 г. оно закрылось. Пажеский корпус сохранил свою организацию: его старшие классы соответствовали военному училищу, а младшие — военной гимназии (было 2 специальных и 5 общеобразовательных классов); штат его в 1868 г. определен в 150 человек. Теперь в корпус принимались дети 12–17 лет (в соответствующий возрасту класс) вместо 10–15-летних. Такая же структура сохранилась и в Финляндском корпусе.

Срок обучения в военных училищах составлял 2 года. С 1864 г. выпуск проводился после летнего лагерного сбора, так как один лагерный сбор (после 1-го курса) был признан недостаточным. Первое время лучших выпускников направляли, как и ранее, в артиллерию и инженерные войска, но вскоре выпуск в эти рода войск из общевоинских училищ был прекращен.

Представление о программах военных училищ дает таблица 22{134}.

Выпускали юнкеров в зависимости от успехов по трем разрядам. Окончившие училище по 1-му разряду (не менее 8 баллов в среднем и по военным предметам, не менее 6 по остальным и не менее 9 по поведению и знанию строевой службы) выпускались подпоручиками, а лучших могли

прикомандировать к гвардейским частям для перевода в них после годовичного испытания и по представлению гвардейского начальства. Окончившие курс по 2-му разряду (не менее 7, 5 и 8 баллов соответственно) выпускались прапорщиками, а по 3-му разряду (все прочие) — направлялись в полки юнкерами на 6 месяцев, после чего производились в офицеры без дополнительного экзамена и сверх вакансий.

Прикомандированные к гвардейским частям переводились затем в части прапорщиками и корнетами: в старой гвардии — со старшинством со дня выпуска, а в молодой гвардии — со старшинством двух лет. Выпущенные по 1-му разряду из Пажеского корпуса (требования — как в военных училищах, но по поведению не менее 10 баллов) шли сразу в гвардию прапорщиками и корнетами. По 2-му разряду (то же, что в училищах, но по остальным предметам не менее 6 баллов и поведению 9) — в армию подпоручиками, а по 3-му разряду (в среднем и по военным предметам не менее 6 баллов, по остальным — 5 и поведению 7) — в армию прапорщиками и корнетами.

Небольшая часть юнкеров выбывала до окончания срока учебы (в 1863–1869 гг. ежегодно 8%, причем среди тех, кто не учился в военных гимназиях, — 16%){135}. Среднегодовая убыль в военных училищах, старших классах Пажеского и Финляндского корпусов показана в таблице 23{136}.

В 1871–1879 гг. из этих заведений выпущено в общей сложности 4329 офицеров и чиновников разных классов (76%), переведено в другие военные (специальные) училища 382 (7%), уволено до окончания курса 820 (14%), выпущено нижними чинами (в т. ч. и до окончания курса) — 127 (2%), умерло — 58 (1%).

Уже обращалось внимание: среди выбывших до окончания курса удельный вес тех, кто поступил не из военных гимназий, был вдвое выше. Это объяснялось тем, что военные гимназисты отличались более твердой установкой на получение офицерской профессии. Но поскольку для комплектования военных училищ выпускников военных гимназий не хватало, то на вакансии приглашали лиц из гражданских учебных заведений. В 1863 г. таких принято 61 человек, в 1865 г. — 137, в 1868 г. — 191, в 1870 г. — 226. В 1869–1879 гг. среди поступавших (ежегодно в среднем 637 человек) выпускников военных гимназий было 420, «со стороны» по аттестату — 105 и по экзамену — 112. Из общего числа поступивших в 1871–1879 гг. (5904 человека) выпускников военных гимназий было 3793 (64%), переведенных из других училищ — 30 (менее 1%), поступивших «со стороны» по аттестату — 982 (17%) и по экзамену

— 1099 (19%).

В 1881 г. из военных гимназий поступило 566 человек (75,2%), а «со стороны» — 186. К началу XX в. процент поступавших из кадетских корпусов уменьшился до 56,4%, но к тому времени увеличилось и число военных училищ, и это уменьшение касалось прежде всего новых училищ; в старейших же процент бывших кадет был выше. Гак, в Павловское военное училище в 1901 г. поступило из корпусов 221 человек, а «со стороны» — 28, в Александровское — 110 и 37 соответственно¹³⁷. Таким образом, постепенно прием в военные училища выпускников гражданских учебных заведений увеличивался. Размеры содержания юнкера в 1870–х гг. показаны в табл. 24^{138}.

К началу 1871 г. общий штат военных училищ и старших классов Пажеского и Финляндского корпусов составлял 1188 человек, к 1880 г. — 1360 (Пажеский корпус — 60, Финляндский (всего) — 120, Павловское училище — 350, Константиновское — 330, Александровское — 300, Николаевское кавалерийское — 200).

Выпуск из общевоинских военных училищ с 1862 по 1879 г. составлял от 402 до 1086 человек (см. табл. 40)^{139}.

Из выпущенных в 1862–1870 гг. 4943 офицеров 3196 направлены в пехоту, 1139 — в кавалерию, 293 — в артиллерию, 134 — в инженерные войска и 181 — в казачьи. Всего военные училища подготовили с 1863 по 1880 г. 16 184 офицера и с 1881 по 1900 г. — 15 947 офицеров.

В начале XX в. шло преобразование в военные некоторых юнкерских училищ, что было подготовлено введением в некоторых из них во второй половине 80–х гг. XIX в. военно-училищного курса. В 1902 г. в результате преобразований из юнкерских возникли Московское (Алексеевское) и Киевское пехотные и Елисаветградское кавалерийское военные училища. Константиновское военное училище еще в 1894 г. стало артиллерийским. В 1911 г. остальные юнкерские преобразованы в военные училища, и Россия таким образом стала обладательницей 17 общевоинских военных училищ. Это были Пажеский корпус (Финляндский к тому времени закрыт), Павловское, Александровское, Алексеевское, Киевское, Владимирское, Казанское, Виленское, Одесское, Чугуевское, Тифлисское и Иркутское пехотные, Николаевское, Елисаветградское и Тверское кавалерийские и Новочеркасское и Оренбургское казачьи училища. Штат пехотных училищ составлял 300 юнкеров, кавалерийских — 250. В начале XX в. их выпуск колебался от 807 до 2831 офицера и за 1900–1914 гг. составил 21 071 (см. табл. 41)^{140}.

Кроме того, в 1914 г. были открыты Николаевское (2–е Киевское) и

Ташкентское пехотные училища; в годы войны ускоренные выпуски общевоинских военных училищ дали: в 1914 г. — 9 914 офицеров, в 1915 г. — 18 999, в 1916 г. — 34 906, в 1917 г. — около 37 тыс. (до 10 мая — 24 532){141}.

Социальный состав военных училищ определялся во многом тем, что основной контингент поступавших в них давали кадетские корпуса (военные гимназии), состав которых был преимущественно дворянским (ибо офицеры, чьи дети в основном учились там, все были либо потомственными, либо личными дворянами). Но так как значительная часть юнкеров все-таки поступала со стороны, состав военных училищ существенно отличался от состава кадетских корпусов. В 1881 г. в общевоинских военных училищах сыновья потомственных дворян составляли 54,12%, личных дворян, офицеров и чиновников — 34,76, казаков — 2,35, прочих — 4,52. Естественно, в училищах, которые были преобразованы из юнкерских (комплектовавшихся в основном недворянским контингентом), социальный состав еще сильнее отличался от состава кадетских корпусов. В этой связи интересно сравнить процентный состав трех старых училищ (Павловского, Александровского и Николаевского кавалерийского), а также Пажеского корпуса и двух новых (Московского и Киевского) в 1903 г. (см. табл. 25){142}.

По другим данным, в 1902 г. во всех военных училищах, кроме Московского и Киевского, детей дворян было 57,81, офицеров и чиновников — 38,83, духовенства — 0,2, казаков — 2,97 и иностранцев — 0,59%, тогда как в двух последних дворян — 25,91, детей офицеров и чиновников — 21,3, духовенства — 3,11%. С 1905 г. училища разделялись на две группы: те, на которые распространялись правила приема в кадетские корпуса (старые училища), и все остальные. Социальный состав училищ этих групп в 1906 г. показан в таблице 26{143}.

Учитывая, что училища второй группы составляли более 80% всех училищ, общий состав юнкеров был ближе к составу училищ этой группы. Процент потомственных дворян (а в группе «дворян, офицеров и чиновников» таковые составляли меньше половины) не превышал, видимо, 25%.

Юнкерские училища

Юнкерские училища предназначались для получения военного образования юнкерами и унтер-офицерами из вольноопределяющихся перед производством их в офицеры. Первоначально такие училища создавали при корпусных штабах, они не имели единой организации. К началу 1863 г. существовали училища при 4-м армейском корпусе в

Воронеже, при 2-м армейском корпусе (Училище войск Царства Польского) и в Финляндии (Училище войск, в Финляндии расположенных). Училища при 1-м и 3-м армейских корпусах были закрыты в связи с польским восстанием, а в июле 1863 г. в связи с переездом штаба корпуса из Воронежа в Курск закрыто и училище при 4-м корпусе.

Как новый тип военно-учебного заведения юнкерские училища появились в 1864 г. По проекту, утвержденному 14 июля, их штат определен в 200 человек (рота). Юнкерские училища создавались при окружных штабах. Они именовались пехотными или кавалерийскими и по городу нахождения. В конце 1864 г. открылись Виленское и Московское юнкерские училища. В 1865 г. организованы Гельсингфорсское (на 100 юнкеров), Варшавское, Киевское, Одесское, Чугуевское, Рижское училища (на 200 юнкеров каждое), а также Тверское и Елисаветградское кавалерийские (на 60 и 90 юнкеров соответственно), а в 1866 г. — Казанское и Тифлисское (на 200 юнкеров каждое). В 1867 г. образовано Оренбургское училище на 200 человек (в том числе 120 казачьих урядников Оренбургского, Уральского, Сибирского и Семиреченского казачьих войск).

В 1868 г. штат Тверского училища увеличен до 90 юнкеров, Елисаветградского — до 150, а Гельсингфорсского уменьшен до 90. В 1869 г. штаты Варшавского, Московского, Казанского, Киевского и Чугуевского училищ увеличены до 300 человек, а также открыты два новых училища: Петербургское пехотное на 200 юнкеров и Новочеркасское урядничье казачье на 120 урядников Донского и Астраханского казачьих войск. В 1870 г. к ним добавилось Ставропольское училище на 30 юнкеров и 90 урядников Кубанского и Терского казачьих войск. Таким образом, сеть юнкерских училищ создана очень быстро. Если к концу 1868 г. было 13 училищ на 2130 человек, то к началу 1871 г. — 16 училищ на 2670 пехотных, 270 кавалерийских и 405 казачьих мест (11 пехотных на 2590 человек, 2 кавалерийских на 240, 2 смешанных на 320, 1 казачье на 120, а также 2 казачьих отдела на 75 человек при Варшавском и Виленском училищах). В 1872 г. открылось Иркутское юнкерское училище на 60 урядников и 30 пехотных юнкеров. В 1878 г. Ставропольское и Оренбургское училища преобразованы в казачьи (с 1876 г. казачий отдел был также в Елисаветградском училище); казачьи войска имели теперь в общей сложности 655 вакансий в юнкерских училищах вместо 330 в 1871 г.

Гельсингфорсское училище в 1879 г. было закрыто, и к 1880 г. осталось 16 училищ с общим штатом 4500 человек, из которых 3380 мест приходилось на пехоту (Московское, Чугуевское, Киевское, Одесское и Казанское училища — по 400 человек, Варшавское — 350, Виленское и

Тифлисское — по 300, Петербургское и Рижское — по 200 и отдел в Иркутском училище на 30 юнкеров); 450 мест — на кавалерию (Тверское — на 150 и Елисаветградское — на 300) и 670 мест — на казачьи войска (Новочеркасское и Ставропольское — по 120, Оренбургское — на 250, отдел в Иркутском училище — на 60 и отделы в Варшавском, Виленском и Елисаветградском училищах — всего на 120 урядников){144}.

В юнкерские училища принимали окончивших военные прогимназии или соответствующие гражданские учебные заведения, а также вольноопределяющихся; с 1869 г. могли поступать также унтер-офицеры, призванные по набору. Вольноопределяющиеся в принципе не были обязаны поступать в училище, но стать офицерами могли только после выпускного экзамена за училище или окончания курса. В противном случае они приравнивались по сроку выслуги к унтер-офицерам, призванным по рекрутскому набору. Для поступления в училище им надо было прослужить в унтер-офицерском звании 3 месяца, получить одобрение начальства и выдержать вступительный экзамен по пяти общеобразовательным предметам (окончившие шесть классов гимназии сдавали экзамен только по русскому языку и должны были получить не ниже 7 баллов).

Курс состоял из двух классов: младшего общего и старшего специального. Объем и содержание специального образования диктовались знаниями, навыками, необходимыми для командования батальоном. По окончании курса юнкера возвращались в свой полк и производились в офицеры по удостоению начальства. При этом выпущенные по 1-му разряду производились после лагерного сбора по представлению начальства независимо от наличия в полку вакансий, а выпущенные по 2-му разряду — только на вакансии. Программа юнкерских училищ в начале 80-х гг. менялась, но незначительно (см. табл. 27){145}. Их выпуск в 1866–1879 гг. колебался от 270 до 2836 человек и всего составил 16 731 человек (см. табл. 40).

Юнкерские училища к 80-м гг. XIX в. в основном удовлетворили потребность армии в офицерских кадрах, и стало возможным повысить требования к их образовательной подготовке, которая была признана недостаточной. С развитием сети юнкерских училищ производство в офицеры лиц, не прошедших курса обучения, было прекращено, но большую часть офицеров давали именно юнкерские училища. Теперь ставилась задача дать образование возможно большему числу офицеров на уровне военных училищ. С этой целью в 1886 г. решено сократить общий штат юнкерских училищ с 4500 до 2800, но реально сократили до 3620

человек (были закрыты Рижское и Варшавское училища). Одновременно в 1886–1888 гг. при юнкерских училищах открыты отделения с военно–училищным курсом (для выпускников гражданских средних учебных заведений). С 1888 г. военно–училищный курс введен в Московском юнкерском училище и на отделениях Киевского и Елисаветградского училищ. В 1887–1894 гг. эти курсы юнкерских училищ дали 1680 офицеров, а в 1895–1900 гг. — еще 1800. В результате с 90–х гг. выпускники военных училищ и военно–училищных курсов юнкерских училищ стали преобладать в общем числе выпускников (см. табл. 28)146.

В общей сложности юнкерские училища (в том числе и с военно–училищным курсом) выпустили с 1865 по 1880 г. 17 538 офицеров, а с 1881 по 1900 г. — 25 766.

Комплектование юнкерских училищ осуществлялось за счет лиц, получивших неполное среднее образование (прогимназии, городские училища и др.) или окончивших 6–й класс гимназий и равных им учебных заведений (т. е. имеющих права вольноопределяющихся 1–го разряда по образованию). Последние поступали вне конкурса, получив по единственному экзамену — русскому языку оценку не ниже 7 баллов. Между тем они, по отзывам начальства Главного управления военно–учебных заведений, представляли собой худший контингент, нежели выпускники прогимназий и городских училищ. Дело в том, что в значительной части это были люди, не сумевшие окончить гимназии по неспособности и дотянутые до 6–го класса, тогда как среди выпускников городских училищ и других подобных заведений, напротив, было много лиц из низших сословий, сумевших получить образование благодаря своей целеустремленности и способностям, которые и в юнкерском училище показывали себя с наилучшей стороны (что неоднократно отмечалось великим князем Константином Константиновичем, начальником Гувуз). Но по условиям приема последние были поставлены в худшее положение. В 1902 г., например, из поступавших в юнкерские училища около трети (1548) имели 6–классное образование, а 3200 — не имели; из последних выдержали экзамены 1526 человек (47%), но приняты на оставшиеся места только 742. Поэтому по настоянию Гувуз в 1903 г. для лиц с 6–классным образованием введен экзамен по всем разделам математики. Представление об источниках комплектования юнкерских училищ дает таблица 29 (данные на 1868 г., в %). Среди учившихся в средних учебных заведениях ушедших после 6–го класса было 15–30%.

Большинство обучавшихся в юнкерских училищах оканчивало курс по 2–му разряду. Например, в 1888 г. Казанское училище по 1–му разряду

окончили 8, а по 2-му разряду — 22 человека, Тверское — соответственно 12 и 40, Киевское—12 и 119, Иркутское — 4 и 32, Петербургское — 24 и 70, Одесское — 23 и 88, Виленское — 11 и 68, Тифлисское — 18 и 76, Елисаветградское — 20 и 75{147}.

С переводом юнкерских училищ на военно-училищный курс они стали постепенно преобразовываться в военные училища. В начале XX в. после такого преобразования Московского, Киевского и Елисаветградского кавалерийского оставалось 10 юнкерских училищ: 7 пехотных (Петербургское, Виленское, Казанское, Одесское, Чугуевское, Иркутское и Тифлисское), 1 кавалерийское (Тверское) и 2 казачьих (Новочеркасское и Оренбургское). Но и эти училища с 1903 г. перешли на 3-летний срок обучения со значительным увеличением объема программ как общеобразовательных, так и военных предметов (на первые теперь отводилось 36 часов в неделю, на вторые — 45). Изменились и правила выпуска: теперь выпускники делились на три разряда. Для окончания по 1-му разряду надо было иметь средний балл не менее 10, по военным предметам — не менее 7 и по строевой службе — не менее 9; по 2-му разряду — общий балл не менее 7 и равные 1-му разряду показатели по военным предметам и строевой службе; по 3-му разряду выпускались все остальные, но получившие на экзаменах положительную оценку (не менее 6 баллов). Выпускникам 1-го и 2-го разрядов присваивали звание подпоручика, а 3-го (как и из военных училищ) — унтер-офицера с правом производства в офицеры на вакансии, но не ранее года службы.

Сословный состав юнкерских училищ очень сильно отличался от состава военных училищ и тем более кадетских корпусов: из-за разницы в источниках комплектования потомственных дворян в этих училищах было менее 20%. Даже вместе с детьми личных дворян, офицеров и чиновников их было чуть больше половины в 80-х гг. и менее 40% в начале XX в., тогда как крестьяне, мещане и казаки составляли от четверти в 80-х гг. до почти половины в начале XX в. (см. табл. 30){148}.

В 1911 г. все юнкерские училища были преобразованы в военные и как тип военно-учебных заведений перестали существовать.

Обратимся теперь к учебным заведениям, осуществлявшим подготовительные функции по отношению к училищам, непосредственно выпускавшим офицеров.

Военные гимназии (кадетские корпуса)

В начале 60-х гг. XIX в. || коде общей реформы народного образования в стране было создано, как известно, два основных типа средних учебных заведений: классическая гимназия (с преобладанием гуманитарных

предметов) и реальная (с естественно–математическим уклоном). В русле этих реформ военный министр Д. А. Милютин предложил создать военные гимназии, преобразовав общие классы кадетских корпусов (старшие специальные классы которых уже были преобразованы в военные училища). Строевой состав предполагалось упразднить, именив большинство офицеров гражданскими преподавателями, и превратить эти заведения из закрытых в открытые, где большинство воспитанников содержалось бы за свой счет, и таким образом приблизить их к гражданским гимназиям (Милютиным даже предполагалось со временем передать все подготовительные заведения в Министерство народного просвещения, чтобы военные училища комплектовались выпускниками обычных гимназий).

Осуществление этого проекта началось в 1863 г., когда соответствующим образом был реорганизован 2–й кадетский корпус, где вместо строевых подразделений ввели возрастные классы, как в гимназиях. В том же году упразднены три кадетских корпуса: Александринский Сиротский в Москве, Александровский в Вильне и Павловский; к приему в корпуса в том году допускались уже только дети, достигшие 12 лет. В 1864 г. преобразованы в военные гимназии 1–й кадетский корпус, 1–й и 2–й Московские, Орловский и Тульский, в 1865 г. — Полтавский, Киевский, Полоцкий и Воронежский, а в 1866 г. — Новгородский, одновременно с этим переведенный в Нижний Новгород, Оренбургский и Сибирский. Упразднены малолетние отделения 1–го кадетского и Тамбовского корпусов. Пажеский и Финляндский корпуса оставлены в прежнем виде (какими и сохранились до конца своего существования). В Пажеском корпусе четыре общих класса приравнивались к старшим классам военной гимназии, а в Финляндском общий курс был пятилетним (на шведском языке). Таким образом, к началу 1871 г. помимо общих классов этих двух корпусов насчитывалось 12 военных гимназий: 1–я и 2–я Петербургские, 1–я и 2–я Московские, Орловская Бахтина, Михайловская Воронежская, Петровская Полтавская, Владимирская Киевская, Полоцкая, Нижегородская Аракчеевская, Оренбургская Неплюевская и Сибирская, а также подготовительный пансион при Николаевском кавалерийском училище. Общий штат всех военных гимназий составил 3782 воспитанника.

В 1873 г. вместо 6–летнего в военных гимназиях был введен 7–летний курс и увеличены штаты (в 12 гимназиях всего до 4300 чел.). В том же году открыты еще две военные гимназии исключительно для экстернов, т. е. приходящих учеников: 3–я Петербургская и Симбирская — с допуском в

них представителей всех сословий и с платой, как в гражданских гимназиях; в остальных гимназиях допускалось по 3 приходящих ученика на каждое классное отделение, а при четырех гимназиях открыто по новому классному отделению для приходящих на 30 человек. В 1874 г. открылась 3-я Московская гимназия, в 1875 г. — Тифлисская (вместо прежней прогимназии, переведенной во Владикавказ), а в 1876 г. — 4-я Московская (на 500 человек) и Псковская (на 400 человек), преобразованные из прогимназий. Все эти гимназии были заведениями интернатного типа, имели подготовительный и шесть основных классов. С 1874 г. в военных гимназиях введен конкурсный экзамен. В 1877 г. в Омске открыт пансион для приготовления малолетних к поступлению в Сибирскую военную гимназию.

Содержание каждого воспитанника-интерна в военной гимназии обходилось государству в среднем в год: в 1872 г. — 414,5 руб., в 1875 г. — 369,43 руб., в 1879 г. — 595,23 руб.{149} Для подготовки учителей военных гимназий в 1865–1882 гг. при 2-й Петербургской военной гимназии действовали Высшие педагогические курсы, куда принимались лица с университетским образованием. За 1871–1880 гг. курсы подготовили 45 человек.

За 1871–1879 гг. все военные гимназии и равные им учебные заведения направили в военные училища 4347 человек (см. табл. 40).

Число воспитанников военных гимназий в 70-х гг. постоянно увеличивалось главным образом за счет своекоштных (плативших 250 руб. в год), в результате чего доля выпускников военных гимназий среди юнкеров военных училищ, составлявшая в 1871 г. около половины, в 1879 г. выросла до 75%. Штаты военных гимназий и равных им заведений к началу 80-х гг. приводятся в таблице 31{150}.

К началу 80-х гг. выяснилось, однако, что военные гимназии, «удовлетворяя требованиям среднего реального образования и педагогическим целям воспитания, не вполне отвечают задаче профессионального военного заведения» и недостаточно хорошо подготавливают учащихся к переходу в военные училища в профессионально-психологическом плане. Кроме того, оказалась недостаточно обеспеченной одна из основных целей подготовительных военно-учебных заведений — давать детям бедных офицеров и чиновников воспитание и образование за государственный счет. Поэтому было решено, оставив эти заведения отдельными от военных училищ, вновь ввести в них строевые роты и строевые занятия в старших классах, заменить гражданских воспитателей строевыми офицерами, а также существенно

увеличить число интернов.

Во исполнение этого 22 июня 1882 г. военные гимназии были переименованы в кадетские корпуса и назывались так до конца их существования. Преподавательский состав сохранен, но и введен штат офицеров–воспитателей. Число учащихся в классе составляло 35 человек. Общие классы Пажеского корпуса и подготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища, организационно отделенные от них в 1877 г., снова были присоединены к этим заведениям. 3-й Петербургский корпус (Александровский) сделан интернатом, а 3-й Московский вообще закрыт. В 1883 г. появился Донской кадетский корпус на 420 воспитанников, в 1887 г. — 2-й Оренбургский (на 300), а в 1888 г. открылись две трехклассные приготовительные школы: Иркутская (на 35 человек) и Хабаровская (на 50), учащиеся которых переводились в Сибирский кадетский корпус. К 1891 г. штат Александровского корпуса сократился до 300 человек, Сибирского — увеличился до 325, Тифлисского — до 350.

С 1884 г. на казенный кошт стали принимать только детей лиц, прослуживших в офицерских чинах (и военными врачами) не менее 10 лет или уволенных с правом ношения мундира. Из тех, чьи отцы прослужили менее 10 лет, принимались: круглые сироты, чьи отцы умерли на службе; дети убитых и умерших от ран, инвалидов 1-го и 2-го класса; дети преподавателей кадетских корпусов, прослуживших там не менее 5 лет. Все эти кандидаты были разделены на 14 разрядов по порядку предпочтения (причем первые четыре принимались вне конкурса): 1) дети офицеров и военных чиновников, убитых и умерших от ран (в т. ч. погибших и ставших полными инвалидами при служебных обстоятельствах); 2) круглые сироты офицеров; 3) дети георгиевских кавалеров; 4) дети офицеров и военных чиновников, состоящих под покровительством Александровского комитета о раненых (т. е. инвалидов 1-го и 2-го класса); 5) лица, имеющие право на казенный кошт, в возрасте 16–18 лет, поступающие прямо в 6–7-е классы; 6) дети генералов и пажи Высочайшего Двора; 7) дети офицеров, оставшиеся без одного из родителей; 8) дети преподавателей кадетских корпусов; 9) дети инвалидов 3-го класса; 10) дети имеющих орден Владимира с мечами (т. е. за боевые заслуги) или золотое оружие с надписью «За храбрость»; 11) дети полковников; 12) дети имеющих ордена Анны 2-й и 3-й степени с мечами или 4-й степени «За храбрость», Станислава 2-й и 3-й степени с мечами или знак отличия военного ордена; 13) дети штаб-офицеров ниже полковника; 14) дети обер-офицеров и священников, прослуживших не менее 10 лет в военном ведомстве. На тех

же основаниях детям 6–10 лет, не принимаемым в корпуса, выдавались пособия для домашнего воспитания: 1) детям убитых и погибших на службе; 2) круглым сиротам; 3) детям инвалидов 1-го и 2-го класса; 4) оставшимся без одного из родителей детям генералов, штаб — и обер-офицеров, прослуживших 10 лет или уволенных с мундиром.

Своекоштными воспитанниками принимались дети всех остальных офицеров и потомственных дворян (даже не служивших). Причем те, кто имел право на казенное содержание, но не прошел по конкурсу на выделенные места, платили по 250 руб. в год, остальные — полную стоимость (к 1894 г. — 450 руб.). В Пажеском корпусе все воспитанники были казеннокоштными. Кроме того, воспитанники корпусов могли содержаться на стипендии дворянских обществ и различных учреждений. Картина комплектования кадетских корпусов в 80–90-х гг. дана в таблице 32{151}.

С начала 80-х гг. происходило быстрое увеличение числа казеннокоштных воспитанников и уменьшение числа экстернов, что имело своим следствием в первую очередь увеличение среди воспитанников кадетских корпусов доли детей военных (см. табл. 33){152}.

В 90-х гг. продолжало расти и число самих кадетских корпусов: в 1896 г. был образован Ярославский корпус, в 1899 г. — Суворовский (в Варшаве) и Одесский, в 1900 г. — Сумской и Хабаровский, в 1902 г. — Владикавказский. В начале XX в., когда начальником Гувуз стал великий князь Константин Константинович, в системе воспитания кадет произошли кардинальные перемены и педагогические приемы стали значительно более гуманными: были отменены многие ограничения личного характера для кадет старших классов (относительно ношения усов, часов, курения и т. п.). Великий князь Константин Константинович видел основную задачу воспитания в том, чтобы развивать у кадет «сознание их человеческого достоинства и бережно устранять все то, что может унижить или оскорбить это достоинство»{153}.

В 1911–1914 гг. функционировало 26 кадетских корпусов: 1-й и 2-й Петербургские, Николаевский (бывший приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища), Александровский (им. Александра II), 1, 2 и 3-й Московские, Орловский Бахтина, Михайловский Воронежский, Нижегородский Аракчеева, Петровский Полтавский, Полоцкий, Псковский, Владимирский Киевский, Симбирский, 1-й Оренбургский Неплюевский, 2-й Оренбургский, Омский, Ярославский, Сумской, Суворовский Варшавский, Хабаровский Муравьева, Ташкентский наследника цесаревича, Владикавказский, Вольский и Тифлисский, а также

общие классы Пажеского корпуса. В целом в кадетских корпусах обучалось более 10 тыс. человек. К началу мировой войны их стало 29 с общим штатом в 11 618 кадет{154}.

Программы и учебный план кадетских корпусов последний раз утверждались в 1897 г., но принципиальных изменений не претерпели с самого учреждения военных гимназий. Вообще надо сказать, что программы военных гимназий в свое время превосходили программы соответствующих им гражданских заведений (реальных гимназий или училищ) и давали воспитанникам более основательное образование. На Закон Божий в военных гимназиях отводилось 18 часов, в реальном училище — 12, на русский язык и литературу — соответственно 33 и 26, иностранный язык — 54 и 27 (плюс 18 факультатив), математику — 42 и 38, естественные науки — 20 и 20, историю и географию — 24 и 22, начертательные искусства — 19 и 42. Изменение программ военных гимназий и кадетских корпусов представлено в таблице 34{155}.

О среднегодовой убыли из военных гимназий и кадетских корпусов (как до окончания курса, так и после) дает представление таблица 35{156}.

Количество «брака» к концу XIX в. удалось значительно снизить, учитывая, что в 1863–1869 гг. убыль до окончания курса составляла около 12% — в среднем в год 453 человека (в т. ч. отправлялось юнкерами в войска 166 человек). Но если гражданскими чинами выпускалось тогда очень немного (в 1869 г. — 13, в 1870 г. — 11 человек){157}, то со временем процент тех, кто, окончив военную гимназию, избрал не училище, а гражданскую службу (в принципе выпускники не обязаны были поступать в военные училища), в целом несколько повышался (в 1869–1879 гг. — около 6%, в 1881 г. — 8,6%, в 1903 г. — 9,6%). В XX в. количество таких выпускников еще больше возросло, составив в 1914 г. 17,8%. В 1901 г. из 1005 окончивших корпуса в училища поступили 887, в 1905 г. из 1091–994, в 1908 г. из 1174–987, в 1911 г. из 1353–1195, в 1912 г. из 1269–1041 и в 1914 г. из 1329–1093.

Что касается сословного состава военных гимназий, то он был преимущественно дворянским, хотя и в меньшей степени, чем прежних кадетских корпусов, специально предназначенных для воспитания детей офицеров и дворян (а все офицеры, напомним, были либо потомственными, либо личными дворянами уже потому, что дворянство присваивалось с первым же офицерским чином). С приемом в военные гимназии в 60–70-х гг. огромной массы своекоштных воспитанников процент выходцев из других сословий несколько повысился, хотя и не превышал 20%, но с преобразованием гимназий в кадетские корпуса и изменениями правил

приема (и почти полным упразднением экстерната) он снова снизился. Впрочем, он варьировался в зависимости от корпуса, и если в Пажеском корпусе потомственных дворян было 100%, то в Сибирском — только 11%. Общее представление о сословном составе кадетских корпусов дает таблица 36{158}.

В общей сложности военные гимназии и кадетские корпуса за 1865–1881 гг. выпустили 17 872 человека, из которых около 14 тыс. поступили в военные училища, а с 1881 по 1900 г. — 26 634 человека (за 1881–1885 гг. — 6487, за 1886–1890 гг. — 6505, за 1891–1895 гг. — 6694 и за 1896–1900 гг. — 6948){159}. В 1901–1916 гг. выпущено 19 956 человек (см. табл. 41), а всего за время существования этого вида военно-учебных заведений — 64 462 человека.

Военные прогимназии

Военные прогимназии были образованы из училищ военно-начальных школ (которые возникли в 1858 г. из бывших батальонов военных кантонистов), призванных давать образование детям беднейших дворян и заслуженных нижних чинов. Они готовили своих воспитанников (детей офицеров и чиновников) к поступлению в юнкерские училища либо (менее успешных) — в специальные школы военного ведомства, выпускавшие унтер-офицеров для нестроевых должностей.

В 1867 г. 8 военно-начальных школ преобразованы в прогимназии с четырехлетним сроком обучения: Московскую, Псковскую, Ярославскую, Киевскую, Вольскую, Оренбургскую, Омскую и Иркутскую (Киевская прогимназия вскоре была переведена в Елисаветград), а затем образованы Петербургская (из чертежной школы) и Пермская прогимназии, и, таким образом, к началу 1871 г. имелось 10 прогимназий с общим штатом в 2700 человек. В 1871 г. из военно-начальной школы образована Тифлисская прогимназия, а Пермская в 1872 г. закрыта. В 1875 г. Тифлисская прогимназия переведена во Владикавказ, а вместо нее создана военная гимназия. В 1876 г. в военные гимназии преобразованы Московская и Псковская прогимназии. Таким образом, к 1881 г. осталось 8 прогимназий с общим штатом 1735 учащихся: Ярославская (400), Оренбургская (300), Елисаветградская, Петербургская и Омская (по 200), Вольская и Иркутская (по 100) и Владикавказская (235).

Преподавателей для военных прогимназий давала учительская семинария, открытая в начале 60-х гг. при Московской военно-начальной школе. Она имела трехлетний курс обучения и комплектовалась лучшими выпускниками военных прогимназий и по экзамену. Сначала штат ее учащихся был определен в 50, в 1867 г. увеличен до 100, а к 1881 г.

сокращен до 75 человек. В 1863–1865 гг. она выпустила 157 учителей, в 1867–1875 гг. — 370, а в последующем (до закрытия в 1882 г.) — по 25–30 человек ежегодно (в 1871–1880 гг. — 164).

С 1874 г. программы военных прогимназий перестроены для подготовки выпускников в юнкерские училища и к приему стали допускаться лица в более старшем возрасте. Программой военных прогимназий за 4 года предусматривалось 96 учебных часов в неделю, из которых на Закон Божий приходилось 10 часов, на русский язык — 19, арифметику и алгебру — 22, геометрию — 8, историю — 7, географию — 9, естествознание — 7, чистописание — 7 и рисование — 7. Содержание каждого учащегося обходилось в среднем в 1872 г. в 218,1 руб., в 1875 г. — 242,23 руб., в 1879 г. — 261,81 руб.{160}. Прогимназии выпускали на службу унтер-офицерами, а с 1874 г. — с правами вольноопределяющихся 3-го разряда (таких за 187–4–1880 гг. выпущено 2129), а кроме того, переводили своих выпускников в Учительскую семинарию, в военные гимназии и т. д. Но стать основой для комплектования юнкерских училищ они не могли: с 1867 по 1871 г. из военных прогимназий туда поступило 3120 человек, а вольноопределяющихся — почти 5 тыс. Выпуски 1871–1879 гг. (унтер-офицерами и вольноопределяющимися) всего составили 3025 человек (см. табл. 40).

В военные прогимназии принимались дети офицеров, чиновников, дворян и почетных граждан (во Владикавказскую, Оренбургскую и Омскую — и других сословий), и сначала состав их мало отличался от состава военных гимназий (разве что потомственных дворян было там значительно меньше), но уже к началу 80-х гг. они считались заведениями, принимающими в основном лиц недворянского происхождения.

После преобразования в 1882 г. военных гимназий в кадетские корпуса военные прогимназии были закрыты, а две из них — Ярославская и Вольская преобразованы в военные школы, куда из кадетских корпусов направлялись неуспевающие и провинившиеся ученики; к 1891 г. штат Ярославской школы по-прежнему насчитывал 400 человек, а Вольской — 100. Ярославская школа преобразована в кадетский корпус в 1896 г., а Вольская — в 1914 г. Об убыли из военных прогимназий и школ дает представление таблица 37{161}.

В общей сложности военные прогимназии выпустили в 1867–1870 гг. 10 850 человек, в 1871–1880 гг. — 6730, в 1881–1885 гг. — 2837, в 1886–1890 гг. — 1542, в 1891–1895 гг. — 735, в 1896–1900 гг. — 287{162}, за 1901–1912 гг. — 854 человека (см. табл. 41). За весь период своего существования военные прогимназии (военные школы) дали 23 835

выпускников.

Специальные военные училища

Помимо общевоинских учебных заведений, готовивших офицерские кадры в основном для пехоты и кавалерии, в русской армии существовали специальные военные училища, выпускавшие офицеров артиллерии, инженерных войск и специальных родов службы (топографической, юридической). Эти учебные заведения стояли несколько особняком и не входили, как правило, в систему Главного управления военно-учебных заведений. Система специальных училищ окончательно оформилась лишь в 20-х гг. XIX в. В XVIII в., как уже говорилось, артиллерийских и инженерных офицеров готовил особый кадетский корпус, но впоследствии он, хотя и продолжал выпускать офицеров этих родов войск, как специальное учебное заведение перестал существовать. Но поскольку потребность в специализации объективно ощущалась, в конце второго десятилетия XIX в. были образованы специальные военные училища, которые со временем сосредоточили подготовку офицеров соответствующих родов войск в своих стенах.

Артиллерийские училища

После того как Артиллерийский и инженерный корпус был преобразован во 2-й кадетский, он продолжал выпускать некоторое количество артиллерийских офицеров, равно как и 1-й Московский корпус. Артиллерийских офицеров готовили также юнкерские классы при учебных гвардейских артиллерийских ротах. Артиллерийское училище было открыто 25 ноября 1820 г. при сформированной в том же году учебной артиллерийской бригаде. Оно было рассчитано на 120 штатных и 28 сверхштатных учащихся и предусматривало 5-летний курс обучения. В училище принимались дети потомственных дворян в возрасте 14–18 лет (смотря по тому, в какой класс поступал абитуриент) по экзамену. Выпускали по 4 разрядам. Окончившие по 1-му разряду производились в прапорщики и переводились в офицерские классы училища, по 2-му разряду — производились в прапорщики и направлялись в войска, по 3-му разряду — оставались в училище еще на один год, а выпускники 4-го разряда направлялись в войска юнкерами и должны были прослужить до производства в офицеры не менее 2 лет. За первые 35 лет своего существования училище выпустило 375 офицеров (в т. ч. в 1826–1855 гг. — 300). С 19 сентября 1849 г. оно именовалось Михайловское артиллерийское училище.

В первой половине XIX в. довольно многие воспитанники не смогли должным образом окончить курс (из поступивших в 1825–1857 гг.: 1197

человек в офицерские классы переведены 597 (50%), а не достигли офицерского звания 327 (28%){163}, поэтому в конце 50-х гг. училище было реорганизовано. В 1856 г. закрыт младший класс (для детей 14–15 лет), а в 1859 г. — еще два. С 1859 г. изменен и порядок комплектования: в оставшиеся два класса принимались юнкера и унтер-офицеры (фейерверкеры) со средним и высшим образованием (последние — прямо в старший класс) независимо от происхождения, причем все они принимались экстернами, оставаясь в подчинения командиров своих частей. Начиная с 1861 г. в училище стали поступать кадеты артиллерийских отделений кадетских корпусов (военных училищ) (в 1862 г. — 89 человек, в 1863 г. — 109, в 1864 г. — 53), составившие специальный старший класс с курсом обучения в один год. С 1864 г. он комплектовался только за счет перевода из общевоинских военных училищ, а с 1863 г. прием экстернов прекращен. И так как в том же году сделан последний выпуск поступивших до 1859 г. дворянских детей по экзамену, училище превратилось в одногодичное — только для переведенных из общевоинских училищ.

С 1865 г., после образования военных гимназий, оно стало 3-годовичным. В младший класс принимались выпускники военных гимназий или достигшие 16 лет выпускники гражданских учебных заведений по экзамену (последних было 6–8%). Старший (3-й) класс делился на два отделения: математическое (для своих воспитанников, готовящее в академию) и строевое (для переведенных из общевоинских училищ и готовящее в войска). Штат училища увеличен со 120 до 160 человек. В 1871–1879 гг. в него поступило 684 человека, из них выпускников военных гимназий — 418 (61%), переведено из других военных училищ — 212 (31%) и поступило по экзамену — 54 (8%){164} (см. табл. 38){165}.

Убыло из училища в 1871–1879 гг. 675 человек, из которых 567 (85%) выпущено офицерами и гражданскими классными чинами, переведено в другие военные училища — 16 (2%), уволено до окончания курса — 24 (3%), выпущено в войска нижними чинами до окончания курса 60 (9%) и умерло — 8 (1%){166}. Выпуск из училища в 1857–1879 гг. колебался от 11 до 84 человек в год (см. табл. 40){167}.

Надо сказать, что и в 70-х гг. артиллерийское училище не обеспечивало своими выпускниками потребность в артиллеристах, и большая часть офицеров артиллерии выходили из общевоинских училищ: из поступивших в артиллерию в 1857–1877 гг. 3135 офицеров оно дало лишь 1151, в том числе из поступивших в 1870–1877 гг. — 514 (37%), а другие училища — 1332 офицера{168}.

Учебный план училища предусматривал изучение Закона Божьего, иностранных языков, истории, военного законовещения, алгебры, дифференциального и интегрального исчисления, аналитической геометрии, механики, физики, химии, артиллерии, общей тактики, тактики артиллерии, артиллерийского черчения, артиллерийской администрации, фортификации и топографии.

В 1894 г. 2-е Константиновское военное училище преобразовано в артиллерийское с той же организацией, что и Михайловское, и штатом в 400 юнкеров (штат Михайловского училища также был увеличен). В начале XX в. штат каждого из них составлял 420 человек. После начала мировой войны открыты Сергиевское (в Одессе) и Николаевское (в Киеве) артиллерийские училища, первое из которых сделало свой выпуск в 1915 г., а второе — в 1916 г.

Сословный состав артиллерийских училищ был более аристократическим, чем общевоинских. Никаких сословных ограничений на поступление в артиллерийские училища с 1859 г. не существовало, но в этих училищах была наиболее значительная доля выпускников военных гимназий и кадетских корпусов, что и обусловило их социальный состав. (В таблице 39 показан социальный состав юнкеров Михайловского училища{169}).

На 1.1 1904 г. в двух артиллерийских училищах потомственных дворян было 47%, детей офицеров и чиновников — 50%, прочих — 3%. В 1906 г. в них училось 263 потомственных дворянина, 416 детей личных дворян, офицеров и чиновников и 121 представитель других сословий; в 1908 г. — соответственно 336, 401 и 154{170}.

До 1861 г. Михайловское училище выпустило примерно 500 офицеров, в дальнейшем же выпуск из артиллерийских училищ выглядел так: 1861–1865 гг. — 285 человек, 1866–1870–390, 1871–1875–390, 1876–1880–363, 1881–1885–386, 1886–1890–378, 1891–1895–526, 1896–1900–1529. Всего за это время выпущено 4247 офицеров{171}, а за весь XIX в. — примерно 4,8 тыс. офицеров.

Инженерное училище

После преобразования Артиллерийского и инженерного корпуса во 2-й кадетский он продолжал готовить инженерных офицеров, но уже в 1804 г. в Петербурге открыта Инженерная школа для юнкеров–кондукторов на 25 человек, которая в 1810 г. преобразована в Инженерное училище со штатом 50 человек (с 1816 г. оно именовалось Главным училищем инженеров).

На базе этого училища в сентябре 1819 г. было создано Главное инженерное училище, состоявшее из кондукторских и офицерских классов

(на 96 и 48 человек) с 4-летним курсом обучения. Выпускники 1-го разряда по успеваемости переводились в офицерские классы с производством в прапорщики, 2-го разряда — оставлялись еще на год, а 3-го — направлялись юнкерами в армию, где служили не менее двух лет до производства в офицеры (по экзамену и по представлению начальства).

В кондукторском отделении изучались арифметика, алгебра, геометрия, русский и французский языки, история, география, рисование, аналитическая геометрия, дифференциальное исчисление, а также полевая фортификация и артиллерия; в инженерном — фортификация, аналитическая геометрия, дифференциальное и интегральное исчисление, физика, химия, гражданская архитектура, практическая тригонометрия, начертательная геометрия, механика и строительное искусство. С 1819 по 1855 г. училище выпустило 1036 офицеров. С 21 февраля 1855 г. оно именовалось Николаевское инженерное училище.

В 1865 г. училище было преобразовано по образцу артиллерийского — в трехгодичное с теми же правилами приема и выпуска, что и в Михайловском артиллерийском. Но штат его был меньше — 126 юнкеров (рота). Структура его и порядок перевода воспитанников в академию также были идентичными с артиллерийским училищем. Однако в отличие от последнего инженерное училище в большей степени комплектовалось за счет лиц, поступивших по аттестатам гражданских учебных заведений. Из принятых в 1871–1879 гг. 423 человек выпускников военных гимназий было 187 (44%), переведенных из других военных училищ — 55 (13%) и выпускников гражданских учебных заведений — 181 (43%). Из 451 человека, убывшего из училища за тот же период, с офицерскими и гражданскими чинами выпущено 373 человека (83%), переведен в другое училище — 1, уволено до окончания курса — 63 (14%), выпущено до окончания курса нижними чинами — 11 (2%) и умерло — 3 (1%); т. е. картина примерно та же, что и в артиллерийском училище. Выпуск из училища в 1862–1879 гг. колебался от 22 до 53 человек в год (см. табл. 40).

Инженерное училище в большей мере обеспечивало потребности армии в офицерах своей специальности, чем артиллерийское, но и конце XIX в. и его штат был увеличен со 140 до 250 человек. (Социальный состав училища за счет большого числа поступавших «со стороны» (не из военных гимназий и кадетских корпусов) был менее дворянским, чем артиллерийского училища: среди поступавших до 30% составляли лица недворянского происхождения.

Николаевское инженерное училище в 1866–1880 гг. подготовило 791 офицера, в 1881–1895 гг. — 847, в 1896–1900 гг. — 540, а всего за вторую

половину XIX в. — 2338{172}.

В 1901–1914 гг. было выпущено 1360 офицеров (см. табл. 41). Следовательно, за весь период своего существования училище дало примерно 4,4 тыс. офицеров.

В 1915 г., во время войны, было открыто также Киевское Алексеевское инженерное училище.

Топографическое училище

Первоначально топографов готовил Финляндский топографический корпус, учрежденный в 1812 г. в Гаапаньеми и рассчитанный всего на 6 человек. Через четыре года штат его был установлен в 60 человек и он превращен в общевоинской, но продолжал готовить и топографов. Прием осуществлялся по экзамену. В течение 4-летнего курса в корпусе изучались Закон Божий, русский, шведский, французский и немецкий языки, история, география, арифметика, алгебра, геометрия, прямолинейная и сферическая тригонометрия, дифференциальное и интегральное исчисление, фортификация, артиллерия, тактика, топография, черчение. До 1825 г. корпус выпустил 92 топографа.

В связи с тем что в 1819 г. Финляндский корпус окончательно стал общевоинским учебным заведением, при Главном штабе в 1822 г. открыта Школа топографов. Ее первое отделение (на 40 человек) готовило офицеров, а второе — граверов и литографов. В первое отделение принимались лучшие воспитанники топографических классов, учрежденных при батальонах военных кантонистов, и вольноопределяющиеся. Выпуск осуществлялся по экзамену. Выдержавшие его и прослужившие затем определенный срок в нижних чинах производились в офицеры корпуса топографов, а при недостатке вакансий шли подпоручиками в армию. Те, кто выслужил топографом положенный срок в унтер-офицерском звании, но не имел достаточных познаний для службы офицером-топографом, направлялись в армию прапорщиками.

В 1863 г. Школа топографов преобразована в училище топографов. По положению 1866 г. для Военно-топографического училища установлен 2-летний курс обучения и штат в 40 человек. В него принимались топографы унтер-офицерского звания и воспитанники средних учебных заведений. Выпущенные по 1-му разряду получали чин подпоручика, по 2-му — прапорщика и по 3-му — гражданский чин XII класса. В 1877 г. училище переведено на 3-летний курс обучения. Выпуск был небольшим — в 1862–1879 гг. от 6 до 19 человек в год (см. табл. 40).

В 1886 г. Военно-топографическое училище объединено с учебной

командой военных топографов и перешло на 2-летний курс обучения. Поскольку в училище принимались люди со средним образованием, то общеобразовательные предметы были исключены. Выпускники шли подпоручиками в корпус топографов (до преобразования (1886 г.) выпущено 69 офицеров и 62 унтер-офицера, после преобразования до 1894 г. — 129 офицеров). С 1870 по 1900 г. училище всего подготовило 599 офицеров-топографов. В 1910 г. штат училища увеличен с 40 до 50 человек. Ежегодные выпуски не превышали 20 офицеров. В общей сложности Военно-топографическое училище выпустило более тысячи офицеров.

Военно-юридическое училище

Аудиторское училище Военного министерства было учреждено в 1832 г. В него принимались дети дворян и других свободных сословий, а также отличные кантонисты. До 1850 г. оно выпустило в общей сложности 201 офицера{173}. В 1868 г. оно преобразовано в Военно-юридическое училище, в 1878 г. упразднено окончательно и заменено Военно-юридической академией. С 1861 по 1878 г. оно дало 1298 выпускников.

Академии и офицерские школы

До сих пор речь шла об учебных заведениях, занимавшихся подготовкой своих воспитанников к получению офицерского звания. Теперь обратимся к учебным заведениям, осуществлявшим в русской армии функции повышения образования офицеров. Это Академия Генерального штаба, специальные академии и офицерские школы.

Николаевская академия Генерального штаба

Академия являлась главным центром подготовки общевойсковых командиров и специалистов штабной службы. Предшественниками ее были училища колонновожатых, существовавшие в Петербурге и Москве в 1810–1812 гг. и в Петербурге в 1823–1825 гг. Императорская военная академия открыта в 1832 г. «для образования офицеров к службе Генерального штаба» и «для вящего распространения знаний в армии». Курс обучения рассчитан на 2 года (теоретический и практический классы). Образование академии положило начало формированию корпуса офицеров Генерального штаба. К этой категории причислялись обер-офицеры в чине не ниже поручика, прослужившие в строю не менее 2 лет и окончившие академию (или выдержавшие при ней экзамен). С 1840 г. лучшие из воспитанников кадетских корпусов и Дворянского полка в числе 30 человек прикомандировывались прямо к гвардейскому штабу для поступления через 2 года в академию. Сначала служба в Генеральном штабе не давала никаких преимуществ, и число абитуриентов академии было небольшим. С

1832 по 1850 г. в академию поступило 410 человек (в т. ч. 351 из войск), а окончило — 271. После введения некоторых преимуществ для корпуса офицеров Генерального штаба в 1852 г. приток офицеров в академию усилился (в 1852 г. было 56 абитуриентов против 9 в 1851 г.) и прикомандирование выпускников кадетских корпусов было отменено.

В академию могли поступать офицеры не моложе 18 лет и в чинах не старше капитана армии и штабс-капитана гвардии, артиллерии и саперов. Служащие вне Петербурга сначала держали предварительный экзамен при корпусных штабах. В академии желающие поступить в теоретический класс держали вступительный экзамен; те, кто желал поступить сразу в практический класс, — и вступительный, и переходной; а желающие приобрести права окончивших курс — еще и выпускной. По окончании курса офицеры прикомандировывались на 1 год к образцовым частям для ознакомления со службой. Выпуск производился в октябре. Окончившие по 1-му разряду получали следующий чин, по 2-му — выпускались тем же чином, а по 3-му — возвращались в свои части и в Генеральный штаб не переводились. Армейские офицеры переводились в Генеральный штаб с тем же чином, артиллеристы, инженеры и гвардейцы — с повышением (гвардейцы еще со старшинством в последнем чине). В 1850–1855 гг. академия выпускала ежегодно в среднем 23 человека. В 1855 г. она стала называться Николаевской академией Генерального штаба.

В 1862 г. было установлено, что с 1863 г. для поступления в академию (кроме геодезического отделения) надо прослужить 4 года (исключая время службы на нестроевых должностях). Из окончивших в Генеральный штаб зачислялись только на вакансии, а остальные возвращались в части, причем окончившие по 1-му разряду — со следующим чином (но не выше капитана Генерального штаба или равного ему майора армии). В 1863 г. и на геодезическое отделение принимали после 2 лет строевой службы. Но уже в 1868 г. из 4 лет можно было иметь только 2 года строевой службы для всех поступающих. При этом прием (ранее не ограниченный) был установлен в 50 человек (геодезическое отделение — 10 человек за два года). В 1869 г. для окончивших по 1–2-му разрядам был введен дополнительный 6-месячный курс.

На общем отделении академии главными предметами были тактика, стратегия, военная история, военная администрация, военная статистика, геодезия с картографией, съемкой и черчением, а вспомогательными — русский язык, сведения по артиллерийской и инженерной части, политическая история, международное право и иностранные языки. На геодезическом отделении — теоретическая и практическая астрономия,

физическая география, геодезия со съемкой и черчением, картография и военная статистика; вспомогательными — военная администрация, тактика, русский и иностранные языки.

С 1894 г. квота на число поступающих отменена, но изменились и правила выпуска: было установлено, что основная задача академии — распространение высшего военного образования в армии. В соответствии с этим после 2-го курса офицеры выпускались в войска, а лучшие поступали на дополнительный курс, и лишь окончившие его причислялись к Генеральному штабу. Выпускники академии были обязаны прослужить в военном ведомстве 1,5 года за каждый год обучения.

Довольно большое число офицеров по разным причинам отчислялись до окончания курса: за 1881–1900 гг. было отчислено 913 человек. Зато окончившие академию занимали впоследствии высшие командные посты. Из окончивших курс в 1852–1882 гг. 1329 офицеров 903 направлены в Генеральный штаб, 197 получили полк, об командовали бригадой, 49 — дивизией, 8 — корпусом и 7 — военным округом{174}.

Во время первой мировой войны занятия в академии прекращены. За время своего существования академия выпустила в общей сложности более 4,4 тыс. офицеров, в том числе в 1855–1900 гг. 2888 и в 1901–1914 гг. — 1076{175}.

Михайловская артиллерийская академия

Академия образована в 1855 г. на базе офицерских классов Михайловского артиллерийского училища. Ряд лет академия и училище находились в тесной связи. Прием осуществлялся из выпускников училища или из других училищ по экзамену. Курс был двухгодичным; при переводе из младшего в старший класс окончившие по 1-му разряду получали следующий чин, а по 2-му разряду — или оставались в младшем классе еще на год, или выпускались на службу тем же чином, но один-два раза потом их обходили при производстве в следующий чин. Выпускники старшего класса 1-го разряда получали следующий чин — поручика, 2-го разряда — выпускались тем же чином и 3-го — тоже тем же чином, но потом один-два раза обходились при последующем производстве.

С 1862 г. в академии были два отдела — строевой (2-летний) и технический (3-летний), но в 1866 г. первый был закрыт. С 1863 г. для поступления в академию надо было прослужить в строю не менее 2 лет и быть в чине не выше капитана (штабс-капитана гвардии), а по положению 1867 г. выпускники артиллерийского и инженерного училищ и университетов принимались после 2 лет службы, а прочие — 3 лет и в чине не старше штабс-капитана (поручика гвардии). Штат был установлен в 60

человек. Выпущенные по 1-му разряду получали следующий чин (но не старше армейского штабс-капитана).

Курс обучения по положению 1867 г. составлял 2,5 года и состоял из следующих дисциплин: высшей математики, теоретической и практической механики, химии, физики, начертательной геометрии, технологии, фортификации, баллистики, материальной части артиллерии, организации и боевого применения артиллерии, истории артиллерии и администрации артиллерийских технических заведений.

По положению 1894 г. в академии снова создано строевое отделение, а срок обучения составил 2 года 8 месяцев, но в 1912 г. оно упразднено, а срок обучения увеличен до 3 лет. За время своего существования академия выпустила (по 1914 г.) 1715 человек, в т. ч. в 1855–1900 гг. — 1165 и в 1901–1914 гг. — 550{176}.

Николаевская инженерная академия

Эта академия создана одновременно с артиллерийской и подобно ей на базе офицерских классов Николаевского инженерного училища. Она имела также двухгодичный курс с тем же порядком перехода с младшего на старший курс, правилами приема и выпуска, что и Михайловская артиллерийская академия.

С 1863 г. поступающие должны были прослужить не менее 2 лет и быть в чине не старше капитана армейских саперов, штабс-капитана армии или подпоручика гвардии. По положению 1867 г. срок службы был увеличен до 3 лет (в том числе не менее 2 на строевых должностях), а для выпускников артиллерийского и инженерных училищ и университетов — 2 лет; они должны быть в чине не выше штабс-капитана армии и поручика гвардии. Для тех, кто оканчивал двухгодичный курс по 1-му разряду и поступал в корпус военных инженеров, был введен дополнительный полугодовой курс. Выпущенные по 2-му разряду направлялись в войска на строевые должности. С 1869 г. был установлен 3-годовой курс обучения.

В академии изучались фортификация, фортификационное черчение, строительное искусство, строительное черчение, архитектура, архитектурное рисование, высшая математика, начертательная геометрия, топография, топографическое черчение, химия, военная администрация, механика, военная история, железные дороги, минералогия, фортификационные, строительные и архитектурные проекты.

Во время первой мировой войны занятия в академии были прекращены. Всего академия выпустила 2097 человек, в том числе в XIX в. — 1613 и в XX в. — 484{177}.

Военно-юридическая академия

Академия как высшее учебное заведение появилась в 1866 г., когда при Аудиторском училище был открыт офицерский класс, преобразованный в 1867 г. в Военно-юридическую академию, куда принимались лица, прослужившие в офицерских чинах не менее 4 лет, по экзамену (и выдержавшие предварительный экзамен при окружном штабе). С 1868 г. требовалось не менее 2 лет из 4 прослужить на строевых должностях. Ежегодно принимали не более 25 человек. В 1876–1878 гг. вместо академии существовало Военно-юридическое училище, в 1878 году вновь замененное академией.

Срок обучения в академии был 3-летним: два общих юридических класса и специальный — военно-юридический (гражданские чиновники с высшим образованием принимались сразу в старший класс). Основными предметами были военно-уголовное законодательство, военно-уголовное и военно-административное судопроизводство, история военного законодательства, государственное и гражданское право, а кроме того, история русского права, энциклопедия права, финансовое, полицейское, международное и церковное право, политическая экономия, судебная медицина, психология и логика. По успехам выпускники делились на два разряда. Во время первой мировой войны занятия в академии были прекращены. За все время своего существования академия выпустила 1499 человек, в 1. ч. в 1868–1876 гг. — 201, в 1879–1900 гг. — 882 и в 1901–1914 гг. — 416{178}.

Интендантская академия

С 1899 г. существовал Военно-интендантский курс при Академии Генерального штаба, куда летом было принято 30 офицеров и 9 военных чиновников. Они начали занятия в 1900 г. Изучались военная администрация, статистика, военная география, товароведение, химия, счетное делопроизводство и русский язык. В 1911 г. Военно-интендантский курс был преобразован в академию. Во время войны занятия не проводились. В 1900–1910 гг. курс окончило 264 человека и в 1911–1914 гг. — еще около 300.

Курс восточных языков

Задачей этого высшего военно-учебного заведения было готовить офицеров со знанием восточных языков. Курс открыт в 1883 г. при такой же школе МИД. Ежегодный прием установлен в 5 человек, срок обучения — 3 года. Изучались арабский, турецкий, персидский и татарский языки, международное и мусульманское право. Выпускники были обязаны потом прослужить в Азии не менее 4,5 лет. Первый выпуск сделан в 1886 г., в 1886–1898 гг. выпущено 55 офицеров (в том числе в 1886–1894 гг. — 45). В

первом десятилетии XX в. на курсе, состоявшем при Академии Генерального штаба, ежегодно училось чуть больше 10 человек. Для подготовки офицеров со знанием китайского языка в конце 90-х гг. в школе Министерства внутренних дел в Урге учреждено две стипендии. Один казачий офицер из Омского военного округа раз в два года командировался на 2 года с той же целью в Кульджу.

Представление о деятельности четырех основных академий дают таблицы 42 и 43{179}.

Офицерские школы

Офицерские школы были краткосрочными учебными заведениями, предназначенными для повышения квалификации офицеров и подготовки их к занятию строевых командных должностей.

В 1857 г. в Царском Селе учреждена стрелковая школа с одногодичным курсом на 114 человек (принимались также вольнослушатели). По положению 1859 г. она должна была готовить офицеров для занятия должностей командира роты и заведующего оружием полка. Выпущенные по 1-му разряду получали следующий чин. В 1859 г. создана Кавказская стрелковая школа в Тифлисе (вместо упраздненного Кавказского сводного учебного батальона) на 30 офицеров; в 1861 г. она преобразована по типу Царскосельской. В том же году образована Финляндская стрелковая школа (вместо упраздненного Финляндского учебного стрелкового батальона, который был сформирован в 1856 г.), но уже в следующем году она была закрыта.

Для офицеров гвардейской пехоты в 1857 г. создан двухгодичный Учебный фехтовально-гимнастический класс, рассчитанный на 146 человек. В том же году для офицеров инженерных войск открыты Техническо-гальваническое заведение и гальваническая учебная рота со сроком обучения 1 год, рассчитанные на 14 офицеров. В 1858 г. для специального образования офицеров в Елисаветграде создано двухгодичное кавалерийское училище.

В 1863 г. Царскосельская офицерская стрелковая школа, фехтовальный класс и Образцовый пехотный батальон были слиты в Учебный пехотный батальон, а в 1866 г. на тех же основаниях образована Кавказская учебная рота (из Кавказской стрелковой школы с учебной ротой при ней). Образцовый эскадрон преобразован в 1863 г. в Учебный кавалерийский эскадрон и в 1866 г. влит в Елисаветградское кавалерийское училище. В артиллерии появились пешая и конная учебные батареи (из Образцовых), а в 1867 г. принято новое положение о Техническо-гальваническом заведении и гальванической учебной роте. Все эти учебные части

предназначались для обучения равно и солдат, и офицеров.

Однако в 1882 г. учебные части были вновь преобразованы в офицерские школы по родам оружия, которые готовили командиров батальонного звена.

Офицерская стрелковая школа находилась в Ораниенбауме и предназначалась для пехотных капитанов не старше 45 лет, командовавших ротой не менее 2 лет и готовившихся к занятию штаб-офицерских должностей (командиров батальонов). Срок обучения составлял 7 месяцев, штат — 167 человек. С началом мировой войны занятия были прекращены.

Офицерская кавалерийская школа предназначалась для ротмистров, готовившихся в эскадронные командиры. Срок обучения был двухлетним. Штат рассчитан на ежегодный прием по 40 гвардейских и армейских офицеров и 24 казачьих (в XX в. — 42 и 25). В 1914 г. закрылась.

Офицерская артиллерийская школа стрельбы находилась в Царском Селе и готовила командиров батарей. С 1886 г. в ней создан крепостной отдел для офицеров крепостной артиллерии. Ежегодно принимали 35 артиллерийских капитанов и есаулов казачьих батарей. Затем штат был увеличен до 60 человек. После русско-японской войны, в 1906, 1908–1909 гг., в школу направлялись для стажировки командиры дивизионов и бригад. Курс обучения в школе составлял 7 месяцев и 9 дней. На отделении полевой артиллерии в XX в. обучалось 108 капитанов и 36 штаб-офицеров; штаб-офицеры крепостной артиллерии стажировались в крепости Осовец.

Офицерская электротехническая школа образована в 1894 г. из офицерского класса при управляющем электротехнической частью. Штат был рассчитан на 60 человек, срок обучения — 1 год и 7 месяцев. Школа продолжала действовать и в годы мировой войны, причем в 1916 г. при ней готовили и офицеров-радиотехников.

Офицерские авиационные школы. С конца XIX в. действовала воздухоплавательная школа при Гатчинском учебном воздухоплавательном парке, готовившая офицеров для управления аэростатами. В 1909 г. там открылось авиационное отделение на 30 человек, на котором обучались как офицеры, так и солдаты. До 1914 г. школу окончили 95 офицеров, в 1914–1915 гг. там обучалось еще 175 офицеров. До мировой войны была открыта еще одна школа — в 1911 г. в Севастополе, готовившая 35 офицеров в год; в 1914–1915 гг. там обучалось еще 222 офицера. Подготовкой офицеров-летчиков занимались также различные курсы, общества и аэроклубы. В 1914–1915 гг. во всех авиационных школах получили подготовку более 400 офицеров и обучалось на 1.1 1916 г. еще 218180,

Офицерская автомобильная школа была открыта в 1915 г. на базе

созданного в 1912 г. офицерского курса (на 15 человек) при учебной автомобильной роте. По штату в ней обучалось 50 человек.

Офицерская железнодорожная школа существовала с конца 90-х гг. до 1908 г. при Среднеазиатской железной дороге. Одновременно действовал офицерский курс при Асха-бадском железнодорожном техническом училище.

Главная гимнастическо-фехтовальная школа (со штатом 80–90 человек) готовила офицеров-инструкторов гимнастики для войсковых частей.

Военно-морские учебные заведения

Система учебных заведений на флоте имела свою специфику. В нее помимо учебных заведений, готовящих строевых флотских офицеров, входили заведения по подготовке штурманов, инженерно-технических специалистов, морских артиллеристов и кораблестроителей (корабельных инженеров). Как и в армии, военно-морские учебные заведения, готовящие офицеров, можно было разделить на две группы: дающие своим выпускникам первый офицерский чин (или право на производство в офицеры) и те, в которых повышали образование лица, уже имеющие офицерские чины. К первой группе относятся морские училища, а ко второй — академия и различные офицерские классы и школы. Сначала будут рассмотрены учебные заведения первой группы. Надо заметить, что простую и стройную структуру система военно-морских учебных заведений обрела только к концу XIX в., когда первичная подготовка к офицерскому званию сосредоточилась в двух учебных заведениях: Морском корпусе (строевом) и Морском инженерном училище (техническом). Спецификой морского образования было и то, что в отличие от армии на флоте оба учебных заведения, дающих первый офицерский чин, выпускали своих воспитанников (со второй половины XIX в.) с общим высшим образованием как высшие учебные заведения (такими в армии были только академии).

Морской корпус

Морской корпус являлся главным учебным заведением, готовящим кадры флотских офицеров. Он ведет свое происхождение от учрежденной в 1701 г. в Москве Школы математических и навигацких наук. В 1715 г. в Петербурге была учреждена Академия морской гвардии, и школа стала для нее подготовительным отделением. (При Академии с 1728 г. действовала гардемаринская рота.) Сам корпус образован на базе Академии морской гвардии в 1752 г. под названием Морского шляхетского корпуса. В 1762 г. при корпусе открыт геодезический класс, а в 1771 г. корпус переведен в

Кронштадт и возвращен в Петербург только в 1796 г. В 1771 г. в Херсоне открыт 2-й Морской корпус, просуществовавший до 1798 г.

Морской корпус был одним из самых аристократических учебных заведений. Он комплектовался кадетами морской роты Александровского малолетнего кадетского корпуса и кандидатами «со стороны». Принимались в корпус только следующие категории лиц: 1) дети флотских офицеров; 2) дворяне, внесенные в 4, 5, и 6-ю части родословных книг (т. е. иностранного происхождения, титулованные и могущие доказать принадлежность своего рода к дворянству до 1685 г.); 3) дворяне великого княжества Финляндского и трех прибалтийских губерний, имеющие не менее чем 100-летнее дворянство; 4) дворяне Царства Польского; 5) дети особ первых 4 классов.

С 1760 по 1800 г. корпус подготовил до 300 офицеров, за первую четверть XIX в. он выпустил 2030 человек (1793 на флот мичманами, 157 в морскую артиллерию, а остальных — в армию и на гражданскую службу), а за вторую четверть столетия (до 1855 г.) — 1976 (мичманами 1855, в морскую артиллерию 50, в армию и ластовые команды — 21); всего с 1801 по 1855 г. корпус выпустил 4006 офицеров. Представление о деятельности корпуса в середине XIX в. дают следующие цифры: в 1850–1854 гг. принято 403 человека, а выпущено — 303; из них выпущено мичманами — 293, на гражданскую службу — 4 и прапорщиками ластовых экипажей — 6 человек{181}.

В 1856 г. при корпусе учрежден класс юнкеров флота, а в 1867 г. корпус переименован в Морское училище, которое стало высшим учебным заведением со штатом 240 человек (с 1872 г. — 265). Срок обучения был установлен в 4 года (1 год — общий курс по программе 6-го класса гимназии и три — морской); принимались дворяне 15–18 лет, получившие 5-классное образование. С 1872 г. открыт подготовительный класс, а с 1875 г. — еще один, что позволило снизить возраст поступающих до 12 лет. На морском курсе изучали Закон Божий, русский и английский языки, сферическую тригонометрию, астрономию, фортификацию, морскую съемку, морскую артиллерию, военно-морскую историю, тактику, законоведение и морскую практику.

В училище прием осуществлялся (теперь принимались выходцы и из других сословий) по конкурсному экзамену, но при прочих равных условиях предпочтение имели в зависимости от принадлежности абитуриента к одному из 4 разрядов (по степени близости к флоту): 1) дети флотских офицеров; 2) дети офицеров корпусов флота (штурманов и т. п.) и морских врачей и внуки флотских офицеров; 3) дети гражданских чинов

морского ведомства и внуки офицеров корпусов и врачей; 4) не имеющие отношения к флоту. Конкурс составлял 1:2 или 1:3. Из поступивших в 1864–1880 гг. было 676 детей личных и потомственных дворян, 325 оберофицерских детей, 26 детей священников и 38 — потомственных почетных граждан. Прием (с 1876 г. в том числе в подготовительные классы) в 60–70-х гг. колебался от 36 до 89 человек, выпуск — от 38 до 78 человек (см. табл. 40){182}.

В 1891 г. училище было вновь переименовано в Морской кадетский корпус с одногодичным общим и трехлетним училищным курсом, выпускавший мичманов. С 1894 г. в него принимались только дети морских офицеров и потомственные дворяне. В учебный план входили навигация, электротехника, кораблестроение, морская съемка, физическая география, пароходная механика, минное дело, девиация компасов, морская артиллерия, теория корабля, фортификация, астрономия, морская тактика, морская администрация, история военно-морского искусства, законоведение, гигиена, русский, английский и французский языки, аналитическая геометрия, теоретическая механика, дифференциальное и интегральное исчисление и Закон Божий. С 1867 по 1900 г. корпус подготовил 2392 офицеров.

В 1906 г. он стал называться Морским корпусом. С этого времени он (как и в 1860–1882 гг.) выпускал воспитанников корабельными гардемаринами, а офицерский чин они получали только после практического плавания. Штат был утвержден в 740 человек. До 1910 г. корпус ежегодно выпускал 80–90 человек, в 1911–1913 гг. — в среднем по 119, а в 1914 г. вместе с ускоренным выпуском дал 260 (в ноябре–декабре — 144), в 1915 г. — 173, в 1916 г. и 1917 г. — по 200 человек. Из принятых в корпус в 1910–1915 гг. 1128 человек 1033 (91,5%) были потомственными дворянами и 17 (1,6%) — детьми личных дворян.

В 1913 г. открыты параллельные гардемаринские классы в Петербурге, принявшие в 1913 г. 60, в 1914 г. — 119, в 1915 г. — 114 человек. В 1916 г. в них состояло 265 гардемарин, а первый выпуск ожидался в 1917 г. В 1915 г. Морской корпус переименован в Морское училище с выделением общих классов в Морской кадетский корпус в Севастополе (где еще до войны собирались открыть 2-й Морской корпус). В XIX–XX вв. корпус выпустил более 9,1 тыс. офицеров.

Помимо Морского корпуса флотских офицеров готовила школа флотских юнкеров в Николаеве. Она основана в 1851 г. по проекту адмирала Лазарева как опытная со штатом 70 человек. В 1852 г. ее называли Училищем флотских юнкеров. Его выпускники после 2 морских кампаний

производились в мичманы с правами выпускников Морского корпуса. В 1854 г. штат определен в 60 человек, курс обучения — 3-летний по программе Морского корпуса. Ежегодно выпуск составлял около 18 человек. В 1856 г. училище переименовано в Черноморскую гардемаринскую роту, а потом — в Черноморскую роту флотских кадет. В 1861 г. она упразднена, но в 1872 г. после отмены статей Парижского трактата, запрещавших России иметь флот на Черном море, вновь возродилась под названием Морских юнкерских классов с программой Морского училища, 3-летним сроком обучения и штатом 60 человек. С 1874 по 1879 г. они дали 118 офицеров 183. Как и в Морской корпус, туда принимались в основном дети офицеров и дворян. С 50-х гг. XIX в. офицеров флота готовило также училище в Николаевске-на-Амуре.

Морское инженерное училище

В этом учебном заведении была сосредоточена подготовка технических специалистов для флота, а до конца XIX в. — еще и штурманов и морских артиллеристов. Оно было образовано путем соединения учебных заведений, готовивших штурманские, инженерные и артиллерийские кадры флота.

Офицеров морской артиллерии в 1715–1752 гг. готовила Морская артиллерийская школа, затем их подготовка перешла в Морской корпус. В 1786 г. воссоздано Морское артиллерийское училище (в 1808 г. штат установлен в 150 человек), просуществовавшее до 1824 г., когда оно было причислено к военно-сиротским заведениям и стало готовить унтер-офицеров. После этого морских артиллеристов снова стал готовить Морской корпус, пока в 1830 г. эта задача не была возложена на Учебный экипаж.

Штурманов с 1752 г. готовила Штурманская рота, а в 1798 г. открыты штурманские училища в Кронштадте и в Николаеве. Кронштадтскому (Штурманскому балтийских флотов училищу) в 1804 г. был установлен штат в 250 учеников с 8-летним сроком обучения и ежегодным выпуском 30 штурманов. Изучались арифметика, геометрия, рисование, черчение, плоская и сферическая тригонометрия, плоская и меркаторская навигация, астрономия, английский язык, флотские эволюции, геодезия, употребление карт и инструментов. В 1826 г. училище преобразовано в Штурманскую роту, а в 1827 г. — в 1-й Штурманский полуэкипаж со штатом 450 человек и 9-летним курсом. Изучались русский, немецкий и английский языки, арифметика, алгебра, история, география, лонгиметрия, планиметрия, стереометрия, тригонометрия, навигация, геодезия, картография, эволюции, астрономия, механика, теория кораблестроения, черчение,

рисование и Закон Божий.

В 1850–1854 гг. принято 224 человека; из них выпущено прапорщиками корпуса флотских штурманов — 65 человек, кондукторами корпуса флотских штурманов — 37, прапорщиками рабочих экипажей — 2, на гражданскую службу — 1{184}.

С 1799 по 1855 г. училище подготовило 1187 штурманов. В 1856 г. оно преобразовано в Штурманское училище, число учащихся уменьшилось с 363 в 1861 г. до 60 в 1871 г.

Николаевское штурманское училище (Черноморское) получило штат в 271 учащегося. В 1805 г. штат сократился до 152 человек, а в 1826 г. училище преобразовано в Черноморскую штурманскую роту. Курс и правила приема и выпуска соответствовали 1-му Штурманскому полуэкипажу. Выпуск был небольшим (в 1854 г., например, 5 офицеров и 10 кондукторов), за первую половину XIX в. выпущено около 450 человек. В 1860 г. рота получила штат в 130 человек, а в 1872 г. была упразднена. Существовала также Охотская штурманская школа.

Училище корабельной архитектуры было создано в 1798 г. в Петербурге (такое же училище одновременно учредили в Николаеве, но его закрыли уже в 1803 г.). Оно имело 3-годовалый курс обучения и штат 100 человек. С 1803 г. по 1826 г. оно состояло при Морском корпусе. В 1827 г. это училище вместе с учительской гимназией (также состоявшей при Морском корпусе и готовившей преподавателей морского дела) преобразовано в Кондукторские роты Учебного морского рабочего экипажа с общим штатом 900 человек (где готовили главным образом унтер-офицеров), а в 1844 г. — в Морское инженерное училище. В 1856 г. на их базе создано Морское инженерно-артиллерийское училище, где сосредоточилась подготовка артиллеристов, механиков и корабельных инженеров. Штат его первоначально составлял 274 человека, но если в 1861 г. там учился 281 человек, то в 1871 г. — только 48. Выпущено за эти годы 239 инженеров с офицерскими званиями. В 1867 г. артиллерийский отдел переведен в штурманское училище.

В 1872 г. штурманское и инженерно-артиллерийское училища объединены в одно учебное заведение — Техническое училище Морского ведомства. Это было высшее учебное заведение со штатом 225 человек и трехлетним сроком обучения. Для поступления требовалось окончить пять классов (с 1894 г. — 6 классов) гимназии или реального училища. Училище состояло из 4 отделений (артиллерийского, штурманского, механического и кораблестроительного). С 1873 по 1879 г. оно подготовило 293 специалиста: от 32 до 48 человек в год (см. табл. 40); ежегодный прием

составлял 46–58 человек.

Из принятых за эти годы 369 человек детей дворян было 34 (9,2%), детей чиновников — 137, детей священников — 11, детей офицеров — 57, детей купцов — 36, детей мещан — 85, крестьянских детей — 9185. То есть сословный состав училища разительно отличался от состава Морского корпуса. В 1883 г. штурманский и артиллерийский отделы упразднены в связи со специализацией строевых офицеров флота. С 1894 г. в училище принимались только дети дворян, потомственных почетных граждан и офицеров и чиновников Морского ведомства.

В 1897 г. Техническое училище преобразовано в Морское инженерное училище с двумя отделениями — механическим и кораблестроительным. На вступительном экзамене требовались знания в объеме реального училища.

На кораблестроительном отделении изучались прикладная механика, сопромат, технология металла и дерева, электричество и электротехника, минное дело, артиллерия, паровая механика, теория мореходных качеств, кораблестроительная архитектура, черчение деталей судов, проектирование судов, а на механическом — начала паровоудостройства, самодвижущиеся мины, механическая теория тела, описание главных судовых механизмов и котлов, трюмная гидравлика, черчение деталей судовых машин, проектирование машин, сопромат, технология металла и дерева, прикладная механика, электричество и электротехника.

Выпускники направлялись в корпус корабельных инженеров со званием младших помощников судостроителей (кораблестроительное отделение) и в корпус флотских инженеров со званием инженер-механиков (механическое отделение). Через 2 года они получали преимущественное право на поступление в Морскую академию. С 1890 по 1900 г. училище выпустило 181 человека. В 1900–1905 гг. оно выпускало 28–42 человека в год, в 1906–1912 гг. средний выпуск составлял 30 человек, в 1913 г. было выпущено 43 человека, в 1914 г. — 79 (в том числе 43 человека ускоренного выпуска), в 1915 г. — 45. Корабельных инженеров в выпусках 1906–1915 гг. было в среднем 5 человек.

Николаевская морская академия

С 28 января 1827 г. при Морском корпусе действовали офицерские классы, созданные по инициативе И. Ф. Крузенштерна. Сначала они были двухгодичными, а с 1831 г. — трехгодичными. Там преподавались астрономия, теоретическая механика, теория кораблестроения, практическая механика, интегральное и дифференциальное исчисление, аналитическая и начертательная геометрия, высшая алгебра, артиллерия,

фортификация, физическая география, физика, химия, русский, французский и английский языки. С 1827 по 1857 гг. в классы поступило 319 человек и выпущено лейтенантами 158, без производства в следующий чин — 46, не окончили курс — 68.

В 1862 г. классы преобразованы в Академический курс морских наук из трех отделений — гидрографического, кораблестроительного и механического. Прием производился раз в 2 года. Было выпущено 55 гидрографов, 11 кораблестроителей и 19 механиков{186}.

В 1877 г. Академический курс был преобразован в Морскую академию с той же структурой и 2-летним сроком обучения. В 1895 г. при академии открыт курс военно-морских наук (6–8 месяцев) для совершенствования строевых офицеров. Положением 1896 г. штат его определен в 37 человек (6 гидрографов, 8 кораблестроителей, 8 механиков и 15 — на курсе военно-морских наук). На военно-морском курсе изучались военная статистика и география, морская стратегия и тактика, военно-морская история и военно-морское право. В академии помимо общих для некоторых отделений предметов (дифференциальное и интегральное исчисление, аналитическая и прикладная механика, аналитическая геометрия и высшая алгебра, физика, теория кораблестроения, теория мореходных качеств корабля, сопромат) на гидрографическом изучались астрономия и геодезия, гидрография и метеорология, девиация компасов и система маячного освещения, на кораблестроительном — проектирование судов и обзор усовершенствований в кораблестроении, на механическом — проектирование механизмов и технология. За 25 лет академия дала 100 гидрографов, 47 кораблестроителей и 54 механика. В 1910 г. продолжительность курса военно-морских наук была увеличена до 12 месяцев и он реорганизован на правах отделения (впоследствии для части его слушателей введен дополнительный курс). Выпуск технических отделений академии в 1906–1914 гг. составлял от 15 до 55 человек в год (всего 199), а военно-морского курса — от 7 до 18 человек в год (всего 113) {187}.

Офицерские классы и школы

Эти учебные заведения представляли собой краткосрочные курсы повышения квалификации по военно-морским специальностям (принимались прослужившие не менее 2 лет).

Военно-морское гимнастическое заведение, открытое в 1862 г., занималось строевой переподготовкой личного состава флота (офицеров и матросов). Каждые два года в него направлялись с кораблей 12 офицеров.

Минный офицерский класс, открытый в 1874 г. в Кронштадте, был

рассчитан на 30 офицеров. К 1880 г. он подготовил 70 специалистов минного дела. Это заведение вело и научно–исследовательскую работу. Там давались солидные знания в области матанализа и теории электрических колебаний. С 1905 по 1914 г. число выпускников возросло с 9 до 22 в год. В 1913 г. при Минном классе сформирована школа радиотехников, действовавшая всю войну. В годы войны вместо офицерского класса созданы краткие курсы на 36 офицеров, еще 51 офицер прошел обучение при минных дивизиях и 22 — на электротехнических курсах. Минные курсы на 24 офицера действовали и в Севастополе.

Водолазный класс создан в 1905 г. с ежегодным приемом 5–6 офицеров. Во время мировой войны приема не проводилось.

Класс подводного плавания появился в 1906 г. на базе учебного отряда подводного плавания. Курс обучения для офицеров составлял 10 месяцев. Сдавшие выпускной экзамен получали звание офицер подводного плавания. Выпущено до войны 120 человек: от 5 до 24 человек в год.

Морской артиллерийский класс существовал в 1905–1914 гг., выпуская до 1909 г. в среднем по 15 человек, потом — больше (в 1914–23). С 1915 г. на базе класса действовали краткосрочные артиллерийские курсы, которые в 1915 г. окончили 16 человек, и в 1916–35. Такие же курсы, открывшиеся в Севастополе в 1916 г., окончили 24 человека.

Штурманские классы созданы в 1910 г. В 1911 г. их окончили 12 офицеров, в 1912 г. — 14, в 1913 г. — 14, в 1914 г. — 23. В 1915 г. на временных курсах, созданных на базе и по программе этих классов, прошли обучение 13 офицеров.

Офицерская школа морской авиации открылась в Петрограде в 1914 г. и была рассчитана на 20 офицеров. В 1915 г. ее окончили 27 офицеров, в 1916–31{188}. Такие же школы созданы в Баку (на 20 офицеров), в Севастополе (на 25–30), а также в Одессе и Батуми.

Временные учебные заведения периода первой мировой войны — школы прапорщиков

Во время мировой войны для восполнения больших потерь офицерского состава армии открыты краткосрочные военно–учебные заведения по подготовке офицеров военного времени — прапорщиков. К концу 1914 г. уже насчитывалось 11 таких школ с 3–4–месячным сроком обучения. Выпускники их не пользовались правами офицеров действительной службы (кадровых офицеров), не могли производиться в штаб–офицерские чины и по демобилизации армии подлежали увольнению в запас или ополчение. Комплектовались школы прапорщиков лицами с высшим и средним образованием, годными к военной службе, студентами и

вообще любыми лицами, имевшими образование хотя бы в объеме уездного или высшего начального училища, а также отличившимися на фронте солдатами и унтер-офицерами. В школы могли поступать и гражданские чиновники призывного возраста.

Школы прапорщиков готовили в основном офицеров пехоты, но было также по одной школе прапорщиков инженерных и казачьих войск. В 1916 г. для подготовки офицеров из воспитанников высших учебных заведений выделено 12 пехотных школ прапорщиков и 1 школа прапорщиков инженерных войск на 500 человек каждая. Имелось в виду построить обучение исходя из высокого образовательного уровня юнкеров. Но после одного выпуска эти школы были переформированы в школы прапорщиков общего типа.

Всего за время войны была открыта 41 школа прапорщиков. К началу 1917 г. действовали: 1,2,3,4-я Петергофские, 1-я, 2-я Ораниенбаумские, 1, 2, 3, 4, 5, 6-я Московские, 1, 2, 3, 4, 5-я Киевские, 1-я и 2-я Казанские, 1, 2, 3-я Саратовские, 1, 2, 3-я Иркутские, 1-я и 2-я Одесские, Оренбургская, Чистопольская, 1, 2, 3, 4-я Тифлиссские, Горийская, Душетская, Телавская, Ташкентская, Екатеринодарская казачья и Петроградская инженерная школы. Кроме того, существовали школы прапорщиков ополчения, школы прапорщиков при фронтах и отдельных армиях, при запасных пехотных и артиллерийских бригадах. В мае 1916 г. открыты временные школы прапорщиков (для подготовки одного выпуска) при 10 кадетских корпусах: четырех Петроградских, трех Московских, Киевском, Одесском и Тифлиссском.

Школы прапорщиков в годы войны подготовили более 100 тыс. офицеров, их окончили примерно половина всех произведенных за войну прапорщиков. Из-за отсутствия полных данных за 1917 г. точное число их указать невозможно. Однако известно, что до 10 мая 1917 г. из этих заведений было выпущено всего 88 855 прапорщиков (в том числе 7429 из школ для студентов высших учебных заведений), причем за 10 месяцев 1917 г. (с января по октябрь) и школ подготовки прапорщиков пехоты было выпущено около 20 (? — не пропечатано — Адъютант) тыс. человек, из школы прапорщиков инженерных войск — 83 (? — не пропечатано — Адъютант) и из школы прапорщиков казачьих войск — 400. Следовательно, на время после 10 мая пришлось половина этого числа, или 20 111 человек{189}. Таким образом, за время войны школы прапорщиков выпустили примерно 108 970 офицеров. Остальное число офицеров дали ускоренные выпуски военных училищ и производство непосредственно из солдат и унтер-офицеров.

Итак, развитие образовательной подготовки офицерского корпуса, системы военно–учебных заведений прошло несколько этапов. Сначала существовали только отдельные учебные заведения для профессиональной подготовки офицеров специальных родов войск (артиллеристов и инженеров), не претендовавшие, впрочем, на сколько–нибудь полное обеспечение офицерами этих родов войск.

На втором этапе, в конце первой трети XVIII в., появляется учебное заведение для подготовки общевойсковых командиров в лице 1–го кадетского корпуса, которое хотя и не могло обеспечить потребность армии в офицерах своими выпускниками, но явилось тем образцом, на основе которого развивалась впоследствии сеть военно–учебных заведений.

Третий этап охватывает первую половину XIX в. Он ознаменовался, во–первых, расширением сети кадетских корпусов как основного звена подготовки общевойсковых офицерских кадров, непосредственно выпускающего офицеров. Во–вторых, в это время зарождается деление на учебные заведения, непосредственно выпускающие офицеров, и заведения, осуществляющие первичную подготовку малолетних для поступления в такие заведения (часть кадетских корпусов, так называемые «малолетние»). В–третьих, в это время на основе единых принципов создается сеть специальных училищ и, в–четвертых, создается первая общевойсковая академия, появляются прообразы специальных академий в виде офицерских классов соответствующих училищ.

Следующий этап, начавшийся со второй половины XIX в., связан с проведенными тогда радикальными реформами системы военного образования, в результате которых она приняла, во–первых, всеобъемлющий характер (прохождение курса военно–учебного заведения стало обязательным условием получения офицерского чина), а во–вторых, обрело логическую последовательность и единообразие в основных звеньях. Все основные виды учебных заведений, решающие разные задачи (общеобразовательная и начальная военная подготовка малолетних воспитанников, собирающихся стать офицерами; непосредственная подготовка офицеров; переподготовка и повышение квалификации лиц, уже имеющих офицерские чины), были четко отделены друг от друга.

Военные гимназии (кадетские корпуса) готовили кадры для военных (общевойсковых) и специальных училищ, военные прогимназии — для юнкерских училищ. Ставшие офицерами могли продолжать образование в Академии Генштаба или специальных академиях и проходить переподготовку в офицерских школах по родам войск. С упразднением прогимназий и преобразованием всех юнкерских училищ в военные

система военно–учебных заведений в начале XX в. приняла полностью единообразный вид. Такая структура была оптимальной и вряд ли претерпела бы в дальнейшем значительные изменения (современная структура подготовки офицеров практически не отличается от нее).

Поэтому вопрос фактически стоял о целесообразности такой подготовки вообще и даже шире — о профессиональной ориентации будущего офицера. С одной стороны, большинство воспитанников военных гимназий и кадетских корпусов были детьми военных и поступали в них с принципиальной установкой на офицерскую карьеру. С другой стороны, они не были обязаны поступать после выпуска в военные училища. В этих условиях преимущества кадетских корпусов в деле психологической подготовки и формирования окончательной ориентации на военную карьеру совершенно очевидны. В них воспитанник находился в обстановке, максимально приближенной к армейской (тогда как в военной гимназии — совершенно вне ее), и мог объективно соотнести свои возможности и ожидания с реальностью, делая окончательный выбор, что избавляло офицерскую среду хотя бы от части лиц, психологически непригодных к офицерской службе.

В военных гимназиях этот фактор практически не действовал, а, напротив, часть лучших учеников, вполне способных украсить собой в будущем офицерский корпус, под влиянием гражданских преподавателей (среди которых попадались люди, не только совершенно чуждые, но и враждебные армии) отказывались от военной профессии. В сущности, наиболее заметным результатом практики военных гимназий оказалось проникновение в среду будущих офицеров либеральных взглядов и настроений и ослабление морально–психологической подготовленности к офицерской карьере. Инициаторы реформ, конечно, не имели в виду такой цели, но объективно этого невозможно было избежать при такой постановке дела. Естественно, когда подобные последствия нововведений были вполне осознаны, военные гимназии были преобразованы в кадетские корпуса. И столь же естественно, что антигосударственными силами этот шаг был охарактеризован как «реакционный». Восстановление доучилищной военной подготовки будущих офицеров вполне себя оправдало, и кадетские корпуса остались в качестве первичного звена в образовательной подготовке офицера, а их выпускники были ядром офицерского корпуса.

Глава 4.

Прохождение службы

Порядок прохождения службы

Законодательство о прохождении службы офицерским составом армии определялось как специально принимаемыми положениями, регламентирующими ту или иную сферу офицерской жизни (награды, отпуска, пенсии и т. д.), так и отдельными императорскими указами и положениями Военного совета (утверждаемыми монархом). За более чем двухсотлетнюю историю русской регулярной армии правила, определяющие положение офицера на службе, многократно изменялись, но в основном (помимо заложенных Петром I основ военного законодательства в начале XVIII в.) они претерпевали серьезные изменения дважды: в 60–х гг. XVIII в. и в 60–х гг. XIX в., т. е. при Екатерине II, когда были детализированы основные положения о службе офицеров с учетом закона «О вольности дворянства», и при Александре II, когда на законодательстве об офицерской службе не могли не отразиться всеобъемлющие реформы, проводимые в стране. В обоих случаях речь идет не о принятии каких-то всеобъемлющих законов, изменяющих и по-новому регулирующих все прохождение службы. Просто в течение ряда лет вносились изменения, которые в совокупности и позволяют говорить об определенных рубежах в развитии законодательства об офицерской службе. В основном оно сформировалось к 70–м гг. XIX в. Ниже освещаются основные правила, касающиеся различных изменений в положении офицера во время прохождения им службы.

Определение на службу из отставки

До 1762 г. необходимости в подробных правилах определения отставных офицеров на службу практически не было, поскольку в отставку до манифеста «О вольности дворянства» офицеры выходили по старости или неспособности к службе, и вопрос об их возвращении в армию в общем-то не стоял. Однако, предоставив офицерам возможность выходить в отставку в любое время, закон, естественно, оставлял за ними право и возвращаться на службу. С тех пор это стало обычным и распространенным явлением, и в следующее столетие многие офицеры по несколько раз выходили в отставку и возвращались на службу (во второй половине XIX в. такие случаи стали относительно редки в связи с некоторым изменением

состава офицеров и их имущественного положения). Но в принципе, надо сказать, выход в отставку отнюдь не приветствовался властью, и далеко не все желающие вновь поступить на службу могли с легкостью это сделать.

Отставные офицеры, желавшие вновь поступить на военную службу, подавали на Высочайшее имя прошение (на гербовой бумаге) с приложением надлежащих документов, в том числе установленные при Александре I подписки о непринадлежности их ни к каким масонским ложам и другим тайным обществам и о том, что и впредь принадлежать к таковым не будут. При приеме на службу из отставки офицер вновь принимал присягу. Принятым на службу выдавались прогонные деньги до места назначения. С 1808 г. офицеры, не явившиеся на службу по назначению через 4 месяца после издания об этом приказа, исключались со службы без права поступления на нее в будущем. Вскоре, впрочем, это правило было смягчено: разрешалось представлять донесение с объяснением причин неявки в полк, а если донесения не поступало, то об этих офицерах печаталось объявление в газете и увольнялись те из них, кто не прибыл в течение 2 месяцев со дня публикации. В том же 1808 г. уведомление отставных офицеров о приеме на службу было возложено на губернаторов, которые обязаны были немедленно по получении сообщения Военной коллегии отсылать офицеров к месту службы.

Лица, понесшие наказания по суду — уволенные в отставку без права восстановления на службе, не пробывшие в отставке 1 года и бывшие уже дважды в отставке, не могли приниматься на службу. Существовали и некоторые частные ограничения. Например, в артиллерию офицеры других родов войск принимались после экзамена, а морские офицеры принимались в сухопутные войска только в случае выслуги 5 лет в офицерских чинах.

При определении офицеров из отставки строго следили за тем, чтобы они не обошли в чинах остававшихся на службе. Дело в том, что при отставке офицеры часто награждались следующим чином и при поступлении их вновь на действительную службу они принимались своим прежним чином, но не полученным при отставке, а иногда даже и с понижением в чине. Когда один подполковник подал прошение о поступлении на службу с сохранением старшинства со сверстниками, Александр I наложил резолюцию: «Возвратить прошение, как вздорное». Правда, служащие подвижного земского войска (милиции) могли приниматься на службу чинами, полученными при отставке, но при вторичной отставке следующим чином они не награждались. Офицеры, служившие по выходе в отставку на гражданской службе, принимались тогда очень неохотно и без учета полученных на гражданской службе чинов

(не служившие в армии гражданские чиновники принимались за особыми исключениями только унтер-офицерами, дворянского происхождения — юнкерами). Это же касалось и придворных чинов: по указу 1809 г. камергеры и камер-юнкеры должны были начинать военную или гражданскую службу с низших чинов (сохраняя свои придворные звания).

Офицеры, исключенные со службы за проступки или дурное поведение (в частности, пьянство), принимались на службу рядовыми (в виде исключения — унтер-офицерами). Однако в 1826 г. им было предоставлено право поступать на службу первыми офицерскими чинами в случае представления свидетельства от местного предводителя дворянства о добропорядочном поведении во время отставки; право поступать первыми офицерскими чинами получили и те, кто был отставлен за нерадение по службе (но не за дурное поведение).

С 1828 г. все офицеры, поступающие на службу из отставки, обязаны были представлять аттестат от предводителей дворянства или губернаторов о добропорядочном поведении и о несостоянии под судом и следствием за время отставки. В 1832 г. было разрешено поступать на службу и бывшим уже дважды в отставке, но лишь после рассмотрения причин, заставивших их уходить в отставку, и признания таковых уважительными (это правило не распространялось на уволенных за дурное поведение и принятых на службу по указу 1826 г.).

С 1816 г. из отставки разрешалось принимать на вакансии только в те полки, где офицеры служили до выхода в отставку, а при отсутствии вакансий — временно в другие части; в 1840 г. прием в другие части был совершенно запрещен, но в 1842 г. офицерам предоставлено право подавать просьбы о приеме на службу в те полки, где они хотели бы служить. Командиры частей обязаны были удостоверяться, что определение просящегося на службу «действительно может быть для нее полезно», и в противном случае объявлять ему о причинах отказа. Окончательное решение зависело от Инспекторского департамента Военного министерства и было положительным только при наличии вакансий. С 1847 г. отставные офицеры должны были посылать свои прошения только по почте и отправляться в места расположения частей не иначе как после уведомления через местное гражданское начальство об окончательном положительном решении вопроса.

В 1856 г. все существовавшие правила об определении офицеров из отставки были отменены и изданы новые. Непосредственная подача прошений в Инспекторский департамент сохранялась лишь для военного времени. К просьбам помимо свидетельства о добропорядочном поведении

должен был прилагаться реверс (подписка) о том, что после принятия на службу офицер не будет просить от казны денег на обмундирование и путевые расходы. Вообще поведено было принимать из отставки только «особенно полезных для службы» и только в те полки, где был некомплект, а офицеры, вышедшие в отставку до войны 1854 г. и не поступившие вновь на службу во время войны, навсегда утрачивали на это право. В 1865 г. окончательно отменено правило о непринятии на службу офицеров, выходивших в отставку более двух раз по собственному желанию.

В 1882 г. для приема из отставки введены ограничения по возрасту: в строевые части не могли определяться обер-офицеры, достигшие 40 лет, и штаб-офицеры — 50 лет, не кончившие курса и не выдержавшие офицерского экзамена и не командовавшие: капитаны и штабс-капитаны — ротой, а штаб-офицеры — батальоном. Но зато отменен запрет на личную явку в часть, где желал служить офицер, и ведение соответствующих переговоров. Было оставлено только правило поступления на вакансии в избранной просителем части. С 1884 г. после изменений в системе чинов уволенные до 6 мая 1884 г. майоры могли поступать на службу подполковниками (если уже не получили этот чин при отставке), а прапорщики — подпоручиками (если в свое время выдержали офицерский экзамен).

Переводы

Переводы офицеров изначально практиковались как исключительно вынужденная мера, связанная с необходимостью пополнения некомплекта (особенно, если он был очень велик, а должного числа достойных кандидатов на производство в офицер-кий чин из унтер-офицеров в данном полку не было) или укомплектования вновь формируемых частей. В принципе офицеру полагалось служить там, куда он с самого начала был определен, и место службы не менять, тем более что и линия старшинства для чинопроизводства рассчитывалась по каждой части отдельно. Распространенным явлением был только перевод гвардейских офицеров в армию (с соответствующим повышением на два чина), но это было неизбежным следствием привилегированного положения гвардейских полков и их традиционной роли как поставщика командных кадров. К тому же вакансий в четырех гвардейских полках практически не бывало, и гвардейские офицеры (а там служили, во-первых, лучшие офицеры, а во-вторых, представители знатнейших родов Росши) долгие годы оставались бы в одном и том же чине. Такое положение было характерно для всего XVIII столетия.

В начале XIX в. переводы офицеров из полка в полк без крайней

необходимости по-прежнему запрещались, перевод по личной просьбе офицера был практически невозможен. Такие переводы разрешались очень редко на вакансии преимущественно по мотивам совместной службы с родственниками (служба в одной части братьев и других родственников всегда в русской армии поощрялась, ибо это повышало боевую спайку частей). Переведенные должны были отправляться к новому месту службы немедленно.

Переводы армейских офицеров в гвардию были еще более затруднены. В 1820 г. запрещалось переводить их туда иначе как прапорщиками. (Запрещения переводов преследовали, помимо всего прочего, цель не мешать чинопроизводству, осуществлявшемуся тогда на вакансии по старшинству в каждой части.)

Для переводов в артиллерию требовалось сдать экзамен. Из артиллерии было уйти очень трудно, поскольку артиллерийская служба требовала специальной подготовки и опыта, и император обычно не давал разрешения на такие переходы. Из гарнизонных батальонов в полевые войска разрешалось переводить только самых способных офицеров, причем «по удостоению начальства, а не по прошениям самих офицеров». В 1816 г. в полевые полки было разрешено возвращать только тех офицеров, которые были переведены в гарнизонные войска по болезни или ранению, но не вследствие неодобрения начальства или неспособности к строевой службе. К прошениям самих офицеров о переводе в гарнизонные части и даже представлениям начальства относились весьма настороженно. В 1804 г., например, Александр I, обратив внимание, что пятеро офицеров, только что повышенных в чинах (и следовательно, хорошо аттестованных), были представлены к переводу в гарнизон, повелел разобраться: когда же была допущена ошибка — при производстве или при ходатайстве о переводе{190}.

В 1809 г. регламентированы правила перевода офицеров в инвалидные роты и команды. Туда переводились по их просьбе теми же чинами офицеры: имеющие боевые ранения — вне зависимости от срока службы и по болезни — при выслуге 20 лет и хорошей аттестации. (После 3 лет службы в отдаленных местностях офицеры инвалидных рот могли переводиться в Центральную Россию.)

В 1829 г. переводы по личному желанию офицеров были еще более затруднены и допускались исключительно по мотивам совместной службы с ближайшими родственниками (отец, сын, родной или двоюродный брат) или родственниками, имеющими нераздельное с данным офицером имение. При переводе полковых, батальонных и ротных командиров их начальство

обязано было тут же указывать, кто удостоивается к замещению открывающихся вакансий.

При переводе запрашивали удостоверения о службе просящего. Если перевод совершался из корпуса в корпус, то командиры корпусов спрашивали согласия друг друга и затем доносили командующему армией, после чего уже делались представления, к которым прилагались удостоверения о службе. Офицеры гвардии могли переходить в армию беспрепятственно, но на имеющиеся вакансии.

Особые правила существовали для перевода в гвардию. С 1826 г. представляемые к переводу в нее прикомандировывались на 6 месяцев к гвардейским полкам для испытания, и только после аттестования и удостоения их гвардейским начальством делалось окончательное представление. Это не распространялось, впрочем, на отличившихся в боях, так как в данном случае «перевод этот зависит от отличий и меры заслуг каждого на поле чести». С 1835 г. офицеры, выслужившие 3 года в своем чине, переводились в гвардию тем же чином, а остальные — чином ниже, но в 1844 г. был установлен иной порядок: все обер-офицеры переводились в гвардию с понижением в один чин (а имеющие первый офицерский чин — корнеты и прапорщики — по выслуге 3 лет и со старшинством со дня перевода в гвардию).

Гвардейские офицеры переводились тогда в армию по двум причинам — по желанию принять участие в боях (в войска Отдельного Кавказского корпуса) и за проступки (просрочку отпусков и т. п.). Из кавалерии в пехоту и наоборот можно было перевестись только на вакансии, при этом при переходе в кавалерию офицер предварительно вносил в полковую казну 430 руб. (в гусары — 580) на покупку лошади и нового обмундирования. Вообще же переходы из одного рода войск в другой всячески затруднялись.

С 1867 г. переводы в гвардию (всегда после 6-месячного испытания) прапорщиков и корнетов осуществлялись тем же чином со старшинством со дня представления, а офицеров старших чинов переводили в старую гвардию с понижением в один чин и в молодую — тем же чином, но со старшинством со дня перевода. Из молодой гвардии в старую с 1864 г. офицеры переводились по выслуге 3 лет тем же чином, но со старшинством со дня перевода, а ранее — с понижением в чине; прапорщики же и корнеты, бывшие в прикомандировании на 6 месяцев, переводились со старшинством со дня окончания прикомандирования, а не бывшие — со старшинством со дня перевода. С 1880 г. при переводе из гвардии в армию в том случае, если обер-офицер должен был при этом получить первый штаб-офицерский чин, требовалась предварительная договоренность

начальника гвардейской дивизии с командиром армейского корпуса (или командующим войсками округа).

Для перевода из других родов войск в артиллерию (только на вакансии) с 1868 г. требовалось прослужить в строю не менее 1 и не более 3 лет и отбыть годичный срок прикомандирования к артиллерийской части и, кроме того, — выдержать экзамен при окружном артиллерийском управлении, а с 1869 г. был еще введен и дополнительный экзамен при Михайловском артиллерийском училище (с 1870 г. переводимым в артиллерию выдавалось пособие в 200 руб. на приобретение верховой лошади и упряжи).

В корпус жандармов с 1880 г. разрешалось переводить офицеров, окончивших средние учебные заведения, после 3 лет строевой службы (военных чиновников — 5 лет). В 1881 г. было повсеместно запрещено переводить офицеров на должности, предназначенные для офицеров более младших, чем у них, чинов (это же положение распространялось на поступавших из отставки).

В конце XIX в. отношение к переводам оставалось таким же строгим: приказом по военному ведомству предписывалось осуществлять их только в случаях: 1) для замещения вакансий и укомплектования частей; 2) для пользы службы, по особому уважению способностей переводимого лица и 3) по просьбе переводимого офицера для совместной службы с ближайшими родственниками (отец, сын, родной брат или родственники, от которых зависит его содержание). В гвардию по правилам 1901 г. могли переводиться в мирное время только офицеры 1-й и 2-й категорий по военно-образовательному цензу (с образованием не ниже военного училища), прослужившие не более 5 лет (для офицеров со средним образованием имелось еще условие — и не менее 2 лет) после годичного прикомандирования. За боевые отличия перевод осуществлялся по Высочайшему усмотрению и без всяких ограничений. В том же году офицерам, прослужившим 5 лет в ряде местностей Туркестанского военного округа, было предоставлено право перевода в Европейскую Россию (не более 20% офицеров в год) с переездом за казенный счет. Таким образом, для русского военного законодательства характерно было негативное в целом отношение к переводам офицеров из части в часть, и эта черта в большей или меньшей степени проявлялась во все периоды истории русской армии.

Назначения и перемещения

Все назначения офицеров на должности (после того как человек получал первый офицерский чин и становился младшим офицером роты)

производились внутри своего полка в порядке старшинства в чине. Частая смена командиров частей и подразделений считалась нежелательной (особенно это касалось основного звена — рот и эскадронов). Поэтому при назначении на вакансии командиров рот и эскадронов в первой половине XIX в. приоритет отдавался тем, кто не командовал в данный момент другими ротами. Ротные командиры не могли смещаться и в случае перевода в полк (или из отставки) более старших по чину или старшинству в чине кандидатов на эти должности. Перевод ротных командиров из роты в роту осуществлялся дивизионным начальством.

Командиры батальонов и дивизионов назначались приказом по армии (отдельному корпусу). При несоответствии их требованиям службы полковой командир доносил бригадному, им «отказывали» от команды и доносили начальнику дивизии, который мог временно отрешать от должности или принимал решение об окончательном отрешении. В последнем случае он назначал на эту должность другого офицера и представлял командиру корпуса, который издавал приказ об отстранении от должности неспособного и одновременно представлял нового командира батальона на утверждение командующего армией.

Принцип несменяемости начальников проводился настолько последовательно, что предписывалось избегать даже временных замен: начальникам от бригады и выше дозволялось оставлять за себя старших после них начальников только в случае командировки или отпуска.

Назначения адъютантов осуществлялись по выбору самих генералов (командиру бригады полагался 1 адъютант, дивизии — 2, корпуса — 4) из того же рода оружия, но не из родственников (с 1826 по 1854 г. на всякий случай запрещалось назначать и однофамильцев), причем (с 1829 г.) после 3-летней службы в строю.

На должности полковых казначеев и квартирмейстеров назначение до 1876 г. проводилось по результатам выборов всеми офицерами части. Перемещения младших офицеров из роты в роту и из I батальона в батальон производилось властью командира полка. В 1869 г. было запрещено назначение офицеров на нестроевые должности ранее 4-летней службы в строю.

Офицеры, не занимающие определенных должностей, числились состоящими «по роду оружия», но в 1856 г. состояние офицеров, не занимающих должностей, «по роду оружия» было отменено: такие должны были находиться или в ведении Инспекторского департамента, или в запасных войсках. С 1868 г. они снова стали зачисляться «по роду оружия», если: 1) зачислялись в запасные войска; 2) увольнялись от должностей по

уважительным причинам (на 1 год и если в этот период не поступали на действительную службу, их увольняли в отставку); 3) оставлялись за штатом по причине упразднения должностей (на 2 года). Кроме того, «по роду оружия» зачислялись все офицеры гвардии, состоящие вне фронта. Удаленные от должностей по случаю назначения над ними следствия с 1888 г. могли состоять «по роду оружия» только до его окончания.

Со временем порядок назначения на основные строевые должности мало изменился. С 80-х гг. на должности командиров рот и батальонов командир полка по-прежнему представлял старшего по чину из офицеров, претендующих на эти должности. Если же он не считал возможным представить старшего по чину (старшинству в чанном чине), то был обязан подробно объяснить причины и представить следующего по старшинству. На должности командиров частей (полков, отдельных батальонов и т. д.) велся специальный кандидатский список, куда предварительно зачислялся подававший надежды офицер. Представления на зачисление в кандидатский список производились начальником дивизии. Для зачисления офицеров и этот список существовали особые правила, подробно регламентировавшие по каждому роду войск и должности (командир армейского пехотного полка, командир саперного батальона, командир гвардейского кавалерийского полка и т. д.) требования, которым должен был отвечать кандидат (занятие определенных строевых должностей, выслуга в чине и др.). Такая же практика существовала и при назначении на должность начальника дивизии — в данном случае представления о зачислении в кандидатский список делались командирами корпусов.

Командировки

Командировки офицеров в русской армии долгое время были делом сравнительно редким. Считалось, что строевой офицер обязан неотлучно находиться при своей части и без своих подчиненных к принципу никуда посылаем быть не должен. Стремлением оградить офицера от всех иных функций, в частности административных и хозяйственных, в значительной мере объяснялось резкое отделение офицеров от военных чиновников, которыми первоначально предполагалось замещать все нестроевые должности (со временем, впрочем, все большее число должностей стали разрешать замещать офицерами, тогда как сначала весь юридический, технический и т. п. состав был представлен только военными чиновниками). Поэтому строевые армейские офицеры командировывались куда-либо редко. Сказанное не относится, правда, к офицерам гвардейских частей, на которых часто возлагалось выполнение отдельных поручений непосредственно монархом.

К командировкам офицеров как отвлекающим их от строевой службы мероприятиям отношение было неблагоприятным еще и в начале XIX в. Не по делам службы они были строго запрещены. Для приема вещей и денег запрещалось посылать строевых офицеров, и вообще «употребление офицеров по части интендантской» всячески искоренялось. Запрещалось посылать офицеров от полков с разного рода бумагами (1823 г.) и, во всяком случае, вознаграждение за подобные поручения не выплачивалось. Это было выражением общего правила о том, что исполнять хозяйственные обязанности должны исключительно военные чиновники. Командировки и на службе допускались лишь в исключительных случаях (для изучения военного искусства за границу, для представления сделанных изобретений и т. д.).

В царствование Николая I к командировкам относились еще более строго. В 1836 г. было запрещено посылать для приобретения различных вещей более одного офицера на полк и только с разрешения начальника дивизии. Зато командировки чисто военного характера — для обретення боевого опыта, напротив, делались обязательными. В том же году было установлено обязательное годичное командирование некоторого числа офицеров в войска, ведущие боевые действия на Кавказе, для участия их в боях. Практиковались также командировки старших офицеров — кандидатов в полковые командиры в образцовые войска и командировки по особым Высочайшим повелениям для выполнения конкретных задач — инспекций, смотров и т. п. В 1859 г. командирование офицеров в переменный состав образцовых войск было прекращено, а с 1863 г. на все командировки, не обозначенные точно в законе, требовалось разрешение военного министра. Вместе с тем в ряде случаев командировки осуществлялись целенаправленно: так, с 1869 г. стали практиковаться обязательные командировки определенного числа офицеров для изучения железнодорожного дела, с 1870 г. — для ознакомления с порядком госпитальной и лазаретной службы.

Срок прикомандирования офицеров к юнкерским училищам был определен в 1883 г. в 5 лет (при этом выражавший такое желание гвардейский офицер должен был с 1895 г. навсегда оставить свой полк и ходатайствовать о переводе его в какую-либо армейскую часть). К строевым частям офицеры с 1890 г. могли прикомандировываться на срок до 6 месяцев (в Приамурском округе — до 1 года) — властью от начальников дивизий до командующих войсками округа.

Отпуска

Первоначально отпуск, как таковой, для офицеров не был

предусмотрен. Он мог предоставляться офицерам только ввиду временной неспособности к несению службы на период излечения серьезных ран и болезней. В первые годы Северной войны в тех случаях, когда у раненого офицера не усматривалось невосполнимого физического увечья, практиковался шестимесячный срок переосвидетельствования, затем на переосвидетельствование надо было являться раз в год.

Получая отпускную грамоту, офицеры давали расписку о своем возвращении в Военный приказ на переосвидетельствование, а если они не являлись по истечении срока, Военный приказ посылал по месту жительства (в тот уезд, где находилось поместье офицера) предписание местным властям — нарушителя «сыскать, а сыскав, выслать... к Москве в Военный приказ за поруками. А буде он учнет укрываться... взять людей из крестьян и держать в тюрьме, покамест он на Москве в Военном приказе не явитца» {191}.

Отпуск рассматривался как чисто вынужденная мера, особое исключение. Со временем, однако, по мере смягчения законов об обязательной службе, отпуска получили более широкое распространение и предоставлялись военным командованием до тех пор, пока Павел I не запретил предоставлять офицерам отпуска иначе как с Высочайшего разрешения в каждом отдельном случае.

В начале XIX в. отпуск, как и всякая вообще отлучка с места службы, рассматривался как явление нежелательное и был крайне затруднен. Всякое увольнение в отпуск офицера без высочайшего разрешения грозило воинским начальникам крупными неприятностями. Получение такого разрешения было необходимо вне зависимости от сроков отпуска — будь это 3 дня или 6 месяцев. На просьбы об отпусках для излечения болезни, для устройства имущественных дел и т. п. Александр I обычно накладывал резолюции типа: «Нельзя, а если необходимо, то может просить отставку». Правда, те, кому надо было устроить дела по имению, могли представить подробные сведения о положении дел, и губернаторам предписывалось эти дела устраивать. Наиболее уважительной причиной отпуска считалась необходимость завершения образования, в этом случае император разрешал даже бессрочные отпуска.

По закону 1809 г. отпуска разрешались в период с 1 сентября по 15 марта (раненых для лечения могли увольнять в любое время). Прошение об отпуске подавалось на гербовой бумаге, и начальник, представляющий прошение, отмечал в своем донесении его причину (еще в 1801 г. не разрешалось увольнять одновременно более 4 офицеров из кирасирского или драгунского, 6 — из гусарского полков, 3 — из артиллерийских

батальонов).

В 1815 г. изданы новые правила об отпусках, согласно которым на отпуск уже не надо было испрашивать Высочайшее разрешение (императору посылались лишь донесения для сведения), а право на предоставление отпусков передано было командующим армиями и отдельными корпусами. При этом время для отпусков было отведено с 1 сентября по 1 апреля, срок — не более 4 месяцев. Одновременно могли увольняться не более 2 корпусных командиров, 1 дивизионного на корпус, 1 бригадного на дивизию, 2 полковых на дивизию, 2 штаб-офицеров и 12 обер-офицеров на пехотный полк (если остаются в полку не менее 5 и 42 соответственно), 3 штаб — и 7 обер-офицеров на кавалерийский полк (если остаются 7 и 38) и в артиллерии — не более 1 офицера из роты и 1 ротного командира из бригады. В 1816 г. право предоставления отпуска на 28 дней было дано всем корпусным командирам. Опоздания из отпусков даже на один день считались тяжелой провинностью. Отсрочка даже для окончательного излечения ран предоставлялась только отличным по службе офицерам.

Вопрос о том, сохранять ли жалованье находящимся в отпуске офицерам, несколько раз пересматривался. В 1796 г. было установлено, что отпуск свыше 28 дней не оплачивается, а в 1802 г. решено в случае предоставления отсрочки, выходящей за пределы 28 дней, не оплачивать весь отпуск вообще (за исключением отпусков для излечения ран, оплачивавшихся полностью). С 1812 г. (когда после сокращения армии число оставшихся не у дел офицеров было особенно велико) установилась такая специфическая форма отпуска, как зачисление «состоящими по армии» (впоследствии получившая распространение как состояние «по роду оружия» и «за штатом»).

Отпуск до 4 месяцев по домашним обстоятельствам, на который имели право офицеры с 1 сентября до 1 апреля, назывался «обыкновенным». В другое время отпуск (не свыше 28 дней) давался лишь по особо уважительным причинам с разрешения начальников не ниже командира отдельного корпуса и армии. В 1849 г. права начальников по предоставлению отпусков были расширены. В мирное время и узаконенный период полковые командиры могли отпускать обер-офицеров своей властью до 15 дней, бригадные — всех офицеров до 28 дней, дивизионные — на 2 месяца, корпусные — на 4 месяца (в том числе и генералов); командиры отдельных корпусов и армии могли предоставлять отпуск на весь период с 1 сентября по 1 апреля.

По правилам 1843 г. о продлении отпуска можно было просить только

заранее, так, чтобы ответ пришел до окончания срока отпуска. Допустившие просрочку подвергались взысканию и не увольнялись более в отпуск до особого удостоения. За просрочку более месяца офицер, кроме того, обходился следующим чином при очередном повышении на открывшуюся вакансию и у него вычиталось два года выслуги к пенсии, а просрочивший более 4 месяцев исключался со службы с преданием суду. При признании просрочки уважительной (это мог сделать начальник от командира отдельного корпуса и выше) суду не предавали, но из армии все равно увольняли. Отсрочки могли предоставлять так, чтобы общий срок не превысил 4 месяцев и не вышел за пределы отпускного сезона. О приезде и выезде из отпуска офицер был обязан сообщать в местную полицию. Офицер, подавший в отпуске рапорт о болезни, осматривался специально создаваемой комиссией, выдававшей ему свидетельство о заболевании. Иностранцам отпуск за границу предоставлялся не более 4 месяцев. Вне отпускного сезона отпуска могли предоставляться только для излечения ран и болезней и после строгого освидетельствования.

Продолжительные (свыше 4 месяцев) и годовые отпуска были разрешены в 1834 г. Для этого требовалось прослужить не менее 3 лет в офицерских чинах (а с 1851 г. — и не менее 2 лет в данной части). Офицеры, уходившие в такие отпуска, зачислялись в запасные войска по месту жительства без исключения из списков своей части. В подобном отпуске нельзя было просить об отставке (требовалось вернуться и прослужить еще не менее года, если не было медицинского свидетельства о невозможности продолжать службу по болезни). Вторично годовой отпуск предоставлялся (только с 1846 г.) в случае крайней необходимости штаб-офицерам через 3, а обер-офицерам — через 4 года. Находясь в продолжительном отпуске, офицер был обязан сообщать об изменении места жительства Инспекторскому департаменту и командирам местных гарнизонных батальонов. Жалованье за время пребывания в таком отпуске не выплачивалось. Те, кто изъявил желание по окончании годового отпуска остаться в бессрочном отпуске, исключался из списков своей части и Высочайшим приказом переводился в запасные войска.

Бессрочные отпуска были установлены в 1841 г. (и были вызваны имевшимся тогда сверхкомплектном офицеров). Они предоставлялись офицерам, бывшим хотя бы в одном походе и состоявшим на службе не менее 8 лет (а штаб-офицерам — и не менее 3 лет в штаб-офицерских чинах). При увольнении по домашним обстоятельствам требовалось удостоверение губернатора или предводителя дворянства о необходимости присутствия офицера дома, а по болезни — медицинское свидетельство.

Бессрочным отпуском считалось нахождение в запасных войсках, и число отпускников ограничивалось штатами запасных войск. Офицеры при этом были обязаны являться на учебные сборы (неявившиеся без уважительных причин предавались военному суду). В 1847 г. правила о бессрочных отпусках были ужесточены. Отпуск разрешался только отличным по службе офицерам; если свидетельство о болезни, по которому уволенный в отпуск офицер не явился на сборы, не признавалось справедливым, то врачу грозил суд, офицеры, пропустившие сборы по болезни два раза, увольнялись в отставку, офицеры, поступившие из бессрочного отпуска на действительную службу, увольнялись в отставку не ранее года. Эти меры имели целью повысить ответственность офицера при принятии им решения об уходе в бессрочный отпуск.

Важнейшим изменением в положениях об отпусках была отмена в 1856 г. особо отведенного для отпусков календарного периода. Теперь отпуск разрешался в любое время года, лишь бы в полку оставалось достаточное число офицеров. За недостойное поведение в отпуске офицер немедленно увольнялся в отставку. Продление отпуска допускалось в строго оговоренных случаях и с документальным подтверждением. Увольнение в отпуск за границу осуществлялось только с Высочайшего разрешения (между прочим, «позволено» было представлять свои замечания о «тех предметах, которые во время путешествия показывались им замечательными в военном отношении, не стесняясь выбором предмета для наблюдения, дабы по этим замечаниям можно было судить о способностях представившего оные и о пользе, с которою употребляется поездка за границу»).

На увольнение в бессрочный отпуск также требовалось Высочайшее разрешение, причем такое увольнение допускалось в пределах штатов запасных войск и общей нормы отпускников. Офицеры ниже штабс-капитана увольняться в бессрочный отпуск не могли, а штабс-капитаны и капитаны должны были прослужить в офицерских чинах 10 лет и 2 года командовать ротой. До 1863 г. командиры корпусов, а с этого времени — начальники дивизий прилагали к представлениям свои удостоверения о твердом знании офицером службы, об удовлетворительном его здоровье и о том, что он достоин отпуска. В бессрочный отпуск не могли увольняться: 1) не прослужившие в строю 3 лет; 2) занимающие нестроевые должности, числясь по пехоте и кавалерии; 3) служащие в иррегулярных войсках по переводе из регулярных; 4) неспособные продолжать службу по болезни; 5) офицеры Кавказской армии, Отдельного Сибирского корпуса и финляндских войск (укомплектованные по штатам военного времени). С

1858 г. бессрочный отпуск был разрешен и офицерам Генерального штаба и корпуса топографов. До разрешения просьбы о бессрочном отпуске было дозволено уходить в краткосрочный отпуск. Учебные сборы, установленные в 1841 г., в 1858 г. были отменены, и офицеры жили в отпуске совершенно спокойно и свободно. Выслужившие право на пенсию могли получать ее, находясь в бессрочном отпуске. Офицерам даже позволено было с 1856 г. во время такого отпуска занимать должности по выборам дворянства с зачетом этой службы за действительную, вплоть до прав к чинопроизводству по своей части, — вещь, ранее совершенно неслыханная. Однако 24 января 1865 г. бессрочные отпуска для офицеров отменены.

Что касается продолжительных отпусков (до 1 года, а для раненых — до 1,5 года), то положение о них долгое время не изменялось. Генералов и штаб-офицеров, нуждающихся по болезни или домашним обстоятельствам в пребывании дома, и офицеров, оказавшихся за штатом по случаю упразднения их должностей, разрешалось в особых случаях зачислять в запасные войска. С 1880 г. в продолжительных отпусках разрешалось находиться одновременно 20 офицерам из каждого гвардейского и 32 — из каждого армейского полка. Офицеры строевых частей могли получить продолжительный отпуск не ранее выслуги 3 лет в офицерских чинах.

В отношении предоставления краткосрочных (до 4 месяцев) отпусков в 1863 г. права были даны более младшим, чем раньше, начальникам.

Правила 1869 г. предоставляли офицерам право на отпуск с сохранением содержания уже до 2 месяцев вместо 28 дней (на Кавказе — до 3, в Сибири и Туркестане — 4, Приморье — до 6), но по основному, а не усиленному (если он полагался в данной местности) окладу. Офицеры, бравшие отпуск от 28 дней до 4 месяцев, могли просить о следующем не через 3 года (как с 1851 г.), а через 2. С 1856 г. разрешалось уходить в отпуск после подачи заявления об отставке (до решения этого вопроса), а с 1875 г. — после такой же просьбы об увольнении в запас до ее разрешения.

В конце XIX в. права начальства по увольнению в отпуск (в отпуск увольняло следующее по старшинству начальство, не ниже командира части: командиров полков — начальники дивизий, их — командиры корпусов и т. д.) были еще больше расширены: в 1893 г. право увольнения в отпуск за границу (до 4 месяцев) получили те же начальники, которые предоставляли такие отпуска в пределах России. С 1883 г. отпуском свыше 28 дней с сохранением содержания было разрешено пользоваться раз в два года. С 1887 г. офицерам, которые, находясь в отпуске, подали просьбу об отставке, выплата содержания прекращалась со дня подачи заявления. В

1889 г. на офицеров было распространено правило, существовавшее ранее относительно чиновников и имевшее целью предотвращать просрочки отпусков: с просрочивших отпуск без уважительных причин, удостоверенных документально, вычиталось содержание за все время отпуска (с получивших отсрочку вычиталась сумма только за время сверх срока).

В начале XX в. продолжали действовать положения об отпусках, принятые ранее и закрепленные сводом военных постановлений 1869 г.: отпуск обыкновенный (до 4 месяцев) без отчисления от должности и продолжительный (до 1 года) с отчислением от должности, но с оставлением в списках части (строевые командиры отдельных частей, лица, служащие в штабах, управлениях и заведениях, и военные чиновники не имели права на продолжительный отпуск). Отпуск с сохранением содержания допускался до 2 месяцев. При этом капитаны (коллежские асессоры) и офицеры более высоких чинов могли пользоваться таким отпуском (от 28 дней до 2 месяцев) 1 раз в год, а младшие офицеры и военные чиновники — 1 раз в 2 года. По болезни, подтвержденной медицинским свидетельством, разрешено было увольнять и до 4 месяцев. Отпуск разрешался в любое время года. Можно еще отметить, что особое внимание уделялось ротным командирам, составлявшим ключевое звено офицерского корпуса. В 1901 г. специальным приказом было предписано обязательно предоставлять ежегодный отпуск каждому из них, для чего в период летних учений сводить две роты в одну с увольнением одного из командиров в отпуск (с очередностью по договоренности между ними).

Таким образом, законодательство об отпусках со временем постоянно либерализировалось. Если в XVIII — начале XIX в. всякая отлучка рассматривалась как крайне нежелательное исключение, то к середине XIX в. отпуска становятся обычным явлением и регламентируются. Со второй половины столетия права на отпуск сильно расширяются, вплоть до введения весьма продолжительных оплачиваемых отпусков, а к началу XX в. отпуска становятся фактически обязательными и целью их предоставления помимо болезни и домашних обстоятельств прямо называется потребность регулярного отдыха. В начале XX в. младший офицер (с учетом краткосрочных отпусков в несколько дней) мог находиться в отпуске в среднем более месяца в году, а офицеры от капитана и старше — более 2 месяцев.

Увольнение в отставку

Увольнение офицеров в отставку происходило как по их собственному желанию, так и без него. Не имели права на отставку только

командированные (до выполнения поручения) и находящиеся под судом и следствием. Все остальные могли подавать прошения об отставке 1 раз в год перед 1 января с таким расчетом, чтобы они доходили в Петербург к 1 марта, а из отдаленных округов — к 1 апреля. К прошению (на гербовой бумаге) прилагалась подписка (реверс) о том, что после увольнения они не будут просить материальной помощи. Командиры полков прикладывали к своим сопроводительным рапортам по начальству формулярные списки просящихся в отставку. Увольнение по болезни осуществлялось в случае длительной болезни офицера, отмечаемой в месячных рапортах, за которыми следил сам император. И если он находил заболевание слишком длительным, то ставил вопрос об отставке.

За дурное поведение и совершение предосудительных поступков офицер мог быть уволен со службы по рапорту начальства или коллективному представлению офицеров части. Исключение со службы с отобранием патента равнялось лишению прав в отставке, предоставленных офицерскому чину. Командир части нес ответственность за непринятие своевременных мер по этому поводу (например, 24 октября 1817 г. в Высочайшем приказе был сделан выговор командиру одного из гарнизонных батальонов за то, что он, «зная о пристрастии подпоручика Иванова к горячим напиткам, терпел его в батальоне и не представлял об отставке»). В то же время император неоднократно просил достойных офицеров, подавших заявления об отставке, остаться на службе (известен целый ряд таких документов){192}.

В 1827 г. право выхода в отставку по собственному желанию распространено и на офицеров, уволенных в свое время за дурное поведение и получивших по указу 29 августа 1826 г. право поступать на службу первым офицерским чином; однако, уволившись вторично, впредь они уже могли поступать на службу только рядовыми. Офицерам, поступившим из военно-учебных заведений во внутреннюю стражу с обязательством прослужить там определенный срок, в 1839 г. разрешено увольняться и раньше срока, но при новом поступлении на службу они были обязаны дослужить этот срок (и поэтому могли приниматься из отставки только во внутреннюю стражу). Находящиеся в отпуске подавали прошение по команде, а состоящие в бессрочном отпуске — через начальство внутренней стражи.

Помимо своего желания с 1830 г. увольнялись офицеры, просрочившие отпуск более чем на 4 месяца, не прибывшие в срок к полкам по переводу и находившиеся более 4 месяцев в госпиталях. В последнем случае, правда, командир Отдельного Кавказского корпуса мог (с 1840 г.) ходатайствовать

об оставлении на службе наиболее достойных офицеров. В 1839 г. возможность числиться больными продлена до 6 месяцев, после чего было положено представлять медицинские свидетельства с указанием возможности полного выздоровления.

В 30-х гг. XIX в. издан ряд постановлений, ограничивающих права офицеров, уволенных за дурное поведение: с 1834 г. им запрещалось проживать в Кронштадте, в 1836 г. командир Отдельного Кавказского корпуса получил разрешение высылать их во внутренние губернии, а главнокомандующий действующей армией — из Царства Польского с запрещением проживать в Москве и Петербурге. С 1850 г. разрешено увольнять и офицеров, состоящих под судом и следствием, но с дачей подписки о невыезде. В 1852 г. установлено, что офицеры, неаттестуемые за нерадение или уклонение от службы, должны не представляться, как раньше, к увольнению со службы, а предаваться военному суду. Но при этом командование могло предоставить этим офицерам (как и неаттестуемым за дурное поведение) испытательный срок (в течение которого запрещалось уходить в отпуск и в отставку) и предавать суду только в случае неисpravления. Такие меры были приняты с целью максимально сократить число «праздношатающихся людей, которые, более и более вдаваясь в пороки, бывают в тягость правительству, между тем как, лишив их возможности следовать дурным своим страстям, можно еще сделать их полезными себе и обществу». Признанных судом виновными разжаловали в рядовые с правом выслуги в офицеры за отличия.

В 1862 г. порядок выхода в отставку был облегчен. Офицеры могли теперь подавать заявления об отставке в любой период года в мирное время, а в военное (в которое раньше вообще запрещалось просить об отставке) разрешено это делать в сентябрьской трети года, причем не только по болезни и ранению, но и по домашним обстоятельствам (однако в 1868 г. увольнение во время войны по домашним обстоятельствам запрещено).

В 1856 г. отменены и суровые положения о предании нерадивых офицеров вместо отставки военному суду. Полковые командиры обязаны были, донеся начальнику дивизии обо всех офицерах, неаттестованных за пьянство, недостойное поведение и нерадение по службе, предложить им подать прошение об отставке и в случае отказа — увольнять своей властью. Но при этом в Высочайшем приказе причины увольнения указывать не полагалось. Подписка свидетельств о дурном поведении увольняемого обществом офицеров полка запрещалась, и вся ответственность за неудовлетворительную аттестацию возлагалась на командира полка. Для

устранения возможностей произвола решение об увольнении офицера должно было представляться на утверждение корпусному командиру. В следующем году были определены три вида формулировок по таким увольнениям в Высочайших приказах: 1) «исключается из службы, с тем чтобы впредь в оную не определять»; 2) «отставляется от службы за такую-то вину» (уволенные с этой формулой и по суду лишались права поступления на службу на 3 года); 3) «увольняется от службы» (без объявления причин). В 1867 г. даже формула «исключается из службы» показалась слишком суровой, и об исключенных без суда писали «увольняется от службы» (причем всем уволенным ранее по этим обстоятельствам было разрешено исправить формулировку в своих указах об отставке). Еще в 1856 г. отменены также ограничения на увольнения в отставку по собственному желанию офицеров-католиков, родившихся в Царстве Польском и западных губерниях (по повелениям 1844–1845 гг. не прослужившие 6 лет вовсе не могли увольняться, а выслужившие этот срок увольнялись только после наведения справок по месту жительства об их благонадежности).

В начале 80-х гг. XIX в. с созданием офицерского запаса определено, что в обязательном запасе должны состоять офицеры, не выслужившие срок действительной службы по уставу о воинской повинности 1874 г. — до выслуги его. В добровольном запасе обер-офицеры могли состоять до достижения ими 40 лет, штаб-офицеры — до 50 лет. Дольше этого времени могли оставаться: прослужившие в офицерских чинах 15 лет — до истечения 25 лет со времени поступления на действительную службу, а раненые офицеры, имеющие награды за боевые отличия, окончившие Академию Генштаба и прослужившие в офицерских чинах 25 лет, — до истечения 35 лет.

Для офицеров, признанных негодными к службе, допускалось увольнение из запаса в отставку раньше срока. Прошение об этом подавалось офицером в местное присутствие по воинской повинности, которое и производило освидетельствование. Решение могло быть обжаловано в губернском присутствии. В случае отказа новое прошение подавалось через год. Офицеры, обязанные срочной службой за образование, но признанные неспособными к действительной службе, в запас не зачислялись: таких после получения соответствующего медицинского заключения увольняли сразу в отставку.

Уволенные с действительной службы офицеры могли состоять также в ополчении. По положению об ополчении 1876 г. командиров частей полагалось иметь из бывших офицеров, а прочий командный состав — из

лиц с образованием (командиры рот должны были отбыть один лагерный сбор), но по новому положению срок пребывания в ополчении для генералов и штаб-офицеров был установлен до 55 лет, а для обер-офицеров — 50 лет (в результате чего число состоящих в ополчении офицеров к 1895 г. увеличилось по сравнению с 1881 г. вдвое и составило 2800 человек){193}.

С 1882 г. офицеров, замеченных в «неодобрительном поведении», но не подлежащих преданию военному суду (т. е. совершивших проступки, признанные несовместимыми с офицерским званием), было повелено увольнять из армии решением офицерского суда чести (в 1897 г. командирам полков предписано предлагать таким офицерам в 3-дневный срок после решения суда подавать в отставку), а если суд по какой-либо причине собрать было нельзя, то представлять к увольнению в административном порядке. В обоих случаях представление направлялось через командующих войсками военных округов военному министру. Офицеры, получившие два года подряд неудовлетворительную аттестацию, также с 1884 г. в обязательном порядке подлежали увольнению. При этом они могли (если имели соответствующий возраст) зачисляться в запас. Пенсию такие офицеры получали на общих основаниях.

В конце XIX — начале XX в. существенных изменений в порядке увольнения офицеров со службы не произошло. В 1899–1900 гг. обращено внимание на необходимость более дифференцированного подхода к отставке среднего офицерского состава: с одной стороны, командиры полков обязывались следить за тем, чтобы капитаны и подполковники, часто рапортуящиеся больными, подавали бы прошения об отставке, а с другой стороны, при установлении предельного возраста для обер-офицеров — 53, а для штаб-офицеров — 58 лет (на нестроевых должностях — 60 лет) тем капитанам, которые отлично аттестованы и имели хорошее здоровье, дозволялось продлевать службу еще на 2 года. Предельный возраст нахождения офицеров на службе впервые был установлен в 1899 г. Для пехотных обер-офицеров он составлял 53 года, для кавалерийских — 56 лет, для командиров полков и батальонов — 59, для начальников дивизий — 63 года и для командиров корпусов — 67 лет.

Право на ношение мундира и производство в следующий чин при отставке

Офицеры, беспорочно прослужившие длительный срок, по выходе в отставку получали право на ношение мундира и в ряде случаев награждались следующим чином: в 1762 г. установлено давать его прослужившим в предыдущем не менее года.

Первым офицерским чином при отставке с 1801 г. могли награждаться унтер-офицеры из дворян, прослужившие не менее 3 лет. В 1802 г. было подтверждено разрешение давать при отставке следующий чин офицерам в том случае, если они выслужили в своем последнем чине не менее 1 года (полковники — 5 лет). Чина генерал-лейтенанта при отставке в первой четверти XIX в. получить было нельзя. В ряде случаев офицер мог быть повышен в чине, уже находясь в отставке, в том числе и за усердную службу по гражданскому ведомству.

Дозволение носить в отставке офицерский мундир с 1802 г. получали лишь те офицеры, которые прослужили в офицерских чинах не менее 10 лет, причем это правило соблюдалось очень строго (не делалось исключения даже для не дослуживших нескольких месяцев) и не зависело от чина (например, было отказано в праве на мундир одному молодому отставному полковнику, вышедшему в отставку вскоре после получения этого чина и, соответственно, не успевшему выслужить 10-летний срок) {194}. Правда, прослужившим в общей сложности 20 лет разрешалось носить мундир и при офицерском стаже менее 10 лет. В 1809 г. право ношения мундира предоставлено всем георгиевским кавалерам. На отставных офицеров, поступивших на гражданскую службу, право ношения мундира не распространялось. Не имели право на ношение мундира офицеры, бывшие под арестом, судом и т. п. С 1807 г. отставники не должны были носить при мундире эполеты.

Находившиеся на русской службе офицеры-иностранцы с 1743 г. увольнялись в отставку с награждением следующим чином только в том случае, если принимали российское подданство. В 1760 г. установлено, что право на мундир, чин и пенсию получают только те иностранцы, «кои останутся по отставке в России и о бытии им и потомкам их в вечном подданстве присягу учинят». Причем получить следующий чин в отставке могли, приняв присягу, и те, кто при выходе в отставку ее не давал. (Пенсии отставным иностранцам, находившимся за границей, выплачивались только в одном случае — если это были пенсии по ордену Св. Георгия.)

В 1836 г. подтверждено право офицеров до полковника, прослуживших в своем чине не менее года, уходить в отставку со следующим чином. Остались прежними и права на ношение в отставке мундира. Офицеры-иностранцы, не перешедшие в российское подданство, следующим чином ни в каком случае не награждались, а право ношения мундира предоставлялось им только в России, но не за границей.

С 1859 г. право на ношение мундира в отставке получили независимо от срока выслуги все кавалеры орденов с мечами, ордена Анны 4-й степени

и имеющие золотое оружие, однако если эти офицеры имели взыскание, занесенное в послужной список, то получали право на мундир лишь по выслуге 3 лет после взыскания. В 1886 г. определено, что офицеры, увольняемые по суду офицерской чести или в административном порядке, сохраняли при отставке право на мундир и следующий чин (если имели на это право) только в том случае, если ввиду этих обстоятельств сами подавали заявление об отставке (независимо от того, делали они это по своему желанию или по воле начальства). Если же прошения об отставке со стороны увольняемого так и не следовало, то увольняющий его начальник мог и не возбуждать ходатайства о сохранении за ним этих прав. В 1891 г. право на ношение в отставке мундира независимо от срока выслуги получили наравне с кавалерами орденов с мечами офицеры, награжденные за боевые подвиги следующим чином (за исключением произведенных из нижних чинов в первый офицерский чин). С установлением предельного возраста состояния на службе для обер-офицеров в 53 года штабс-капитаны, увольняемые по его достижении, производились при отставке в капитаны, если прослужили в своем чине не менее 4 лет. Подполковники, увольняемые по достижении 58 лет, получали при отставке чин полковника в том случае, если прослужили в офицерских чинах не менее 30 лет и в том числе в чине подполковника не менее 5 лет.

Следует еще обратить внимание на то, что формулировки «награждение следующим чином при отставке» и «производство в следующий чин с увольнением от службы», которые обычно не различают, имели принципиально разное содержание. Если первая означала, что офицер получает следующий чин только для нахождения в отставке (а при поступлении вновь на службу принимается прежним чином), то вторая равносильна производству во время нахождения на действительной службе (и в этом случае уволенный мог бы поступить снова на службу с новым чином).

Документы о службе офицера

Основным документом, характеризующим прохождение службы офицером, был послужной, или формулярный, список. Этот документ, форма которого не менялась с XVIII в., имел следующие графы: 1) чин, имя, отчество и фамилия; 2) сколько лет от роду; 3) из какого состояния (т. е. сословия) происходит и если из дворян, то обладает ли имением — в каком уезде, губернии и сколько душ крестьян; 4) даты (год, месяц, число) вступления в службу и получения следующих чинов; 5) даты переводов из части в часть; 6) участие в боях и походах; 7) образование; 8) когда и сколько дней был в отпусках и явился ли в срок; 9) был ли в штрафах по

суду и без суда; 10) семейное положение с указанием дат рождения детей; 11) нахождение в штате, сверх комплекта, в отлучке (с какого времени, по чьему повелению и где) и 12) достоин ли к повышению и если нет, то почему.

Формулярный список составлялся в штабе полка и подписывался его командиром. Поскольку этот документ был не только служебным, но и определял положение и права офицера и его семьи в обществе (право на дворянство, поступление в казенное учебное заведение и т. д.), то подделки в нем строжайше преследовались и грозили исключением со службы. С 1827 г. в графе об имущественном положении требовалось указывать не только имения, но и любую недвижимость — дома и т. д. С 1831 г. формулярные списки требовалось представлять не чаще раза в год, а с (?) г. — раз в (?) лет (ежегодно — сокращенный вариант), а также в случае перевода.

Для представления ходатайств о переводах, назначениях и отпусках была введена «краткая записка о службе» с основными сведениями об офицере.

С 1872 г. формулярные списки не могли представляться без собственноручной подписи офицера, ознакомившегося с записями в своем списке. В начале 60-х гг. форма послужного списка несколько изменена и с тех пор просуществовала до 1917 г.

Для аттестации офицеров составлялись общие так называемые кондуитные списки на весь офицерский состав полка, имевшие следующие графы: 1) чин; 2) фамилия; 3) как давно в службе; 4) был ли «иностранный службе»; 5) в скольких кампаниях участвовал; <6) как «едет себя по службе»; 7) каковы имеет способности ума; 8) не предан ли пьянству или игре; 9) какие знает иностранные языки; 10) имеет ли познания в каких-либо науках; 11) каков в хозяйстве. Кондуитные списки утверждались по команде до корпусного командира включительно. От обязанности аттестовать подчиненных был освобожден только командир Отдельного корпуса внутренней стражи, т. к. из-за разбросанности его частей по всей России он не мог лично знать всех своих офицеров. Как и послужные списки, кондуитные представлялись раз в год — к 1 июля.

На каждый новый чин офицер получал патент — на пергаменте и с государственной печатью. За изготовление патента с офицеров взималась плата в зависимости от чина. В 1810 и 1817 гг. она была повышена и составляла: за изготовление патента с генерал-фельдмаршала — 20 руб., генерала — 17, генерал-лейтенанта — 14; генерал-майора — 11,5; полковника — 7,7; подполковника — 6,5 майора — 6 капитана — 4,5, штабс-капитана — 4,

поручика—3,5, подпоручика и прапорщика — по 3 руб.; пошлина за приложение государственной печати составляла с генералов и полковника соответственно 200,5; 100,5; 80,5; 60,5; 10,5 руб.; с подполковника и майора — 6 5 капитана и штабс-капитана — 2,5 и младших офицеров — по 1 руб. {195} В каждое царствование форма бланков (а иногда и редакция текста) изменялась. В 1862 г. патенты на чины были отменены и стала взиматься пошлина с чина — с генералов в большем, а со всех офицеров в меньшем размере, чем прежняя плата за патенты.

При увольнении в отставку офицеру и военному чиновнику выдавался указ об отставке (содержащий изложение данных послужного списка и составленный на его основе), считавшийся видом на жительство и выполнявший функции паспорта. Этот документ выдавался с последнего места службы и заменял собой все документы о прежней службе. Если по какой-то причине указ об отставке не мог быть выдан своевременно, то до высылки такового выдавался билет для свободного жительства с приложением копии формулярного списка. С 1869 г. такие билеты зачисляемым «по роду оружия» и в запасные войска выдавались в определенный город, и при перемене места жительства губернские воинские начальники делали на них отметки. Чтобы не препятствовать уволенным в отставку за неодобрительное поведение поступать на гражданскую или частную службу, с 1863 г. причина их увольнения в указе об отставке не указывалась.

Женам офицеров вид на жительство выдавался по ходатайству мужа, для чего он подавал рапорт в инспекторскую экспедицию государственной Военной коллегии с подписью двух свидетелей, подтверждающих, что жена и дети данного офицера — законные. Жены и дочери умерших офицеров представляли туда же (для получения бессрочного паспорта) временный паспорт, выданный командованием части, где служил муж. Таким же образом получали вид на жительство семьи отставных офицеров, но перед выдачей его коллегия поручала командованию части спросить на это согласие самого офицера, до получения какового выдавался временный билет. Вдовы и дочери умерших в отставке офицеров, получивших в свое время указы об отставке, в которые эти члены семьи были вписаны, с 1844 г. могли пользоваться этими документами как видами на жительство (но могли и получать паспорта, как семьи неслужащих дворян). Но если отставной офицер умирал до получения указа об отставке, то с 1854 г. вместо этого документа семье выдавалось командованием части, где служил муж, особое свидетельство, удостоверяющее личность членов семьи умершего для свободного проживания (но без подробного изложения

службы их мужей или отцов), — паспортная книжка. Вдовы и дочери умерших в отставке офицеров получали документы на общих для неслужащих дворян основаниях.

Виды наказаний и дисциплинарная практика

Офицеры могли подвергаться как дисциплинарным взысканиям, связанным со спецификой военной службы, так и наказаниям по общеуголовному законодательству наравне с представителями других групп населения. Основными дисциплинарными взысканиями всегда были выговоры, отрешение от должности, арест (домашний или при части — на гауптвахте) и другие. За более серьезные проступки офицер мог исключаться со службы, разжаловаться в рядовые, а за преступления невоенного характера нес ответственность по общим правилам. Взыскания были обычно сопряжены с ограничениями по службе — обходом при присвоении следующего чина, назначении на должность по старшинству, получении очередных наград и т. д. Кроме того, занесение в послужной список наложенных взысканий отдаляло срок награждения орденами за выслугу лет и «знаком отличия беспорочной службы» или вовсе лишало права на эти награды. Суровость наказаний во многом зависела от общих обстоятельств того или иного исторического периода, но, разумеется, какие-либо виды телесного наказания или иные унижающие личное достоинство наказания для офицера всегда были исключены.

К середине XIX в. на офицеров могли налагаться следующие дисциплинарные взыскания: 1) устные выговоры и замечания, а также сделанные в приказе и в собрании офицеров; 2) внеочередной наряд на службу; 3) удаление от командования частью; 4) домашний арест или арест с содержанием на гауптвахте; 5) хождение пешком за фронтом во время похода. При этом арест и отрешение от командования всегда оформлялись письменным приказом.

Ротные командиры и младшие штаб-офицеры имели право объявлять подчиненным им офицерам устные замечания, полковые командиры — подвергать аресту штаб-офицеров на 2, а обер-офицеров на 5 суток, бригадные командиры — соответственно на 3 и 7 суток и объявлять выговоры командирам полков. Начальники дивизий могли объявлять выговоры подчиненным им генералам, арестовывать полковников на 3 суток, прочих штаб-офицеров — на 7 и обер-офицеров — на 14 суток, а также в важных случаях отрешать офицеров от должности; командиры корпусов могли отрешать от должности бригадных командиров.

По приговорам военных судов офицеры могли подвергаться смертной казни (только в военное время), ссылке в каторжные работы с лишением

всех прав состояния (т. е. сословных прав, присвоенных им как дворянам), ссылке в Сибирь на поселение, ссылке в отдаленные места империи, лишению чинов, знаков отличия и изгнания из армии, разжалованию в рядовые (с лишением или без лишения дворянства), заточению в крепость или аресту на гауптвахте, исключению из службы и отрешению от должности, а также денежным взысканиям. Правом предания офицеров военно-полевому суду пользовались командиры отдельных корпусов и начальники отдельно действующих дивизий.

6 июля 1863 г. было утверждено Положение об охранении воинской дисциплины и взысканиях дисциплинарных, которым отменен существовавший ранее закон об увольнении офицеров от службы за дурное поведение по распоряжению начальства. Вместо этого создавались «суды общества офицеров», которые отныне получили право изгонять из офицерского корпуса лиц, недостойных носить военный мундир. Учреждение офицерских судов чести имело важнейшее значение для формирования чувства корпоративной гордости офицерства и его ответственности за охрану достоинства воинской службы. Этому суду подлежали обер-офицеры, проступки которых не подпадали под действие военно-уголовных законов, но считались несовместимыми с понятиями о чести офицерского звания. На суд возлагался также разбор ссор между офицерами.

Офицерские суды состояли из всех обер-офицеров полка. Производство дознания возлагалось на совет посредников из пяти обер-офицеров (по одному каждого чина), и если совет находил обвинение справедливым, то с разрешения командира полка мог предложить обвиняемому подать в отставку в трехдневный срок. Суд созывался по распоряжению командира полка под председательством одного из штаб-офицеров. Приговор выносился большинством голосов и представлялся по команде, но причина увольнения в Высочайшем приказе объявлялась только в том случае, если это признавалось необходимым самим обществом офицеров. Обжалованию приговор офицерского суда не подлежал.

По новому Положению максимальный срок домашнего ареста ограничивался 2 неделями, а ареста на гауптвахте — месяцем. Офицеры могли также лишаться права своевременного производства в следующий чин. Полнотой власти в наложении дисциплинарных взысканий пользовался командир корпуса (за исключением того, что штаб-офицеров мог подвергать аресту на гауптвахте только до 2 недель). Командир полка мог помимо выговоров и замечаний объявлять до 6 внеочередных нарядов, удалять от должности ротных командиров, арестовывать штаб-офицеров на

3, а обер-офицеров — на 7 суток. Командир роты мог помимо устных замечаний и выговоров объявлять офицерам 2 наряда вне очереди.

По суду офицер мог быть подвергнут теперь и заключению в тюрьме гражданского ведомства с увольнением от службы. Осужденный к исключению из службы лишался всех орденов (кроме медалей за участие в войнах и походах) и приобретенных на службе преимуществ, кроме прав дворянства. Разжалование в рядовые также влекло лишение орденов и служебных преимуществ.

По дисциплинарному уставу, утвержденному 28.3 1888 г., было отменено назначение офицеров во внеочередные наряды, так как было признано, что исполнение офицером всякой службы есть исполнение священного долга и не может быть рассматриваемо как наказание. Некоторому изменению подверглось и положение об офицерском суде, в состав которого теперь непременно должны были избираться лица старших чинов (не менее одного капитана и одного штаб-офицера на полк). На повышение понятий о воинской чести и достоинстве офицерского звания был направлен закон 1894 г. о поединках в офицерской среде, согласно которому следственные дела о таких поединках могли оканчиваться без направления их в общем судебном порядке.

Число офицеров, отдаваемых под суд, было в общем весьма незначительно, особенно если взять соотношение количества судимых офицеров и их общей численности за соответствующие годы. В 1825–1850 гг. один подсудимый приходился в среднем на 213 офицеров. В последующие годы количество офицеров на одного судимого составляло: в 1850 г. — 207, в 1851 г. — 166, в 1852 г. — 163, в 1853 г. — 178, в 1854 г. — 180, в 1855 г. — 195, в 1856 г. — 186, в 1857 г. — 208, в 1858 г. — 208, в 1859 г. — 229, в 1860 г. — 200, в 1861 г. — 221{196}. В отдельные периоды число отданных под суд офицеров и доля их (в %) в общем числе находящихся на службе приводятся в таблице 44{197}.

Иными словами, в 1881–1885 гг. один подсудимый приходился в среднем на 222 офицера, в 1886–1890 гг. — на 326 и в 1891–1894 гг. — на 411 офицеров, и соотношение снизилось, таким образом, почти вдвое. Однако в начале XX в. оно снова несколько увеличилось: в 1910 г. под судом находилось 245 офицеров (0,6% их общего числа), в 1911–317 (0,8%) {198}.

Наиболее частой причиной отдачи офицеров под суд были проступки, связанные со службой. В первой половине XIX в. $\frac{1}{3}$ составляли преступления по должности (наибольшее количество — 1849 г.), $\frac{1}{3}$ — уклонение от службы (1847 г.), $\frac{1}{4}$ — дерзость против начальства,

неповиновение, нарушение чинопочитания (1842 г.), 1/6 — растрата и утрата казенного имущества (1836 г.){199}. Распределение осужденных в 1855–1876 гг. офицеров по основным видам преступлений показано в таблице 45{200}.

Таким образом, и в эти годы подавляющее большинство преступлений было служебного характера, а общеуголовная преступность среди офицеров была крайне незначительна и постоянно снижалась. В последней четверти XIX в. мы видим ту же картину. Достаточно сравнить (см. табл. 46) число отданных под суд в 1881–1894 гг. офицеров по четырем основным группам преступлений, в которых они обвинялись (первые три группы связаны со служебным положением){201}.

В 1911 г. из 317 отданных под суд в различных служебных преступлениях обвинялось 206 человек, в 1912 г. из 325–256{202}.

Из числа офицеров, преданных суду, значительная часть оправдывалась; в редких случаях офицеры освобождались от суда по Всемилошвейшим манифестам (особые заслуги и т. п.), оставались в подозрении (эта формула применялась при недостаточности улик) и подвергались церковному покаянию (за незначительные проступки нравственного характера). Соотношение между числом офицеров, попавших под суд, приговоренных к различным наказаниям и освобожденных от наказания по различным причинам в 60–70-х гг., показано в таблице 47{203}. Примерно ту же картину мы видим и на флоте (см. табл. 48){204}. Виды наказаний и относительная частота их применения на рубеже 60 и 70-х гг. существенно не изменились, как можно видеть из таблицы 49{205}.

В XX в. относительная частота применения тех или иных наказаний принципиально не отличалась от установившейся в 70-х гг. XIX в. (см. табл. 50){206}.

Как явствует из этих данных, на протяжении десятилетий число офицеров, подвергнутых серьезным наказаниям (связанным с лишением свободы, ссылкой), оставалось очень невелико и обычно не превышало 2–3 десятков случаев в год. Даже краткосрочные аресты с содержанием на гауптвахте или в арестантских отделениях исчислялись несколькими десятками случаев. Это лишний раз свидетельствует о том, что уровень ответственности и нравственности поддерживался в среде офицерского корпуса на достаточной высоте.

Награды

Система офицерских наград формировалась довольно долго и окончательно сложилась только к середине XIX в. (хотя и потом в нее

вносились некоторые изменения). Офицеры награждались следующим чином, орденами, медалями, офицерскими крестами, знаками отличия беспорочной службы, золотым оружием, подарками, денежными суммами, арендами, а также им могла объявляться Высочайшая благодарность. Однако в разные исторические периоды отдельные виды наград могли иметь большее или меньшее распространение.

В начале XVIII в. преимущественной формой наград (помимо производства в следующий чин, практиковавшегося во все периоды истории русской армии) было награждение офицеров медалями за участие в отдельных боях (офицерские медали обычно соответствовали солдатским, но изготавливались из более дорогого материала). После смерти Петра I традиция награждения медалями прерывается почти на три с половиной десятилетия, но во второй половине XVIII в. снова получает распространение.

Орденами офицеры в первой половине XVIII в. практически не награждались (за исключением генералитета), поскольку два имевшихся ордена — Андрея Первозванного и Александра Невского — были наградами очень высокого ранга. Бытовало также награждение портретами Петра I, украшенными драгоценными камнями. Во второй половине XVIII в. — с 70-х гг. распространилось награждение орденами и близкими к ним по значению золотыми офицерскими крестами за конкретные сражения (в начале XIX в. эта традиция прекратилась).

К началу XIX в. награждение орденами (к тому времени их было уже несколько) превращается в один из основных видов офицерских наград; офицерские медали к этому времени, как правило, не чеканятся — офицеры награждаются теми же медалями (за войны и сражения), что и остальные военнослужащие. Постепенно упорядочивается и приводится в систему и поощрение другого вида — прежде всего материального характера (ценными подарками, деньгами, арендами).

Награждение офицеров, находящихся на службе, осуществлялось только по представлении их непосредственного начальства. При этом обращали внимание на то, чтобы офицер не получал дважды одну и ту же награду, для чего с 1802 г. при представлении к награде следовало указывать, какие награды уже имеются у данного офицера. Представление осуществлялось раз в год — в первых числах декабря. Запрещалось представление к наградам состоящих под судом. Никто не мог сам просить награды.

По правилам 1815 г. о награждении во время войны чинами и орденами в представлении требовалось указывать, какие у данного

офицера имеются награды, какие подвиги он совершил, был ли ранен и к какой именно награде представляется (если представлялся разжалованный, то прилагался его послужной список и конфирмация на разжалование). Наградные списки составлялись по полкам, бригадам и дивизиям, причем сначала шли пехотные полки, затем — егерские, кавалерийские и артиллерия; штабы соединений помещались в конце соответствующих списков. Внутри списков офицеры располагались по старшинству чинов. Если император находил, что действия представленных к следующему чину или ордену офицеров не выходили за пределы добросовестного выполнения служебных обязанностей, то взамен могло объявляться Монаршее благоволение.

В 1840 г. обращено внимание на то, что выслуга установленного срока со дня последней награды и другие подобные «правила» награждения есть только второстепенные условия для получения ордена и не могут быть основанием для представления к нему, равно как и добросовестное выполнение поручений, не выходящих за пределы круга должностных обязанностей. Ордена полагалось испрашивать только за особые отличия или заслуги, которые и должны были подробно описываться в представлении. С 1826 г. представления к наградам положено было делать раз в году — после инспекторских смотров (за исключением особых случаев).

Существовало положение, по которому офицеры, которым были занесены в формулярные списки взыскания («штрафы»), после 3 лет безупречной службы могли представляться к снятию их с исключения из формулярного списка. Однако в 1837 г., поскольку «проступок, единожды сделанный, уничтожить невозможно и показывать не находившимся в штрафах того, кто сему подвергся, несообразно с истиною», было предписано из списков взыскания не исключать, но в виде награды возвращать преимущества, которые терялись лицом, подвергнутому взысканию.

Награды жаловались в порядке постепенности — от низших степеней орденов и более младших орденов к высшим степеням и более старшим орденам. Существовало также положение, по которому (за исключением боевых подвигов) для получения следующей награды должно было пройти не менее 2 лет со дня получения предыдущей, а если за это время был получен следующий чин на вакансию, то 3 года. Это относилось к наградам любого рода — чинам, подаркам, орденам и др. По утвержденному в 1859 г. Положению о наградах по службе предусматривалось 8 видов наград: Высочайшее благоволение, чины, ордена, назначение аренд и пожалование

земель, подарки от Высочайшего имени, единовременные денежные выдачи, перевод в гвардию и другие части войск, имеющие преимущество в чинах, золотое оружие. Междунаградный срок оставлен был в 2 года, но он не применялся в случае получения чина за выслугу лет и на вакансию, ордена по статуту (т. е. за конкретные отличия, предусмотренные статутом данного ордена) и боевых наград. Следующий чин в виде награды за отличие по службе можно было получить по выслуге в предыдущем обер-офицерам — 3, а штаб-офицерам — 5 лет, а за особые отличия — 2 и 3 лет соответственно, за боевые подвиги в составе части — 1 и 2 лет, а за личные подвиги — без срока (но из полковников в генерал-майоры — только по Высочайшему усмотрению). Перевод офицеров в гвардию в качестве награды применялся только за военные заслуги (за служебные отличия в мирное время переводились только офицеры артиллерии, служащие в технических артиллерийских заведениях, и офицеры образцовых войск).

В дальнейшем Положение 1859 г. подверглось некоторым изменениям (в частности, в 1862 г. отменены награды за неимение в части бежавших солдат). С 1874 г. междунаградный срок увеличился с 2 до 3 лет и одновременно введена пропорция награжденных к общему числу офицеров части. При этом существовало 4 вида нормы: для центральных и штабных управлений (а также всех генералов) это соотношение составляло 1:6 для офицеров и 1:20 для военных чиновников, для специальных подведомственных учреждений и специальных войск — 1:12 и 1:40, для прочих подведомственных учреждений и полевых войск — 1:24 и 1:40, для лиц военно-учебной службы — 1:8 и 1:8. Для наград «вне правил» на все военное ведомство было выделено 114 наград в год, распределяемых военным министром. Один и тот же офицер не мог получать награды «вне правил» два раза подряд.

Офицеров, занимавших должности военных чиновников, производить за отличие в следующий чин можно было только в том случае, если новый чин не был по классу старше положенного для этой должности (желающих повышения переводили в строй или отчисляли от должности с зачислением «по армии»), а строевые офицеры могли повышаться в чине за отличие, даже если в этом случае образовывался сверхкомплект офицеров данного чина. Полковников, назначаемых на генеральские должности, в 1893 г. было повелено представлять к производству в чин генерал-майора по выслуге междунаградного срока в счет нормы наград (генералов с 1883 г. не разрешалось включать в дополнительные награждения по нормам, ибо днем их награждения определено было 30 августа — один раз в год, а «вне правил» они могли награждаться в любое время).

В 1893 г. определен порядок отсчета старшинства (срока) к следующей награде: за личный подвиг — со дня его совершения, за отличие во время войны — со дня подписания грамоты императором или указа его Капитулу орденов о пожаловании ордена (если пожалование состоялось после войны, то считали срок со дня ее окончания). Еще в 1886 г. для представления по всем наградам была выработана единая форма наградного листа, включавшая следующие графы: I — 1) должность, чин, имя, отчество и фамилия; 2) когда родился (число, месяц и год); 3) из какого звания происходит; 4) где воспитывался и окончил курс; 5) какого вероисповедания; 6) сколько времени в офицерском звании, настоящем чине и должности; 7) какие имеет ордена и знаки отличия беспорочной службы и когда ими награжден; 8) сколько получает в год жалованья и прочего содержания; 9) был ли под судом, в штрафах и когда, за что именно, чем дело кончено; II — когда и какую получил последнюю награду; III — мнения начальников по представлению.

Ордена

Офицеры в России награждались орденами Андрея Первозванного, Александра Невского, Белого Орла, Георгия, Владимира, Анны и Станислава. Первые три высших ордена имели только одну степень, а остальные — по четыре. Награжденные носили знаки орденов — кресты (а кавалеры 1-й степени — и звезды). К орденам Андрея Первозванного, Александра Невского и Анны 1-й и 2-й степеней в качестве дополнительной награды могли жаловаться алмазные украшения, а в 1828–1874 гг. к орденам Анны (1-й и 2-й степеней) и Станислава (2-й степени) — изображения императорской короны.

К орденам (Владимира 4-й степени и Анны 3-й степени), полученным за боевые заслуги, полагался бант, а с середины XIX в. ко всем орденам, полученным за боевые заслуги, присоединялись два скрещенных меча. До 1870 г. при получении более высокой степени ордена знак более низкой степени не носился, но если знак младшей степени был получен за боевое отличие, то, чтобы указать на его наличие, мечи такого ордена присоединялись к знаку старшей степени, но проходили не через центр, а располагались на верхнем луче креста (и в верхней части звезды); с 1870 г. все ордена с мечами продолжали носиться и при наличии старших степеней этих орденов.

Знаки (кресты) 1-й степени носились на широкой ленте через плечо (Андрея Первозванного — голубой, Александра Невского — красной, Белого Орла — синей, Георгия — черно-желтой, Владимира — красной с широкими черными полосами по краям, Анны — красной с тонкими

золотыми полосками по краям, Станислава — красной с двумя белыми полосами с каждого края), а звезда — на левой стороне груди (ордена Анны — на правой). Кресты орденов 2-й степени носились на шее (орденам Георгия и Владимира были положены звезды и при 2-й степени), а 3-й степени (кроме орденов Георгия и Владимира, знаки которых носились на шее) — на груди. Знак ордена Анны 4-й степени носился на холодном оружии.

Орденская система в России прошла несколько этапов в своем развитии. Два высших ордена появились в первой четверти XVIII в. Первый орден — Святого Апостола Андрея Первозванного был учрежден Петром I в 1698 г. Он представлял собой крест голубой эмали, наложенный на черного орла — государственный герб; девиз ордена — «За веру и верность». Этот орден навсегда остался высшим орденом империи (за все время его получили немногим более тысячи человек). Орденом Св. Александра Невского (учрежден в 1725 г.) первые награждения были произведены после смерти Петра Екатериной I. Это был по значению второй орден после Андрея Первозванного. Знак его — красный крест с золотыми орлами между лучами и изображением Св. Александра Невского в центре, девиз — «За труды и отечество». Задумывался он как чисто военный орден, но с самого начала стал выдаваться и гражданским лицам. Оба ордена вручались лишь высшим чинам.

Следующий этап связан с учреждением при Екатерине II двух орденов для награждения чинов всех рангов. В 1769 г. учрежден Военный Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия — белый эмалевый крест с изображением в центре Св. Георгия. Девиз его — «За службу и храбрость». В отличие от других орденов (звезды которых были восьмиконечными) орден Георгия имел четырехконечную звезду. Он вообще стоял особняком среди российских орденов. Это чисто военный орден, которым награждались только офицеры и только за выдающиеся боевые подвиги (поэтому в отличие от других орденов он никогда не имел бантов и мечей, указывавших на военный характер заслуг награжденного), и считался самой почетной наградой в России. 1-ю степень ордена имели за все время только 25 человек, в числе которых — все выдающиеся русские полководцы. Очень редки были и награждения 2-й и 3-й степенью этого ордена.

Орден Святого Равноапостольного князя Владимира учрежден в 1782 г. и предназначен для награждения как военных, так и гражданских чинов. Знак его представлял собой красный эмалевый крест с изображением Св.

Владимира в центре, девиз ордена — «Польза, честь, слава». Орден 4-й степени, если он получен за военные заслуги, выдавался с бантом (первым такой орден получил в 1788 г. известный русский флотоводец адмирал Д. Н. Сенявин).

В самом конце XVIII в. (1797 г.) Павел I отменил награждение орденами Георгия и Владимира. В том же году в орденскую систему был окончательно введен орден Св. Анны. Этот орден, пришедший из-за границы, имел тем не менее «русское» происхождение. Его учредил Карл-Фридрих, гольштейн-готторпский герцог в 1735 г. в память своей незадолго до того умершей жены — Анны Петровны, дочери Петра I. (Награждения орденом стали эпизодически практиковаться уже с 40-х гг. XVIII в. после прибытия в Россию наследного принца, будущего Петра III.) Орденский знак — красный крест с золотыми украшениями между лучами. В 1798 г. началось награждение еще одним орденом — Св. Иоанна Иерусалимского (в виде белого мальтийского креста) — в связи с принятием Павлом I звания Великого магистра этого ордена, но со смертью Павла награждение им было прекращено (а затем запрещено и носить знаки этого ордена).

Наконец, еще два ордена были введены в российскую орденскую систему в 1831 г. Это польские ордена Белого Орла и Св. Станислава (с 1815 г. до 1831 г. после присоединения Польши к России они выдавались только уроженцам Польши). Знак ордена Белого Орла представлял собой красный крест с белой каймой и раздвоенными концами и белым орлом, наложенный на двуглавого российского гербового орла с большой императорской короной наверху, а Станислава — красный эмалевый крест с раздвоенными концами и золотыми двуглавыми российскими орлами между лучей.

С 1812 г. главнокомандующий армией получил право самостоятельно награждать за важнейшие подвиги орденами Владимира 4-й степени и Анны 2-й и 3-й степени. Награждение орденом Георгия 4-й степени производилось по согласию думы, собираемой из наличных в дивизии георгиевских кавалеров. После обсуждения кавалерской думой подвигов представляемых к этому высшему военному ордену офицеров грамота на орден передавалась командованием на Высочайшее утверждение, следовавшее в виде рескрипта. Вообще рескрипты, которые выдавались награжденным орденами и золотым оружием, в случае утери могли заменяться: состоящим на службе они выдавались Капитулом орденов через военного министра, а отставникам — непосредственно Капитулом. После смерти кавалера орденские знаки должны были немедленно

отсылаться в Капитул с указанием даты кончины.

Награждение высшим военным орденом Святого Георгия в 1801 г. было вновь возобновлено. Оно осуществлялось по статуту или по личному усмотрению императора за боевые заслуги. Однако орден Георгия (4-й степени) в 1801–1855 гг. мог выдаваться и за выслугу 25 лет беспорочной полевой службы (из этого срока исключалось время нахождения в отпусках, на некоторых нестроевых должностях, в гарнизонных частях в мирное время и т. п.; были и некоторые другие ограничения). В 1816 г. предписано, чтобы и внешний вид ордена Георгия за 25 лет выслуги отличался от полученного за боевые подвиги (надписью «25 лет»).

Орден Святого Владимира (упраздненный и восстановленный одновременно с орденом Георгия), полученный за военные подвиги (в этих случаях он давался «с бантом» — для ношения в петлице), сокращал на 3 года 25-летнюю выслугу к ордену Георгия. Лица, хотя бы однажды неаттестованные к повышению в чине, вносились в списки представляемых к орденам Георгия и Владимира только с особого Высочайшего разрешения.

Орден Св. Анны был в 1815 г. разделен вместо трех на четыре степени: 1-й — для ношения ленты через плечо со звездой, 2-й — для ношения на шее, 3-й — для ношения в петлице и 4-й — на шпаге. Этот орден давался, как и орден Владимира, и за военные подвиги, и за выслугу 35 лет (в последнем случае представление шло через Военную коллегию).

Офицеры русской армии, награжденные иностранными орденами, имели право их носить с Высочайшего разрешения, но испрашивать ордена у иностранных держав, минуя российское правительство, категорически запрещалось. В 1823 г. было предписано провести регистрацию офицеров, имеющих прусские ордена (таких после войны 1813–1814 гг. было довольно много), и после смерти их отсылать ордена в Инспекторский департамент Военного министерства. По правилу 1827 г. офицеры, награжденные иностранным орденом (и другими знаками отличия), доносили об этом по команде и испрашивали Высочайшего разрешения на его ношение.

Порядок награждения русскими орденами по представлению начальства с утверждением монархом применялся для всех степеней этих орденов, кроме 1-й (Св. Владимира — 1-й и 2-й). Пожалование высших степеней орденов осуществлялось только по личному усмотрению императора, представлять к ним ни один начальник права не имел. К высшим орденам в качестве дополнительной и самостоятельной награды могли жаловаться алмазные знаки.

В 1833 г. утвержден новый статут ордена Св. Георгия, согласно которому представления к орденам 3-й и 4-й степени должны быть сделаны не позднее 2 недель после совершения подвига и рассматривались думой при главной квартире в составе не менее 7 человек (решение принималось $\frac{2}{3}$ голосов). Что касается получения этого ордена за выслугу 25 лет в офицерском звании (считая службу не ранее 16-летнего возраста), то срок этот убавлялся на 3 года — имеющим орден Св. Владимира 4-й степени с бантом или золотые кресты за Прейсиш-Эйлау и Базарджик, на 2 года — получившим орден Анны 3-й степени с бантом и золотое оружие, на 1 год — орден Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и на полгода — получившим Высочайшее благоволение.

В 1845 г. принят новый статут ордена Св. Владимира, которым офицера награждали как за боевые заслуги (в этом случае и на звезде, и на кресте ордена помещались два скрещенных меча), так и за выслугу 35 лет в офицерских чинах (считая с 16-летнего возраста) с надписью «35 лет» (участвовавшие в боях и походах получали его после 25 лет выслуги с соответствующей надписью и бантом). Награждения орденом за выслугу 35 лет (без банта) разрешалось просить самому офицеру, имеющему на это право (с представлением послужного списка), к ордену с бантом представляло только начальство. Представления поступали в думу из 12 старших кавалеров каждой степени ордена, находящихся в Петербурге, раз в год — в начале сентября. К 22 сентября (день, установленный для награждения этим орденом) списки подносились на утверждение императора.

В 1828 г. к ордену Св. Анны 3-й степени (как и к ордену Владимира 4-й степени) был присоединен бант для награждения за военные заслуги. В следующем году статут ордена был обновлен (при новом издании в 1845 г. он не претерпел серьезных изменений): для награждения орденом (при сохранении ранее изданных правил) требовалось беспорочно прослужить 15 лет. Тогда же было установлено, что при награждении орденом 4-й степени кроме знака ордена на шпажной чашке помещается еще надпись «За храбрость».

В мирное время офицеры награждались этим орденом, между прочим, за сохранение за вверенной им частью первой степени исправности на инспекторских смотрах 3 года подряд, за исполнение сделанного поручения с особой точностью, так что оно «принято будет основанием к извлечению значительной пользы или к пресечению злоупотребления», за сохранение здоровья нижних чинов в такой степени, чтобы убыль людей 2 года подряд не превышала: 1 умершего на 200 человек в год, 1 выписанного за

неспособностью в гарнизонные войска на 100 человек и 1 выписанного на инвалидное положение на 50 человек (при этом, если в продолжение 3 лет не окажется нарушений воинской дисциплины и спокойствия между жителями, а число бежавших не превысит 1 из 100 в год), за сохранение здоровья рекрут (до 1865 г.), если при сопровождении партии их более 1000 человек не окажется умерших, бежавших или значительного числа оставленных в госпиталях.

В 1831 г., как уже говорилось, к российским орденам были присоединены польские ордена Белого Орла (ниже ордена Александра Невского) и Св. Станислава (ниже ордена Св. Анны). Орден Белого Орла статута не имел и жаловался по усмотрению монарха, а статут ордена Св. Станислава был издан в 1839 г. (4-я степень по нему была отменена) с общими правилами награждения как военных, так и гражданских лиц. В 1845 г. было повелено не представлять никого к орденам Св. Станислава 2-й и 3-й степени (это правило действовало до Крымской войны).

За пожалованные ордена награжденные должны были вносить определенную сумму денег (до 1840 г. ассигнациями, а с 1840 г. в рублях серебром): за орден Андрея Первозванного — 240 руб., Александра Невского и Владимира 1-й степени — 180, Белого Орла — 150, Станислава 1-й степени — 90, Анны 1-й степени и Владимира 2-й степени — 60, Станислава 2-й, Анны 2-й и Владимира 3-й степени — 30, Анны 3-й степени — 18, Станислава 3-й степени — 15, Владимира и Анны 4-й степени — 9 руб. За орден Анны 1-й степени с императорской короной (введена в качестве дополнительной награды в 1829 г.) — 75 руб., 2-й степени — 30, Станислава 2-й степени с короной — 30 руб. (До 1848 г. офицеры, награжденные орденами Анны 2-й (без короны), 3-й и 4-й степени, от платы освобождались.) За орден Георгия плата не назначалась. Кроме того, офицеры, получившие орден, должны были платить за приложение к патенту государственной печати и изготовление патента в зависимости от своего чина. Более или менее заметные суммы платили только генералы, для офицеров же, особенно младших, плата была чисто символической.

Деньги эти предназначались на пенсии кавалерам орденов (после смерти кавалера в течение года пенсия выплачивалась его наследникам). Размер пенсий (по Табели 1843 г.) был следующим: кавалеры ордена Андрея Первозванного получали в год 1000 или 800 руб., Александра Невского — 700 или 500, Георгия 1-й степени — 1000, 2-й — 400, 3-й — 200 и 4-й — 150, Владимира 1-й степени — 600, 2-й — 300, 3-й — 150, 4-й — 100, Анны 1-й степени — 350 или 200, 2-й — 150 или 120, 3-й — 100 или 90, 4-

й — 50 или 40, Станислава 1-й степени—143, 2-й—115, 3-й — 86 руб. Пенсию получали, впрочем, не все обладатели орденов, а только наиболее нуждающиеся, зачисленные в комплект пенсионеров, который был сравнительно невелик (по ордену Владимира 1-й степени, например, 10 человек, 2-й — 20, 3-й — 30, 4-й — 60, по ордену Анны 3-й и 4-й степени — всего 360 человек).

Во время Крымской войны, в 1855 г., главнокомандующий получил право самостоятельно награждать офицеров также орденом Станислава всех степеней, кроме 1-й. Тогда же вышло постановление о том, чтобы ко всем орденам, жалуемым за военные подвиги (кроме ордена Георгия, который и так жаловался только за них), присоединять изображение двух скрещенных мечей, чтобы отличить их от полученных в мирное время. В связи с этим награждение орденами Владимира 4-й степени и Анны 3-й степени с бантом, который служил отличием такого же рода, что отныне мечи, было отменено (но в 1858 г. бант был восстановлен для офицеров и носился одновременно с мечами для отличия от орденов военных чиновников, которым за военные заслуги также жаловались ордена с мечами, но без банта). Ордена Анны с мечами носились и при получении впоследствии более высоких степеней этого ордена.

Положением о наградах 1859 г. установлено, что в мирное время к награждению орденами могут представляться офицеры чином не ниже поручика (в военное время — любого чина). Постепенность награждения орденами была следующей: Станислава 3-й степени. Анны 3-й степени, Станислава 2-й степени, тот же орден с императорской короной, Анны 2-й степени, тот же орден с императорской короной, Станислава 1-й степени, Анны 1-й степени, тот же орден с императорской короной. Имеющим уже старшие ордена (полученные за особые заслуги вне обычного порядка награждений), младшие не испрашивались (за исключением того, что можно было получать после Анны 3-й и 2-й степени Станислава тех же степеней с императорской короной). К ордену Владимира 4-й степени можно было представлять только за военные заслуги или по i статуту (он мог жаловаться и по Высочайшему усмотрению). Орден Анны 4-й степени — первая офицерская награда — выдавался только за военные подвиги офицерам любого чина (военным чиновникам — за отличия, оказанные под выстрелами). Полагавшийся к ордену темляк могли носить и офицеры, и военные чиновники, но надпись «За храбрость» на оружии полагалась только офицерам.

Для награждения орденами существовали ограничения по чинам. Ордена 1-й степени Станислава и Анны не могли получить офицеры в чине

ниже генерал-майора (чиновники — действительного статского советника, т. е. чина IV класса), 2-й степени — ниже капитана. За особые заслуги орден Анны 3-й степени обычно вручали армейским майорам (и им равным); Станислава 2-й степени — подполковникам — командирам батальонов, дивизионов и батарей (полковники в этих должностях получали сей орден с императорской короной); Анны 2-й степени — полковникам — командирам бригад, полков и отдельных батальонов (генерал-майоры в этом случае получали орден с короной).

Орден Владимира был, как видим, выведен из общей постепенности наград, не говоря уже о высших орденах, жаловавшихся по Высочайшему усмотрению. Что касается ордена Св. Георгия, то еще в 1855 г. установлено: при пожаловании более высоких степеней этого ордена знаки младших степеней (в отличие от других орденов) также продолжают носиться награжденным. При награждении орденом Георгия за 25 лет (или 18 морских кампаний) лицам, имевшим боевые заслуги, он выдавался с бантом, но те, кто в свое время уже получил его непосредственно за конкретный подвиг, за выслугу 25 лет им не награждались.

15 мая 1855 г. награждение орденом Георгия за выслугу 25 лет отменено, и с этого времени им награждали исключительно за военные подвиги. За 25 лет беспорочной службы (или 18 морских кампаний) стали награждать орденом Владимира 4-й степени с бантом. Порядок ходатайств о награждении был следующим: имеющий на это право подавал просьбу на Высочайшее имя; начальство прилагало послужной список офицера и подробный расчет службы его. Прошение подавалось с таким расчетом, чтобы к 1 мая оно было в Инспекторском департаменте, а к 1 августа — в Капитуле орденов. Вышедшие к этому времени в отставку прилагали к прошению также указ об отставке и свидетельство губернатора или предводителя дворянства о беспорочном образе жизни. Не имели права на получение ордена Владимира за выслугу лет офицеры, бывшие под судом или следствием и либо не получившие полного оправдания, либо оставленные в подозрении за недостатком улик, либо прощенные Высочайшим манифестом, либо те, у кого бытность под судом показана в послужном списке. Лишались права на орден и офицеры, которые были не аттестованы за время службы, удалены от должности, переведены за проступки на низшие должности или уволены со службы без обозначения причин.

В 1874 г. отменено награждение орденами Анны и Станислава с императорскими коронами. Орден Владимира, за исключением его 1-й степени, оставался орденом «генеральским», штаб-офицеры награждались

орденом Владимира 3-й степени сравнительно редко. В 1900 г. установлено, что к ордену Владимира 3-й степени могли представляться военные чиновники в чине не младше действительного статского советника, а из полковников, находящихся на должностях военных (и гражданских) чиновников, — только занимающие должность, положенную расписанием для статского советника (V класса, т.е. классом выше, чем чин полковника — VI). В 1902 г. разрешено представлять к нему и полковников в армии (занимающих должность не ниже положенной по штату для этого чина). Представление о практике награждения офицеров и военных чиновников орденами за 30–50-е гг. XIX в. дает таблица 51207.

Золотое оружие

Награждали золотым (в некоторых случаях — и с алмазными украшениями) оружием с надписью «За храбрость» с конца XVIII в. на тех же основаниях, что и орденами. Получившие его вносились в кавалерские списки. Для обер-офицеров такая награда была в начале XIX в. явлением совершенно исключительным. В 1812 г. главнокомандующий получил право награждать шпагами «За храбрость» самостоятельно. В 1849 г. установлены новые образцы золотого оружия: гривки эфесов положено было иметь золотые вместо обтянутых лаковой кожей. По положению 1859 г. золотое оружие могли получать за боевые отличия офицеры всех чинов, имеющие уже ордена Анны 4-й степени или Георгия 4-й степени. Офицеры получали его из Капитула орденов, а генералы (им золотое оружие выдавалось с алмазными украшениями) — из Кабинета Его Величества. С 1878 г. лица, имеющие право на алмазные украшения, при ношении золотого оружия без них могли носить темляк на георгиевской ленте и Георгиевский крест на эфесе; на эфесе для них также делалась надпись «За храбрость». Кавалеры ордена Анны 4-й степени с 1880 г. также имели право носить знак этого ордена и темляк на аннинской ленте на золотом оружии. Золотое оружие как награда стояло очень близко к ордену Св. Георгия (с 1807 г. удостоенные его причислялись к кавалерам этого ордена), и в 1913 г. оно стало официально именоваться Георгиевским оружием.

Офицерские знаки отличия и медали

В годы Северной войны офицеры — участники отдельных сражений, закончившихся победой русского оружия, награждались золотыми медалями, выбитыми в честь этих побед (в ряде случаев медали были одинаковыми для всех участников данного сражения). Известны, в частности, офицерские золотые медали за морские сражения при Вазе (1714 г.), при Гангуте (1714 г.), при Гренгаме (1720 г.), в память

Ништадтского мира (1721 г.). Во второй половине XVIII в. медали для всех участников сражений обычно были одинаковыми. За сражение при Кунерсдорфе, правда, командирам казачьих полков вручили особые медали (кроме того, во второй половине XVIII в. существовала традиция чеканить для командиров казачьих полков и старшин именные наградные медали, на которых кроме фамилии кратко указывалась и причина награждения). В конце XVIII в. для офицеров — участников особо знаменитых сражений вместо медалей учреждались особые знаки отличия в виде золотых крестов. Такими крестами награждены офицеры, участвовавшие в штурме Очакова (1788 г.), Измаила (1790 г.) и Праги — предместья Варшавы (1794 г.). На лицевой их стороне имелись надписи «За службу и храбрость», «За отменную храбрость», а на оборотной — даты взятия этих крепостей.

В начале XIX в. наряду с медалями и знаками отличия, общими для всех военнослужащих (за участие в конкретных войнах, сражениях), офицеры также продолжали награждаться некоторыми знаками отличия, вводимыми только для них. Обычно это касалось особо кровопролитных или замечательных сражений. Так, в 1807 г. всем офицерам — участникам сражения под Прейсиш-Эйлау, не получившим орденов Георгия и Владимира, но представленным к награде, выдан особый золотой крест на георгиевской ленте с надписями по кругу (на лицевой стороне — «За труды и храбрость», а на оборотной — «Победа при Прейсиш-Эйлау 27 сен. 1807 г.»). В 1810 г. для участников штурма турецкой крепости Базарджик, не получивших орденов, учреждены золотые кресты на георгиевской ленте с надписями «За отличную храбрость» (лицевая сторона) и «При взятии приступом Базарджика 22 мая 1810 года» (оборот).

К чисто офицерским наградам относится также выпущенная в 1826 г. медаль «В память Священного Коронования их Величеств», предназначенная для офицеров, участвовавших в церемонии коронации, и «Польский крест отличия за военные достоинства» (учрежден в 1831 г. одновременно с медалью в честь взятия Варшавы), предназначенный для офицеров — участников сражений во время польской кампании. Знак имел пять степеней, четыре из которых были офицерскими: 1-я — крест, звезда и лента через плечо (высшему генералитету до корпусных командиров включительно); 2-я — крест для ношения на шее (генералам и военным врачам в чине действительного статского советника); 3-я — крест золотой с эмалью для ношения на петлице (штаб-офицерам и военным врачам в чинах не ниже VIII класса); 4-я — крест золотой без эмали (обер-офицерам и военным врачам младших классов).

Еще одна чисто офицерская награда учреждена в 1896 г. Это была

серебряная медаль на ленте ордена Св. Александра Невского с изображением на лицевой стороне профиля Александра III с лавровой ветвью и надписью «Имп. Александр III», а на оборотной — короны с датами «1881» и «1894» и четырехконечного креста под ними. Этой медалью награждались офицеры и чиновники, состоявшие на действительной службе в период царствования Александра III. Кроме того, для офицеров императорской свиты при Александре II и Александре III учреждались особые нагрудные знаки в виде вензелей. Но подавляющее большинство медалей и нагрудных знаков было общим для всех военнослужащих (в том числе юбилейных и коронационных).

Офицерские медали и знаки отличались иногда материалом, цветом или небольшими деталями. То же относится к юбилейным и полковым знакам, во множестве появлявшимся в начале XX в., когда исполнялось много круглых юбилеев полков русской армии и сражений Северной войны и Отечественной войны 1812 г. Некоторые из них вручали только офицерам. Например, 26 января 1901 г. строевые офицеры Преображенского и Семеновского полков и 1-й батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады получили право носить учрежденный тогда же нагрудный знак в память 200-летия Нарвского боя. В 1902 г. учрежден юбилейный знак в честь 100-летия Пажеского корпуса, выдаваемый офицерам и учащимся (т. е. тоже будущим офицерам), и т. д.

Знак отличия беспорочной службы

Учрежден 22 августа 1827 г. и представлял собой квадратную сквозную пряжку из золоченого серебра с изображением дубового венка, в середине которого римскими цифрами обозначалось число лет службы в классных чинах. Офицерам знак выдавался на георгиевской, а чиновникам — владимирской ленте. Его назначала кавалерская дума этого знака за 15, 20, 25, 30 и так далее лет. О перемене знака по прошествии 5 лет следовало подавать прошение (пожалованные знаком первый раз выплачивали за знак, грамоту и устав 4 руб. 50 коп. в пользу Капитула орденов и за каждый новый знак — 3 руб.).

Никакие убавки срока выслуги (как при награждении орденами) не допускались. Зато препятствий к получению знака было довольно много: просрочки отпуска, слишком частые отпуска (если за год в отпуске был несколько раз, исключая отпуска для лечения ран и поправки подорванного на службе здоровья, срок получения следующего знака отсчитывался сначала, т. е. офицер, имевший знак за 15 лет, для получения следующего знака должен был служить не 5, а все 20 лет), аресты, штрафы и т. п. За выговор, внесенный в послужной список, вычитался год, за арест (с 1839 г.)

— 3 года. Не являлись препятствием к получению знака отличия беспорочной службы только кратковременные аресты, налагаемые командирами частей, и вообще все взыскания, налагаемые властью ниже командира отдельного корпуса.

С 1858 г. знак отличия беспорочной службы стал наградой очень редкой: выдавали его первый раз только за 40 лет службы, а затем — еще через 10 лет, так что получить знак могли лишь несколько десятков человек в год. Жаловали им ежегодно 22 августа. Выслуга считалась не ранее чем с 16-летнего возраста. Учитывая же, что большинство офицеров вступали в службу (с середины XIX в.) в возрасте около 20 лет, для получения знака надо было дожить, оставаясь на службе, до 60–70 лет.

Пожалование аренды, награждение подарками и деньгами.

Одной из форм наград было пожалование в аренду земель, практиковавшееся в отношении генералитета (в некоторых случаях аренда могла даваться вдовам генералов). Определенных правил на этот счет не существовало, и аренды давались в основном по просьбе генералов и сообразно с их заслугами. Применялись также разнообразные формы награждения офицеров деньгами: в виде единовременных выдач, пожизненных пенсионов, беспроцентных займов, принятия императором долгов данного офицера на себя и т. д. Эти выплаты могли производиться и родственникам убитых офицеров (например, матери убитого генерал-майора Кульнева, героя войны 1812 г., была назначена пенсия в 3000 руб.). Денежные награды давались и в мирное время за различные заслуги, иногда даже в размере годового жалованья.

Столь же нерегламентированным было награждение подарками из Кабинета Его Величества — алмазными перстнями с вензелем Высочайшего имени, золотыми часами, табакерками и т. п. Подарки могли даваться за удачное проведение сложной инспекции, постройку укреплений, выполнение различных поручений и т. д. Высшим офицерам жаловались также майораты и земли в вечное и потомственное владение (причем майоратные земли не могли отчуждаться ни в каком случае). Но эти пожалования были крайне редки. Гораздо большее распространение во второй четверти XIX в. имели аренды. В 1838 г. впервые встречается установление на этот счет некоторых правил (речь идет о предназначавшихся в аренду земель в Царстве Польском): генералам полагались в аренду земли с годовым доходом в 30 тыс. злотых, генерал-лейтенантам — в 20 тыс., генерал-майорам — в 10 тыс. и полковникам (а также подполковникам, командовавшим полками не менее 6 лет) — в 5 тыс. В 1840 г. офицерам ниже полковника аренды испрашивать было запрещено.

За новые заслуги аренда могла быть продолжена, но с 1852 г. к продолжению аренд подходили очень разборчиво, а предоставлять новые аренды уже получившим эту награду запрещалось.

В виде награды могло назначаться и особое прибавочное жалованье (с 1837 г.). Денежные выдачи с 1834 г. были несколько ограничены, неоднократно указывалось, что просить разовые пособия можно только по уважительным причинам.

Подарки, выдаваемые в виде награды от имени царя, к середине XIX в. разделялись на обыкновенные (по удостоению начальства) и на назначаемые лично императором без чьего бы то ни было представления. Ценность обыкновенного подарка не должна была превышать жалованья данного офицера, стоимость же личных подарков императора не регламентировалась и бывала иногда очень значительной (в знак расположения к генералам и офицерам император мог в отдельных случаях жаловать драгоценности их женам). Подарки обоих видов могли по желанию награждаемых заменяться деньгами: за обыкновенные подарки — из сумм Военного министерства, за личные — из Кабинета Его Величества. Подарками с вензелем Высочайшего имени награждались офицеры не ниже полковника.

Положением 1859 г. награждать арендами (или продолжать их) могли по Высочайшему усмотрению или ходатайствам главнокомандующих, министров и главноуправляющих. Обыкновенный срок аренды составлял от 4 до 12 лет.

Порядок награждения подарками остался прежним; испрашивать следующей награды после получения подарка разрешалось через 1 год. Денежные награды не должны были превышать годового оклада жалованья (при получении двух окладов — по высшему из них), в особых случаях можно было испрашивать и выше годового жалованья, но не более годового содержания (суммы всех выплат — столовых, добавочных и т. д.) и за счет не Государственного казначейства, а средств Военного министерства. Срок следующей награды был также установлен в 1 год.

С 1871 г. под пожалованные аренды можно было брать ссуды в размере 6,5% из эмеритальной кассы и, таким образом, удерживая за собой землю, получать в случае необходимости денежную сумму.

Высочайшее благоволение

Благодарность от имени монарха объявлялась в тех случаях, когда отличия были недостаточны для награждения орденами. До 1807 г. она известна как выражение Высочайшего удовольствия. По указу 1807 г. (8 сентября) это поощрение (с того времени известное как Высочайшее

благоволение) стало связываться с убавлением срока выслуги к ордену Георгия для штаб-офицеров на 2 года, для обер-офицеров — 1 год. В 1839 г. постановлено, чтобы младшие офицеры (в чине от поручика и ниже) представлялись к чинам и орденам лишь за особые подвиги, а за успешные действия в пределах своих обязанностей им положено было объявлять Высочайшее благоволение. Этот вид награды встречается в первой половине XIX в. в виде «благоволения», «особенного благоволения», «благодарности», «совершенной благодарности», «признательности» и «удовольствия».

По положению о наградах 1859 г. Высочайшее благоволение убавляло 1 год выслуги к очередным чинам и орденам, что значительно повысило ценность этого поощрения. Достаточно сказать, например, что за неимение бежавших в течение определенного срока командир подразделения или части за первый такой срок получал годовой оклад жалованья, за второй — то же или следующий по порядку орден, а за третий — Высочайшее благоволение. С 1863 г. Высочайшее благоволение убавляло также 1 год из срока, установленного для выхода в отставку с мундиром и следующим чином.

* * *

Как показывают статистические данные, количество офицеров, награжденных орденами, во второй половине XIX в. ежегодно колебалось (за исключением военных лет) в пределах 2–3 тыс., знаков отличия беспорочной службы (после установления нового порядка награждения) выдавалось в год, как правило, не более 70, и от полутора до двух тысяч офицеров производились за отличие в следующий чин. На денежные награды уходило в год 0,5–1 млн. руб., а аренды исчислялись несколькими сотнями тысяч рублей. Исходя из среднегодовой численности офицерского состава в 30–40 тыс. человек, можно считать, что ежегодно наиболее существенные награды (чины и ордена) получали примерно 10% всех офицеров (правда, на обер-офицеров приходилось в среднем намного меньше наград, и соответственно этот процент существенно возрастал для генералов и штаб-офицеров). Данные об офицерских наградах за вторую половину XIX в. приводятся в таблице 52{208}.

Форма и знаки отличия

Офицерское обмундирование не отличалось принципиально от обмундирования солдат соответствующих родов войск и частей. Различия сводились в основном к отделке некоторых элементов форменной одежды и наличию специфических деталей обмундирования. Воинская форма (особенно в частностях) менялась весьма часто и была довольно

разнообразна по родам войск и полкам (начало и середина XIX в. отличаются, пожалуй, наибольшим количеством нововведений и вариаций в этом отношении), но все-таки можно выделить около десятка основных этапов в ее развитии.

Со времен создания регулярной армии обмундирование состояло из мундира в виде кафтана, камзола, штанов, чулок, башмаков (для похода — сапог), шляпы-треуголки и короткого плаща-епанчи. Воротники и обшлага были разного цвета в зависимости от рода войск и части. Офицерская форма отличалась золочеными пуговицами (вместо медных), золотым галуном на воротнике, обшлагах и краях карманов и шарфом. Офицерский шарф (из красных, синих и серебряных нитей) носился через правое плечо и завязывался на левом бедре двумя кистями — у обер-офицеров из серебряной, у штаб-офицеров — золотой нити. В пехоте мундиры были традиционно зелеными, у драгун — до 1775 г. синими, а затем тоже зелеными. С 1756 г. в инженерных войсках в отличие от прочих галун и пуговицы у офицеров стали серебряными. В середине XVIII в. покрой мундира несколько изменился: полы кафтана стали заворачиваться и пристегиваться на пуговицах, а затем превратились в наглухо пришитую отделку скошенных книзу фалд; камзол, постепенно укорачиваясь, превратился в жилет. Треуголка сменилась на двуугольную шляпу. Кирасиры носили колеты, гусары — мундир, украшенный рядами шнуров (доломан), верхнюю куртку с таким же украшением, обшитую по краям мехом (ментик), рейтузы с узором (чакчиры) и меховую шапку.

С 30-х гг. XVIII в. на левом плече носился эполет в виде плетеного плоского жгута из металлической нити, в середине XVIII в. к нему добавился аксельбант на правом плече из плетеного (золотого и серебряного) шнура в виде двойной петли и двух шнуров с металлическими наконечниками. Однако не эти элементы одежды представляли собой знаки различия офицеров по чинам. Данную роль с самого начала XVIII в. выполнял шейный знак в виде широкого полумесяца — серебряный у обер-офицеров и золоченый у штаб-офицеров — с ободком по краю и орлом в центре.

Чин	Поле знака	Ободок	Орел
Полковник	Золоченое	Золоченый	Золоченый
Подполковник	>>	Серебряный	Золоченый
Майор	>>	Золоченый	Серебряный
Капитан	>>	Серебряный	Серебряный
Штабс-капитан	Серебряное	Золоченый	Золоченый
Поручик	>>	Серебряный	Золоченый
Подпоручик	>>	Золоченый	Серебряный
Прапорщик	>>	Серебряный	Серебряный

Знак носился на черной ленте с оранжевыми краями. В гвардии знаки были более широкими. С1764 г. штаб — и обер-офицеры различались также по ширине галуна. Особая генеральская форма с регламентацией по украшениям на мундире была введена в 1764 г. (до того мундиры генералов расшивались галуном произвольно) и состояла из зеленого (синего) кафтана, красных камзола и штанов. По чинам они различались вышивкой по борту кафтана:

бригадир — один ряд лавровых листьев, генерал-майор — два таких ряда, составляющих гирлянду, генерал-лейтенант — две такие гирлянды, генерал-аншеф — две с половиной гирлянды. Мундир генерал-фельдмаршала расшивался еще по швам рукавов и по швам кафтана на спине{209}.

В 1783 г. для всей армии введена удобная и простая форма в виде короткой куртки, камзола, штанов, сапог, плаща-епанчи и кожаной каски с поперечным гребнем. При Павле I ее сменили длинные темно-зеленые кафтаны, короткие палевые жилеты и длинные шинели. Форма частей почти не различалась, но цвета приборного сукна на воротниках, обшлагах и лацканах были очень разнообразны. Офицеры были обязаны носить трости, а младшие офицеры в строю — эспантоны (копья с широким лезвием), отмененные только в 1807 г.

В самом начале XIX в. военная форма очень изменилась. Павловские кафтаны в 1801–1802 гг. сменил темно-зеленый двубортный мундир фрачного покроя с очень высоким (до 11 см сзади) стоячим воротником, узкие белые панталоны, заправленные в сапоги; с 1803 г. в качестве головного убора был введен кивер (с 1811 г. к нему добавилась фуражка с козырьком). Офицерам полагалась также шинель серого сукна с пелериной. Кирасиры носили белые колеты, драгуны — двубортный зеленый мундир, уланы — синие куртки и шапки-конфедератки, казаки — темно-синие

однобортные кафтаны (чекмени), гусары — - доломаны, ментики, чакчиры. С 1809 г. офицерский гардероб пополнился темно-зеленым сюртуком до колен с двумя рядами по 6 пуговиц и воротником и обшлагами по цвету прикладного сукна (гусары вне службы также носили двубортный темно-зеленый вицмундир с красным воротником и обшлагами).

В 1801–1802 гг. для офицеров введены погоны, обшитые по краю золотым галуном, и поясной шарф с кистями. В 1807 г. введены эполеты (в гвардии до 1809 г. на правом плече вместо эполета носился аксельбант). В гвардии и кавалерии поле эполет было парчовым — по цвету металлического прибора (золотым или серебряным), а в остальных частях — суконным различного цвета. Клапана эполет обшивались узким галуном цвета металлического прибора, а поля оплетались двойным рядом витого жгута толщиной около 2 см (у артиллеристов и инженеров жгут был особой формы). На эполетах обозначался номер части. У обер-офицеров эполеты были без бахромы, у штаб-офицеров — с бахромой из тонкого, а у генералов — из толстого жгута. Генералы с 1808 г. имели на воротниках, обшлагах и клапанах мундиров особое золотое (серебряное) шитье в виде дубовых листьев. Офицеры трех старейших гвардейских полков, свиты, службы Генерального штаба, казачьих войск имели на воротниках и обшлагах шитье особого рисунка для каждого из них.

Униформа и снаряжение офицеров русской армии

В 1826 г. все рода войск, кроме кавалерии, получили однобортные мундиры с 9 пуговицами и красной выпушкой и вместо темно-зеленых панталон (еще раньше сменивших белые) с кожаными крагами на пуговицах — того же цвета прямые брюки с выпушкой по внешнему шву; в кавалерии введены были серые рейтузы с цветной выпушкой. В 1837 г. вводится новый тип поясного офицерского шарфа на твердой подкладке с пряжкой, застегивающейся на левом боку (где прежде завязывался шарф). В 1844 г. кивера заменяются на кожаные лакированные каски (с султаном при парадной форме), с этого же года на офицерских фуражках впервые появляется овальная кокарда.

Принципиальные изменения происходят в николаевскую эпоху в знаках различия. Впервые чин начинают различать с помощью звездочек на эполетах. Прапорщики носили 1 звездочку, подпоручики, майоры и генерал-майоры — 2, поручики, подполковники и генерал-лейтенанты — 3, штабс-капитаны — 4; у капитанов, полковников и полных генералов звездочек не было совсем (форма эполет обер-офицеров, штаб-офицеров и генералов была, как уже указывалось, разной). У гусарских офицеров разница в форме эполет (которых у них не было) заменялась разницей в

ширине галуна на воротнике и обшлагах, а звездочки — гомбочками (кольцами) на плечевом шнуре. В 1854 г. впервые появляются офицерские галунные погоны (на походную шинель) с одним просветом у обер-офицеров, двумя — у штаб-офицеров и зигзагами у генералов (со звездочками по чину).

С воцарением Александра II в 1855 г. были введены новые мундиры в виде полукафтанов — двубортные — с двумя рядами по 6 (в гвардии и у генералов — 8) пуговиц (для генералов — красные рейтузы с золотыми лампасами). Вскоре появился такой же формы вицмундир. Шарф стал носиться без концов с кистями, а каски были заменены на особой формы кивера — суженные кверху и скошенные сзади — на французский манер. Офицеры получили плащ-пальто серого сукна (к которому зимой разрешалось пристегивать черный смушковый воротник) — двубортное, на 6 пуговиц с отложным воротником и с такими же погонами, как до того были на шинелях. Генеральские пальто были с цветной подкладкой и выпушками. Галунные погоны носили теперь и на вицмундирах. На воротники и обшлага мундиров все офицеры получили галунные петлицы. В 1862 г. вместо киверов повсеместно введены кепи. В 1872 г. вместо двубортных введены однобортные темно-зеленые мундиры на 8 пуговиц (кроме мундиров лацканного типа и гусарских доломанов) и кепи нового образца — твердой формы (близкой к образцу киверов 1855 г.) и без околышей.

В 1874 г. всем бригадным, полковым и батальонным адъютантам были даны аксельбанты (цвета металлического прибора); вольноопределяющиеся получили погоны с окантовкой из крученых шнуров бело-черно-оранжевого цвета. Вообще в 50–70-е гг. количество изменений в форме одежды отдельных родов войск и частей (особенно в гвардии и кавалерии) огромно, происходят они часто. К тому же в этот период было очень много видов форм: воскресная, городская парадная, городская обыкновенная, городская праздничная, походная парадная, походная праздничная, походная обыкновенная, различные служебные и т. п. На караул, дежурство, другие виды деятельности (равно как на бал, в театр и т. п.) офицер должен был являться в строго оговоренной форме, что создавало немалые неудобства ввиду многочисленности различий в деталях одежды в каждом таком случае.

При Александре III форма значительно упростилась, хотя и потеряла в красоте. В 1881–1882 гг. для всей армии были введены темно-зеленые мундиры в виде куртки с запашным бортом на 5 крючков (вместо пуговиц), такого же цвета шаровары (в кавалерии — серо-синие) с красной

выпушкой, заправленные в высокие сапоги, а в качестве головного убора — круглая черная мерлушковая шапка с плоским суконным верхом (высотой 10 см). На воротнике и обшлагах у офицеров имелись шитые золотые (серебряные) петлицы. Кроме мундиров офицерам был оставлен и сюртук, покрой которого с 1809 г. почти не изменился.

С этого времени существовало три вида формы: парадная, обыкновенная и сюртук. Парадная включала мерлушковую шапку (в южных округах — Одесском, Кавказском и Туркестанском — фуражку), мундир с орденами и эполетами, шарф и шаровары, заправленные в сапоги. Обыкновенная представляла собой тот же самый мундир, но с погонями или эполетами и фуражкой, в городском расположении — всегда с холодным оружием; вне строя и службы при сюртуке разрешалось надевать серые перчатки, шаровары носить поверх сапог. Аксельбанты (кому они положены) с сюртуком можно было не надевать.

Парадную форму следовало надевать в дни восшествия на престол, коронации, рождения и тезоименинства Их Величеств и наследника, в Новый год, первый день Св. Пасхи и первый день рождества Христова. Она также надевалась на Высочайших выходов во дворце, смотрах и парадах в городах в присутствии высшего начальства, при представлении членам императорской фамилии и своему начальству по важнейшим поводам (в связи с производством в следующий чин, наградой, новым назначением, командировкой и отпуском), при церковных парадах в дни полковых праздников, при освящении знамен, присяге, на приемах в иностранном посольстве и при присутствии на брачной церемонии в роли жениха или шафера. Обыкновенная форма носилась на учениях и разводах в присутствии высшего начальства, на публичных торжественных собраниях, балах и обедах, при представлениях начальству по другим поводам, на официальных молебствиях при освящении церквей и т. п., при вызове в суд, в дни полковых праздников и при посещении театров и концертов в дни основных государственных праздников (дней восшествия на престол и коронации Их Величеств). В карауле и на дежурстве по полку, смотрах и парадах, лагерных сборах и представлениях начальству обыкновенная форма надевалась с шарфом.

Сюртук разрешалось носить при посещении театров в обычные дни. на концертах, гуляньях и т. п., в учреждениях, управлениях, на полковых занятиях, а также вне службы в любых случаях. Сюртук с эполетами и брюками на выпуск обычно служил визитной формой. На погребении воинских чинов (хотя бы и солдат) была обязательна парадная форма, гражданских лиц и женщин — обыкновенная.

В конце XIX в., при последнем царствовании форма вновь сделалась более нарядной. В 1897 г. новую форму — двубортные приталенные мундиры на 6 пуговиц (слегка расходящиеся к плечам) с цветными выпушками по воротнику, борту, обшлагам и карманам Получила кавалерия Прикладные цвета полков были унифицированы: первые полки дивизий имели красный цвет прикладного сукна, вторые — светло-синий, третьи — белый (четвертыми полками в кавалерийских дивизиях были казахи). Металлический прибор (золотой или серебряный) чередовался по дивизиям.

В 1907 г. проведена общая реформа военной формы. Летнее походное обмундирование стало защитного цвета (зеленовато-серое): фуражки с козырьками, однобортные кители на 5 пуговиц с накладными карманами на груди и боках (до того кители были белые двубортные) и шаровары (в кавалерии оставлены серо-синие рейтузы с цветными выпушками, а казакам — синие шаровары с лампасами по цвету войска). Тогда же, в 1907–1908 гг., новые мундиры (схожие с кавалерийскими, но несколько более длинные получили все остальные рода войск. Генералам возвращено традиционное шитье в виде дубовых листьев (замененное с 1882 г. широким галуном с зигзагом на воротнике и обшлагах).

Кроме того, были возвращены прежняя форма и наименования всем гусарским и уланским полкам (в 1882 г. все они преобразованы в драгунские) и прежняя форма гвардейским полкам (мундиры лацканного типа, отмененные в 1882 г.). Каждый гвардейский полк получил индивидуального рисунка шитье на воротнике и обшлагах В 1909 г. в гвардии, военно-учебных заведениях, Генеральном штабе и для генералов при парадной форме введены кивера по типу носившихся в 1812 г., но меньшей высоты. С 1909 г. на погонах пехотных офицеров стал обозначаться номер полка, а не дивизии, как до того

В 1913 г. для всей армии, кроме кавалерии, введена новая парадная форма — в виде дополнений к основной. На офицерский китель поверх матерчатого воротника настегивался парадный воротник и золотым (у инженеров — серебряным) шитьем, погоны заменялись эполетами, а на грудь на крючках пристегивался цветной лацкан с пуговицами (первые полки пехотных дивизий имели красный цвет вторые — светло-синий, третьи — белый, четвертые — темно-зеленый, гренадерские — желтый, стрелковые — малиновый, артиллерия и инженерные войска — черный бархатный с красной выпушкой).

Однако русским офицерам недолго пришлось носить ее. В 1914 г. всем им пришлось навсегда распрощаться с этой формой и надеть шинели

солдатского сукна, защитные кителя и гимнастерки с кожаными, роговыми или обтянутыми материей пуговицами. Вместе галунных золотых погон пришлось надеть полевые — также защитного цвета с такого же цвета звездочками и ленточками для обозначения просветов. С 1916 г. офицерское обмундирование стало весьма разномастным, так как его шили из материи любого защитного цвета (серого, коричневого и т. п.). Офицеры оставались обмундированы таким образом до конца существования русской армии.

Офицерам в России с XVIII в. запрещалось носить какую бы то ни было гражданскую одежду, находясь на действительной службе. Офицер всегда и во всех обстоятельствах должен был оставаться в военной форме. С 1826 г. носить вне службы гражданское платье стали разрешать только военным чиновникам, да и то лишь тем которые состояли на службе не в войсковых частях, а в управлениях и различных военных заведениях. При нахождении за границей напротив, русский офицер (кроме официальных случаев — в составе посольств, делегаций и т. п.) мог находиться только в гражданской одежде. Офицеры во второй половине XIX в., как правило, носили усы. По желанию они могли носить и бороду любого фасона (обычно следовали моде, принятой в данное время).

Награды носили на колодке на левой стороне груди — при однобортном мундире и в центре — при двубортном. На колодке медали размещались вслед за русскими орденами, а иностранные ордена — После русских медалей. Все орденские звезды (кроме ордена Св. Анны) размещались на левой стороне груди. На шее носились знаки .Орден Св. Георгия и Св. Владимира 2-й и 3-й степеней, Св. Анны В Св. Станислава 2-х степеней, а также Белого Орла и Александра Невского. Знаки всех орденов 3-й и 4-й степеней носились на колодке или в петлице. Ленты орденов Св. Анны, Св. Александра Невского и Белого Орла носились через левое плечо, а остальных орденов — через правое. Знаки об окончании военных академий и университетов носились на правой стороне груди, а полковые знаки, знаки кадетских корпусов и военных училищ — на левой.

Офицеры и гражданская служба

С первых десятилетий существования русской регулярной армии и практически во все периоды ее истории исполнение офицерами обязанностей гражданской службы было нередким явлением. Военная служба считалась в принципе более почетной и ответственной, и естественно, что ее кадры рассматривались как наиболее ценные и годные для использования и в других отраслях. И если офицер, занимающий строевую должность, всячески ограждался от исполнения несвойственных

ему обязанностей — административных, хозяйственных и т. п. во время несения им своей офицерской службы, то это не значило, что, оставив строевую должность, он не мог исполнять эти обязанности, находясь на соответствующей им должности.

Использование офицеров на должностях, предназначенных для «классных чинов», имело три аспекта: перевод офицеров на должности внутри самого военного ведомства, положенные по штату для военных чиновников, с переименованием в гражданские чины или без него (или на те, которые могли замещаться как офицерами, так и военными чиновниками); назначение офицеров действительной службы на гражданские должности вне военного ведомства; назначение отставных офицеров на должности в гражданском аппарате с переименованием в гражданские чины. Эти виды использования офицеров на гражданской службе не всегда применялись одновременно. В разное время отношение к некоторым из них менялось.

Впервые массовый характер это явление получило в начале 30-х гг. XVIII в., когда многочисленные награждения высокими чинами лиц, участвовавших в событиях 1730 г. (связанных с возведением на престол Анны Иоанновны), привели к перепроизводству штаб-офицеров и генералов. 14 ноября 1735 г. был издан указ о пожаловании отставных офицеров гражданскими чинами и назначении их в гражданские учреждения. Гражданскими чинами награждали офицеров при отставке без назначения на действительную гражданскую службу, для чего использовали даже гражданские должности, реально упраздненные в 1726–1727 гг., но оставшиеся в Табели в рангах. Например, гвардейский поручик (IX класс) при отставке мог получить чин вице-президента надворного суда (между чином и должностью тогда еще не было четкой грани) — VII класса, что соответствовало армейскому подполковнику. По названному же выше указу выходящие в отставку офицеры, поступая на гражданскую службу, жаловались следующим по классу чином, но не военным, а гражданским{210}.

В начале 60-х гг. XVIII в. практика перехода отставных офицеров со следующим чином в гражданский аппарат оставалась столь распространенной, что определением Сената 23 января 1761 г. для устранения конкуренции со стороны отставных офицеров гражданским чиновникам, изначально служащим в данном учреждении, предлагалось направлять отставных офицеров на службу в провинцию, а на вакансии в центральных учреждениях назначать их только при отсутствии претендентов из служивших там дворян{211}. (Эта мера преследовала цель

не отвратить совершенно дворянство от гражданской службы.)

После манифеста «О вольности дворянства» 1762 г. нашла распространение практика, когда офицеры, обретя возможность выходить в отставку по собственному желанию (а не по неспособности к военной службе) и получая при отставке следующий чин, при условии пребывания в предыдущем всего год, сразу же поступали в гражданские учреждения с новым чином, точнее — с соответствующим ему гражданским (при возвращении вновь на военную службу они могли поступать туда только с прежним чином, а не данным при отставке). Это было, однако, явным нарушением закона, поскольку, во-первых, воинские чины по общим принципам имели преимущество перед гражданскими, только пока они служили в армии, а во-вторых, было несправедливостью по отношению к тем офицерам, которые заранее заявили о своем желании уйти из армии на гражданскую службу (а таким по закону следующий чин давался в армии через три года выслуги в предыдущем чине). Поэтому в 1773 г. Сенат предложил строго соблюдать правила о выходе офицеров в отставку и, кроме того, «вступающих в статскую службу, хотя бы и с воинскими чинами, считать к произвождению с статскими наряду» с момента поступления в гражданские учреждения; для тех [офицеров, кто вышел в отставку с новым чином, прослужив в армии год с предыдущим, счет старшинства вести с гражданскими чиновниками после 2 лет{212}.

Таким образом, преимущество офицера во всяком случае заключалось в том, что он мог по желанию перейти на гражданскую службу, не теряя своего ранга (и даже быстрее продвинувшись по службе, так как даже 3 года выслуги в предыдущем чине в армии, необходимые для вступления в гражданскую службу следующим чином, были меньше, чем средняя выслуга в очередном чине на гражданской службе). Гражданские же чиновники при переходе в армию (если прежде уже не были офицерами) не только не сохраняли свой ранг, но не могли претендовать даже на первый офицерский чин, а должны были поступать унтер-офицерами или юнкерами.

К концу царствования Екатерины II на гражданской службе находилось весьма значительное число офицеров, сохранявших свои военные чины. Они занимали самые различные должности, но чаще всего служили городничими и членами судов различного уровня. При повышении в чине они, правда, получали, как правило, гражданские чины. Очень значительную часть губернаторов, сенаторов и других высших сановников составляли генералы. В это время из лиц, числящихся по гражданской службе, офицеры составляли в общей сложности среди чинов

VIII класса — до 40%, VII класса — 5–10%, VI класса — около 15%, V класса — около 40%, IV класса — около 40%, III класса — до 70%, I–II класса — примерно 50%. По гражданскому списку на 1796 г. например, насчитывалось 432 секунд-майора, 135 премьер-майоров, 76 подполковников (и им равных), 90 полковников, 147 бригадиров, 49 генерал-майоров; наконец, среди высших чинов числилось еще более 60 генерал-поручиков и генерал-аншефов. Таким образом, на гражданской службе находилась примерно 1 тыс. генералов и штаб-офицеров (при том что в армии их всего насчитывалось в то время 2,8 тыс.).

При Павле I для офицеров, переходящих на гражданскую службу, переименование в гражданские чины стало обязательным. В начале XIX в., до 30–40-х гг., это правило продолжало действовать. Тогда встречались случаи нахождения на гражданских должностях офицеров действительной службы, но лишь в виде исключения (менее 1 %) и только для части высшего генералитета — членов Государственного совета, сенаторов и генерал-губернаторов. Даже на должности в военном ведомстве, которые по штату должны были замещаться не офицерами, а чиновниками, отставные офицеры также назначались с обязательным переименованием в гражданские чины (прослужившие в последнем офицерском чине 3 года получали гражданский чин одним классом выше).

Офицеры, увольняемые «для определения к статским делам», получали тот чин, который был обозначен в Высочайшем приказе о таком увольнении. Если же в приказе чин не оговаривался, то офицер получал при увольнении следующий чин. При увольнении с гражданской службы бывший офицер мог быть снова переименован в военный свой чин только в том случае, если поступил туда прямо из войск и за время гражданской службы не повышался в чине, т. е. не получал следующего, более высокого гражданского чина, чем тот, который был ему дан при переименовании из офицеров. С 1839 г. полковники, прослужившие не менее 3 лет и увольняемые в отставку «для определения к статским делам», получали чин статского советника (V класса, т. е. на один класс выше), но гвардейские поручики и армейские капитаны — титулярного советника (чин того же IX класса), хотя бы они и прослужили более 3 лет, тогда как до 1839 г. капитаны получали чин коллежского асессора (VIII класса).

В царствование Николая I стало практиковаться назначение офицеров на гражданские должности с сохранением военных чинов. В 1849 г., например, было повелено замещать высокообразованными офицерами в чине от поручика до майора (прослужившими не менее 6 лет) должности воспитателей в Александровском лицее и Училище правоведения, в 1851 г.

в штате московской полиции 6 должностей частных приставов особенно многолюдных частей предписано было замещать офицерами. При этом еще с 1834 г. на все перемещения и назначения состоящих на гражданской службе офицеров требовалось разрешение императора. В этот период на гражданской службе находилось довольно значительное число офицеров.

Переводы офицеров в другие ведомства в это время не возбранялись, но были некоторые ограничения. Офицеры Генерального штаба вообще не могли переводиться, офицеры корпуса военных топографов, произведенные из нижних чинов и кантонистов, переводились по выслуге 10 лет. Обер-офицеры, переходящие в корпус лесничих, переводились теми же чинами, но со старшинством со дня перевода, а прослужившие менее 3 лет — с понижением в чине. Для перехода офицерами-воспитателями в Константиновский межевой институт надо было прослужить не менее 4 лет, при этом требовалось предварительное прикомандирование для испытания по службе в институте.

С 1859 г. офицеры, переходящие на гражданскую службу, в обязательном порядке переименовывались в гражданские чины со старшинством со дня получения последнего чина и не ниже прав по образованию; если же образование давало право на высший чин — то со старшинством со дня переименования. В 1866 г. было прекращено назначение офицеров и на должности в Министерстве внутренних дел (полицеймейстерами, городничими, исправниками и т. д.) с оставлением на военной службе.

В 1874 г. установлено, что офицеры, занимающие должности военных чиновников, могут повышаться в чине только при соответствии их должности классу нового чина. С 1882 г. офицеры действительной службы, имеющие постоянные обязанности в военном или гражданском ведомстве (и только в этом случае), могли зачисляться «по роду оружия». По положению 1884 г. те из них, кто занимал должности, на которые допускались и-офицеры, могли сохранять свои военные чины, а занимающих должности, предназначенные исключительно для чиновников, или зачисляли в запас (с оставлением на должности), или переименовывали в гражданские чины (т. е. в любом случае увольняли с действительной военной службы).

Прапорщики запаса, поступавшие на гражданскую службу, не пользовались правом автоматического переименования в соответствующий гражданский чин. Они получали тот гражданский чин, на который имели право по аттестату оконченного ими учебного заведения, ученой степени и званию. Иначе же поступали на службу на общих основаниях по

происхождению. Потому что чин прапорщика запаса, приобретаемый путем льготного экзамена, не признавался сопоставимым с их прежним чином прапорщика действительной службы, получаемым после полного офицерского экзамена.

Во второй половине XIX — начале XX в. штаб-офицеры и генералы занимали высокие должности и в гражданских ведомствах. Многие служили сенаторами и членами Государственного совета, генерал-губернаторами, губернаторами, вице-губернаторами, градоначальниками, начальниками областей и уездов (особенно в Средней Азии и на Кавказе). Часто это были офицеры, занимавшие в военном ведомстве административные должности «по военно-народному управлению» при командующих военными округами. К 1903 г. помимо Сената и Государственного совета в гражданских ведомствах служило 107 генералов²¹³. Согласно заявлению А. И. Гучкова в Государственной думе 17. 12 1908 г. на гражданских должностях (в том числе и в военном ведомстве — на должностях военных чиновников) состояло 810 пехотных капитанов (12% их общего числа), 560 кавалерийских ротмистров (52%), 810 подполковников (14%), 400 полковников (12%) и 206 генералов (14%), а всего — 2792 офицера от капитана и выше (или 15,4% общего числа офицеров этих чинов)^{214}.

От четверти до трети офицеров, служивших на неофицерских должностях, занимали должности, «положенные в классных чинах», в различных ведомствах самого Военного министерства (в том числе в окружных и местных управлениях соответствующих ведомств). Их число показано в таблице 53^{215}.

Итак, законодательство о прохождении службы офицерами, как уже упоминалось, претерпевало серьезные изменения дважды: в середине XVIII в. и середине XIX в. В первой половине XVIII в. оно, базируясь на введенных Петром I положениях, было довольно слабо детализировано. В условиях, когда служба длилась пожизненно, многих проблем, связанных с ее регламентацией, и не существовало. Последующее столетие характеризуется процессом довольно жесткой регламентации службы офицеров. Это в общем-то не должно вызывать удивления: действие такого мощного «расслабляющего» фактора, как право выхода офицера в отставку в любое время (освященное известным указом 1762 г.), неминуемо должно было компенсироваться суровыми правилами его пребывания на службе.

Во всех областях законодательства о службе просматривается стремление максимально ограничить отвлечение офицера от его непосредственных обязанностей. Строгое ограничение отпусков и

командировок, вплоть до полного их запрета, весьма в этом плане показательно. Те же цели преследовало и сведение до минимума переводов и перемещений офицеров. Поступление вновь на службу из отставки обставляется различными условиями и препятствиями и т. д. Со временем действие этих постановлений постепенно смягчается, но до середины XIX в. все еще остается довольно сильным.

Со второй половины прошлого столетия, когда, как уже говорилось, выход в отставку в молодом возрасте без достаточно основательных причин становится все более редким явлением и привязанность офицера к службе (в том числе в значительной мере по материальным соображениям) усиливается, происходит заметное смягчение законодательства. Впрочем, дальнейшая профессионализация офицерской службы, равно как и общее развитие правового регламентирования, в любом случае потребовали бы внесения существенных корректив и в военное законодательство. В результате положения о службе офицеров к началу XX в. делаются весьма либеральными, а размер оттеков превышает даже современное, пройдя путь от полного их запрета до обязательного их предоставления.

Порядок выхода в отставку в 60-х гг. был облегчен, вплоть до права уходить со службы «по домашним обстоятельствам» даже во время войны. Неизменным во все время после разрешения офицерам уходить в отставку в 1762 г. оставалось положение о возможности получить при отставке следующий чин, прослужив в прежнем очень небольшой срок.

Исключительной стабильностью отличалась и документация о службе офицера. Форма послужного списка принципиально не менялась с XVIII в. (в 60-е гг. XIX в. она претерпела лишь чисто технические изменения). То же относится и к указу об отставке.

В целом российское законодательство об офицерской службе не отличалось принципиально от подобного законодательства других европейских государств. Оно вполне отвечало реалиям жизни и русским воинским традициям.

Глава 5.

Благосостояние и быт

Жалованье и другие виды содержания

При создании русской регулярной армии офицерам было установлено довольно высокое по тем временам довольствие. Первое время (по штатам 1711 г.) существовала весьма значительная разница в содержании русских и иностранных офицеров, перешедших на русскую службу. Однако уже в 1720 г. по мере ослабления потребности в офицерах-иностранцах эта разница устранена. Помимо основного жалованья офицеры получали различные добавочные суммы (например, рационные для лошадей, на содержание денщиков), а также квартиры и пастбищные угодья для лошадей. Сумма добавочных выплат составляла от четверти до трети основного оклада. При взгляде на оклады петровских времен (см. табл. 54) бросается в глаза резкий разрыв между штаб-офицерскими и генеральскими (жалованье генерал-майора в 3 раза больше жалованья полковника), а также огромная разница в окладах высших и нижних чинов (жалованье полного генерала превосходило жалованье прапорщика более чем в 40 раз; в середине XIX в. — не более чем в 6–7 раз){216}.

В целом же, учитывая уровень цен того времени, следует признать, что даже младшие офицеры в начале XVIII в. занимали в обществе по материальному обеспечению весьма завидное положение, стоя по этому показателю выше служащих гражданских ведомств и вообще являясь наиболее высокооплачиваемой группой общества. В дальнейшем основной тенденцией было выравнивание разницы между генеральскими и офицерскими окладами и некоторое увеличение окладов младших офицеров, приближение их к штаб-офицерским. В 30-х гг. XIX в. (указы от 1 января 1835 г. и 6 декабря 1838 г.) жалованье офицерам увеличено (см. табл. 55). Одновременно стали больше выплачивать столовых денег. Штаб — и обер-офицеры, не получавшие столовых денег, во время сборов стали получать порционные — по 57,5 и 28,5 коп. в сутки соответственно{217}.

В 1843 г. было утверждено новое положение о военных врачах, которые до того получали довольно низкое содержание по чинам. Теперь же после каждых 5 лет службы жалованье им увеличивается на $\frac{1}{4}$, удваиваясь таким образом после 20 лет службы. После 30 лет службы этот оклад обращался в пенсию, которую военный врач мог получать и

оставаясь на службе, увеличивая таким образом вчетверо свой начальный доход. Если прежде минимальный оклад составлял 171 руб. серебром, то к 1850 г. — 250 руб.; в такой же пропорции увеличились и высшие оклады{218}.

Следующее увеличение офицерского содержания последовало в конце 50-х гг. В марте 1858 г. вдвое увеличены суммы квартирных денег (которыми, начиная с 1816 г., постепенно заменялась натуральная постоянная повинность), и в том же году было принято решение об увеличении жалованья всем офицерам. Изменение окладов (армейская пехота) показано в таблице 56{219}.

Однако этого было явно недостаточно. Конечно, в абсолютных цифрах офицерские оклады все время росли, но росли и цены. По сравнению с началом XVIII в., например, оклады младших офицеров выросли почти вдвое, но в то время покупательная способность рубля была в несколько раз выше, по крайней мере в 4–5 раз (например, четверть муки тогда обходилась казне 0,6–0,9 руб., тогда как в середине 60-х гг. XIX в. — 6–8 руб.). Поэтому по сравнению с XVIII в. материальное положение офицеров в общем-то ухудшилось. Офицерское содержание в русской армии к 1865 г. было меньше, чем в ряде европейских армий, сопоставимых с ней по организации и численности, например австрийской. В русской армии того времени полный генерал получал жалованье 1695 руб. в год, генерал-лейтенант — 1356, генерал-майор — 1017 и некоторые другие выплаты (столовые, квартирные деньги). У младших офицеров эти выплаты составляли менее трети от размера основного оклада (офицеры в должностях ниже командира роты столовых денег, в частности, вообще не получали), и лишь у генералов и полковников они были достаточно высоки, превышая основной оклад. В австрийской же армии (в переводе на рубли) годовое жалованье полного генерала составляло 5292 руб., а вместе с дополнительными выплатами — 8908 руб., генерал-лейтенанта соответственно 3964 и 7525, генерал-майора — 2646 и 4664, полковника — 1587 и 2464, подполковника — 1058 и 1740, майора — 794 и 1476, капитана 1-го класса — 672 и 920, капитана 2-го класса — 469 и 611, поручика — 332 и 445, подпоручика 1-го класса — 302 и 415, подпоручика 2-го класса — 272 и 385. Как нетрудно заметить, основное жалованье только самых младших офицеров не очень существенно отличалось в обеих армиях, а у высших чинов австрийской армии оно было вдвое, у генеральских — почти втрое выше, чем в русской. Кроме того, как с тревогой отмечалось военной общественностью, стоимость удовлетворения различных культурных и бытовых потребностей в России была выше, что усугубляло положение

русских офицеров{220}.

В русской армии XIX в. существовали три основных вида выплат офицерам: жалованье (в зависимости от чина), столовые деньги (в зависимости от должности) и квартирные (в зависимости от чина, города и семейного положения). Офицерское содержание в армии в конце 60-х гг. показано в таблице 57.

Квартирные деньги выплачивались в зависимости от стоимости жилья в той местности, где служил офицер. Например, в Петербурге младшие офицеры получали в год 114 руб., в Вильно — 168, на Кавказе по I категории женатые — 246, неженатые — 162, по II категории женатые — 126, неженатые — 78. Штаб-офицеры — соответственно 284, 200–300, 408, 324, 204 и 156 руб., генерал-майоры — 857, 1000, 720, 636, 396 и 288 руб. и т. д.

Столовые деньги выплачивались командирам частей и подразделений по должности: командующий войсками военного округа получал 3500 руб., начальник дивизии — 1961, командир артиллерийской бригады — 1500, командир полка — 980, командир батальона — 280, командир роты — 138 руб.{221}.

Довольно сложная система жалованья существовала на флоте. Оклады офицеров там сильно различались в зависимости от характера службы в данное время: береговой (во время пребывания на берегу), для внутреннего плавания (в прилегающих морях) и для заграничного плавания. Кроме того, существовали три разряда в зависимости от места службы. Жалованье 1-го разряда (наименьшее) получали офицеры Балтийского и Черноморского флотов (т. е. более 90% всех морских офицеров), 2-го — Каспийской флотилии и 3-го — служившие на Тихом океане. Все заграничное плавание приравнивалось к 3-му разряду. Общее представление об окладах морских офицеров (руб. в год) в середине XIX в. дает таблица 58 (берется жалованье 1-го разряда){222}.

Столовые деньги также делились на береговые и морские и зависели от должности (см. табл. 59).

Рост цен ставил офицеров, не имевших других средств к жизни, кроме содержания, в затруднительное положение. Но только во второй половине 60-х гг. были предприняты некоторые частные меры по его увеличению. В 1866 г. офицерам и военным чиновникам стали выплачивать суточные деньги при нахождении в передвижении более трех дней по 2,5 руб. генералам, 1,5 руб. штаб-офицерам и 0,75 руб. обер-офицерам и на лагерных сборах (по 60 коп. штаб — и 30 коп. обер-офицерам). Тогда же в распоряжение командующего Петербургским военным округом выделено

ежегодно по 50 тыс. руб. для раздачи наиболее нуждающимся офицерам. В 1868 г. было разрешено выдавать единовременно по 100 руб. всем лицам, производимым в офицеры из нижних чинов армейской пехоты и саперных бригад, а для пособий нуждающимся армейским офицерам ежегодно отпускать на каждый полк по 1200 руб. (предполагалось, что таковых в полку примерно одна треть, т. е. около 20 человек, и на долю каждого придется по 60 руб.). Но эти меры не смогли существенно поправить дело, и в докладе по Военному министерству 1. 1 1870 г. подчеркивалось, что «лучшие, наиболее развитые и приготовленные офицеры, не вынося борьбы с материальными нуждами, оставляют ряды армии, имея возможность скорее других приискать себе более выгодные условия жизни в других отраслях государственной службы и в частных предприятиях»{223}.

С 1. 1 1872 г. произошло увеличение столовых денег, разбитых на 12 разрядов от 2400 до 180 руб. Высший разряд предназначался начальникам дивизий, которым было также назначено прибавочное содержание в 1500 руб. Командирам полков определено по 1500 руб. столовых и 1200 прибавочных денег, батальонным и ротным командирам — по 600 и 300 руб. столовых соответственно. Всем младшим офицерам, не получавшим столовых денег, определены порционные — по 96 руб. в год. Пособие портупей-юнкерам армии при производстве их в офицеры увеличено со 100 до 150 руб. Пособия армейским офицерам отменены, а суммы эти направлены на улучшение их быта (в том числе 50% на устройство и содержание офицерских собраний и столовых и 25% на офицерские библиотеки){224}.

Что касается офицеров казачьих войск, то их оклады, установленные в 1841 г., составляли около $\frac{2}{3}$ оклада в регулярной кавалерии, и когда жалованье армейским офицерам было повышено, эта разница еще больше возросла. Однако уже с 1859 г. офицеры Донского казачьего войска были приравнены по оплате к регулярной кавалерии. В следующем году это было распространено на Оренбургское и Уральское войска, а в 1861 г. — на Кубанское, Терское и Сибирское{225}.

Кроме того, в казачьих войсках офицеры получали на определенный срок участки земли. По положению 1870 г. казачьи офицеры, владевшие или имеющие право на владение такими участками, получали их в потомственную собственность. При этом для Кубанского и Терского войск размеры участков устанавливались следующие: генералам — по 1500, штаб-офицерам — по 400 и обер-офицерам — по 200 десятин{226}. Не получившие землю взамен имели право на пенсию из войскового капитала.

В 1873 г. это положение распространено на Астраханское, в 1875 г. — на Оренбургское и в 1877 г. — на Сибирское войско. Размеры участков (в десятинах) показаны в таблице 60.

В Уральском войске, где традиционно сложилось общинное владение землей, с 1877 г. все офицеры вместо надела получали пенсии из войскового капитала{227}. С этого времени офицеры уже всех казачьих войск были сравнены в окладах с регулярной кавалерией. С 4 декабря 1876 г. все казачьи офицеры в обязательном порядке участвовали в эмеритуре.

На флоте в отличие от армии в 1856–1874 гг. несколько раз повышали основные оклады жалования офицеров. Годовое содержание при 3-месячном внутреннем плавании показано в таблице 61{228}.

На флоте производились также некоторые другие выплаты (см. выше), и, кроме того, морские офицеры получали пособия на детей, для чего надо было прослужить определенное число лет и «сделать несколько морских кампаний», — так, чтобы сумма их равнялась 24 (например, прослужить 20 лет и за это время «сделать» 4 кампании, или за 19 лет — 5 кампаний и т. д.). На раненых офицеров это право распространялось независимо от выслуги. На детей 8–12 лет платили 100 руб. в год, на детей 12–17 лет — 250. Сиротам деньги выплачивались и в более раннем возрасте: до 5 лет — 50 руб., в возрасте 5–12 лет — 100{229}.

Материальные льготы, которыми пользовались офицеры в «общегражданской» сфере, были в общем незначительны. С середины 80-х гг. всем офицерам и военным врачам было предоставлено право проезда по железным дорогам во II классе с платой по тарифу III класса, а генералам, полковникам — командирам частей и военным врачам в чине статского советника и выше — в I классе с платой по тарифу II класса. Строевые штаб — и обер-офицеры (по соглашению между Военным министерством и министерством Императорского двора) имели право посещать театры за половинную стоимость билетов. Состоящие на действительной службе офицеры и военные чиновники с разрешения командующего войсками военного округа могли обучаться в гражданских высших учебных заведениях в качестве вольнослушателей.

В 1890 г. введены правила о выдаче пособий офицерам на воспитание детей в отдаленных местностях: в низших учебных заведениях — по 120 руб. в год на ребенка, в средних — 240 и в высших — 360. Эти пособия отпускались из казны по требованию начальства офицеров (командиров частей и им равных), опекунов или учебных заведений, где учились офицерские дети. Выплата могла производиться и по полугодиям, и раз в год. Для отпуска денег требовалось представить копию послужного списка

и удостоверение учебного заведения о том, что дети воспитываются на казенный счет. Помимо пособий на образование назначались и пособия на пропитание детей, состоящих при родителях в отдаленных местностях: до 13 лет — по 100 руб. в год, от 13 до 18 лет — 150. Подъемные пособия для переезда в эти местности также выдавались офицерам (по приказу 1887 г.) с учетом состава семьи.

Одной из форм материальной помощи являлись офицерские заемные капиталы, существовавшие на различных основаниях и дававшие возможность получать в долг деньги на необременительных условиях. Они образовывались из обязательных вычетов из жалованья и средств полка. Вычеты вместе с наросшими процентами составляли собственность офицера, а остальные деньги — их общее достояние. 23.8 1878 г. было принято положение, согласно которому участие в заемном капитале всех офицеров части являлось обязательным. В 80-х гг. произошло дальнейшее увеличение столовых денег (см. табл. 62){230}.

Однако основные оклады жалованья оставались практически прежними, и с ростом цен в 80–90-х гг. XIX в. материальное положение офицеров обострилось. Помимо снижения абсолютного жизненного уровня необходимо учитывать особенно резкое и заметное снижение уровня материального благосостояния офицеров относительно других групп населения. Достаточно сказать, что в 1896 г. среднегодовая зарплата рабочих механических и машиностроительных заводов Петербургской губернии составляла 362 руб., равняясь жалованью командира роты (366 руб.) и превосходя жалованье младшего офицера-подпоручика (294 руб.). Учитывая и другие выплаты, подпоручик получал в месяц 39 руб. 75 коп., поручик — 41 руб. 25 коп., штабс-капитан (не командир роты) — 43 руб. 50 коп., тогда как средний заработок мастерового в Петербурге в 1891–1901 гг. составлял от 21 руб. 70 коп. до 60 руб. 90 коп. в месяц.

Разрыв между окладами генералитета и младших офицеров был особенно велик за счет так называемых «добавочных» денег, получаемых обычно полковыми командирами (1200 руб.) и генералами (2400–1500 руб.).

В других ведомствах оклады были выше. В пограничной страже, например, подведомственной Министерству финансов, корнет получал помимо квартирных обычный оклад — 857 руб., а усиленный — 1083, поручик — 935 и 1101, ротмистр — 1158 и 1443 соответственно. Положенные офицерам с середины XIX в. квартирные деньги давно уже не отвечали своему назначению из-за роста цен на жилье. Весьма невыгодно отличалось обеспечение русских офицеров от обеспечения офицеров

других европейских армий. Если генеральское содержание было примерно одинаковым, а полковник в русской армии получал даже больше, чем в других, то вся остальная масса русских офицеров, особенно младших, имела худшее обеспечение (см. табл. 63). В самом конце XIX в. такое положение, когда, по выражению военного министра Ванновского, «сиделец в кабаке более офицера получает», признано нетерпимым и был издан приказ (15.6 1899 г.) о повышении жалованья и столовых денег строевым офицерам, причем в первую очередь и в наибольшей степени — младшим офицерам до штабс-капитана включительно. Общий объем содержания (без квартирных) показан в таблице 64.

За год до этого были увеличены и суммы квартирных денег. Теперь они подразделялись на 8 разрядов в зависимости от местности и составляли: для полных генералов — от 500 до 2000 руб. в год. для генерал-лейтенантов — 400–1500, генерал-майоров — 300–1000, полковников (командиров полков и отдельных частей) — 250–800, остальных штаб-офицеров — 150–600, командиров рот — 100–400 и для младших офицеров — 70–250{231}. В 1902 г. было увеличено содержание военным чиновникам, офицерам, находящимся на нестроевых должностях, и военным врачам.

Говоря о материальном положении офицеров, следует иметь в виду еще и следующее обстоятельство. Если в XVIII — начале XIX в. значительная часть офицеров владела земельной и иной собственностью и жалованье не составляло для них единственного источника существования, то уже в середине XIX в. это стало именно так. Широко распространенное и усиленно внедрявшееся в советский период по идеологическим соображениям представление о том, что «до революции» офицеры были, как правило, помещиками, не имеет ничего общего с действительностью. В конце XIX в. среди всех вообще потомственных дворян империи помещиками были не более трети, а среди служивших их было и совсем мало (поскольку у землевладельцев не было в службе особой необходимости). Среди офицеров же выходцы из потомственных дворян составляли менее половины. Так что даже если считать, что доля помещиков среди потомственных дворян, служивших офицерами, такая же, как доля помещиков среди всех потомственных дворян, то в конце XIX — начале XX в. среди всех офицеров помещиков не могло быть более 10–15%.

Реально же их было много меньше. В 1903 г. даже среди генерал-лейтенантов помещиками (считая и собственность их жен) были только 15,2%, среди полных генералов — 35%, а среди офицеров (за исключением гвардейской кавалерии) лишь единицы обладали какой-либо

собственностью. Достаточно сказать, что среди армейской элиты — генерал-майоров и полковников Генерального штаба не имели собственности более 90% (генералов — 89,8%, полковников — 94,8%). При этом среди генералов земельную собственность имели только 13 из 159 (8,1%), а еще у 4 (2,1%) были собственные дома; среди полковников имели землю 12 из 283 (4, 2%) и 3 — собственные дома (1Yо)232. Поэтому проблема жалованья для офицеров была важнейшей, определявшей целиком их быт и семейное положение (о чем будет сказано ниже) точно так же, как проблема пенсионного обеспечения целиком определяла средства существования офицера и его семьи после отставки.

Пенсии и обеспечение семей

Пенсионное обеспечение в XVIII в. являло собой источник средств к существованию тех из отставных офицеров, кто не имел никакого имущества, а также их семьям. Пенсия тогда не рассматривалась как положенное каждому вознаграждение за службу. В 1764 г. для военных и гражданских чинов за 35-летнюю службу введены пенсии в размере половинного оклада жалованья (в том случае, если за время службы не было серьезных взысканий). Пенсии могли выплачиваться и в случае увечья или ранений, мешающих продолжать службу, но в целом пенсионное обеспечение не было должным образом упорядочено.

В самом начале XIX в. для решения вопроса о пенсиях была образована специальная комиссия. Результатом ее работы явилось издание указа от 21 мая 1803 г., который определял: офицеры, прослужившие беспорочно 20 лет, получали инвалидное содержание, 30 лет — половинное по чину жалованье, а 40 лет — полное жалованье в виде пенсии. При этом ставших неспособными к службе из-за полученных в боях ранений положено было обеспечивать «приличным службе» содержанием независимо от выслуги. Срок выслуги считался с момента поступления на действительную службу (время пребывания в кадетском корпусе не засчитывалось).

Оклады инвалидного содержания определялись ранее в размере $\frac{1}{3}$ жалованья по штатам 1763 г. подполковникам (и всем гвардейским обер-офицерам) — 120 руб. в год, майорам — 100, капитанам — 65, поручикам — 40. подпоручикам и прапорщикам — по 33 руб. Однако к началу XIX в. цены и оклады офицеров увеличились, и поэтому в новом законодательстве предусматривалось три класса окладов инвалидного содержания. По 1-му классу полагалась $\frac{1}{3}$ жалованья, но по штатам пехотных полков 1802 г. (подполковник — 558–690 руб., майор — 434–530, капитан и штабс-капитан — 340–400, поручик — 237–285, подпоручик и прапорщик —

200–236); этот класс давался прослужившим беспорочно 20 лет или уволенным по неспособности из-за болезни. По 2-му классу полагалось содержание в $\frac{1}{3}$ жалованья по штатам 1763 г.; этот оклад давался вышедшим в отставку до издания нового указа «на свое пропитание» по собственному желанию или без него, но не по суду. 3-й класс составлял $\frac{2}{3}$ оклада по 2-му классу, он давался уволенным со службы по решению суда, «чтобы не оставить без призрения и доставить им по человеколюбию некоторый способ к пропитанию».

Таким образом было предусмотрено, чтобы никто из бывших офицеров не остался без средств к существованию и не позорил бы офицерское звание нищенством. С той же целью, предоставив всем уволенным обеспечение, было предписано следить, «дабы те из них, которые, желая лучше из одного в другое место уклоняться и являемою бедностию приводить в жалость легковверных, нежели жить спокойно там, где могут иметь назначенное содержание, не обращались в таком несвойственном чину офицера поведении».

Офицерам, определенным на инвалидное содержание, предоставлялись квартиры в Воронеже, Саратове, Пензе, Перми, Казани, Тамбове, Костроме, Курске, Орле и Ярославле, а затем также во Владимире, Вологде, Нижнем Новгороде, Екатеринославе, Полтаве, Харькове, Симбирске, Тобольске и Чернигове. Уволенных в отставку за дурное поведение или замеченных в таковом в отставке также переводили на низший оклад. На этот же оклад зачислялись лица, не выслужившие срока, но подавшие прошения о пенсии после нахождения в отставке более 8 лет (за исключением тех, кто давал при отставке подписку о том, что не будет просить о казенном содержании). С 1811 г. офицеры, находящиеся на инвалидном содержании высшего разряда, зачислялись в создаваемые уездные инвалидные команды.

Кроме того, для части офицеров были созданы инвалидные дома, где они находились на казенном содержании. Первый инвалидный дом на 30 офицеров учрежден в 1805 г. в Сергиевской пустыни под Петербургом на средства графов Зубовых. В 1809 г. по его образцу созданы государственные инвалидные дома в Петербурге, Москве, Киеве, Чернигове и Курске.

Пенсионное обеспечение семейств офицеров в XVIII в. законом предусмотрено не было. Пособия, выдаваемые императором вдовам, детям и малолетним братьям и сестрам умерших офицеров (довольно многочисленные), не имели единой системы и зависели от обстоятельств. Законодательное оформление выдач пособий этим лицам началось с 1809 г.,

когда постановлением Государственного совета для офицерских вдов старше 40 лет (или моложе, но обладающих увечьем, мешающим им выйти замуж) были назначены пенсии в 1/8 оклада мужей. Для получения пенсии требовалось представить свидетельство от последнего начальства мужа или трех штаб-офицеров о том, что они являются законными женами и не имеют недвижимости, приносящей доход в размере, превышающем годовой оклад мужа. Просить пенсию можно было в течение 10 лет со дня смерти мужа, не обратившиеся за пенсией в этот период теряли на нее право; при выходе замуж пенсия не выплачивалась. Сироты обеспечивались содержанием независимо от времени обращения за пенсией, но дочерям оно прекращалось с замужеством.

В отношении семей офицеров, убитых и умерших от ран, законодательство было совершенно иным. Еще указом 1799 г. установлено, что жалованье по чину всех погибших в боях офицеров выплачивается в полном объеме их вдовам пожизненно (с 1803 по 1809 г. даже в случае вторичного замужества), а детям — до совершеннолетия (сыновьям — до 16 лет или поступления на службу, дочерям — до замужества или помещения в воспитательное заведение). До 1809 г. пенсии выплачивались Комиссариатским департаментом, а после — Государственным казначейством. Пенсии за погибших офицеров могли назначаться в ряде случаев и их матерям.

Следует иметь в виду, что пенсии, даваемые по выслуге 30 и 40 лет, в принципе предназначались офицерам, не имевшим никаких иных средств, но при отсутствии четких указаний на это в законодательстве стали иногда выплачиваться всем, почему в 1804 г. было сделано соответствующее указание. Раненым и увечным в 1807 г. определена пожизненная пенсия в размере полного оклада жалованья с пособием на проезд к избранному месту жительства. В 1816 г. с повышением окладов офицерам соответствующим образом постепенно повышены и пенсии.

Назначали их по представлению начальства или по прошениям самих офицеров, подаваемым не позднее года со дня выхода в отставку. В представлении указывался возраст, имущественное положение, размер жалованья; излагалась служба со всеми обстоятельствами; прилагался послужной список и в случае болезни свидетельство врачебной управы. После привода к присяге на новый чин (большинство при отставке награждалось следующим чином) офицер исключался из списков полка с выдачей паспорта и обязан был сообщить в Военную коллегия о предполагаемом месте жительства, а начальство его обращалось в Министерство финансов по вопросу о пенсии. Основными мотивами в

прошениях о пенсии были продолжительность службы, старость, болезни и большое семейство. Размер пенсий на практике очень сильно колебался, и известно множество случаев отступлений от установленных правил.

В 20-х гг. XIX в. началось создание системы законодательных актов, регламентирующих вопрос об офицерских пенсиях и пособиях. Устав 6 декабря 1827 г. определял, что пенсии чинам первых двух классов назначаются лично императором, а генерал-лейтенантам и ниже — по последнему получаемому ими жалованью по чину. Тем из офицеров, которые получали сверх жалованья столовые деньги по своей должности, размеры пенсии определяли по тем разрядам жалованья, какие применялись в отношении гражданских чиновников (если сумма жалованья и столовых была не ниже этих размеров), при этом генерал-лейтенанты были приравнены к 1-му разряду (4000 руб.), генерал — майоры — ко 2-му (3000), полковники — к 3-му 1-й степени (2000), подполковники — к 4-му (1200) и майоры — к 5-му (1000).

Таким образом, уволенные после издания нового положения получили большие, чем раньше, пенсии. Кроме того, были убавлены сроки выслуги для назначения пенсии: если ранее за 30 лет службы полагалось в пенсию половинное жалованье, а за 40 — полное, то с 1829 г. прослужившие 30 лет получали пенсию в размере $\frac{2}{3}$ жалованья, а 35 лет — в размере полного жалованья.

Если раньше выходящие в отставку до выслуги 20 лет не получали никакого пособия, то теперь офицеры в случае отставки по болезни, прослужив не менее 10 лет, получали пенсию в размере $\frac{1}{3}$ жалованья, не менее 20 лет — $\frac{2}{3}$, а 30 лет — полного жалованья. Если же офицеры становились на службе полными инвалидами (паралич, лишение рассудка, потеря зрения и т. п.), то прослужившие не менее 1 года получали единовременно годовое жалованье, не менее 5 лет — пенсию в размере $\frac{1}{3}$, не менее 10 лет — $\frac{2}{3}$, а не менее 20 лет — полное жалованье. Кроме того, увольняемые после 20 лет службы на инвалидное содержание (т. е. переводимые в инвалидные команды) получали еще и $\frac{1}{3}$ жалованья в виде пенсии, что превышало это содержание, даже если офицер служил до перевода в инвалидную команду во внутренней страже, где были самые низкие оклады. Время участия в боевых действиях считалось при выслуге к пенсии год за два.

С 1830 г. семьям умерших на службе, которые не дослужили не более 6 месяцев до более высокой ставки пенсии, такая пенсия все равно назначалась (если они прослужили не менее 25 лет). Время состояния в бессрочном отпуске (в запасных войсках) в срок выслуги к пенсии не

включалось, за исключением времени, проведенного на сборах. При нахождении на службе по гражданскому ведомству офицерам, числившимся в запасных войсках и имевшим право на пенсию, она сохранялась (за исключением сборов, во время которых они получали военное жалованье). Офицерам, разжалованным по суду в рядовые и затем снова получившим офицерский чин, выслуга к пенсии считалась только со дня нового производства в офицеры (за исключением редчайших случаев, когда с 1830 г. по особому Высочайшему разрешению упоминание о разжаловании могло исключаться из послужного списка).

О назначении пенсии офицер подавал прошение по начальству на гербовой бумаге (о выдаче уже назначенной пенсии — на простой); о правах на пенсию или единовременное пособие требовалось объявлять в самом заявлении об отставке. Документами, свидетельствующими о праве на пенсию, являлись послужной список и свидетельство о болезни. Обычно пенсии назначались со дня увольнения от службы, но уволенных по инициативе начальства это касалось только в том случае, если они подали заявления о пенсии не позднее года (при нахождении за границей — 2 лет) со дня объявления им об увольнении. В противном случае пенсия начислялась со дня подачи заявления. Это же правило распространялось на лиц, не получивших своевременно свидетельство о болезни.

Порядок получения пенсий и пособий семьями умерших офицеров при Николае I остался в общем тем же, что и в начале XIX в.

Уставом 1827 г. подтверждалось, что вдовы и дети офицеров имеют право на пенсии, если мужа и отцы их: 1) убиты и умерли от ран; 2) умерли на службе, выслужив определенный срок; 3) умерли в отставке, имея пенсию или право на нее. Владение семьей умершего офицера какой-либо недвижимостью не было препятствием для получения пенсии, но зато важнейшим условием выплаты пенсии было беспорочное поведение самих наследников: бывшие под судом, а также ведущие, по донесениям губернаторов, недостойный образ жизни пенсий лишались.

Основной для начисления семейству офицера пенсии считалась та сумма, которую получал бы он сам, выйдя в отставку в день смерти. Вдове назначалась $\frac{1}{2}$ пенсии мужа и на каждого из детей — $\frac{1}{3}$ другой половины, так что полную пенсию получала вдова с тремя детьми. Круглые сироты получали до $\frac{1}{4}$ пенсии отца (в том числе и те, чья мать была лишена пенсии за недостойное поведение). С 1843 г. семьям умерших от ран на службе (не позднее чем через 10 лет после ранения) наравне с семьями убитых назначалась пенсия в размере полного оклада жалованья офицера. Порядок подачи прошений о пенсии семьями офицеров был тем же, что и для самих

офицеров, при этом если уволенный офицер не заявил при отставке о правах на пенсию, то она терялась и для его семьи (сироты пенсии не лишались, но если, достигнув 16 лет, они сами пропустили срок подачи прошения, то она назначалась им со дня подачи прошения, а не со дня смерти отца). Выплата пенсий прекращалась: вдовам — в случае смерти, замужества, принятия монашества, приговора суда к «наказанию, бесчестие наносящему», сыновьям — в случае смерти, поступления в воспитательное заведение на казенное содержание, вступления в службу и достижения 18 лет, дочерям — в случае смерти, замужества, поступления в воспитательное заведение и достижения 21 года.

Единовременное пособие в размере годового оклада выдавалось, как уже упоминалось, офицерам, прослужившим менее 5 лет и уволенным по невозможности продолжать службу по болезни, и их женам (в случае смерти мужа). В отдельных случаях пособие могло назначаться особо заслуженным офицерам и военным чиновникам на время тяжелой болезни и прекращалось при поступлении вновь на службу (но только один раз, при следующем увольнении не выплачивалось). Офицерам-иностранцам и их семьям (даже не перешедшим в российское подданство) пенсии назначались с 1835 г. на общих основаниях, но только при проживании их в пределах России.

В связи с тем что некоторые офицеры, не имевшие права на пенсию, оказывались по выходе в отставку без средств к существованию, в 1850 г. было повелено (прецедентом послужила просьба подпоручика Фокеева, подавшего прошение об отводе ему с семьей участка земли «для прокормления с семейством») офицерам, не имеющим оседлости и средств к существованию, отводить земли на территории Оренбургского казачьего войска, но с тем чтобы более ни о каком пособии от казны не просили.

В середине XIX в. увеличены пенсии раненым офицерам по приказу от 26. 8 1856 г., причем весьма значительно (см. табл. 65){233}.

В 1859 г. было утверждено Положение об эмеритальной кассе военно-сухопутного ведомства. Суть состояла в том, что для выплаты пособий отставным офицерам и их семьям сверх обычных пенсий определялись вычеты из жалованья в размере 6%. Помимо этого выделялось 7,5 млн. руб. из Государственного казначейства и 825 тыс. руб. из сумм Военного министерства, чтобы выплаты могли начаться с 1865 г. Размер пенсий из эмеритуры обусловлен был правом на государственную пенсию (за 25 или 35 лет службы); если умерший офицер выслужил право на пенсию, то семья его приобретала право также и на эмеритальную пенсию.

Кроме того, в 1859 г. пенсионная система для офицеров была

коренным образом изменена: пенсия теперь определялась не в зависимости от оклада жалованья, а по особой табели. Вновь установленные размеры пенсий по этой табели были следующими (руб. в год серебром): генералу — 1430 руб., генерал-лейтенанту — 1145, генерал-майору — 860, полковнику, получавшему столовые деньги, — 575, не получавшему — 515, подполковнику — 430–315 (в зависимости от рода войск), майору — 375–290, капитану — 430–230, штабс-капитану — 345–215, поручику — 315–200, подпоручику — 290–175, прапорщику — 245–145.

В результате всех этих мер размеры пенсий (за 35 лет выслуги) значительно возросли, как показано в таблице 66 (данные по армейской пехоте){234}. Размер пенсий на флоте (где эмеритальная касса была введена в 1856 г.) показан в таблице 67 (берется минимальное жалованье 1-го разряда){235}.

Введение на флоте с 1856 г. эмеритальной кассы значительно улучшило пенсионное обеспечение. Практически это означало, например, что капитан 1 ранга или полковник, участвовавший в эмеритуре с самого начала, при выходе в отставку по болезни в 1880 г. получал бы в пенсию только на 160 руб. менее содержания на службе; прослужив 35 лет, он всего получал бы на 455 руб. больше, чем на службе. Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.. На эмеритальную кассу распространялось положение об обычной пенсии, согласно которому вдова получала половину пенсии, а несовершеннолетние дети — по $\frac{1}{3}$ из другой половины. С 1865 г. произведенным в полковники при отставке пенсия платилась по чину подполковника. С 1869 г. офицерам, служащим на должностях чиновников, разрешалось начислять пенсию (если они 15 лет прослужили на чисто офицерских должностях) по классу своей должности, если таковая будет выше, чем пенсия по чину. Порядок назначения пенсий семействам умерших офицеров остался прежним.

С упразднением в 1884 г. чина майора в армии и уравнивания пехоты и кавалерии со специальными войсками размеры пенсий стали назначаться всем офицерам по окладам специальных войск, т. е. пенсии несколько увеличились. О назначении пенсий офицерам, уходящим в отставку с действительной службы (или из запаса, но служившим в это время на гражданской службе), ходатайствовало начальство. Остальные по истечении срока, на который им было сохраняемо содержание или определена выплата заштатного жалованья, должны были (с 1883 г.) сами подавать соответствующую просьбу: генеральские чины (и их семейства) — непосредственно в Главный штаб или те главные управления Военного министерства, которым они были подчинены, а остальные — местным

уездным воинским начальникам. В 1884 г. находящимся за штатом было разрешено выходить на пенсию ранее 2 лет пребывания в этом качестве (после 1 года), но выплата заштатного содержания в этом случае прекращалась (офицеры, оказавшиеся за штатом, в течение 2 лет имели право получать денежное содержание).

В 1897 г. за службу на Дальнем Востоке (Амурская и Приморская области и Сахалин) стали назначаться добавки к пенсии: прослужившим там 10 лет добавлялась 1/8 содержания, получаемого в день назначения пенсии (если даже впоследствии офицер был переведен в другой регион).

В 1898 г. пенсии были еще повышены (см. табл. 68) в среднем на 16–28%, хотя и оставались ниже, чем в других армиях (в пересчете на рубли) {237}.

Пенсии по инвалидности (из специального инвалидного капитала) были в зависимости от тяжести увечья двух классов и давались в дополнение к основной. Полковник получал по I классу 510 руб., по II — 305, капитан соответственно — 450 и 225 руб.

В таком виде обеспечение офицеров в основном оставалось до мировой войны.

Бытовые условия и уровень жизни

В свете того что было сказано об обеспечении офицеров в те или иные периоды истории страны, нетрудно в общем-то представить их возможности по устройству своего быта. Образ жизни офицера не был, конечно, независим от общей обстановки эпохи и социально-психологических изменений в обществе. В этом смысле первая половина XVIII в., конец XVIII — первая половина XIX в. и вторая половина XIX — начало XX в. отличаются друг от друга довольно существенно. Имущественное положение среднего армейского офицера сравнительно с представителями других социальных групп того же «уровня», как было показано выше, со временем менялось в худшую сторону. В XVIII и начале XIX в. жалование офицера довольно высокое, но то, что ныне называется «системой социальной защиты», было развито слабо. Со второй половины XIX в. эта система (пенсии, обеспечение семей) совершенствовалась. Но офицерское жалование (увеличившись в абсолютных цифрах) стало обеспечивать офицерству лишь весьма скромное место среди сопоставимых с ним по социальному статусу профессионально-социальных групп.

Для первой половины XVIII в. проблемы различия в уровне жизни офицера и других представителей высшего сословия в общем-то не было: большинство офицеров владели имениями, получая с них определенный

доход, как любой среднестатистический дворянин–помещик. Кроме того, офицер получал весьма высокое по тем временам жалованье. Становясь неспособным к военной службе, он возвращался в свое имение, где мог рассчитывать, во всяком случае, на минимальный прожиточный минимум не ниже крестьянского (если имение было небольшим). Опасности остаться без средств к существованию для большинства офицеров не было.

Находясь на службе, офицеры жили либо на казенных квартирах, либо постоем в частных домах (существовала постоянная повинность), либо снимали частные квартиры. Для услуг они имели казенных денщиков из солдат своей части, а кто имел возможность благодаря доходам с имения жить на широкую ногу, держали при себе и необходимое количество частных слуг. Жизненный уровень офицера определялся в основном его состоянием, но и у самого бедного, беспоместного офицера он был благодаря жалованью достаточно высок, пока тот находился на службе. Последняя оговорка существенна, и особенно для второй половины XVIII — начала XIX в.

Дело в том, что слой поместного дворянства, из которого выходило большинство офицеров, начал все более беднеть, имения дробились (количество детей в семьях тогда было довольно большим, нередко превышая 10 человек), и средний офицер все в меньшей степени мог рассчитывать на доходы с имения. С другой стороны, все больше становилось беспоместных офицеров (в том числе за счет произведенных в офицеры лиц недворянского происхождения: в послепетровское время получение дворянства уже не было, как в предшествующие столетия, связано с «испомещением» — земельным пожалованием). Но жалованье офицера оставалось еще достаточно высоким по принятым в обществе стандартам. Поэтому в то время была очень велика разница между мелким дворянином–помещиком (в большинстве своем очень бедным), собирающимся стать офицером, но еще не получившим офицерского чина и жалованья, и отставным офицером из таких бедных дворян или лиц других сословий, с одной стороны, и находящимся на действительной службе офицером — с другой.

Многие дворяне, желающие стать офицерами, не имели средств даже на самые необходимые для исполнения своего желания надобности. В 1807 г. потребовалось специальным указом предоставить 16–летним дворянам, желающим поступить в армию, право получения денег на дорогу до столицы, чем, как подчеркивалось, «достаточно облегчены будут благородному юношеству средства ко вступлению в службу соответственно их званию». Писатель С. Глинка вспоминал, что в 1795 г. при выпуске из

кадетского корпуса многим кадетам, произведенным в офицеры, было не на что сшить мундир и Кутузов (бывший тогда начальником корпуса) распорядился сделать это за свой счет, повелев начальникам говорить, что деньги на мундиры присланы родителями или близкими родственниками (чтобы не задеть самолюбие кадет). При организации ополчения в 1806–1807 гг. (когда все отставные офицеры должны были обмундировываться и содержать себя на службе за собственный счет) некоторым офицерам шить мундиры и питаться приходилось на средства товарищей по полку{238}.

Впрочем, на то, что положение отставного офицера могло быть и бывало весьма незавидным, современники смотрели как на факт возмутительный. Известный поэт К. Н. Батюшков (сам служивший офицером в 1806–1809 и 1812–1816 гг.) делился, например, такими впечатлениями от прогулки по Москве (1811 г.): «Взгляни сюда, счастливцев! Возле огромных чертогов вот хижина, жалкая обитель нищеты и болезней. Здесь целое семейство, изнуренное нуждами, голодом и стужей: дети полунагие, мать за пряслицей... отец, старый заслуженный офицер, в изорванном майорском камзоле, починивает старые башмаки и ветхий плащ затем, чтоб по утру можно было выйти на улицу просить у прохожих кусок хлеба, а оттуда пробраться к человеколюбивому доктору, который посещает его больную дочь»{239}. Подобные явления, конечно, не были типичными (почему и воспринимались так эмоционально), но наличие даже единичных подобных ситуаций не могло не беспокоить власти, заинтересованные в поддержании престижа офицерского звания. С первой половины XIX в., как говорилось ранее, был предпринят ряд мер по совершенствованию пенсионной системы.

Материальное положение служащего офицера и в середине XIX в. оставалось сравнительно неплохим, и он вполне был в состоянии удовлетворять свои материальные и культурные потребности, даже не имея дополнительных доходов помимо жалованья.

Важнейшую роль в повседневной жизни офицера вне службы играло офицерское собрание. Оно спланировало офицеров данной части, обеспечивало проведение досуга. Семьи офицеров полка, особенно стоящего в небольшом городе, были знакомы друг с другом, и офицерское собрание являлось естественным и удобным местом их встреч, избавляя от необходимости устраивать слишком частые домашние приемы и званые обеды (которые и так были в обычае). Общение в офицерском собрании облегчало и проблему знакомств (множество офицеров женилось на дочерях и сестрах своих сослуживцев).

По уставу 1874 г. членами офицерского собрания были все офицеры

части. Гражданские лица допускались в него в качестве гостей. Полковой командир как единственное лицо, целиком отвечающее за свою часть, являлся естественным руководителем офицерского собрания. Хозяйственно-распорядительные функции осуществлялись по выбору офицеров. Существовала должность (обер-офицерская) «хозяин офицерского собрания». В деятельности собрания обязаны были участвовать все офицеры части, внося на его содержание небольшие взносы. Что касается конкретных правил деятельности офицерских собраний, то тут была предоставлена довольно большая свобода: каждое офицерское собрание имело право вводить те или иные изменения и дополнения, развивающие положения устава офицерского собрания. В офицерском собрании могли периодически, обычно еженедельно, устраиваться балы (с привлечением полкового оркестра), вечера и другие мероприятия.

Посещение офицерского собрания было одной из основных форм времяпрепровождения офицера и его семьи. Помимо этого во многих офицерских семьях (обычно штаб-офицерских) устраивались периодически, обычно еженедельно («среды», «четверги» и т. д.), вечера, на которые приглашались ближайшие друзья из сослуживцев по полку и их родные. По праздникам или иным поводам давались балы и званые обеды командиром полка с приглашением всех офицеров части. Офицеры стоящей в городе части (особенно там, где она была единственной) обычно всегда приглашались на балы в местном дворянском собрании или на подобные же мероприятия, устраиваемые городским начальством. В сельской местности офицеры обычно были желанными гостями на вечерах и балах, проводимых местными помещиками.

Возможности культурных развлечений (посещение театров и т. п.) были в провинции довольно ограничены, но это в некоторой степени компенсировалось распространенностью в самих офицерских семьях различного рода музыкальных вечеров, любительских спектаклей и т. п. Вообще же следует отметить, что досуг офицеров (особенно в провинции) был самым тесным образом связан с жизнью местного «общества», естественными членами которого они по своему существу и положению являлись. Что касается личного общения, то, поскольку основная масса молодых офицеров не имела семей, «центрами притяжения» выступали либо более состоятельные из них, либо семьи старших офицеров, имевшие больше возможностей для приемов. Но так или иначе контакты офицеров вне службы приходились опять же и большей частью на сослуживцев по полку.

Как уже говорилось, материальное положение офицеров резко ухудшилось в последние два десятилетия XIX в., когда рост цен не сопровождался адекватным увеличением содержания. 80 и 90-е гг. XIX в. вообще были самым тяжелым периодом в истории русского офицерства (до мировой войны и революции) и в материальном, и в нравственном отношении. Не случайно именно к этому времени относится действие ряда литературных произведений типа купринского «Поединка», рисующих быт офицеров в довольно мрачных тонах (хотя, конечно, все относительно и познается в сравнении — современный офицер и мечтать не смеет о том, что казалось авторам подобных повестей тоской и скукой).

В докладах военного министра отмечалось, что «непрерывный и в высшей степени тяжелый труд офицера не вознаграждается сколько-нибудь удовлетворительно не только по сравнению со всеми другими профессиями, но даже по отношению к самым ограниченным потребностям офицерского быта. Тяжесть экономического положения офицеров особенно резко стала сказываться в последние годы вследствие непомерно возросшей дороговизны» (1882 г.); «Существующие оклады в настоящее время при увеличивающейся дороговизне жизни уже не удовлетворяют даже скромным потребностям военнотружеников. Недостаточное содержание ставит офицеров, а особенно семейных, в бедственное положение, не позволяя им жить соответственно потребностям их общественного положения» (1896 г.) {240}.

Ситуация выправилась только на рубеже XX в. Но примерно два десятилетия до того обычный младший армейский офицер (до командира роты) если и не бедствовал (следует учитывать, что приведенные выше высказывания имели целью именно добиться увеличения офицерского жалованья, и краски, возможно, несколько сгущены), то, во всяком случае, должен был ограничивать свои расходы. Надо иметь в виду, что обмундирование офицер обязан был приобретать за собственный счет (кроме первой в жизни офицерской формы: окончившим военное училище перед производством выплачивалось на эти цели 225, а юнкерское — 150 руб., с 1899 г. и тем и другим выдавалось по 300 руб.). Между тем мундир стоил примерно 45 руб., сюртук — 32, фуражка — 7, сапоги — 10, португез — 2,6, погоны — 2–3 руб. и т. д. Обязательные расходы офицера включали в себя членские взносы в офицерское собрание, на офицерскую библиотеку, в заемный капитал, расходы на питание (не менее 15 руб. в месяц), на ремонт обмундирования, стирку белья и т. п. нужды (13–15 руб.). Кроме того, деньги уходили на покупку книг и газет, посещения спектаклей и концертов, товарищеские обеды по различным поводам,

сборы на новогоднюю елку. Пасху, полковой праздник и т. п., не считая мелких и непредвиденных расходов. В кавалерии ко всему прочему добавлялись расходы на лошадь, седла и т. д.

Все сказанное не относится к ограниченному кругу гвардейских офицеров (со второй половины XIX в. это главным образом несколько полков гвардейской кавалерии — полки 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (Кавалергардский, лейб-гвардии Конный, два кирасирских) и некоторые другие, особенно лейб-гвардии Гусарский), для которых жалование имело мало значения, так как в большинстве случаев там служили представители ряда аристократических родов, сохранивших свои доходы, и вообще люди со средствами или получавшие помощь от родителей.

Образ жизни большинства гвардейских офицеров и в XVIII в., и позже несколько отличался от образа жизни большинства офицеров армии. Полки гвардейской кавалерии, жившие на широкую ногу, устраивали многочисленные и дорогие званые обеды, не принимать участия в которых офицер, естественно, не мог; для таких офицеров считалось зазорным сидеть в театре не в первых рядах партера или ложах, ездить иначе как на лихачах и т. п. Лошадей также приобретали самых дорогих (вообще офицеру была положена казенная лошадь, но в кавалерии, и не только гвардейской, считалось неприличным не иметь своей собственной). В гвардейской пехоте служба также требовала обычно повышенных затрат по сравнению с армейскими частями, тем более что гвардия располагалась в столице и ее окрестностях.

В начале XX в., после повышения офицерского содержания, бытовые условия офицеров, естественно, улучшились и до мировой войны оставались достаточно хорошими, хотя материальное положение офицера относительно жизни других слоев общества никогда уже не стояло так высоко, как в XVIII — начале XIX в. Перед мировой войной смертность офицеров не превышала 500 человек в год, заболеваемость (включая простудные и другие легкие болезни, излеченные до конца года) была сравнительно небольшой: около половины офицеров не болели в течение года (см. табл. 69){241}.

Семейное положение

Семейное положение офицера теснейшим образом было связано с условиями его службы и быта. В XVIII — первой половине XIX в. когда, во-первых, постоянно велись военные действия, во-вторых, офицер имел право выходить в отставку в любое время и, в-третьих, большинство из них не стояло перед необходимостью изыскивать средства к

существованию, оставив службу, подавляющее большинство офицеров не были женаты. Походная жизнь, служба в малоприспособленных к жизни условиях и местностях, частые переводы воинских частей из города в город не способствовали устройству семейного быта и не располагали к женитьбе. Решив жениться и обзавестись семьей, офицер обычно уходил в отставку, так как возникала необходимость менять весь образ жизни. Очень много, если не большинство случаев выхода в отставку «по домашним обстоятельствам» было связано именно с заключением брака. Особенно это касалось тех дворян, которые служили исключительно «из чести», а не по необходимости добывать средства к существованию. Многие офицеры оставались холостыми до конца жизни.

Еще в 1858 г. женатых офицеров было только 29%, в том числе среди обер-офицеров — 26,3%, среди штаб-офицеров — 57,3%. Но в конце 60-х гг. эти показатели возросли (см. табл. 70){242}.

Со временем процент женатых офицеров увеличивался, поскольку для все большего их числа служба становилась единственным источником средств к существованию и, не женившись на службе, офицер рисковал навсегда остаться без семьи. С другой стороны, во второй половине XIX в. войны были редки, а условия жизни в местах расположения воинских частей стали более благоустроенными. Но с этого времени начинал действовать новый ограничитель. С 1859 г. жалование офицеров долго не повышалось и, как уже говорилось, с ростом цен жизненный уровень начал понижаться. Однако нельзя было допустить, чтобы молодой офицер, чьи расходы при обзаведении семьей резко возрастали, впадал в крайнюю бедность, а члены его семьи, не имея возможности выглядеть и вести образ жизни, достойный их положения, роняли бы достоинство офицерского звания. Следует иметь в виду, что к этому времени большинство офицерских невест происходили из таких же бедных служилых семей, как и сами офицеры, а очень многие были дочерьми и сестрами их сослуживцев по полку. Поэтому законодательно были введены некоторые ограничения на заключение браков офицерами, состоящими на действительной службе.

3 декабря 1866 г. утверждены правила, по которым офицерам запрещалось жениться ранее достижения возраста 23 лет. До 28 лет офицеры могли жениться с разрешения своего начальства и только в случае предоставления ими имущественного обеспечения реверса, принадлежащего офицеру, невесте или обоим. Представленное обеспечение должно было приносить в год не менее 250 руб. чистого дохода{243}. Позднее эти правила были подтверждены и развиты законом

от 7 февраля 1881 г. и другими актами, принимавшимися в 1887, 1901–1906 гг. По-прежнему сохранялись названные возрастные ограничения и внесение реверса офицерами, получающими до 100 руб. в месяц, а с 1901 г. и вообще всеми офицерами, получающими менее 1200 руб. в год, независимо от возраста (т. е. практически всеми офицерами до командира роты). Сумма реверса была к тому же повышена. 4 марта 1903 г. возраст внесения реверса снова был ограничен 28 годами.

При даче разрешения на брак учитывалась и его пристойность. Понятие «пристойность» требовало, чтобы невеста офицера была «доброй нравственности и благовоспитанна», а кроме того, «должно быть принимаемо во внимание и общественное положение невесты». При подаче офицером соответствующего заявления командир полка обязан был решить вопрос о пристойности брака и, если не видел к тому препятствий, представлял свое заключение начальнику дивизии, который и имел право дать окончательное разрешение.

При поступлении на службу офицеров из отставки, женившихся во время отставки (для чего разрешения не требовалось), вопрос о его браке с точки зрения пристойности должен был рассматриваться на тех же основаниях, и офицеры, чей брак не признавался пристойным, на службу не допускались. То же правило действовало в отношении юнкеров и вольноопределяющихся, вступивших в брак до поступления на действительную военную службу, при производстве их в офицеры. Так что это требование носило абсолютный характер: офицер ни в коем случае не мог иметь жену, не отвечающую представлениям о достоинстве офицерского звания. Вступление в брак без разрешения влекло дисциплинарное взыскание или увольнение со службы. Офицерам издавна запрещалось жениться на артистках и на разведенных, взявших при разводе вину на себя.

Для женитьбы, как уже говорилось, надо было быть не моложе 23 лет, а до 28 лет — представлять обеспечение. Из этого правила делались только следующие исключения: 1) офицеры, служившие в Приамурском военном округе, имели право жениться без реверса, но по особому ходатайству в каждом отдельном случае; 2) при вступлении в брак с дочерьми офицеров и военных врачей, состоящих на действительной службе, и отставных офицеров, прослуживших не менее 25 лет, а также с сиротами этих офицеров реверс вносился в половинном размере; 3) вдовы офицеры, имеющие детей, могли вступать в брак без обеспечения.

Все положения о реверсе касались только офицеров и не распространялись на военных чиновников и врачей. Обеспечение

представлялось по выбору офицера: либо в виде недвижимого имущества, приносящего доход не менее 300 руб. в год, либо в виде единовременного вклада в банк в 5000 руб. (с предоставлением права получать ежегодно из этой суммы не более 300 руб., считая и проценты). Для офицеров в возрасте до 28 лет, поступивших из отставки или переведенных из другого ведомства, требование обеспечения сохраняло силу. Оно не распространялось только на тех, кто поступил на службу из запаса и отставки в военное время и потом остался на действительной службе после заключения мира{244}.

В начале XX в. даже среди полковников и генералов (лица этих категорий вступали в брак в 70–80–х гг. XIX в.) до 15–17% никогда не были женаты (см. табл. 71){245} Однако в целом за годы перед мировой войной ситуация изменилась довольно сильно: если в 50–х гг. XIX в. в браке состояло менее 30% офицеров, в конце 60–х — чуть больше трети, то накануне войны около 60% всех офицеров были женаты. Представление об этом дает таблица 72{246}.

Таким образом, за полстолетия процент семейных офицеров в армии увеличился вдвое. Объективные причины, о которых шла речь выше, действовали гораздо сильнее, чем ограничения по возрасту и требование обеспечения. Тем более что после повышения жалования в 1899 г. материальное положение офицеров значительно улучшилось. Обращает на себя внимание, что доля семейных среди военных чиновников и врачей была намного выше. Это не должно казаться странным, учитывая гораздо более «гражданский» образ жизни этой категории военнослужащих и то обстоятельство, что значительно больший сравнительно с офицерами процент их служил в столице и крупных городах — при окружных штабах. В начале XX в., как и полстолетия назад, наибольший процент семейных офицеров был в пехоте, затем — в артиллерии, затем — в инженерных войсках и наименьший — в кавалерии. Причем разрыв между двумя первыми и двумя последними группами был довольно резкий — примерно 10%. Объяснялось это в значительной степени тем, что, во-первых, в инженерных войсках и кавалерии был относительно более молодой состав офицеров (если в пехоте старше 40 лет было 28% офицеров, в артиллерии — 21%, то в инженерных войсках — 13,6%, а в кавалерии — 16,1%). Во-вторых, из инженерных войск и кавалерии более часты были переходы на гражданскую службу и значительная часть собиравшихся жениться откладывала брак до такого перехода. Но в целом офицерство продолжало оставаться наиболее «безбрачной» группой среди социально-профессиональных групп своего общественного уровня.

Глава 6.

Военные чиновники

Статус и система чинов

В отличие от некоторых современных армий (но подобно многим армиям прошлых столетий) в русской армии лица, занимавшие большинство административных должностей по обслуживанию и обеспечению вооруженных сил, чья деятельность по своему характеру не отличалась от деятельности служащих в гражданских ведомствах, не носили офицерских чинов и считались не офицерами, а военными чиновниками. Они обычно именовались «классными чинами» (и хотя офицерские чины, как и гражданские, были распределены по общей шкале четырнадцати классов, следует иметь в виду, что термин «классные чины военного ведомства» в документах и литературе подразумевал именно военных чиновников).

Наиболее многочисленной их группой были врачи и вообще медицинский состав (ветеринары, аптекари, классные фельдшера и т. п.). Военные врачи, кстати, по своему положению стояли к офицерам ближе всего, поскольку многие из них непосредственно участвовали в военных действиях, на них распространялись некоторые положения об офицерских наградах, они находились ближе к офицерам по правам на устройство детей в военно-учебные заведения и т. д. На флоте, например, морские врачи в этом отношении входили в одну группу с офицерами корпусов морской артиллерии, штурманов и др. — сразу после строевых флотских офицеров и выше иных чиновников морского ведомства. И вообще они составляли несколько обособленную группу военных чиновников и иногда статистикой учитывались отдельно. Военные чиновники служили как в войсковых частях, занимая хозяйственные и делопроизводительские должности, так и в управлениях и департаментах Военного и Морского министерств — артиллерийском, инженерном, комиссариатском, провиантском и др., а также в военно-судебном и военно-учебном ведомствах.

Военные чиновники носили общегражданские чины, и на них в общем распространялся порядок чинопроизводства, принятый на гражданской службе, поскольку чиновная система долгое время играла большую роль, чем должностная, и правила продвижения по служебной лестнице были

привязаны именно к ней. При установлении Табели о рангах, как уже говорилось, чин и должность не были четко разграничены, наименований чинов было множество, но со временем, когда они окончательно отделились от должностей (сохранив названия наиболее типичных), военные чиновники также стали в основном именоваться соответствующими гражданскими чинами. Но и были исключения. Чин I класса — канцлер для них не был предусмотрен за отсутствием столь высокой должности в штатах армии. Не было и чина XI класса — корабельного секретаря, зато в VI классе в военном ведомстве помимо чина коллежского советника существовал еще чин военного советника.

В остальном система была обычной: II класс — действительный тайный советник, III — тайный советник, IV — действительный статский советник, V — статский советник, VI — коллежский советник, VII — надворный советник, VIII — коллежский асессор, IX — титулярный советник, X — коллежский секретарь, XII — губернский секретарь, XIII — провинциальный секретарь и XIV — коллежский регистратор. В дальнейшем она осталась практически неизменной до 1917 г.

Получение первого классного чина

Вхождение в состав военных чиновников осуществлялось различными путями и имело много общего с пополнением чиновничества вообще. В принципе, стать чиновником военного или морского ведомства можно было на тех же основаниях, что и всякого другого: выслужиться из канцелярских служителей ведомства (среди которых существовала своя иерархия — копиисты, подканцеляристы, канцеляристы) или окончить учебное заведение, аттестат которого давал право на классный чин.

Однако состав чиновников военного и морского ведомств пополнялся и специфическим путем: во-первых, производством из нижних чинов армии и флота — унтер-офицеров (и это был один из главных каналов пополнения военного чиновничества), и, во-вторых, переименованием в гражданские чины офицеров, находившихся на нестроевых должностях. Это могло иметь место как в случае нахождения офицера на соответствующей должности сначала в офицерском чине, так и в случае перевода на такую должность строевого офицера. Дело в том, что ряд должностей по штату было разрешено замещать как военными чиновниками, так и офицерами (в этом случае офицеры обычно сохраняли свои военные чины как более почетные по понятиям того времени), но статус этих должностей мог меняться в сторону причисления их к чисто «чиновничьим». Некоторые же должности в военном ведомстве предназначались исключительно для «классных чинов», и для

перешедшего на них офицера переименование в гражданский чин было обязательным.

Довольно широко состав военного чиновничества пополнялся за счет перехода чиновников из гражданских ведомств, что не представляло особенных затруднений, поскольку функции этих лиц были одинаковыми. Скажем, преподаватель общеобразовательных предметов мог с одинаковым успехом преподавать и в гимназии, и в кадетском корпусе, делопроизводитель или столоначальник казенной палаты или таможни мог выполнять аналогичные обязанности в провиантской комиссии и т. д. Поэтому если переименование в офицерские чины гражданских чиновников было делом крайне редким, а для не имевших их ранее — практически невозможным, то переход на службу в военное ведомство в «классных чинах» затруднений не представлял. Многие чиновники даже по несколько раз переходили из военного в гражданское ведомство и обратно.

На должности военных чиновников назначались и выпускники университетов. В частности, еще в 1757 г., до Манифеста «О вольности дворянства», военнообязанным дворянам было разрешено вместо военной службы учиться в университете и потом поступать на службу чиновниками, в том числе и в армию.

В начале XIX в. выпускники университетов принимались на службу сразу с более высокими чинами: окончившие со званием действительного студента получали сразу чин XII класса, со званием кандидата — X; получившие степень магистра производились сразу в чин IX класса, а доктора — VIII. Выпускники духовных академий, окончившие их по 1-му разряду, имели право на чин IX класса, а выпускники духовных семинарий приравнивались к студентам университетов. Выпускники институтов, лицеев и высших училищ в зависимости от успехов также получали чины XIV–IX классов. Окончившие классические гимназии начинали службу с чином XIV класса. Выпускники остальных (средних и низших) учебных заведений поступали на службу канцелярскими служителями и производились в первый классный чин в зависимости от принадлежности к одному из разрядов по образованию (2-й разряд — со средним, 3-й — с низшим) и по происхождению. Имеющие среднее образование потомственные дворяне производились в первый классный чин через 1 год, дети личных дворян, духовенства и купцов 1 гильдии — через 2, дети не имеющих чина ученых, художников и канцеляристов — через 4, имеющие низшее образование — через 2, 4 и 6 лет соответственно (дети купцов 2 и 3 гильдий и представители податных сословий — через 12 лет). Право поступления на службу в том чине, на который давал право аттестат

учебного заведения, сохранилось и при отмене в 1856 г. преимуществ по дальнейшему чинопроизводству в зависимости от образования.

Со временем требования к образовательному уровню повысились. С одной стороны, был прекращен прием лиц, не получивших образования в объеме уездного училища, а с другой — были повышены права получивших ученые степени. С конца XIX в. для поступления на службу необходимо было представить аттестат об окончании высшего или среднего учебного заведения либо свидетельство о прохождении 6 классов одного из заведений, равных гимназии. При этом лица с высшим образованием могли назначаться на должности сразу до VIII класса, а имеющие ученую степень доктора или магистра — VII класса. С 1897 г. военные чиновники принимались на службу только после окончания учебных заведений (поступая на действительную службу в войска, они сдавали экзамен на чин при военных училищах). И только в виде исключения, как временная мера, был допущен прием по экзамену по особой программе, равной программе для испытания вольноопределяющихся 2-го разряда.

Однако основным каналом пополнения корпуса военных чиновников (как и офицеров) было производство в классный чин лиц, уже находившихся на службе, прежде всего унтер-офицеров соответствующих служб. Последние допускались к производству в классный чин только на вакансии в тех частях и учреждениях, где они состояли на службе. Командиры частей представляли списки кандидатов в Военную коллегию, а та — в Сенат, который из 2–3 кандидатур избирал наиболее достойных и одновременно с назначением на должности (он имел право назначения чиновников до VIII класса включительно) производил их в чины, положенные по штатам для этих должностей. При этом возможно было получение сразу более высоких чинов. Например, унтер-офицеры, назначаемые на должность аудитора, производились прямо в титулярные советники (IX класс). Это практиковалось еще в начале XIX в., хотя в 1790 г. был установлен порядок получения первого классного чина только после выслуги 3 лет в предшествующем нижнем чине канцелярских служителей. В 1808 г. специальным указом было категорически запрещено производить без выслуги.

При Николае I как строевые, так и нестроевые унтер-офицеры, прослужившие в этом звании 20 лет, могли по их желанию производиться в чин XIV класса (коллежского регистратора) с назначением на должность комиссионера провиантских и комиссариатских комиссий; с 1835 г. им надо было выдержать экзамен (как у командира полка, так и в самих комиссиях) и за время службы ни разу не быть замеченным ни в нетрезвом виде, ни в

предосудительных поступках.

По положению 1844 г. лица, не окончившие курса в уездных или высших начальных училищах и не выдержавшие экзамена по специальной программе, могли производиться в первый классный чин только по выслуге довольно продолжительных сроков в зависимости от происхождения: даже дворяне должны были служить 4 года, а лица более низкого происхождения — до 12 и даже 16 лет.

Производство нижних воинских чинов в классный чин допускалось только на вакансии и при выслуге ими полного положенного им срока действительной службы. Они держали экзамены по общим предметам по курсу юнкерского училища (при училищах) и специальные экзамены по роду своей службы — при своих частях и учреждениях. При этом сначала сдавались именно последние, и лишь после их успешной сдачи эти лица направлялись в юнкерские училища для экзаменов по общим наукам и дисциплинарному уставу. Выдержавшие все экзамены именовались кандидатами на классную должность и производились на вакансии. Если вакансия имелась в другом месте, то кандидат мог переводиться туда для испытания и производиться по удостоению нового начальства. При увольнении в запас до производства кандидаты на классную должность могли получить первый чин при увольнении в запас, лишь прослужив кандидатами не менее 3 лет.

В 1891 г. ввиду недостатка военных чиновников для замещения в военное время классных должностей было разрешено назначать на должности до VIII класса включительно кандидатов на классную должность и нестроевых старшего разряда из писарей, знакомых с соответствующей специальностью, а также призванных из запаса строевых из вольноопределяющихся 1-го разряда и обычных призывников со средним и высшим образованием. Все эти лица именовались зауряд-военными чиновниками. Те из них, кто имел на гражданской службе классный чин, сохраняли его, а не состоявшие на службе, но имеющие по аттестату учебного заведения или ученой степени право на чин, утверждались в этом чине Высочайшим приказом. Зауряд-военные чиновники, назначенные из кандидатов в классный чин, могли по их желанию производиться в чин XIV класса, а имеющие классные чины — в следующие на общих основаниях с военными чиновниками, но сохраняя наименование «зауряд». В случае же определения их на штатные должности в военном ведомстве в мирное время приобретали все права военных чиновников и исключались из числа зауряд-чиновников. В запасе зауряд-чиновники состояли на общих основаниях, составляя едва ли не

весь комплект для низших должностей (к 1895 г. военных чиновников запаса насчитывалось всего 214 человек).

С 1902 г. проходящих действительную службу нестроевых старшего разряда из писарей стали подвергать особому экзамену на право назначения в военное время на классную должность. Экзамен проходил ежегодно перед увольнением в запас, к нему допускались все указанные выше лица, хорошо аттестованные по службе. Выдержавшие экзамен при призыве на службу в военное время получали звания зауряд-военных чиновников.

Чинопроизводство

В начале XVIII в., в годы Северной войны, порядок чинопроизводства для военных чиновников был установлен такой же, как и для офицеров, — по баллотировке старших по чину сослуживцев. Однако в дальнейшем эта практика отменена и чинопроизводство их установлено на тех же основаниях, что и во всех гражданских ведомствах: по старшинству в чине (велись списки чиновников каждого класса) без определенного срока выслуги и в виде исключения — «по достоинству», т. е. за заслуги.

В 1790 г. для военных чиновников (как и всех гражданских) установлен порядок производства в следующий чин по выслуге 3 лет в предыдущем — до VIII класса (коллежский асессор) включительно. Однако в чин VIII класса недворяне могли производиться по выслуге не 3, а 12 лет (так как этот чин сам по себе давал потомственное дворянство), за исключением производства за отличие. Производство в этот чин недворян осуществлялось с Высочайшего разрешения. В 1799 г. установлены сроки выслуги и для старших чинов (до V класса включительно): дворяне производились в коллежские асессоры через 4 года, в надворные советники — через 5 лет, а далее (только в наградном порядке и с Высочайшего разрешения), в коллежские советники, — через 6 лет и в статские советники — через 4 года. За отличие сроки могли быть сокращены.

Если производством в чины до VIII класса включительно ведал Сенат, то во все более высокие чины производство осуществлялось с разрешения самого императора. Сенат осуществлял производство раз в год — всегда в определенный день декабря. Те немногие чиновники Военной коллегии, которые при производстве в VI класс получали чин не коллежского, а военного советника, пользовались правами армейского полковника и при дальнейшем повышении производились не в общегражданский чин статского советника (V класса), а военный чин генерал-майора (IV класса).

На должности военных чиновников могли назначаться и отставные офицеры, но с обязательным переименованием в гражданские чины,

причем прослужившие в последнем офицерском чине менее 3 лет — в равный по классу гражданский чин. а 3 года и более — на один чин выше. В 1791 г. также установлено, что офицеры, служившие в комиссариате, Провиантском департаменте, счетной и инспекторской экспедициях (генерал–кригскомиссар, генерал–провиантмейстер, генерал–контролер и т. д.) и достигшие чина генерал–майора, при дальнейшем повышении производятся не в генерал–лейтенанты, а исключительно в гражданский чин тайного советника.

Указом 1809 г. для производства в чин VIII класса необходимо было помимо выслуги иметь университетский диплом или сдать при университете соответствующий экзамен. То же самое плюс еще общий 10–летний стаж на службе требовалось при производстве в чин V класса. Тем же указом отменено правило, согласно которому чиновники могли занимать должности лишь одним чином выше или ниже положенного по классу (еще по постановлению 1767 г. можно было производить в чины одним классом выше занимаемой должности). Однако вскоре были сделаны многочисленные изъятия и исключения из положения об образовательном цензе (в том числе и для чиновников военного ведомства).

Положением 25 июня 1834 г. указ 1809 г. окончательно отменен, и производство в чины согласовано по–прежнему с занятием соответствующей данному классу должности (с допущением получения чина лишь одним классом выше положенного по штату для этой должности). Вместе с тем для создания льготных условий прохождения службы лицам с высоким образовательным уровнем сроки выслуги в чинах были сообразованы с разрядом учебного заведения, которое окончил чиновник (высшее, среднее, низшее). Кроме того, чиновники, не имеющие высшего образования, могли производиться в чин VIII класса только в случае занятия соответствующей ему должности. При производстве за отличие сроки выслуги сокращались. В предлагаемой таблице наглядно отображено, через какое количество лет службы военные чиновники могли быть произведены в чин очередного класса.

Производство в чин очередного класса	С высшим образованием		Со средним образованием		С низшим образованием	
	За отличие	Общие	За отличие	Общие	За отличие	Общие
Из XIV в XII	2	3	3	4	3	4
Из XII в X	2	3	3	4	3	4
Из X в IX	2	4	3	4	3	4
Из IX в VIII*	2	4	3	4	3	5
Из VIII в VII	2	3	3	4	4	6
Из VII в VI	2	3	3	4	4	6
Из VI в V	3	4	4	6	6	8

* Для недворян сроки выслуги для получения чина VIII класса составляли соответственно 4, 6, 6, 10, 8 и 10 лет.

В 1836 г. в военном ведомстве разрешено по усмотрению начальства назначать на должности чиновников, имеющих чины одним классом выше или двумя классами ниже положенного для этой должности, а в случае необходимости — и более чем двумя классами ниже. Чиновники, занимающие несколько должностей, представлялись в чины по высшей. Чин военного советника был сохранен, но в него производились только члены общих присутствий в департаментах Военного министерства, чиновники особых поручений при министре, начальники отделений и секретной экспедиции министерства, а также лица, занимающие должности генерал-провиантмейстера, генерал-кригскомиссара и управляющих провиантскими и комиссариатскими комиссиями.

В 1856 г. (9 декабря) положение 1834 г. об ускоренном производстве в чины лиц с более высоким образованием отменено, и сроки выслуги в чинах стали едиными для всех: до получения чина VIII класса срок выслуги в каждом чине составлял 3 года, а из VIII в VII, из VII в VI и из VI в V — 4 года; при производстве за отличие эти сроки сокращались на 1 год. Такой порядок сохранялся и в дальнейшем. Военные чиновники запаса, поступившие на службу по гражданскому ведомству и получившие за это время повышение в чине, при поступлении вновь на действительную службу в военное ведомство сохраняли эти новые чины.

Численность военных чиновников и ее пополнение

Общую численность военных чиновников определить довольно трудно: до 1847 г. их учета военное ведомство не вело, а затем он был сосредоточен по департаментам Военного министерства. Поэтому точные данные имеются в основном о военно-медицинских чинах (которые как специфическая и узкопрофессиональная часть военного чиновничества учитывалась Военно-медицинским департаментом). Поскольку среди всей массы «классных чинов военного ведомства» военно-медицинские чины

составляли от 30 до 40%, можно заключить, что общее число военных чиновников, не превышавшее в XVIII — начале XIX в. 1,5–2 тыс. человек, к концу первой четверти XIX в. увеличилось до 4–5 тыс., к середине XIX в. — до 7–8 тыс., а во второй половине столетия составляло около 10 тыс. и в начале XX в. — 11–12 тыс.

На флоте военные чиновники в первой половине XIX в. составляли более 1,3 тыс. человек, в 60–е гг. их число уменьшилось (вместе с сокращением общей численности флота) и до начала XX в. не превышало 1 тыс. человек. Численность военных чиновников росла в целом быстрее численности офицеров, что объясняется усложнением войскового хозяйства и ростом количества управлений, заведений, организаций и штабов военного ведомства. Особенно заметен этот рост во второй четверти XIX в., когда при неизменной численности офицерского корпуса число военных чиновников возросло почти вдвое. Численность военно-медицинских чинов за отдельные годы показана в таблице 73{247}.

В начале XX в., в годы перед мировой войной, численность военных чиновников превысила 10 тыс. человек: если к концу 1910 г. их насчитывалось чуть больше 9 тыс., то к концу 1911 г. — 10 496 человек (в том числе 3427 медиков), а к концу 1912 г. — 11 237 (в том числе 3708 медиков){248}. С началом войны, после мобилизации (запас военных врачей составлял всего 432 человека), численность военных чиновников увеличилась почти вдвое. В ходе войны (см. табл. 11) она еще больше возросла (особенно с учетом появления аппарата Земгора и других общественных организаций). На 1 марта 1917 г. числилось 56 627 военных чиновников{249}, а на 25 октября — 107 641 (в строевых частях — 20 693, в ополченческих частях — 1169, в тыловых частях — 43 260 и в общественных организациях, работавших по обеспечению армии, — 42 519){250}.

Убыль военных чиновников в мирное время была сравнительно небольшой, в процентном отношении намного меньше убыли офицеров. Причины были теми же, что и у офицеров, но сказывались они в гораздо меньшей степени. Основная причина убыли офицеров — выход в отставку по собственному желанию — слабо проявлялась в данном случае по крайней мере по двум обстоятельствам. Во-первых, условия службы военных чиновников значительно легче; во-вторых, военные чиновники были в среднем более низкого происхождения, меньшей в целом материальной обеспеченности, и служба для абсолютного большинства из них являла единственный источник средств существования, поэтому и оставлять ее они не торопились (состав чиновничества вообще был

намного более стабильным, чем офицерства). Да и во время войны военные чиновники несли несравненно меньшие потери, поэтому их численность никогда не опускалась до сколько-нибудь опасных пределов (на 1.1 1853 г. военных врачей насчитывалось 1814, а к окончанию Крымской войны — 2299). За 1826–1850 гг. убыло 3325 военных врачей. 555 ветеринаров и 280 фармацевтов{251}, т. е. армия теряла в среднем по 166 военно-медицинских чинов в год.

Одной из основных причин убыли врачей и других военных чиновников был переход их в гражданские ведомства — до $\frac{1}{3}$ всех убоивших. Перед мировой войной цифры убыли оставались очень небольшими в процентном отношении (см. табл. 74){252}.

За время мировой войны потери среди военных чиновников были относительно невелики (большая часть их приходилась на врачей): убито 39 военных врачей и 24 прочих военных чиновника, умерло от разных причин (в том числе и от ран) — 280 и 256, ранено и контужено — 531 и 315, пропало без вести — 53 и 35, попало в плен — 556 и 358, заболело — 4525 и 4577{253} .

О путях пополнения военного чиновничества уже было сказано; проблемы с этим, как правило, не существовало, за исключением военно-медицинских чинов, что связано с необходимостью их специальной подготовки. В XVIII — начале XIX в. едва ли не большую часть военных врачей составляли иностранцы или российские подданные иностранного происхождения (для первой половины XVIII в. это особенно характерно). По мере развития отечественного медицинского образования армия все в большей степени пополнялась русскими врачами. За 1826–1850 гг. на военную службу поступило 4027 врачей, 675 ветеринаров, 406 фармацевтов, в том числе из академии и университетов — 3091, 649 и 156 соответственно, а из других ведомств и вольнопрактикующих — 936, 26 и 250{254}.

Среди учебных заведений, готовивших медицинские кадры для армии, выделялась специально для этого предназначенная Военно-медицинская академия, речь о которой пойдет ниже. Воспитанники ее, как и окончившие гражданские медицинские факультеты, выпускались со званием лекаря, причем казеннокоштные воспитанники обязаны были прослужить в военном ведомстве 10 лет. а стипендиаты — 5 лет. В начале XIX в. академия давала в среднем 30 человек в год, университеты — 50. К середине XIX в. академия превратилась в основного поставщика медицинских кадров для армии (см. табл. 75){255}.

Свое значение Военно-медицинская академия сохраняла и в

дальнейшем, хотя по мере развития сети гражданского медицинского образования доля ее выпускников среди армейских медиков несколько упала. Пополнение армии врачами и прочими военными чиновниками перед первой мировой войной представлено в таблице 76{256}.

Военно–медицинская академия

Для подготовки военных чиновников специальных учебных заведений не существовало, да в этом и не было необходимости, поскольку характер их деятельности практически не отличался от гражданской службы. Однако служба военно–медицинских чинов имела свою специфику, поэтому, хотя в XVIII — начале XIX в. медицинское образование носило общий характер, рано или поздно должен был встать вопрос о специальной подготовке военных врачей. Кроме того, армия не могла бесконечно зависеть от случайных обстоятельств, влияющих на желание врачей поступать на военную службу (а кроме добровольного поступления иных путей не существовало), и нуждалась в гарантированном источнике пополнения военно–медицинскими чинами. Таким источником и стала Военно–медицинская академия. Она основана в 1798 г. по указу Павла I, но открытие ее состоялось в 1800 г.

Число учащихся в академии колебалось от 280 до 300 человек, ежегодный выпуск — 60–70 (но не все они шли в армию). За 1825– 1838 гг. в армию и на флот поступило из академии 636 врачей, 183 ветеринара и 34 фармацевта. К 1850 г. штат ее был доведен до 600 учащихся (на 1.1 1852 г. из 664 слушателей было 274 стипендиата, 38 казеннокоштных и 332 вольнослушателя){257}. В 1858–1861 гг. академия выпустила 554 врача, 50 ветеринаров и 55 провизоров{258}.

В 1862–1870 гг. академия выпустила лекарями 892 человека, провизорами — 179, ветеринарными врачами — 50, ветеринарными помощниками — 39. За 1871–1875 гг. выпуск всех специалистов составил 697 человек, в течение 1876–1878 гг. подготовлено 502 врача и 102 ветеринара, в 1879 г. — 188 врачей, 44 ветеринара и 1 фармацевт{259}.

В 60–х гг. XIX в. на 1–й курс принималось по 300 человек. Основную часть этого контингента составляли выпускники духовных и учительских семинарий. С 1869 г. прием в академию стал неограниченным в количественном отношении и число слушателей резко возросло. В 1881 г. срок обучения сокращен с 5 до 3 лет и подготовка получила более практический уклон, но в 1890 г. восстановлено прежнее положение. С 1882 г. прием снова ограничен и общий штат слушателей определен в 750 человек. За 1881–1894 гг. академия подготовила (считая и выдержавших при ней экзамен) 2792 врача и 71 ветеринара, из которых в военное и

морское ведомства направлено 1630 человек{260}. С 1862 по 1900 г. академия дала армии 8090 врачей{261}.

Военно–медицинская академия была средоточием лучших научных кадров. Достаточно сказать, что в ней работали С. П. Боткин, И. М. Сеченов, Н. И. Пирогов. Н. В. Склифософский и другие ученые мирового уровня. В XX в. ежегодное число слушателей академии составляло около 1 тыс., а выпускала она от 127 до 240 человек в год. Всего в 1900–1914 гг. выпущено 2130 человек, а в 1915 г. — досрочно отправлены в войска все 970 слушателей со всех курсов.

Прохождение службы

Определяли военных чиновников на службу тем же порядком, что и офицеров, — по их просьбам и представлениям, утверждаемым императором. В 1808 г. военному министру предоставлено право определять на службу и увольнять с нее чиновников Комиссариатского и Провиантского департаментов до VI класса своей властью, без доклада Государю. С 1810 г. отставные чиновники могли вновь поступать на службу также без такого доклада, но отставные офицеры, определяемые на должности военных чиновников (с переименованием в гражданские чины), должны были утверждаться императором.

В отношении командировок военные чиновники подчинялись тем же правилам, которые были установлены для офицеров. В отставку они увольнялись в декабре (в 1844 г. просьбы об отставке предписано подавать заранее с 1 января по 1 мая), но некоторых задерживали до тех пор, пока учреждения, где они служили, не сдавали отчетов за предыдущий год и сами чиновники не отчитывались за порученные им дела.

Увольнение могло быть отложено в случае большого некомплекта в штатной численности данного учреждения, грозящей остановкой делопроизводства. Право на предоставление военным чиновникам отпусков и увольнение их со службы было предоставлено тому же лицу, от которого зависело определение на службу. Не имели право на отставку до срока военные чиновники, обязанные прослужить определенное время за получение образования (10 лет): учителя батальонов военных кантонистов, произведенные в классные чины из унтер–офицеров, и воспитанники, выпускаемые ветеринарными помощниками с первым классным чином.

За провинности чиновник мог быть разжалован в солдаты (например, учитель Ораниенбаумского военно–сиротского отделения коллежский регистратор Избоенков был переведен рядовым в пехотный полк за то, что «чинил грубости старшему смотрителю и самовольно отлучился с дежурства в деревню, где произвел дебош в казенном питейном доме»)

{262}. Военным чиновникам, уволенным «за неприличные поступки», делалась соответствующая запись в указе об отставке (на них, как и на офицеров, велись послужные списки, и при увольнении им выдавали такие же указы об отставке). В ряде случаев объявлялось, чтобы уволенного чиновника «впредь ни к каким делам не определять». Указ же 1820 г. требовал, «чтобы при отставке чиновников, потерявших доверие, не ограничиваться запрещением определять их к делам Военного министерства, но вообще объявлять их недостойными отправлять какую бы то ни было казенную службу»{263}.

До 1847 г. учета военным чиновникам не велось, но с того времени, поступив в ведение инспекторского департамента Военного министерства, они включались в списки двух видов: общие (по классам) на чиновников первых восьми классов по старшинству (как в гражданской службе) и отдельные по каждому ведомству, входящему в Военное министерство (провиантскому, судебному и т. д.).

Порядок представления военным чиновникам отпусков был общим с офицерами, то же касалось и увольнения в отставку. В 1849 г. разрешено увольнять чиновников «по неспособности к занимаемому месту», подробно излагая в представлении причины, но в Высочайших приказах причину не объявлять, а указывать, что они «увольняются для определения к другим делам», чтобы не закрывать возможности к получению другой должности и дальнейшей службы. Военные чиновники в должностях секретарей и равных им (и выше) увольнялись только с разрешения военного министра и главноуправляющих.

Формулярные списки по форме 1849 г. (согласованной с общегражданской) представлялись раз в 5 лет к 1 января (ежегодно — сокращенные), а также при переводе и поступлении на службу. Патенты на высшие чины подписывались императором, на чин статского советника (V класс) — военным министром, на остальные — дежурным генералом Главного штаба. За патенты чиновники выплачивали следующие суммы: за чин I класса — 9 руб.. II — 6, III и IV — 4,5, V–IX — 2,25. ниже IX — 1,25 руб.

В 1859 г. для военных чиновников введен облегченный порядок перевода в другие места службы: на переводы, не требовавшие объявления в Высочайшем приказе, не нужно было спрашивать разрешения, а было достаточно взаимной договоренности начальников. В 1861 г. закреплено действовавшее в течение 45 лет в виде «временной меры» правило о том, что военные чиновники могут увольняться со службы в любое время года (а не только в сентябрьской трети).

Военные чиновники отмечались теми же видами наград, что и офицеры, но с рядом особенностей. В XVIII — начале XIX в. они могли награждаться за отличия (и в мирное время, и особенно во время войны — за боевые отличия) даже военными чинами (награждение следующим гражданским чином было обычным), в том числе и генеральскими. Орденами в общем порядке могли награждаться только старшие военные чиновники, в 1821 г. запрещено представлять к орденам чиновников ниже IX класса. Награды в этом случае заменялись деньгами.

Единоновременные денежные награды применялись и самостоятельно. Это была вообще наиболее распространенная форма награждения чиновников, в том числе и военных, причем нередко такое награждение носило массовый характер, когда, например, военным чиновникам какого-то учреждения или даже, скажем, всего «комиссариатского штата» повелевалось выдать «годовое по чинам и не в зачет жалованье». Кроме единоновременных выдач могли даровать сверх жалованья пожизненные пенсии (до 1824 г.), в 1824 г. эта форма поощрения заменена добавочным жалованьем на время службы в данной должности. В 1829 г. военным чиновникам, служащим в Сибири, назначалась дополнительная пенсия, выплачиваемая и при оставлении на службе: после 10 лет — $\frac{1}{3}$ оклада, за 20 лет — $\frac{2}{3}$ и за 30 лет — полный оклад в виде особой награды за трудные условия службы. Военные чиновники — участники обороны Севастополя получили право наравне с офицерами считать месяц службы там за год. В 1864 г. военные чиновники получили важнейшее преимущество над офицерами при получении наград: им отменены служебные аттестации, в результате чего отпали многие причины, ранее препятствовавшие получению наград.

Пенсии и обеспечение семей

Так же, как и офицеры, военные чиновники при отставке могли определяться на инвалидное содержание. Пенсии им назначались на тех же основаниях, что и всем гражданским чиновникам империи: положением 1764 г. пенсия в размере половинного жалованья назначалась чиновникам, прослужившим на действительной службе 35 лет (служба считалась не ранее, чем с 15-летнего возраста), или менее того — по болезни или увечью и не оштрафованным «за большие и бесчестные преступления». В 1818 г. пенсии положено было назначать не по окладам жалованья, а по чинам (за исключением медиков), а в 1819–1820 гг. минимальный размер пенсии установлен в 100 руб. в год (хотя бы сам оклад был меньше). На практике размер пенсии назначался по усмотрению и положение 1764 г. часто не соблюдалось. Военным чиновникам, раненым на войне, с 1793 г.

полагалась пенсия в размере полного оклада. Следующим чином при отставке награждали в том случае, если был выслужен положенный к производству срок, а мундир разрешалось носить в отставке после 10 лет службы в классных чинах; и на то, и на другое требовалось особое представление о Высочайшем соизволении. Пенсии семьям военных чиновников назначались на равных правах с семьями офицеров. В ряде случаев (выдающихся заслуг мужа) вдове назначалась особая пенсия.

После издания устава о пенсиях 1827 г. к нему составлено расписание, определяющее размеры пенсий для военных чиновников. Чиновникам, не получавшим на службе жалованья, не назначались и пенсии. В 1840 г. оклады пенсий (в рублях серебром) определены следующим образом: за 35 лет службы полагался пенсион в размере полного оклада жалованья, при этом высший оклад (по 1-му разряду) составлял 1143,6 руб., а низший (9-го разряда) — 85,8; за 30 лет — $\frac{2}{3}$ оклада (762,3 и 57,15 руб. соответственно), за 20 лет — $\frac{1}{3}$ оклада (381,15 и 28,59 руб.). Время, проведенное в боях и походах, засчитывалось военным чиновникам, как и офицерам, в двойном размере при выслуге к пенсии. Да и вообще принципы назначения пенсий военным чиновникам совпадали с применявшимися по отношению к офицерам.

Совершеннолетним детям умершего военного чиновника пенсия не назначалась. Но в 1836 г. было установлено, что правило, по которому чиновник, пропустивший 10-летний срок подачи заявления на пенсию, лишался ее, не распространяется на его семью. Из пенсии детям умершего чиновника не могли также делаться вычеты на погашение казенного начета, если таковой был наложен на него и не выплачен до смерти. Вдовам унтер-офицеров, получивших при отставке первый классный гражданский чин, по положению 1831 г. также назначалась пенсия.

С 1869 г. военные чиновники могли получать пенсии по последней должности, только прослужив на ней не менее 5 лет. На военных чиновников и их семьи распространялись правила о причислении к комитету о раненых (т. е. признания инвалидности) и о назначении пенсий из эмеритальной кассы военно-сухопутного ведомства.

Глава 7.

Социальный облик

Происхождение

Как уже неоднократно подчеркивалось, любой офицер в России уже по одному своему положению офицера был дворянином: потомственное дворянство приобреталось с первым же офицерским чином прапорщика (с 1845 г. он приносил личное дворянство, а потомственное давал чин майора, а с 1856 г. — полковника). Поэтому, строго говоря, весь офицерский корпус всегда был только дворянским по своему составу и другим быть не мог. Обычно под «социальным составом» офицерского корпуса в литературе понимается социальное происхождение его членов, однако смешение этих понятий (не в последнюю очередь вызванное задачей целенаправленной фальсификации всех сторон жизни дореволюционной России в советский период) породило путаницу и вызвало к жизни самые нелепые утверждения на этот счет. Характерный образчик подобной нелепости содержится, например, в одной из последних (и в целом неплохой) книг. Причем авторами двигала вроде бы благая цель: они пишут, что «вопреки мнению, встречающемуся в современной отечественной военно-исторической литературе, все же некоторая часть офицерского корпуса вплоть до 1798 г. состояла из лиц недворянского происхождения» (пока Павел I не запретил производить в офицеры недворян)... »Только после этого офицерский корпус сделался чисто дворянским»{264}.

Между тем дело обстоит как раз противоположным образом. «Чисто дворянским» офицерский корпус был и оставался всегда, а что касается офицеров недворянского происхождения, то «некоторая часть» (как мы увидим позже) была довольно значительной, причем как раз на протяжении XIX в. (т. е. после 1798 г.) она особенно существенно увеличивалась (указ же Павла I, о котором идет речь, во-первых, не запрещал вовсе производить в офицеры недворян, а только ограничивал это право фельдфебелями, выслужившими полные сроки службы, а во-вторых, действовал всего один год). «Встречающееся мнение», с которым полемизируют авторы, и вовсе сводится к тому, что офицерство русское было какой-то замкнутой кастой, куда вход лицам недворянского происхождения был заказан. Впрочем, подобное суждение есть лишь частный случай общего извращения советской историографией российской

истории.

При создании русской регулярной армии накануне Северной войны ее офицерский корпус комплектовался, естественно, из дворян — прирожденного военного сословия. Из дворян, кстати, комплектовался и рядовой состав целых частей, так что до 90% всех дворян тогда служили рядовыми и унтер-офицерами. В 1699– 1701 гг. существовала еще дворянская конница — реликт прежнего дворянского ополчения (1180 человек); кроме того, исключительно из дворян было сформировано 12 драгунских полков (12 234 человека), и множество дворян служили рядовыми в гвардейских и армейских пехотных полках вместе с рекрутами из крепостных. «Начальных людей» (офицеров) было 2078 человек. Если дворянская конница составляла только 1% численности армии, то дворянство в целом — около 25% всех военнослужащих{265}. Понятно, что и почти все офицеры были из дворян.

Однако уже в ходе Северной войны офицерский корпус стал быстро пополняться производимыми в офицеры унтер-офицерами и солдатами из других сословий (поскольку никаких Ограничений по происхождению не существовало), и за два военных десятилетия таких было произведено довольно много. К концу войны, в 1720– 1722 гг., офицеров недворянского происхождения (по сведениям «полковых сказок» — данных, представлявших командиры частей) в пехоте насчитывалось около 40%. а в драгунских полках — около 30%{266}. В последующий период, менее насыщенный военными действиями, процент офицеров недворянского происхождения несколько сократился. Обязательность дворянской пожизненной службы приводила к тому, что подавляющее большинство дворян становились офицерами.

Каждый дворянин, достигавший 16-летнего возраста, записывался в войска рядовым и если не выслуживал офицерский чин, то должен был так и служить всю жизнь рядовым или унтер-офицером (только немецкое дворянство Эстляндской и Лифляндской губерний было освобождено от обязательной службы). Встречались, конечно, случаи уклонения от службы (для чего некоторые дворяне записывались в другие сословия, в частности в купечество){267}, но их сурово пресекали и дворянам в любом случае не было иного пути, как выслужить офицерский чин. При незначительной в мирное время убыли офицеров это, разумеется, затрудняло выходцам из других сословий путь к офицерскому чину.

По данным полковых рапортов за 1755–1758 гг. (16 пехотных, 13 кавалерийских, 24 гарнизонных, 20 ландмилицких — примерно 42% всех полков русской армии), из служивших в них 3737 офицеров детей

потомственных дворян насчитывалось 3116 (83,4%), недворянского происхождения — 621 (16,6%). Среди последних было 99 детей личных дворян и обер-офицеров (2,7%), 215 — солдат (5,8%), 19 — казаков (0,5%), 48 — однодворцев (1,3%), 44 — крестьян (1,2%), 14 — посадских людей (0,4%), 6 — купцов (0,2%), 23 — приказных людей (0,6%), 56 — духовенства (1,5%), 17 — разночинцев (0,5%) и 80 человек (2,1%), не указавших происхождения{268}. Вторая половина XVIII в. вообще была временем, когда доля выходцев из дворян среди офицерского корпуса была наивысшей. Когда в 1762 г. был принят Манифест «О вольности дворянства», то дарованное им право выхода в отставку в любое время не распространялось на дворян, служивших в армии солдатами, они должны были служить 12 лет без права отставки. Таким образом еще более стимулировалась выслуга дворянами офицерского чина.

Состав офицеров по происхождению мог довольно сильно варьироваться по полкам. В начале XX в. по заданию Военного министерства проведено исследование социального происхождения офицеров ряда полков, послужные списки офицеров которых полностью сохранились за полтора столетия. Полки выбраны так, чтобы выборка была представительной для всей русской армии. Исследования показали такую долю офицеров недворянского происхождения (в процентах по годам) {269}:

Полки	1762	1816	1844	1894
4-й драгунский Псковский	13,5	18,4	23,3	21
35-й драгунский Белгородский	16	25,9	36,9	39,4
1-й драгунский Московский	12	19,9	20	25,6
38-й драгунский Владимирский	19,4	18,7	15,5	17,3
2-й драгунский С.-Петербургский	3	26,6	30,8	21,8
В среднем.	12,6	20,1	25,2	25
6-й пехотный Владимирский	45,6	14,5	20,4	60
6-й гренадерский Таврический	13,3	25,6	32,2	50,6
Лейб-гвардии С.-Петербургский	26	24,6	6,2	17,6
80-й пехотный Кабардинский	41	28,8	37,8	55,1
38-й пехотный Тобольский	31	37,3	35,9	40,8
В среднем:	31,6	26,2	26,5	44,8

С середины XIX в. офицерский корпус все в большей степени начинает пополняться выходцами из непривилегированных сословий, процент выходцев из потомственных дворян стремительно падает.

Особенно усилился этот процесс после принятия закона о всеобщей воинской повинности и открытия юнкерских училищ, дававших армии в основном недворянский контингент. Причем процент дворян (в том числе и детей личных дворян) снизился и среди учащихся военных училищ (с 76% в 1877 г. до 62% в 1881 г.), и только в военных гимназиях он оставался высоким (95%). Генерал Н. Милорадович отмечал в 1887 г., что в результате этого «процент офицеров не из потомственных дворян начал постепенно повышаться, достигнув в иных частях ужасающей цифры в 60–70%». С 1881 по 1903 г. процент потомственных дворян сократился даже среди учащихся военных училищ (с 54 до 47%) и кадетских корпусов (с 69 до 62%). В юнкерских же училищах процент детей личных и потомственных дворян упал с 63,4% в 1886 г. до 39,8% в 1902 г. В целом на 1 января 1897 г. среди всех 17 123 воспитанников военно-учебных заведений потомственных дворян насчитывалось только 8930 человек (52,1%). В результате доля выходцев из потомственных дворян среди всего офицерского корпуса русской армии изменялась следующим образом:

Чины	1864	1874	1897
Генералы	87,7	84,8	91,9
Штаб-офицеры	68,7	70,5	71
Обер-офицеры	53	47,2	46,3
Все офицеры	55,8	52,1	51,2

Вместе с офицерами пограничной стражи к началу 1897 г. из 43 720 офицеров потомственными дворянами по происхождению были 22 290, или 51,9%{270}.

Имеются также данные о сословном происхождении офицеров частей 15 мая 1895 г., затребованные Главным штабом от командования военных округов и сведенные вместе с разделением по родам войск. Согласно им, из 31 350 офицеров (без управлений и военно-учебных заведений) детей потомственных дворян насчитывалось 15 938 человек (50,8%), детей личных дворян (офицеров и чиновников, не дослужившихся до потомственного дворянства) — 7133 (22,8%), духовенства — 1855 (5,9%), почетных граждан — 1761 (5,6%), купцов — 581 (1,9%), мещан (в том числе 28 человек детей цеховых, низших канцелярских служителей и т. п.) — 2199 (7,0%), крестьян (казаков, в т. ч. солдатских детей) — 1839 (5,9%), иностранных подданных — 44 (0,1%).

По родам войск состав офицеров существенно разнился. В основном, самом массовом роде войск — армейской пехоте потомственных дворян было только 39,6%, в кавалерии — 66,7%, в артиллерии — 74,4%, в

инженерных войсках — 66,1%. Разумеется, наивысший процент потомственных дворян был в гвардии (в кавалерии — 96,3, в пехоте — 90,5, в артиллерии — 88,7%), но и здесь служили выходцы из других сословий, в том числе из крестьян и мещан (в гвардию выпускались лучшие по успехам воспитанники военных училищ, которые были самого разного происхождения, в частности, среди 75 офицеров, выпущенных в гвардию с 1898 по 1901 г. из Московского и Киевского военных училищ, потомственных дворян было только 20){271}.

В начале XX в. доля потомственных дворян в офицерском корпусе упала очень сильно, считая и гвардию, на них приходилось только 37% состава офицерского корпуса{272}, что расценивалось как весьма опасный симптом. Были приняты меры по стимулированию поступления потомственных дворян в военно-учебные заведения, в результате чего их доля в офицерском корпусе несколько повысилась. В высших эшелонах офицерского корпуса — среди генералов и полковников — доля потомственных дворян всегда была достаточно высока (эти люди начали служить, как правило, до военных реформ 60–70-х гг.) Например, среди полковников Генерального штаба (на 1.1 1904 г.) их было 74,2%, среди генерал-майоров Генерального штаба — 85,4%, среди всех генерал-лейтенантов (на 1.5 1903 г.) — 96,0%, полных генералов — 97,5%{273} Правда, представителей титулованной аристократии среди них было в это время (в отличие от XVIII — начала XIX в.) сравнительно немного. Среди полковников (на 1.5 1903 г.) таких имелось 62 человека (2,3%) — 24 князя, 11 графов и 27 баронов, среди генералов (на 1.12 1902 г.) -71 (5,1%) — 25 князей, 23 графа и 23 барона, в том числе среди генерал-майоров — 23 (2,6%), среди генерал-лейтенантов — 31 (8,0%) и среди полных генералов — 17 (13,2%). По службе они продвигались несколько быстрее остальных, но ненамного — в среднем на 3 года (а среди окончивших академии этой разницы практически не было): титулованные офицеры достигали чина генерал-майора в среднем за 27,4 года службы, нетитулованные — за 30{274}.

За годы, предшествующие мировой войне, имеются довольно подробные данные о происхождении офицеров различных категорий и родов войск. Сведенные вместе, они представлены в таблице 77{275}. Как видно из таблицы, доля дворян, почетных граждан и духовенства имела тенденцию к снижению, а доля выходцев из бывшего «податного сословия» (т. е. крестьян и мещан) — к росту, составив наконец более четверти всех офицеров и военных врачей и почти 60% военных чиновников. По-прежнему сохранялась разница в сословном происхождении офицеров по

родам войск.

Считая и гвардию, в пехоте выходцев из дворян в 1910 г. было 44,3%, в казачьих войсках — 44,6%, в железнодорожных войсках — 54,3%, в инженерных войсках — 69,5%, в артиллерии — 76,8% и в кавалерии — 79,7%. Выходцев из крестьян и мещан было к этому времени довольно много. Среди наиболее массового отряда офицерства — пехотных (в том числе гвардия) обер-офицеров они составляли в 1911–1912 гг. 36–36,3% — почти столько же, сколько дворяне (41,4–40,1%), в казачьих частях выходцы из «податного сословия» (здесь это были главным образом казаки) составили среди обер-офицеров 38,3–41,2%, среди штаб-офицеров — 22,1–24,5%, тогда как дворяне — 36,6–37,4% и 55,8–59,2% соответственно. Среди пехотных штаб-офицеров (полковники и подполковники) доля выходцев из «податного сословия» поднялась в эти годы до 14,5–16,6%. В армейских пехотных полках выходцев из дворян в конце XIX — начале XX в. было очень мало, в некоторых их почти не было, так что по сравнению даже с серединой XIX в. состав офицерства по происхождению изменился очень сильно. За годы после русско-японской войны процент дворян в результате принятых мер незначительно увеличился, достигнув примерно уровня 90-х гг. XIX в., т. е. половины, но вновь обнаруживал тенденцию к снижению.

В ходе мировой войны кадровый офицерский состав, как уже говорилось, почти полностью погиб или выбыл из строя (особенно в пехоте) и был заменен офицерами военного времени (о масштабах их подготовки речь уже шла в соответствующих главах). И, конечно, состав офицерского корпуса по социальному происхождению изменился в результате коренным образом. Он практически стал соответствовать составу населения страны. Сохранившиеся в архивах личные дела выпускников школ прапорщиков и ускоренных курсов военных училищ свидетельствуют при всех колебаниях по учебным заведениям и датам выпуска (ряд наборов был специфическим — преимущественно или полностью из студентов университетов или учащихся духовных семинарий и т. п.), что абсолютное большинство всегда составляют выходцы из мещан и крестьян, тогда как дворян всегда меньше 10%, причем со временем доля выходцев из низов постоянно увеличивается (а большинство прапорщиков было подготовлено именно в конце 1916–1917 гг.). Сведения о некоторых выпусках приводятся в таблице 78{276}.

Значительное число прапорщиков производилось непосредственно на фронте из солдат и унтер-офицеров. В целом из произведенных за войну офицеров до 80% происходило из крестьян и только 4% — из дворян{277}.

Во многом это был уже совсем другой офицерский корпус, однако нельзя сказать, что он чем-то принципиально отличался от довоенного: традиция воспитания офицера не прерывалась и новые офицеры в большинстве усваивали традиционные представления и ценности.

В заключение следует отметить, что степень наследственности офицерской профессии в России всегда была очень велика. Дети подавляющего большинства офицеров становились также офицерами, и среди офицеров всегда преобладали дети офицеров (в кадетских корпусах и военных училищах их доля никогда не опускалась ниже 70–80%). Офицерство, как было показано выше, никогда не было замкнутой кастой, но, став офицером, человек как бы сохранял эту профессию и для своих потомков, ибо чаще всего его дети наследовали ее. Во многих семьях все мужчины (отец, братья, дяди, двоюродные братья и т. д.) были офицерами. Это хорошо видно по «общим спискам офицерским чинам»: если в именном указателе имеются до десятка офицеров с одной фамилией (особенно не очень распространенной), то в подавляющем большинстве случаев 7–8 человек из них оказываются родственниками.

Существовали дворянские роды, представители которых из поколения в поколение служили только офицерами (вообще родов, чьи представители находились преимущественно на военной службе, было больше, чем тех, среди которых преобладали гражданские чиновники; родов, где было бы примерно равное число офицеров и гражданских чиновников, совсем мало); обычно, даже если родоначальник получал дворянство на гражданской службе, его потомки служили офицерами, и род превращался в чисто военный. Некоторые старые дворянские роды, уже достаточно разветвленные и многочисленные к XIX в., дали армии по несколько сот офицеров (в том числе десятки генералов). В начале XX в. на службе одновременно могло находиться до двух десятков офицеров — близких и дальних родственников, носящих одну фамилию. Все это имело важное значение для формирования будущего офицера, который с детства имел соответствующий круг общения.

Национальный состав

Сведений о национальном составе офицерского корпуса очень мало, строго говоря, они практически отсутствуют, поскольку официального понятия «национальность» в России в общем-то не существовало, она не играла никакой роли и ни в каких официальных документах не отражалась и не указывалась. Понятием, до некоторой степени заменявшим национальность, было вероисповедание. Вероисповедание обязательно указывалось во всех документах.

Под «русским» имелась обычно в виду не национальная, а государственная принадлежность, оно было синонимом слова «российский». Когда же слово «русские» употреблялось для обозначения именно национальной принадлежности, то всегда подразумевало и великороссов, и малороссов, и белорусов, которые всегда считались одним народом (каким и были) и между которыми в этом плане никаких различий никогда не делалось. Да и делаться не могло, поскольку официального указания на национальность человека, как уже сказано, не было, а все русские были, естественно, православными. Таким образом, слово «православный» в России тоже было синонимом слова «русский».

Большинство офицерского корпуса всегда, естественно, составляли русские. В 1695 г. из имевшихся в кадрах Иноземского приказа офицеров 1129 (86,4%) были русскими. Несмотря на очень большое число иностранцев, приглашенных на службу Петром I при формировании регулярной армии, к лету 1700 г. в новообразованных пехотных полках русских офицеров было 60%, а в драгунских полках только один офицер был иностранцем. В 1702 г. в полевой армии русскими были 847 офицеров из 1149 (или 73,8%). После 1711 г., когда началось вытеснение из армии иностранцев, офицерский состав стал еще более национальным. Процент иностранцев вновь возрос в 30-х гг., когда при Анне Иоанновне вновь был открыт широкий прием их на русскую службу. Например, в 1735–1739 гг. иностранцами были 33 генерала из 79, а на 28 русских полковников приходилось 34 иностранца. Как правило, это были немцы.

В последующие периоды доля немцев среди офицерского корпуса оставалась довольно значительной, но речь шла уже не об иностранцах (прием которых был резко ограничен), а о двух категориях русских подданных немецкой национальности: иммигрантах из различных германских государств (и католиков, и протестантов), во множестве переселявшихся в Россию во второй половине XVIII в навсегда и принимавших русское подданство, и прибалтийском (остзейском) немецком (часть родов была шведского происхождения) дворянстве (лютеранского вероисповедания). Причем если первые, как правило, принимали православие, женились на русских и уже во втором, максимум — третьем поколении полностью ассимилировались (речь идет о лицах свободных профессий и служилом элементе, а не о земледельцах-колонистах), то вторые, связанные с поместным землевладением и компактно проживавшие в Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниях, сохранялись как особая группа.

Из этой среды на протяжении двух столетий вышло множество

военных и государственных деятелей, деятелей науки и культуры (Крузенштерны, Врангели, Беллинсгаузены, Тизенгаузены, Эссены и многие другие хорошо известные роды). С присоединением Финляндии офицерство пополнялось также выходцами из шведского дворянства (также протестантского).

С возвращением в состав России западных территорий (так называемые «девять западных губерний»: Киевская, Подольская, Волынская, Минская, Могилевская, Гродненская, Витебская, Виленская и Ковенская) в состав офицерского корпуса стали вливаться представители многочисленного польского дворянства (все помещичье землевладение в этих губерниях было исключительно польским, как в Прибалтике — немецким). Особенно много их стало после вхождения в состав России собственно Польши — Царства Польского на правах личной унии (офицеры бывших польских войск с 1815 г. стали приниматься на русскую службу в обычном порядке).

Офицеры армяно-григорианского вероисповедания — это, естественно, армяне (часто только по этому признаку их и можно отличить, так как фамилии у очень многих армян были неотличимы от русских), мусульманского — азербайджанцы, горцы Кавказа, часть татар и башкир (а также некоторые польские роды — потомки служилых татарских мурз). Грузины, которых было среди офицеров довольно много были православными.

Все это следует иметь в виду, пользуясь данными о вероисповедной принадлежности офицеров. На 1.1 1862 г. состав русского офицерства по этому показателю (по родам войск и чинам) выглядел следующим образом (в %):

Род войск и чин	Православные	Католики	Протестанты	Армяно-григориане	Мусульмане
Пехота	69,6	21,2	8,4	0,3	0,5
Артиллерия	67,5	16,2	12,3	0,1	2,7
Кавалерия	65,9	23,5	10,5	-	0,1
Генералы	62,66	8,72	27,8	0,41	0,41
Полковники	64,46	9,81	24,67	0,8	0,26
Подполковники	68,47	18,47	12,1	-	0,96
Майоры	68,3	21,82	9,37	-	0,51
Капитаны	65,42	18,77	13,22	0,29	2,3
Штабс-капитаны	69,19	20,84	8,63	0,48	0,86
Поручики	68,34	22,47	8,12	0,22	0,85
Подпоручики	70,59	22,56	5,84	0,48	0,53
Прапорщики	72,35	17,9	8,44	0,33	0,98

В целом состав офицерского корпуса по вероисповеданию в 60–х гг. характеризуется следующими цифрами{278}:

Вероисповедание	1862	1867	1868	1869	В среднем
Православное	69,37	76,16	76,82	77,53	76,84
Униатское	-	0,05	0,03	0,02	0,03
Католическое	20,06	14,68	13,66	12,88	13,74
Протестантское	9,33	6,99	7,25	7,22	7,15
Армяно-григорианское	0,34	1,1	1,08	1,14	1,11
Мусульманское	0,9	1,02	1,16	1,21	1,13

Неравномерность вероисповедного состава офицеров по чинам, а также изменения по годам требуют некоторых пояснений. Бросается в глаза прежде всего то обстоятельство, что если среди прапорщиков один протестант (немец) приходится на 12 человек, то среди генералов — на 4 и даже менее (почти 30%), т. е. доля их вырастает в 3–4 раза; среди католиков, напротив, она падает почти в 3 раза — с 22–23% до 8–9% (причем наиболее резко падение — в 2 раза — наблюдается при переходе от подполковников к полковникам). Кроме того, всего за 7 лет общий процент офицеров-католиков сокращается почти вдвое.

Дело в том, что остзейские немцы традиционно играли большую роль в российском государственном аппарате и армии, особенно в конце XVIII — первой половине XIX в. (в это время доля их среди высшего комсостава обычно никогда не опускалась ниже трети, а в некоторых случаях доходила до половины). Они отличались высокой дисциплиной, сравнительно редко

выходили на протяжении службы в отставку, держались достаточно сплоченно, к тому же очень многие из них имели высшее военное образование.

В значительной мере они сохранили свои позиции и во второй половине XIX в., хотя непропорционально высокий процент немцев среди старших и высших офицеров бросался в глаза и вызывал недовольство в армии. Широко известен, например, случай, когда генерал Ермолов на вопрос о награде отвечал: «Государь, сделайте меня немцем!» Не менее известен и эпизод с Александром III. Однажды ему представляли штаб армейского пехотного корпуса — сплошная вереница фамилий с окончаниями на «бах», «гейм» и т. п., и когда между ними встретился какой-то генерал-майор Козлов, император воскликнул: «Наконец-то!» (Александр III немцев, как известно, не любил и, случалось, умышленно не давал им ходу.)

Что касается поляков, то после польского мятежа 1863 г. их очень высокий процент в офицерском корпусе стал вызывать опасения. Речь, собственно, шла не о лицах польской национальности — никаких ограничений по национальному признаку в России никогда не существовало (в том числе и для евреев: они подвергались дискриминации не как евреи, а как люди, исповедующие иудаизм — единственную религию, приверженцам которой запрещалось быть офицерами; еврей-христиане никаким ограничениям не подвергались, равно как и караимы), а о «католиках, уроженцах Царства Польского, западных и юго-западных губерний». Ограничений на производство их в офицеры также не было, но поляки-католики при этом должны были представлять свидетельство местных властей об их политической благонадежности и «преданности России».

Ограничения для этой категории офицеров (в нее входили не только упомянутые лица, но и все прочие офицеры, женатые на католичках-польках) действовали только в отношении места службы: они не могли служить в Варшавском военном округе, на Кавказе и в крепостях Европейской России, а в пехотных полках их могло быть не более 20% (вообще число иноверцев не должно было превышать в войсках 30%).

Надо сказать, что наличие в войсках, стоявших в определенной местности, слишком большого числа офицеров — местных уроженцев считалось нежелательным и ограничивалось обычно 20% (немцев и шведов — в Прибалтике, армян — на Кавказе), но здесь опять же играло роль исключительно вероисповедание. На Кавказе, в частности, большинство офицеров составляли как раз местные уроженцы, поскольку грузины как

православные в эти проценты не входили, а их было особенно много среди местных офицеров (например, в Кавказской гренадерской дивизии половина даже штаб-офицеров принадлежала к кавказским национальностям, а в 43-м драгунском полку среди всех офицеров насчитывалось только 7 русских){279}.

Во второй половине XIX в. все большее число немцев и поляков переходило в православие, поэтому определение национальной принадлежности по вероисповеданию становится все более относительным. По-прежнему практически все протестанты (лютеранского, реформатского, евангелически-лютеранского, евангелически-реформатского, аугсбургского вероисповеданий) — это немцы и шведы, католики-поляки, но немало лиц этих национальностей и среди православных. В последнем случае довольно сложно их вычислить, поскольку у многих русских офицеров немецкие фамилии остались от дальних предков, прибывших в Россию полтора-два столетия назад и сразу же ассимилировавшихся (среди всех офицеров с немецкими фамилиями 70% — православные), а, с другой стороны, даже среди офицеров с чисто немецкими не только фамилиями, но и именами или отчествами (т. е. собственно немцев) до 37% — также православного вероисповедания. В начале XX в. (1902–1903 гг.) вероисповедная принадлежность некоторых категорий офицеров выглядела следующим образом (в %):

Чины	Католики	Протестанты	Мусульмане	Армяне	Православные	В т. ч. грузины
Капитаны армейской пехоты	12,9	4,2	0,9	1,1	80,9	1,5
Полковники	6,1	8	1	,05	84,4	0,6
Генералы	3,8	10,4	0,6	0,4	84,8	0,3
В том числе:						
генерал-майоры	3,1	8,9	0,7	0,3	87	?
генерал-лейтенанты	4,4	12	0,2	0,2	83	?
полные генералы	2,3	16	-	0,7	81	1,5

Быстрота карьеры у представителей различных вероисповеданий различалась незначительно (лишь у лютеран она была несколько выше). Православные, в частности, достигали чина полковника в среднем через 26 лет, лютеране — через 24,5, католики — 27,4, мусульмане — 28,3, армяне — 27 лет; полные генералы названных исповеданий получили первый генеральский чин в среднем через 20,7, 20,1, 22 и 23 года, генерал-лейтенанты — 27,7, 26,8, 26,3, 37 и 30 лет, генерал-майоры — 30, 30,7, 30,1, 36 и 35 лет соответственно{280}.

Со временем доля православных в составе офицерского корпуса

увеличивалась за счет перехода в православие все большего числа представителей других вероисповеданий. Процесс приобщения к русской культуре сказывался и в том, что часть лиц других национальностей считали себя русскими. Для последних лет перед мировой войной имеются данные как по вероисповедной, так и по национальной принадлежности (очевидно, за основу брался родной язык), которые приводятся в таблице 79{281}.

По родам войск эти показатели не очень различались. Доля православных и русских наиболее высока была в артиллерии и инженерных войсках (примерно 90%), меньше — в пехоте (85–86%) и кавалерии (80–83%). В казачьих войсках православными были до 97–98% офицеров и русскими — до 95–96%. В офицерском корпусе были довольно широко представлены другие народы России: поляков и немцев насчитывалось по несколько тысяч, по несколько сот — латышей, литовцев, эстов, грузин, армян, татар, кавказских мусульман. Среди офицеров были также башкиры, калмыки, финны, шведы, караимы, корейцы и представители других национальностей.

Образовательный уровень

Как уже говорилось в главах, посвященных комплектованию и подготовке офицерского корпуса, прохождение офицерами курса военно-учебных заведений стало достаточно массовым явлением лишь в первой половине XIX в. Поэтому образовательный уровень офицерства в основном соответствовал тому, который был характерен для высшего сословия российского общества того времени и какой обеспечивало домашнее образование или имевшиеся учебные заведения. Специальное военное образование приобреталось большинством офицеров непосредственно на службе (основная масса их производилась из вольноопределяющихся). Это соотношение на 1862 г. показано в таблице 80.

К середине XIX в. до поступления на действительную военную службу большинство офицеров обучались в различных учебных заведениях, меньшая часть воспитывались дома. Качество домашнего образования могло быть очень разным в зависимости от условий и достатка семьи — в одних случаях могло превосходить получаемое в гимназиях и университетах, в других — быть достаточно элементарным. Поэтому о нем в целом трудно сказать что-нибудь определенное. Что касается учебных заведений, то в большинстве случаев это были кадетские корпуса и в меньшинстве — гражданские учебные заведения различных типов. О распределении офицеров по полученному образованию (как до поступления на службу, так и специальному военному в 60-х гг. XIX в.)

дает представление таблица 81{282}.

Учреждение в 60–х гг. юнкерских училищ позволило полностью решить уже к середине 70–х гг. проблему военного образования офицеров, однако затем встала задача его улучшения, поскольку юнкерские училища по качеству подготовки значительно уступали военным училищам. Задача эта решалась путем перевода части юнкерских училищ на военно–училищный курс с перспективой преобразования их в военные училища (см. главу III). Военное училище должно было стать основным звеном военного образования. Идеальная схема представлялась таким образом: молодой человек, получивший общее среднее образование в кадетском корпусе или гимназии, поступал в военное училище, где получал специальное военное образование, которое затем дополнял прохождением курса офицерских школ (стрелковой, кавалерийской и т. п.), а при необходимости — обучением в одной из академий. В этом направлении и развивалась система образования. К 1896 г. процент офицеров, окончивших военные училища, составлял (Варшавский военный округ): в гвардейской артиллерии — 100%, гвардейской кавалерии — 94,5, гвардейской пехоте — 86,3, армейской артиллерии — 91,4, инженерных войсках — 97,6, армейской пехоте — 18,9, стрелковых частях — 43,7, резервной пехоте — 10,8 и в крепостной пехоте — 8,1%. В 1898–1901 гг. доля окончивших военные училища поднялась с 51 до 60%, а доля окончивших юнкерские училища соответственно упала с 49 до 40%{283}.

Довольно значительное число старших офицеров и генералов получали образование в одной из военных академий. Среди полковников на 1903 г. таких было 775 (29%), в том числе Академию Генерального штаба окончили 343, юридическую — 137, артиллерийскую — 118, инженерную — 177. Окончание академии значительно убыстряло карьеру: если офицеры без академического образования получали чин полковника в среднем через 25,8 года службы, то окончившие академии — через 19,5 года (в том числе Генштаба — 18,5, юридическую — 18,2, артиллерийскую — 21,5, инженерную — 21,5). Среди генералов (1902 г.) академии окончили 684, или 49% (Генштаба — 366, юридическую — 89, артиллерийскую — 129, инженерную — 100), в том числе среди полных генералов — 59,6%.

Академическое образование имели 55% командующих войсками военных округов, 50% командиров корпусов и 49% начальников дивизий. (Большинство генералов, кстати, получили оптимальный тип военного образования — «кадетский корпус — военное училище». Кадетские корпуса (военные гимназии) окончили 50% полных генералов, 74% генерал–лейтенантов и 55% генерал–майоров.) Правда, имея неплохое

образование, некоторая часть генералитета не имела достаточного строевого ценза, в частности из 46 начальников дивизий не командовали ротами 22, батальонами — 14, полками — 8, бригадами — 13. К концу XIX — началу XX в. вследствие редкости в это время крупных военных действий большинство офицеров не имели боевого опыта: даже среди полковников участвовали в войнах только 50%, среди генералов — 58% (49% из них имели боевые отличия, 8% были ранены и 8% стали георгиевскими кавалерами){284}.

Ко времени мировой войны уровень военного образования офицерского корпуса стал приближаться к оптимальному. К этому времени все юнкерские училища были преобразованы в военные училища, но в армии оставалось еще довольно много офицеров, заканчивавших в свое время юнкерские училища. Очень незначительная часть офицеров (как правило, с гражданским высшим образованием) не проходили курса военных училищ, получив чин по экзамену. Данные об образовательном уровне офицерского корпуса за предвоенные годы приводятся в таблице 82{285}.

Возрастной состав

До второй половины XIX в. при существовавшем порядке чиновпроизводства возрастной состав офицерского корпуса был очень разнообразен. В конце XVIII — начале XIX в. нередко встречались генералы в возрасте до 30 лет и младшие офицеры в чинах от прапорщика до поручика старше 50 лет, потому что, с одной стороны, продвижение в чинах во время войны молодых людей, получивших первый офицерский чин в возрасте 16–18 лет, могло быть очень быстрым, а с другой — унтер-офицеры из рекрут иногда выслуживали офицерский чин лишь после 20 и более лет. Предельного возраста службы до самого конца XIX в. не существовало. Во второй половине XIX в., когда с развитием системы военно-учебных заведений производство в офицеры было упорядочено, столь резкие различия исчезли, но в результате замедленного процесса чиновпроизводства (при том что служба становилась для абсолютного большинства офицеров единственным источником средств существования) возрастной состав офицерского корпуса проявлял тенденцию к постоянному старению.

Служба в обер-офицерских чинах продолжалась по 25–30 лет, в армейской пехоте командование ротой длилось обычно более 10 лет, и при этом в армейской пехоте до 65% капитанов увольнялись в отставку, так и не получив чина подполковника, в возрасте свыше 50 лет. К началу 1892 г., например, средний возраст офицеров одной из пехотных дивизий был

следующим: полковников — 50 лет (от 45 до 54 лет), подполковников — 45 (от 40 до 55), капитанов — 38 (от 30 до 50), поручиков — 30 (от 23 до 41), подпоручиков — 25 (от 19 до 30); один полковник был в возрасте 33 лет и один поручик — 55. В последнем чине полковники прослужили от 7 до 14 лет, подполковники — в среднем 7 лет, капитаны — 15, штабс-капитаны — 12, поручики — 8 и подпоручики — 4 года. В 1903 г. среди всех капитанов армейской пехоты строевых частей (почти все — командиры рот) 2,2% были в возрасте от 26 до 35 лет, 22% — от 36 до 40, 43% — от 41 до 45, 27,6% — от 46 до 50 и 5,2 — от 51 до 60 лет, причем моложе 31 года было только 5 человек, а старше 55—3 человека. Среди ротмистров армейской кавалерии (командиров эскадронов драгунских полков) 4% были в возрасте от 30 до 35 лет, 42,4% — от 36 до 40, 41,7% — от 41 до 45, и 3% — от 46 до 50 и 0,7% — старше 50 лет{286}. Командование эскадроном часто также длилось более 10 лет, хотя в целом несколько меньше, чем ротой в пехотных полках.

Возрастной состав командиров полков сильно различался в зависимости от того, где они ранее служили: обычно армейские офицеры получали полк после 46 лет, а чаще — после 50, перешедшие из гвардии — несколько раньше — в основном до 50 лет, а 70% офицеров Генерального штаба — до 45 лет. Состав полковых командиров к 1903 г. приводится в таблице 83.

Средний возраст всех полковников в 1903 г. составлял 49,8 года (от 31 до 95), генерал-майоров (конец 1902 г.) — 53,8 (от 42 до 80), генерал-лейтенантов — 61,8 (от 45 до 85), полных генералов — 69,8 (от 55 до 92). При этом средний возраст начальников дивизий составлял 57,8 года (среди 49 начальников пехотных и гренадерских дивизий моложе 46 лет был один — великий князь Николай Михайлович, 9 человек были в возрасте от 51 до 55 лет, 20 — от 56 до 60, 14 — от 61 до 65 и 2 — от 66 до 70). Средний возраст командиров корпусов составлял 62 года (из 28 командиров армейских корпусов 1 был моложе 55 лет, 8 — в возрасте от 56 до 60 лет, 14 — от 61 до 65, 4 — от 66 до 70 и 1 — старше 75 лет), командующих войсками военных округов — 64,7 года. Возрастной ценз, введенный в 1899 г., предусматривал предельный возраст для командира части 58 лет, начальника дивизии — 63 и командира корпуса — 67 лет. Полковники вступали на службу в среднем возрасте 20,6 года и получали этот чин через 24,2 года (их средний возраст пребывания в офицерских чинах в 1903 г. составил 29,2 года). Генерал-майоры достигли генеральского чина в среднем через 30 лет, генерал-лейтенанты — через 27,2, полные генералы — через 20,7 года (средний возраст поступления на службу генерал-

майоров — 20,1, генерал-лейтенантов — 19,6 года){287}.

После введения возрастного ценза возраст старших и высших офицеров несколько снизился, кроме того, после русско-японской войны значительное число их было уволено в отставку (за один год — 341 генерал и 400 полковников). Возраст офицерского корпуса перед мировой войной показан в таблице 84{288}.

Наиболее молодой офицерский состав был в инженерных войсках (59,8% до 30 лет и 3,8% старше 50), затем в кавалерии (46,8 и 5,6%), казачьих войсках (46 и 7,4%), а наиболее старый — в артиллерии (46,8 и 7,7%). В пехоте в возрасте до 30 лет было 59,8% офицеров, а старше 50—6,9%.

Глава 8.

Идеология и мораль

В основе офицерской идеологии и морали всегда лежало выполнение воинского долга перед Отечеством. Этот долг русские офицеры честно исполняли во всех войнах, и офицерство по праву может считаться самым патриотичным слоем общества. Патриотизм, неразрывно связанный в России с преданностью престолу и вере предков, был краеугольным камнем офицерской психологии. Триединная формула «За Веру, Царя и Отечество» определяла все воспитание будущих офицеров и служила в дальнейшем «символом веры» офицера на протяжении всей его жизни. Поведение его и отношение к окружающей действительности поэтому неизбежно обуславливалось тем, что всякое явление или идея рассматривались офицером сквозь призму национальных интересов и задач страны.

Офицер воспитывался в представлениях о благородстве и почетности своей миссии, в осознании своей высокой роли в жизни страны. Представления о благородстве воинского дела имели давние традиции. Еще в приказе на смотре войскам 26 июня 1653 г. отмечалось, что «больше сея любви несть, да кто душу свою положит за други своя, и аще кто, воинствуя... за православную веру... небесного царства и вечной благодати сподобится»{289}. В одной из книг, изданных для офицеров по Высочайшему повелению военным ведомством в первой половине XIX в., обязанности офицера характеризовались следующим образом: «Офицер должен строго исполнять свои обязанности, постоянно стремиться к одной цели и безропотно приносить все пожертвования. В нем нравственная сила армии. Его дело сохранять священное сокровище военного духа, в котором заключена тайна прочных побед; его дело основать или утвердить могущество отечества, образуя ежегодно воинов из граждан, призываемых под знамена»{290}. Именно на осознании этой своей миссии зиждилось представление офицера о его положении в обществе: «Офицерское сословие есть благороднейшее в свете, так как его члены не должны стремиться ни к выгоде, ни к приобретению богатства или других земных благ, но должны оставаться верны своему высокому, святому призванию, руководясь во всем требованиями истинной чести и сосредоточивая все мысли и чувства на самоотверженной преданности своим высшим

военачальникам и отечеству»{291}.

В свете этого первостепенное значение имела присяга, ведущая происхождение из предшествующих столетий. По присяге 1651 г., например, офицер подтверждал «крестным целованием», что он «Царю прямити и добра хотети во всем правду, никакого лиха ему, Государю, не мыслить, с немецкими и иными людьми биться, не щадя головы своей до смерти, из полков и из посылок без указа не отъезжать и воевод не оставлять, по свойству и дружбе ни по ком не покрывать»{292}.

Нарушение офицером присяги расценивалось как бесчестие и не могло быть терпимо в том обществе, в котором они вращались, какими бы соображениями нарушивший присягу человек ни руководствовался. Весьма характерно, что декабристы выбрали для своего выступления именно такой момент, когда прежняя присяга утратила силу, а новая еще не была принесена, а само выступление проходило формально под лозунгом предпочтения одной присяги, уже принятой (отрекшемуся Константину Павловичу), другой, которую еще предстояло принять. В ином случае сколько-нибудь массовое участие офицеров и солдат в этой акции было бы попросту невозможным.

Офицер любых убеждений считал себя в принципе связанным присягой, и отступить от нее для него было столь же немыслимо и позорно, как, например, проявить трусость на поле боя. Поэтому случаи нарушения присяги офицерами были единичны. Офицер мог делать какой-то политический выбор только в том случае, если присяга переставала действовать. А такое положение сложилось только в начале 1917 г.

Для понимания офицерской психологии очень показательны размышления русского военного атташе во Франции (в годы мировой войны) полковника графа А. А. Игнатьева, когда он встал перед необходимостью издать приказ по вверенному ему управлению о признании высшей властью в России Временного правительства. Составив приказ, он долго не мог решиться подписать его. «Что же еще меня удерживает от подписания приказа, знаменующего мое вступление в ряды тех, кто сверг царя с престола? И в эту минуту какой-то внутренний голос, который я не в силах был заглушить, помог разгадать загадку: «А «присяга»?.. Офицерская присяга? Ты забыл про нее? Про кавалергардский штандарт, перед которым ты ее приносил, поклявшись защищать «царя и отечество» «до последней капли крови». Отдавая приказ, ты не только ее сам нарушишь, но потребуешь нарушить ее и от своих подчиненных. Стало страшно, хотелось порвать все написанное... Но сам-то царь... Он нарушил клятву, данную в моем присутствии под древними сводами

Успенского собора при короновании. Русский царь «отречься» не может... Николай II своим отречением сам освобождает меня от данной ему присяги, и какой скверный пример подает он всем нам, военным!»{293}. Такие соображения и определили тогда позицию офицерского корпуса.

Что же касается собственно политики, то ею офицерство почти не интересовалось, да и заниматься ею ему было запрещено. Еще с первой половины XIX в. при производстве в офицеры давалась подписка следующего содержания (текст ее так и оставался неизменен): «18... года... дня. Я, нижеподписавшийся, дал сию подписку в том, что ни к каким масонским ложам и тайным обществам, Думам, Управам и прочим, под какими бы они названиями ни существовали. я не принадлежал и впредь принадлежать не буду, и что не только членом оных обществ по обязательству, чрез клятву или честное слово не был, да и не посещал и даже не знал об них, и чрез подговоры вне лож, Дум, Управ, как об обществах, так и о членах, тоже ничего не знал и обязательств без форм и клятв никаких не давал» .

Даже после манифеста 17 октября 1905 г. всем офицерам и военным чиновникам запрещалось быть членами политических партий и организаций, образованных с политической целью, и присутствовать на собраниях, обсуждающих политические вопросы, а также вообще «принимать участие в скопищах, сходках и манифестациях, какого бы рода они ни были». Эти правила распространялись и на отставных офицеров, имеющих право ношения мундира. Офицерам запрещались также публичное произнесение речей и высказывание суждений политического содержания. В обществах неполитического характера офицеры могли состоять с разрешения начальства. Поэтому в политике офицеры, как правило, стремились не участвовать и не могли быть ее самостоятельными субъектами.

Для офицера всегда считалось главным совершенно другое — преданность Отечеству и любовь к избранной профессии: «Военный найдет в важности и пользе своих обязанностей нужную твердость к их исполнению, а в самом исполнении — средство возвысить себя в собственных глазах и заслужить общее уважение; и если бы усилия его остались временно без вознаграждения, то голос совести и истинная любовь к отечеству поддержат еще его рвение и преданность»{294}.

Гордость за профессию справедливо рассматривалась русскими военными публицистами как одно из самых важных качеств офицера. «Нигде жажда славы и истинное честолюбие, а не тщеславие, так не важно,

как в офицерском кадре. Служба военная в денежном отношении, безусловно, невыгодна и вознаграждает лишь того, кто увлечен военной славой и для кого роль руководителя кажется заманчивой и соединена с ореолом величия», — отмечал один из них{295}. Другой писал: «Нам нужен офицер, обожающий свой мундир, свой быт, все особенности военной службы с ее лишениями и опасностями, — офицер, которого ни за какое жалование нельзя было бы сманить ни в акциз, ни на железную дорогу, чтобы все это казалось ему скучным, неприветливым, совершенно чуждым его сердцу»{296}.

Естественно, что офицер должен был представлять собой образец честности и порядочности. Еще в «Учении и хитрости ратного строения пехотных людей» 1647 г. подчеркивалось, что «ратному человеку надобно быти зеркалу учтивости, чести и чювства» {297}. «Верность слову, не только клятве, всегда отличала офицера. Измена слову, фальшь — низость, недостойная звания его», — отмечалось в военной публицистике начала XX в.{298}. Офицерам строжайше запрещалось брать взаймы деньги у своих подчиненных и вообще у всех нижних чинов и вообще совершать поступки, которые хотя бы косвенно могли бросить тень на их порядочность. В русской армии всегда хорошо помнили простую истину, что для того чтобы иметь авторитет, командир должен прежде всего нравственно быть безупречным.

Проблема морального авторитета офицера стояла всегда, но решалась она в разное время по-разному, в зависимости от тех представлений, которые были распространены в обществе в соответствующее время. В допетровской России в этом плане большую роль играли имущественный ценз и родовитость начальника, местничество в данном случае объективно выполняло практическую дисциплинирующую функцию. В то время, когда в общественном сознании знатность происхождения почиталась наивысшей ценностью, более родовитый человек изначально обладал большим авторитетом уже в силу своего происхождения и мог его разрушить только отрицательными личными качествами.

В дальнейшем на первый план выдвинулся нравственный элемент. «Надобно покорять людей своей воле, не оскорбляя, — господствовать над страстями, не унижая нравственного достоинства, — побеждать сопротивления, не возбуждая покорности; но мы покоряемся всего охотнее истинному превосходству, душевным качествам, просвещенному уму, искусству привязывать к себе сердца; мы безропотно признаем власть, которая, наказывая проступок, уважает человека; мы беспрекословно покоряемся силе законов, независимой от произвола и прихотей. Влияние

офицера должно быть основано не на одном мундире, но на нравственном превосходстве», — говорилось в книге, рекомендованной офицерам в 30–х гг. XIX в.{299}.

Особенно большое значение приобрел этот вопрос в конце XIX — начале XX в. Один из военных писателей–офицеров вполне справедливо замечал: «Офицер, чтобы оправдать выдающееся свое положение, должен выдвигаться из толпы. До установления сословного равенства одна принадлежность к высшему сословию и блеск его положения уже доставляли ему почет и уважение. Ныне он может занимать то же положение только в силу редкого благородства своих побуждений и возвышенности нравственной натуры. Офицеру необходимо выделяться теми нравственными качествами, на которых основывается личное величие бойца, ибо с ним связано обаяние над массой, столь желательное и необходимое руководителю»{300}.

Качества, необходимые будущему офицеру, наиболее успешно формировались в семье, когда человек с детства усваивал соответствующие ценности, и это хорошо осознавалось в офицерской среде: «Что такое сын офицера? В большинстве это человек, который с детских пеленок проникается оригинальной прелестью военной жизни. В младенческом возрасте он уже бывает счастлив, когда ему импровизируют военный мундир. Едва он начинает лепетать, как уже учат его военной молитве за Царя, и образ Государя, столь обаятельный в военном мире, чудно рисуется в его детском воображении. Он засыпает под звуки военной зари и далеко уносится в своих мечтах в область героизма, слушая солдатские песни, исполненные военной поэзии. Учения, маневры, стрельбы, стройные линии солдат, военная музыка, знамя, окруженное своими защитниками, — все это становится ему близким, родным, он тоскует по этой обстановке, если отрывается от нее, и его совсем не тянет в какой–нибудь иной мир; он мечтает о кадетском корпусе. Там он получает удовлетворение, чувствует себя как бы на службе и привыкает гордиться этим»{301}. Собственно, на том, что изложено выше в несколько поэтизированной форме, и была основана система военного воспитания в России. Кадетские корпуса пополнялись в большинстве за счет офицерских сыновей.

Центральное место в системе моральных представлений офицерства всегда занимало, как хорошо известно, понятие офицерской чести: «Обладать честью, во все времена, было признано необходимостью для офицерского кадра. При всех остальных хороших служебных качествах офицер не может быть терпим, если он неразборчив в добывании средств к жизни и марает мундир. Кто не может возвыситься до истинного

понимания чести, тот пусть лучше откажется от звания офицера, необходимейшему и первому требованию которого он не удовлетворяет»{302}. Каково же было самое общее представление о чести? В изданной для офицеров книге «Наставление к самодисциплине и самовоспитанию» (имеющей подзаголовок «Собрание писем старого офицера своему сыну») на этот счет сказано следующее: «Истинная честь есть добрая слава, которой мы пользуемся, общее доверие к нашей правдивости и справедливости, к нашей чистосердечной любви к людям; поэтому ты не должен равнодушно относиться к чести, так как равнодушие к ней унижает тебя и исключает из общества достойных уважения людей»{303}.

С понятием офицерской чести неразрывно была связана неприкосновенность личности офицера. Ничто, кроме оружия, не могло касаться его. На страже неприкосновенности его личности стояли и закон, и моральные нормы. Офицер не мог подвергаться каким бы то ни было наказаниям, затрагивающим его достоинство как человека. Даже в общегражданской сфере. В отличие от других граждан, например, взыскание по векселю могло быть обращено только на имущество офицера, но не на его личность — личному задержанию по поводу неуплаты долга (аресту или заключению) офицер не мог подвергаться. Офицер и тот, кто собирался им стать, не мог, естественно, подвергаться телесным наказаниям. Вообще солдаты и унтер-офицеры, бывшие в штрафах (имеющие взыскания) за время службы, не должны были производиться в офицеры, однако для тех из них, кто отличился в бою, могло делаться исключение в уважение их военных заслуг. Но никогда и ни в каком случае, несмотря ни на какие заслуги, не мог быть произведен в офицеры человек, подвергавшийся телесным наказаниям, хотя бы раз наказанный телесно. Офицерские погоны ни при каких обстоятельствах не мог носить человек, чьей спины касалась розга. Более того, офицер, подвергшийся оскорблению действием, т. е. побоям, должен был уходить со службы, поскольку считалось, что пребывание среди офицерского корпуса публично униженных людей наносит ущерб офицерскому званию, как таковому.

С честью офицерского мундира было тесно связано понятие о чести своего полка, культивировавшееся в армии под влиянием исторических традиций. Славные боевые традиции полков русской армии, передававшиеся из поколения в поколение, служили могучим стимулом развития чувства гордости за принадлежность к своей части и вообще к русской армии. Существование полковых музеев, написание историй частей, широко и торжественно отмечавшиеся полковые праздники и

юбилей полков — все способствовало поддержанию этого чувства. Офицер нес как бы дополнительную ответственность за поддержание своей чести: роняя ее, он ронял не только свое личное достоинство офицера, но и честь своего полка.

Следует, правда, сказать, что все эти морально–нравственные нормы, надежно охраняя честь офицерского корпуса, были подчас жестоки и несправедливы по отношению к конкретным офицерам. В частности, вряд ли можно считать справедливым, когда офицер был вынужден уходить из армии, не только сам не погрешив против чести, но и вообще не имея возможности избежать ситуации, которая его к этому вынуждала: когда он, например, подвергался нападению на улице со стороны неизвестных лиц или просто пьяных хулиганов. Тем не менее во всех таких случаях пострадавшие офицеры должны были подавать в отставку. Известен также случай, когда один заслуженный полковник, несмотря на высокое покровительство, не был назначен на должность только потому, что почти сорока годами раньше в ссоре с товарищем подвергся от него оскорблению действием (хотя вышел после этого в отставку, потом вновь долго и безупречно служил, а сама ссора практически никому не была известна).

Когда речь шла о вопросах, затрагивавших вопросы пристойности и офицерской чести, даже самые высокие лица не считали себя вправе отступать от принятых норм независимо от своего желания и личного отношения к офицеру. Относительно одного такого случая великий князь Константин Константинович (один из просвещеннейших и гуманнейших людей своего времени), командовавший тогда лейб–гвардии Преображенским полком, писал Николаю II: «У нас очень огорчены тем, что общий в полку любимец Казакевич должен уходить. Я тебе сказывал про его женитьбу. Она состоялась на днях, а я не могу допустить, чтобы офицер вступил в брак с разведенной, которая при разводе добровольно взяла вину на себя. Казакевич в отчаянии, все мы тоже, но обстоятельства сильнее нас, и мы скрепя сердце должны им покоряться» {304}.

В офицерской среде пользовалось величайшим презрением угодничество перед начальством и доноительство. Последнее вовсе было невозможно, ибо, начиная с кадетского корпуса, правило «не фискаль» считалось краеугольным камнем поведения будущего офицера и с понятиями офицерской чести было абсолютно несовместимо. Человек, погрешивший против него, становился парией, и сотоварищи к нему относились с величайшим презрением.

Важнейшим явлением в деле охранения офицерской чести был, конечно, закон от 20 мая 1894 г. об офицерских дуэлях. Офицерские дуэли,

как хорошо известно, случались и ранее, но жестоко преследовались: их участников отдавали под суд, и речь могла идти о наказаниях, вплоть до смертной казни. Тем не менее вопросы чести считались в офицерской среде настолько значимыми, что запретами пренебрегали. К концу XIX в. только в Германии существовали законы, допускающие официально дуэли. Закон о дуэлях плохо вписывался в русское законодательство и вызвал немало возражений на страницах печати, в том числе и военной, по мотивам «жестокости» и «несоответствия нормам цивилизованного общества». Тем не менее он был сочувственно встречен большинством офицерского корпуса, поскольку ставил понятие офицерской чести на совершенно особую высоту и подчеркивал исключительность положения офицера в обществе (что в те годы, когда жизненный уровень офицера резко упал, а престиж офицерской профессии несколько пошатнулся, было немаловажно). И действительно, значение закона о дуэлях в этом плане трудно переоценить. На практике число дуэлей было крайне невелико, а дуэли со смертельным исходом были и вовсе единичны: с 1876 по 1890 г. состоялось 15 дуэлей, а за 10 лет после закона 1894 г. — 186, но из них бескровно окончилось 130 (70%), с царапинами или контузией — 9 (5%), с легкими ранениями — 28 (15%), с тяжелыми ранениями — 8 (4%) и со смертельным исходом — 11 (6%)^{305}. Но в морально-психологическом аспекте сама возможность поплатиться жизнью за нанесенное офицеру оскорбление играла огромную роль в деле поддержания чувства собственного достоинства и уважения его в других

Правила о разборе ссор, случающихся в офицерской среде, состояли в следующем: 1) командир полка о всяком оскорблении, роняющем достоинство офицерского звания, нанесенном офицером своему товарищу, а равно нанесенным офицеру посторонним лицом или офицером другой части, передает на рассмотрение суда общества офицеров; 2) суд общества офицеров принимает меры к примирению в том случае, если признает примирение согласным с достоинством офицера и с традициями части; в противном же случае постановляет, что поединок является единственным приличным средством удовлетворения оскорбленной чести офицера; 3) когда поссорившиеся согласно определению суда решат окончить ссору поединком, суд общества офицеров употребляет свое влияние на секундантов в том смысле, чтобы условия дуэли наиболее соответствовали обстоятельствам данного случая; 4) если в течение двух недель по объявлении решения суда общества офицеров поединок не состоится и отказавшийся от поединка офицер не подаст просьбы об увольнении от службы, то командир полка входит по команде с представлением об его

увольнении без прошения; 5) обязанности суда общества офицеров, указанные в предыдущих параграфах, возлагаются непосредственно на командиров частей в таких случаях, когда названного суда в части не имеется или когда самый случай, не касаясь обер-офицеров, превышает пределы его ведомства{306}.

Кроме того, офицерский суд мог ставить вопрос об изгнании из полка и в том случае, «когда обнаружится, что офицер, защищая свою честь или давая удовлетворение оскорбленному, не проявил при этом истинного чувства чести и личного достоинства, а обнаружил старание соблюсти лишь одну форму». Закон 1894 г., как его ни расценивать с юридической точки зрения, лишь узаконил издавна принятые нормы поведения в офицерско-дворянской среде, соответствующие представлениям о благородстве и достоинстве их носителей.

Для офицерской среды было характерно чувство войскового товарищества. Эта норма никогда не оспаривалась, и встречавшиеся порой в офицерской публицистике сетования на отсутствие или ослабление этого чувства лишь подчеркивают обостренное восприятие офицерством всякого недостатка в этой сфере. Чувство офицерской солидарности культивировалось в кадетском корпусе, военном училище и поддерживалось в полку. Нормы и характер общения между сослуживцами-офицерами весьма этому благоприятствовали. Дух офицерского собрания, где они общались в неформальной обстановке, чрезвычайно сплачивал офицеров, и понятие «полковой семьи» вовсе не было чем-то искусственно вымышленным.

По полковым праздникам командир полка обычно принимал офицеров у себя дома, да и общение семьями вне служебной обстановки (в собрании или на вечерах у отдельных офицеров) неизбежно сближало офицеров части между собой. Важное значение имела этика общения между начальниками и подчиненными. Как писал один из известных военных публицистов, «в то время, как люди дурного тона жмутся, чувствуют себя связанными в присутствии лиц, имеющих власть, люди, воспитанные в духе разумной дисциплины, держат себя с начальством совершенно непринужденно, исполняя все дисциплинарные тонкости по рефлексу. Идея военного братства только и может осуществляться в том обществе, где начальники не рискуют натолкнуться на бестактность подчиненных, а подчиненные — на резкость со стороны начальников. Истинная дисциплина именно к этому и ведет; ее девиз: отдай начальнику весь положенный долг и умей при этом держать себя с гордым сознанием своего офицерского достоинства»{307}.

Офицерская среда очень чутко реагировала на проявления пристрастности и несправедливости со стороны начальства и по достоинству ценила поступки, сообразные с чувством офицерского равенства. Командиры, руководствовавшиеся этим чувством, пользовались большой популярностью среди офицерства. Когда, например, командовавшему войсками Виленского военного округа генералу Ганецкому, который любил обедать среди офицеров, в офицерском собрании одного из полков однажды поставили тонкие закуски и шампанское в то время, как остальным офицерам — угощение попроще и вино худшего качества, генерал вызвал подпоручиков и посадил их на свое место, а сам пересел на другой конец стола, а после обеда устроил разнос командиру полка в присутствии высшего начальства.

Начальник по понятиям офицерства не должен был оказывать предпочтение одному из своих приближенных. В этом отношении весьма одобрительно воспринималось поведение одного из командиров корпусов, который никогда не отказывался от приглашения со стороны подчиненных, но, побывав у одного из командиров полков, считал необходимым на другой же день сделать визиты и всем остальным офицерам того же ранга. Случай, когда другой командир корпуса посадил под арест собственного сына, не вставшего при появлении у него в приемной старшего по званию офицера, помнили долго, тогда как другой случай — когда генерал, сделавший выговор адъютанту командующего войсками округа за неотдание чести, впал после этого в молчаливую немилость у последнего, «долго еще отравлял чувство справедливости во всем округе»{308}. Такие эпизоды, естественно, становились широко известны в офицерской среде, оживленно в ней комментировались и передавались «по наследству».

Отношения между офицерами различных родов войск, хотя и не лишены были некоторого чувства соперничества, всегда оставались достаточно уважительными, и каких-либо резких форм отчуждения или враждебности тут не было. Привилегированное положение гвардии, естественно, не могло не сказываться на самоощущении гвардейских офицеров. Но во время войны, например, если гвардия не принимала участия в военных действиях, масса гвардейских офицеров добровольно переходила в армейские полки. Соперничество между полками было в большей степени характерно как раз для самой гвардии, особенно для самых престижных ее полков — кавалергардов и конной гвардии например. Но нельзя сказать, чтобы такое соперничество накладывало заметный отпечаток на взаимоотношения в офицерской среде.

Гораздо существенней были этико-психологические противоречия

между офицерством и гражданской публикой. Почет и уважение, каким издавна была окружена военная служба, долгое время не создавали в отношениях между ними особых проблем. Тем более что до середины XIX в. подавляющее большинство образованного общества так или иначе было связано с офицерством — очень многие сами несколько лет служили офицерами, а практически все остальные имели офицеров среди членов своей семьи. Однако с последней трети XIX в. положение начало меняться. Резкое ухудшение материального положения офицеров, изменение их состава и некоторое снижение общественного престижа армии и офицерской профессии в целом (после 1878 г. Россия не воевала более четверти века, долго, как никогда ранее), с одной стороны, и целенаправленная кампания в прессе (в которой с 80-х гг. ведущие позиции заняли идеологи антигосударственного направления) — с другой, привели к росту отчуждения между офицерством и гражданской публикой образованного круга. Особенно это касалось так называемой «радикальной интеллигенции», «острая отщепенская суть» которой (по выражению П. Б. Струве) была несовместима с тем образом стабильности и порядка, который был воплощен в офицере.

Вообще какое-либо внешнее выражение офицером чувства своего социального превосходства идеологами офицерства рассматривалось как недостойное и нежелательное. В упоминавшемся уже «Наставлении» по этому поводу, в частности, было сказано следующее: «Старинное дворянство, предки которого в течение целых столетий жили не для своей наживы, самоотверженно служили не своим интересам, а государству и приносили не однажды жертвы на благо отечества, — такое дворянство вправе гордиться своим незапятнанным гербом, но не может возвышать себя и смотреть свысока на своих сограждан, кто бы они ни были. Точно так же и ты имеешь право на гордость, если принадлежишь к высшему сословию и хранишь свою честь как драгоценное достояние, но ты не можешь высокомерно относиться к другим людям, считая себя выше их только потому, что они не офицеры»³⁰⁹. Однако постоянное третирование офицерского корпуса либеральной прессой в конце XIX — начале XX в. закономерно способствовало выработке у офицеров предубеждения к той среде, из которой слышались все более злобные на них нападки, и среди офицерства росло чувство презрения ко всей этой публике, иногда переходящее на штатских вообще, которых именovali «шпаками», «штафирками» и т. п.

Естественно, что совокупность морально-нравственных и идеологических представлений офицерства наиболее полно проявлялась на

войне, на том поприще, к которому офицер себя готовил и ради которого он существовал. И лучшим подтверждением справедливости офицерских представлений о своем месте в обществе является тот факт, что русское офицерство на протяжении всей своей истории ни разу на поле боя не оставляло желать лучшего. Выполнение воинского долга было той сферой, в которой с лучшей стороны проявляли себя даже люди, не вполне совершенные в других отношениях.

Во все времена было характерно стремление большинства офицеров непосредственно принять участие в военных действиях, и обычно с началом войны шел поток рапортов о переводе в те полки, которые находились в составе действующей армии. И в ходе самих боев для офицеров было характерно стремление принять в них наиболее активное участие. В реляциях о ходе сражений, в списках представленных к наградам постоянно встречаются записи такого рода: «Новгородского пехотного полку подпорутчик Петр Селявин июля 12 и августа 1 числ, хотя ему, как и всем полковым квартирмейстерам, на правом фланге в безопасном от неприятеля месте в силу приказу быть подлежало, но он в обе баталии, испрашивая у полковника Фелкерзама дозволение, самоохотно во фронте стоял, оказывая свою храбрость» (1759 г.){310}.

А. В. Суворов за штурм Измаила в числе прочих представлял: «Полковника князя Лобанова–Ростовского, который по особой ревности к службе из доброй воли просился к Измаилу со ста пятидесяти мушкетерами вверенного ему Апшеронского полку, командовал оными и первым баталионом колонны, был впереди, подавая пример своим подчиненным, изъявил особливую храбрость при переходе через палисад при овладении набережных укреплений и ранен весьма тяжело. Киевского карабинерного полку полковника Гудовича, который також из единого усердия к службе просился к Измаилу, был на приступе при второй колонне и, взошед при первом взводе на бастион, командуя порученными ему отрядами, поражал неприятеля с отличною храбростию, подавая собой пример подчиненным»{311} и т. п.

О поведении офицеров в бою свидетельствуют многочисленные донесения, рапорты, представления и т. д., хранящиеся в военных архивах. Иногда в конце XIX — начале XX в. выходили отдельные издания такого рода (сейчас малоизвестные){312}. Но даже сравнительно немногие опубликованные документы дают возможность представить себе отношение офицеров к исполнению воинского долга. «Неустрасимостию и мужеством в самом жестоком огне удерживал неприятеля более 3-х часов, доколь весь почти батальон не был положен на месте, и с остатками

удерживал неприятеля до конца»; «С эскадроном, ему порученным, храбро кидался на неприятельскую колонну, опрокинул и во все время сражения поступал отлично»; «Оказал отличную неустрашимость, будучи в прежестокоем огне под картечными выстрелами, удерживал подчиненных своих в порядке, несмотря, что потерял оных более половины роты»; «Оказали отличную храбрость и мужество, будучи в сильном огне... сам тащил пушку для спасения оной... получив тяжелую рану, оставался при фронте до окончания сражения»; «С примерным мужеством водил командуемые им войска на неприятеля, отразив одного штыками»; «С отличною храбростью атаковал два раза неприятеля с полком, опрокинул одного и, врубаясь в самые ряды их, привел его в большое расстройство»; «Первый бросился на неприятеля и был причиною удачной атаки»; «Был впереди и, поощряя нижних чинов, отличался храбростию»; «С уланским полком, врубаясь в неприятельскую кавалерию, опрокинул оную»; «При ударе на неприятельскую батарею первой вскочил на оную, переколол канонеров и завладел орудием»; «Атаковали многочисленные неприятельские колонны и, врубаясь в ряды их, множество истребили на месте»; «Примером своего мужества поощрял солдат к поражению ирагов, находясь в самых опаснейших местах»; «Командовал батареею, поместя оную в удобнейшем месте, и верным действием причинял величайшее поражение неприятелю, опрокидывая большие колонны картечными выстрелами и обращая в бегство»; «Командуя полком, действовал с отличною храбростию и примерным мужеством сначала и до конца против неприятеля, которого, встречая всегда в штыки, опрокидывал с большим уроном»{313}.

Многие тысячи таких отзывов свидетельствуют об умелом командовании подразделениями и личном мужестве штаб — и оберофицеров русской армии. Практически на каждой странице описаний больших сражений встречаются такие вот эпизоды: «...подполковник Федор Меллер, премьер-майор Сергей Мосолов... сии оба, взойдя по лестницам на бастион и поощряя мужественно всех за ними идущих, в самих амбразурах получили раны первый в шею, а другой в голову, и Мосолов, провозмогая тяжесть оной, подавал пример подчиненным и далее, истребляя повсюду неприятеля с отличною храбростию, до окончания дела в сражении находился... отличной же в храбрости офицер, майор князь Друцкой-Соколин-ской, вступая на вал, убит, а оставшийся по нем секунд-майор князь Трубецкой заступил его место и, будучи уже на валу, поражал неприятеля вправо, а премьер-майор Степан Платов то же делал влево, и оба завладели бастионами, причем Платов получил

жестокою насквозь в живот рану, а брат его, полковник Петр Платов, ранен в грудь. Между тем неприятель, умножась, сильное делал сопротивление, но подполковник Орлов и при нем премьер-майоры Гиржев и Демьянов, с коих последней убит, с своею командою, обратясь вправо, одержали совершенную над неприятелем поверхность... подполковник же Орлов, получивши две раны, когда неприятель усиливался отбить батарею, то и тут он, Орлов, стремительно поражал и совершенную взял поверхность над оным...»{314}. Подобные примеры можно приводить бесконечно, но в этом, думается, нет необходимости, поскольку мужество русских офицеров хорошо известно.

Потери офицерского состава в войнах XVIII–XIX вв. исчислялись обычно сотнями, а в крупных — тысячами убитых (например, в русско-турецкую войну 1829 г. и в польскую 1831 г. было убито по 300 офицеров) {315} и умерших от ран и болезней, причем потери среди офицеров были значительно выше (пропорционально численности), чем среди рядового состава. Даже в начале XX в., когда в результате изменения способов ведения войны (уменьшение степени «личностного» соприкосновения враждующих сторон, использование пулеметов, увеличение роли артиллерии, позиционный характер боевых действий и т. д.) эта разница объективно стала уменьшаться, офицерские потери все равно оставались существенно выше солдатских — риск смерти для офицера всегда был больше.

В русско-японской войне общие потери убитыми, ранеными и пропавшими без вести среди офицеров составили 30%, среди солдат — 20%. Особенно велика была разница в убитых: из каждой тысячи офицеров убиты более 78, а из тысячи солдат — более 45. В годы мировой войны потери убитыми на 1000 человек составили среди офицеров 82,9, а среди солдат — 59,5{316}. За первый год мировой войны погиб почти весь кадровый офицерский состав пехоты (к концу войны там оставалось по 1–2 кадровых офицера на полк) Всего из строя выбыли десятки тысяч офицеров (сведения о потерях см в табл. 85). По более полным данным, общие потери за войну составили 130 959 человек (в том числе заболевших), из которых погибшие составили 19 315 (в том числе убитые и умершие от ран — 15 971) и без вести пропавшие — 3895 человек{317}. Мировая война фактически покончила с довоенным офицерским корпусом. Русское офицерство исполнило свой долг и в последний раз продемонстрировало верность своим нравственным принципам.

Глава 9.

Офицеры и русская культура

Военное дело, представляя собой одну из областей культуры общества, само по себе имеет важное значение для ее развития. Поэтому офицерство, чьей монопольной сферой деятельности было развитие военного дела, уже в этом смысле представляло собой один из важнейших субъектов отечественной культуры. Развитие военной мысли, разработка вопросов стратегии, оперативного искусства и тактики, военной администрации и т. п., равно как и совершенствование вооружений и военной техники, — все это, естественно, как специфически военные отрасли знания, было предметом деятельности офицерства, и на этом нет смысла специально останавливаться. Русская военная наука находилась, как известно, на высоком уровне, точно так же как и многие виды вооружений и боевой техники появились впервые именно в России. Развитие военно-научной и военно-технической мысли, к сожалению, значительно опережало возможности отечественной промышленности, поэтому далеко не всегда их плодами удавалось пользоваться в полной мере.

Однако связь русского-офицерства с отечественной культурой не ограничивалась развитием такой ее специфической отрасли, как военное дело. Деятельность представителей офицерского корпуса распространялась в той или иной мере на все области культуры. Кроме того, деятельность в чисто военной сфере часто также оказывала влияние на общественно-культурную жизнь страны. Одной из таких сфер деятельности была военная публицистика и журналистика, поскольку круг читателей военных изданий не ограничивался только офицерами, тем более что обычно эти издания не замыкались на чисто военных проблемах. Специальные военные периодические издания выходят с самого начала XIX в. Основной военной газетой на протяжении более ста лет оставался «Русский инвалид», основанный в 1813 г. и издававшийся сначала 2–3 раза в неделю, а с 1816 г. — ежедневно. Весь доход и многочисленные пожертвования подписчиков газеты шли в пользу раненых. Газета публиковала все военные известия, кроме того, там были разделы «Новости», «Фельетон», «Устные известия», «О театре» и другие, состав которых с годами менялся. С 1861 г. она выходила как газета «военная, политическая, литературная и ученая». С 1869 г. «Русский инвалид» становится органом Генерального

штаба. Наряду с официальной частью там публиковались теоретические статьи, исторические заметки, литературные произведения, библиографические обзоры и критические статьи. Газета просуществовала до конца 1917 г.

Выходил также ряд журналов. В 1810–1811 гг. в Петербурге отставной майор Рахманов издавал ежемесячно «Военный журнал», где помещались статьи по военной истории, топографии, архитектуре, стратегическим вопросам, а также математике и другим точным наукам. Публиковались статистико–географические описания соседних стран, чертежи и карты. В 1817–1819 гг. в Петербурге вновь начал выходить ежемесячно журнал под таким же названием, который редактировался Ф. Глинкой. Много места в нем занимали разбор войн начала XIX в., переводы произведений древних историков, статьи по военному делу; публиковались иногда и стихи. Третий журнал с тем же названием издавался в Петербурге в 1827–1859 гг. военно–ученым комитетом и имел периодичность 6 номеров в год.

Этот «Военный журнал» публиковал статьи по военным вопросам, мемуары, «извещения о подвигах российских воинов всякого звания», переводы иностранных статей. С 1846 г. объем журнала увеличился до 15 печатных листов, в нем появился библиографический отдел, значительно увеличился объем военно–исторических произведений (там, в частности, печатался М. И. Богданович), освещались вопросы внешней политики.

Еще в 1800 г. начал выходить первый военно–морской журнал под названием «Морские записки, или Собрание всякого рода касающихся вообще до мореплавания сочинений и переводов, издаваемых при Государственной Адмиралтейской коллегии комитетом». Редактором его был адмирал А. С. Шишков. Вскоре журнал закрылся, но в 1807 г. был восстановлен под названием «Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности». В 1807, 1809, 1815, 1820 и 1823 гг. журнал выходил по одной, а в 1824–1827 гг. — по две части ежегодно. Публиковались описания морских путешествий, статьи по метеорологии, а также хроника научной жизни Адмиралтейского департамента. В 1828 г. журнал получил название «Записки ученого комитета морского штаба» и издавался (нерегулярно) до 1845 г. Редактировал журнал Л. И. Голенищев–Кутузов, которому принадлежат также и очень многие статьи. Тематика статей журнала охватывала все стороны военно–морского дела: история русского флота, описание изобретений и исследований по кораблестроению и вооружениям, навигация, астрономия, сведения об иностранных флотах и т. д.

В середине XIX в. появляются два журнала, значение которых далеко выходило за рамки военного дела. Они оказали большое влияние на общественную жизнь в стране в целом. Это «Военный сборник» и «Морской сборник». Первый из них начал издаваться в 1858 г. и просуществовал до 1917 г., выходя ежемесячно. Журнал был создан по инициативе Д. А. Милютина, вскоре ставшего военным министром. Первоначальная его редакция состояла из профессора подполковника В. М. Аничкова, профессора капитана Н. Н. Обручева и Н. Г. Чернышевского. С 1859 г. редактором стал генерал-майор П. К. Меньков (с 1872 г. — А. И. Лаврентьев). Помимо официального отдела в журнале был отдел военных наук, литературный и отдел «Смесь», состоящий из мелких заметок и библиографии. В журнале сотрудничали виднейшие русские военные специалисты, большинство авторов составляли офицеры. Благодаря освещению ряда общественно-политических проблем журнал пользовался большой популярностью и в гражданских кругах; его тираж достигал большой по тем временам цифры — 5–6 тыс. экземпляров. «Военный сборник» сыграл значительную роль в деле распространения военных, исторических и юридических знаний.

«Морской сборник» выходил ежемесячно с 1848 по 1917 г. и освещал весь круг морских вопросов, а также публиковал статьи об общих проблемах государственного устройства, финансов, судостроительства, уделял внимание вопросам педагогики, социальным вопросам. В журнале печатались очерки о жизни приморских районов России, морских путешествиях и т. п., статьи по политэкономии, крестьянскому вопросу, государству и праву зарубежных стран. В «Морском сборнике» публиковалась книга И. А. Гончарова «Фрегат «Паллада», произведения А. Н. Майкова, К. М. Станюковича; в нем сотрудничали писатели А. Ф. Писемский, А. А. Потехин, М. И. Михайлов, А. Н. Островский и другие, а также Н. И. Пирогов. Тираж его тоже поднимался до 5–6 тыс. экземпляров.

Наконец, следует отметить журнал «Разведчик», издававшийся в Петербурге с 1889 по 1917 г. по несколько десятков номеров в год как «журнал военный и литературный». На его страницах обсуждались вопросы офицерской жизни и быта, публиковались рецензии, заметки о книгах, сведения о новых изобретениях и вообще обо всех новостях военного дела, печатались воспоминания генералов и офицеров. Обсуждение специальных и общих научных вопросов на страницах военной периодики не только способствовало распространению знаний среди офицерства, но и являлось вкладом в культурную жизнь страны. Тем же целям служила деятельность «Общества ревнителей военных знаний»,

образованного по инициативе офицера Генерального штаба Е. Ф. Новицкого в первой половине 90-х гг. XIX в. В 1898 г. общество было официально утверждено военным министром, и в начале XX в. оно насчитывало в своих рядах несколько тысяч офицеров, имея отделения в ряде крупных городов.

Одной из областей знания, разрабатывавшейся преимущественно офицерами, но имевшей общенаучное значение и интерес, была военная история, на ниве которой трудились многие генералы и офицеры русской армии и флота. Ими созданы капитальные труды различного характера: истории отдельных войн, общие работы по истории армии и флота, биографические словари, истории отдельных отраслей военного управления и родов войск, истории военного костюма{318}, хронологические своды{319} и т. д. В этой области работали генералы и офицеры: М. И. Богданович, Н. Е. Бранденбург, П. О. Бобровский, Ф. Ф. Веселаго, Н. Ф. Дубровин, А. В. Висковатов, П. А. Гейсман, князь Н. С. Голицын, М. А. Домонтович, С. П. Зыков, Г. А. Леер, Ф. Ф. Ласковский, Д. Ф. Масловский, Е. И. Мартынов, А. И. Михайловский–Данилевский, А. З. Мышлаевский, А. Н. Петров, В. А. Потто, А. К. Пузыревский, А. И. Ригельман, А. К. Баиов, Н. А. и Ю. Н. Даниловы, С. И. Елагин, А. Г. Елчанинов, Л. Н. Соболев, В. И. Харкевич, А. С. Кроткое, М. П. Хорошхин, Н. П. Глиноецкий, А. Л. Гизетти, А. С. Ладинский, М. К. Соколовский, Е. А. Альбовский, А. Н. Мартынов, В. И. Годунов, А. И. Григорович, Ф. А. Щербина, В. Р. Апухтин, Г. С. Габаев и десятки других. Написанные в то время военно-исторические труды остались непревзойденными; до настоящего времени не создано более полных работ по этим вопросам.

Особо следует остановиться на таком виде исторических трудов, как истории отдельных частей, поскольку в огромном большинстве случаев они писались рядовыми офицерами этих частей и являются наиболее ярким свидетельством вклада офицеров в отечественную историографию. Написание историй полков получило распространение в конце XIX — начале XX в., когда отмечались круглые (200-, 150-, 100-летние) юбилеи этих частей. Полковые истории создавались по инициативе командования или отдельных офицеров данной части и преследовали, помимо прочего, цель воспитания личного состава на ее боевых традициях. В предисловии автор одной из таких работ Е. М. Кирилов писал: «Представляя полную историю полка, я сопровождаю ее искренним пожеланием, чтобы она укрепила и еще более развила в нас совершенно естественную любовь и уважение к родному Новоторжскому полку и гордость к его славному прошлому и доблестному настоящему»{320}.

Истории полков представляли собой сочинения разного типа: от довольно кратких очерков объемом около ста страниц до нескольких томов по 500–600 и более страниц каждый. К этим историям, !' написанным на архивных источниках (многие из которых впоследствии были утрачены), обычно прилагались списки офицеров, награжденных, убитых и раненых чинов полка, различные документы и т. д. Взятые вместе, истории полков представляют собой уникальный исторический материал. Были составлены истории всех гвардейских полков (кроме 2-го и 3-го л. — гв. стрелковых), 13 из 16 гренадерских, 105 из 208 пехотных (в том числе из 160 наиболее старых — 101), двух стрелковых и трех Восточно-Сибирских стрелковых, 14 драгунских, 11 гусарских, 12 уланских (из 18 каждого вида), нескольких казачьих полков Донского, Кубанского, Терского, Забайкальского и Сибирского войск, 12 артиллерийских бригад, 6 саперных и 2 железнодорожных батальонов. Сюда же относятся истории 11 военных училищ, 22 кадетских корпусов, 7 казачьих войск. Общее число сочинений такого рода простирается до трехсот (некоторым наиболее известным полкам посвящено по 2–3 работы).

Важнейшей областью, обязанной своему развитию главным образом офицерам, являлись географические исследования. Русские мореплаватели, которым страна и мир обязаны многими открытиями в этой области, были в абсолютном большинстве адмиралами и офицерами русского военноморского флота. Из последних широко известны, например, имена П. Ф. Анжу, Ф. Ф. Беллинсгаузена. В. И. Беринга, А. И. Бутакова, М. Н. Васильева, барона Ф. П. Врангеля, М. М. Геденштрома, В. М. Головкина, Л. А. Загоскина. О. Е. Коцебу, И. Ф. Крузенштерна, М. П. Лазарева, Д. Я. и Х. П. Лаптевых, Ю. Ф. Лисянского, графа Ф. П. Литке, С. Г. Малыгина. Г. И. Невельского, П. К. Пахтусова, В. В. Прончищева, Г. А. Сарычева, Г. Я. Седова, С. И. Челюскина, А. И. Чирикова, Г. С. Шишмарева, В. В. Благодарева, Г. Л. Брусилова, Л. А. Гагемейстера, П. К. Креницына, М. Д. Левашова, Ф. Ф. Матюшкина, Ф. А. Минина, П. Н. Назимова, графа Е. В. Путятина, П. И. Рикорда, Ф. И. Соймонова, Д. В. Стерлегова, И. С. Унковского, А. К. Циволь-ко, В. Я. Чичагова, М. П. Шпанберга и многих других. Из 492 наиболее известных русских мореплавателей и географов около 300, или 60%, — офицеры (причем среди родившихся в первой половине XVIII в. офицеры составляют 55,7%, во второй половине XVIII в. — 80,3%, а в первой половине XIX в. — 83,9%); из 178 человек, чьи имена остались на картах мира, — 130 офицеров{321}.

Среди путешественников и исследователей суши также в основном встречаем имена офицеров: В. К. Арсеньева, Н. К. Бошняка. А. К.

Булатовича, А. В. Елисеева, Ф. С. Ефремова, Г. С. Карелина, Е. П. Ковалевского, П. К. Козлова, М. В. Певцова, Г. Н. Потанина, Н. М. Пржевальского, В. И. Роборовского, И. Х. Шничера и других. Такие географические науки, как геодезия, гидрография, метеорология, картография и т. п., развивались в России главным образом (а некоторые и почти исключительно) благодаря офицерам русской армии и флота. В этих областях науки наиболее весомый вклад внесли такие ученые, бывшие генералами и офицерами, как Н. Д. Артамонов, И. Ф. Бларамберг, М. И. Венюков, А. И. и Б. А. Вилькицкие, В. В. Витковский, М. П. Вронченко, К. И. Геннер, О. Г. Дитц, Н. И. Евгенов, Е. А. Жданов, Н. Н. Зубов, А. Ф. Кашеваров, И. П. Клапье де Колонг, Ф. А. Матисен, Н. Н. Матусевич, А. И. Нагаев, Д. Л. Овцын, Н. Д. Павлов, С. И. Плещев, М. Ф. Рейнеке, М. А. Рыкачев, И. И. Селиверстов, И. И. Стебницкий, И. А. Стрельбицкий, М. Д. Тебеньков, А. А. Тилло, Ю. М. Шокальский.

Среди ученых, работавших в других отраслях естественных и точных наук и достигших в них выдающихся результатов, также было немало тех, кто какое-то время или до конца жизни был офицером (или военным чиновником). Это, в частности, А. В. Гадолин, Г. П. фон Гельмерсен, Н. И. Кокшаров, К. Х. Кнорре, М. М. Поморцев, князь П. А. Кропоткин, Д. Д. Гедеонов, Н. Я. Цингер, А. Р. Бонсдорф, И. И. Померанцев, князь Б. Б. Голицын, А. Н. Крылов, В. Ф. Лугинин, А. Т. Болотов, Л. Л. Гейденрейх, Х. И. Гельман, А. Я. Данилевский, В. И. Исаев, Н. П. Кравков, А. А. Максимов, К. Е. Мерклин, Г. Ф. Морозов, А. А. Нартов, А. Д. Павловский, А. Ф. Рудзский, Д. С. Самойлович, В. И. Талиев, князь И. Р. Тарханов, М. К. Турский, И. Ф. Цион, Н. П. Чирвинский, А. Н. Энгельгардт и другие. Вообще таких ученых было довольно много. Например, среди зоологов, работавших во второй половине XIX в., их можно насчитать более 40 человек{322}.

Русская медицинская наука в значительной степени была обязана своим развитием представителям военной медицины — военным врачам (в том числе выпускникам Военно-медицинской академии). Среди наиболее известных из них — Г. И. Архангельский, А. Г. Бахрахт, Л. Г. Беллярминов, Е. Т. Белопольский, П. Ф. Боровский, А. А. Бунге, С. Е. Бурштын, И. Х. Вельцин, Н. А. Вельяминов, Я. В. Виллие, К. Н. Виноградов, Ф. Б. Вольф, И. Т. Глебов, Н. П. Гундобин, А. П. Доброславин, П. А. Дубовицкий, В. В. Заглу-хинский, О. И. Кальнинг, М. Я. Капустин, Н. К. Карпинский, П. З. Кондоиди, А. Я. Крассовский, А. И. Лебедев, В. А. Левашев, Н. Н. Мари, Г. М. Орреус, Т. П. Павлов, В. В. Пашутин, Н. И. Пирогов, П. П. Потираловский, М. Я. Преображенский, В. А. Ратимов, К.

К. Рейер, Г. Г. Скориченко–Амбодик, М. С. Субботин, Д. К. Тарасов, В. Н. Тонкое, Н. И. Торопов, Ю. К. Трапп, А. А. Чаруковский, Р. С. Четыркин, Я. А. Чистович, И. И. Энегольм.

Поскольку военное дело всегда было связано с разработкой вооружений, то неудивительно, что и в области технических наук, среди людей, сделавших важнейшие изобретения и технические усовершенствования, мы встречаем немало представителей офицерского корпуса. Это были, например, П. П. Аносов, М. А. Бонч–Бру–евич, Д. И. Журавский, Н. А. Забудский, Н. В. Калакуцкий, В. Л. Кирпичев, К. И. Константинов, С. И. Мосин, Н. П. Петров, Е. П. Тверитинов, А. З. Теляковский, В. М. Трофимов, Д. К. Чернов, В. Н. Чиколев, П. Л. Шиллинг фон Капштадт, А. И. Шпаковский, П. Н. Яблочков.

Наконец, и в области гуманитарных наук среди наиболее известных историков, филологов, экономистов многие носили военный мундир; к ним относятся, в частности, И. Н. Болтин, В. Н. Татищев, Д. П. Журавский, Н. К. Шильдер, князь М. М. Щербатов, В. И. фон Даль, А. А. Киреев, А. С. Шишков, А. Д. Чертков, А. С. Хомяков, Н. А. Львов, К. Н. Леонтьев и многие другие. Не случайно поэтому, что среди членов Академии наук насчитывалось не менее сотни ученых, служивших офицерами или носивших генеральские и адмиральские чины.

Связь офицерства с русской наукой и культурой и его значение для них обрисовывается еще более зримо, если вспомнить, что огромное число, многие сотни русских ученых и деятелей культуры происходили из офицерских семей. Если брать наиболее известных и выдающихся представителей естественных, точных и технических наук, то среди них можно назвать Д. Н. Анучина, А. И. Воейкова, А. А. Иностранцева, А. В. Клоссовского, И. В. Мушкетова, В. А. Обручева, А. П. Павлова, Н. А. Северцова, П. П. Семенова–Тян–Шанского, Е. С. Федорова, К. К. Гедройца, Ф. А. Бредихина, С. В. Ковалевскую, Д. М. Перевощикова, Д. А. Лачинова, Д. А. Гольдгаммера, Н. А. Умова, В. Я. Буняковского, А. М. Бутлерова, Н. С. Курнакова, В. В. Марковникова, Л. А. Чугаева, Н. Н. Бенардоса, М. К. Курако, Ю. В. Лермонтову, В. И. Беляева, И. П. Бородина, Н. Ф. Гамалею, А. Я. Гордягина, Л. О. Даркшевича, В. В. Заленского, Д. Н. Кайгородова, Н. М. Книповича, В. Л. Комарова, А. Н. Краснова, Н. И. Кузнецова, Н. В. Насонова, А. М. Никольского, А. Д. Нордмана, П. С. Палласа, С. М. Переяславцеву, И. А. Порчинского, В. В. Рейнгарда, Д. И. Ахшарумова, В. К. Высоковича, Г. А. Захарьина, барона Э. Ф. Руссова, И. М. Сеченова, А. С. Фаминцына, С. А. Усова, Н. А. Холодковского, И. Д. Чистякова и других. Да и среди ученых последующего советского периода было множество

выходцев из семей русских офицеров (среди наиболее известных, например, А. Е. Ферсман, П. Л. Капица, А. Л. Чижевский, Е. О. Патон, Б. М. Козо-Полянский, Н. П. Кренке и другие). Среди знаменитых представителей гуманитарных наук из военных семей вышли такие ученые, как Н. Я. Данилевский, Ал-др Н. и Ал. Н. Веселовские, М. М. Ковалевский, П. Г. Редкий, К. Д. Ушинский, Л. А. Кавелин, А. Ф. Шафонский. К. С. Веселовский, И. И. Янжул, А. Ф. Бычков, В. С. Иконников, Д. А. Корсаков, Д. В. Поленов, В. В. Радлов, П. А. Висковатов, Е. В. Аничков, И. М. Каманин, Н. Н. Любович и многие другие.

Если обратиться к сфере литературы и искусства, то увидим примерно такую же картину. Особенно это касается русской литературы. Абсолютное большинство наиболее значительных ее представителей либо сами служили офицерами, либо происходили из офицерских семей. Как хорошо известно, офицерами были Г. Р. Державин, М. Ю. Лермонтов, граф А. К. Толстой, А. А. Фет, Ф. М. Достоевский, граф Л. Н. Толстой, сыновьями офицеров — И. А. Крылов, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин и т. д. Вообще же среди тысяч русских литераторов XVIII — начала XX в. таких насчитывалось более трети, причем среди писателей XVIII в. офицеры или выходцы из офицерских семей составляли не менее 42,8%, среди писателей XIX — начала XX в. — не менее 30,5% {323}. Если учесть, что офицерство составляло в населении страны сотые доли процента, эти цифры следует признать огромными.

Среди деятелей музыкальной и театральной культуры также встречается немало лиц, носивших офицерские погоны. Среди них А. О. Аблесимов, М. П. Азанчевский, Н. И. Александров, Ф. М. Дубянский, В. И. Касторский, И. П. Котляревский, Ц. А. Кюи, Н. С. Мартынов, В. А. Крылов, Ф. Г. Орешкевич, Н. М. Пановский, М. О. Петухов, И. П. Прянишников, А. И. Слепушкин, В. А. Теляковский, Г. Н. Тимофеев. Н. С., А. Н., С. Н., Н. А., М. А. и Н. . Титовы, П. А. Трифонов, Н. Н. Фигнер, А. Ф. Христианович, князь А. А. Шаховской, граф А. Д. Шереметев, барон К. К. Штакельберг, Н. Г. фон Дервиз (Энде), Л. Г. Яковлев, Н. П. Яхонтов и другие. Из военных семей происходили такие известные деятели, как, например, П. И. Бларамберг, А. Е. Варламов, В. Г. Каратыгин. Д. М. Леонова, К. А. Марджанишвили, Н. Я. Мясковский, С. В. Рахманинов, В. И. Сафонов, А. С. Фаминцын и другие. Среди театральных деятелей начала XX в. насчитывалось около ста лиц, бывших офицерами или выходцев из военных семей {324}. Наконец, и среди русских художников и скульпторов некоторая часть тоже служила офицерами (как, например, А. П. Боголюбов, В. В. Верещагин, П. А. Федотов, Н. А. Ярошенко, бароны П. К., М. К. и М.

П. Клодты фон Юргенсбурги) или происходила из офицерских семей (например, И. Я. Билибин, П. М. Боклевский, М. Н. Воробьев, М. А. Врубель, М. Б. Греков, И. С. Ефимов, А. Д. Захаров, Ф. Ф. Каменский, О. А. Кипренский, В. В. Лишев, П. В. Митурич, Л. К. Плахов, К. А. Савицкий, Г. И. Семирадский, В. И. Суриков, В. А. Щуко и другие).

Примеры можно продолжать и продолжать, но вряд ли вызывает сомнение тот факт, что русское офицерство как в целом, так и через отдельных своих представителей было неразрывно связано со всеми областями отечественной культуры, было частью творившего ее социального слоя и внесло огромный вклад в ее развитие. Какую бы сферу культурной жизни России мы ни взяли, всюду оставили благотворный след люди в золотых погонах, выпускники кадетских корпусов и военных училищ.

Заключение

Русский офицерский корпус, на протяжении двух с лишним столетий объединявший все лучшее, что было в стране, и служивший опорой российской государственности, не пережил этой государственности и погиб вместе с нею в разразившейся национальной катастрофе. Понесший огромные потери в мировой войне, он стал затем главным объектом красного террора, и десятки тысяч его представителей нашли свой конец во рвах и подвалах «чрезвычайки». Гражданская война покончила с русским офицерством как социально–профессиональным слоем российского общества. Несколько десятков тысяч его представителей, до конца сражавшихся за Великую, Единую и Неделимую Россию и уцелевшие в этой борьбе, оказались за рубежом, рассеявшись по всему миру. Еще несколько десятков тысяч (в том числе служивших в Красной Армии) остались на родине, но к концу 20 — началу 30-х гг. их в несколько волн репрессировали. Сотни, пользовавшиеся доверием властей, дожили до конца 30-х, но после очередных чисток из них остались десятки.

Судьба русского офицерства глубоко трагична и заслуживает отдельного обстоятельного разговора. Здесь же хотелось особо сказать о традициях русского офицерства. В первые годы правления большевистской власти ни о каких таких традициях, понятно, речи идти не могло. Новая власть не только не нуждалась в них, но была откровенно враждебна к любым проявлениям не только внутреннего, но и внешнего родства своего состава с русским офицерством. Памятники русским полководцам по всей стране уничтожали, надгробные плиты воинских кладбищ пошли на мощение дорог, а человек в золотых погонах надолго сделался символом и воплощением абсолютного зла. Поистине, не было в 20–30-х гг. более

ненавистной фигуры и образа, чем образ русского офицера. Быть «бывшим офицером» или находиться в родстве с ним означало носить на себе каинову печать отверженности, быть не то что человеком «второго сорта», а элементом почти преступным. Ненависть к русскому офицерству была столь сильна, что даже во второй половине 30-х гг., когда обозначился объективно вынужденный переход к пониманию национально-государственных задач и вследствие этого появились некоторые элементы, свойственные старой русской армии (введение персональных воинских званий, восстановление казачьих войск), отношение к офицерам осталось прежним. О «реабилитации» русского офицерства не было и речи.

Только с началом войны положение стало меняться, но потребовались еще поражения 1941–1942 гг., чтобы окончательно осознать необходимость обращения к хотя бы внешним атрибутам русских воинских традиций. Акт возвращения золотых погон (вместе со словом «офицер») был, конечно, поворотным пунктом в отношении к русскому офицерству. И хотя он был, в сущности, актом политического мародерства (погоны как-никак введены после того, как были истреблены те, кто носил их по праву, и теми, кто их истребил), с этого времени началось нечто похожее на посмертную реабилитацию русского офицерства. Из новых кинофильмов на 15 лет исчезли отвратительные злодеи и карикатурные идиоты в золотых погонах, лихо разрубаемые пролетарскими клинками{325}. Герои литературных произведений, носящие офицерскую форму, сразу обрели человеческие черты и даже некоторые привлекательные моральные качества (вплоть до анекдотичной эволюции образа офицера от карикатурного к безусловно положительному в одном из романов, первая часть которого была написана до, а вторая — после 1943 г.){326}. В газетах стали появляться статьи о русских офицерах апологетического содержания, некоторые из них были позже сведены в книжку{327}, в то время и появилось словосочетание «традиции русского офицерства». Более того, комсостав советских войск был объявлен носителем «лучших» из них.

Что же, однако, это такое — традиции русского офицерства? Если речь идет о том, чтобы образцово исполнять воинский долг, проявлять мужество и героизм, то это должно быть свойственно военнослужащему любой армии. В остальном же едва ли можно было говорить о какой-то реальной преемственности между русским офицерством и советским комсоставом, в течение многих лет воспитывавшимся во вражде к нему. Если же вспомнить полярную разницу в самоощущении, идеологии, социально-психологическом типе, месте и роли в гражданском обществе и т. д., то вопрос об этом покажется просто неуместным. Тем не менее внешние

атрибуты копировались сознательно и последовательно; это позволяет заключить, что имела место, во всяком случае, попытка сделать некоторые шаги к тому, чтобы в перспективе наполнить хоть сколько-нибудь реальным содержанием провозглашенные утверждения о наследовании традиций.

Насколько далеко идущей мыслилась такая попытка и какова в тех условиях была реальная возможность ее осуществления — другой вопрос. Важнее то, что она оказалась весьма непродолжительной. Еще лет десять после войны публиковались книги и документы по истории русской армии, но затем, с конца 50-х гг., эта тенденция была пресечена и более в таком объеме никогда не возобновлялась. Интересно и другое: «реабилитировано» в 1943 г. было русское офицерство как некий символ, некоторая абстрактная форма, готовая к наполнению советским содержанием, но не конкретные, реально-исторические русские офицеры. Отношение к ним, живым и мертвым, оставалось, как правило, прежним. Как ни парадоксально, но и в годы наибольшего уважения к «офицерским традициям» невозможно было даже найти упоминание, что тот или иной советский военачальник был в свое время русским офицером. И это весьма показательно. Говорить об этом и вообще о русском офицерстве «в лицах» стало можно, правда, в 60–70-х гг. (когда все такие люди уже умерли). Более того, стала возможна даже констатация факта, что красными войсками в гражданскую войну такие люди в основном и командовали. Но тогда уже разговоры о «традициях русского офицерства» в духе 1943 г. и послевоенных лет давно уже вышли из моды в военно-политической литературе.

Соединения реального знания о русском офицерстве с готовностью действительно воспринять его традиции так и не произошло. Традиции, вообще говоря, не такая вещь, обладателем которой можно себя объявить. Их носителем можно либо быть, либо не быть. Захочет ли новое поколение современного офицерства видеть связь между собой и своими далекими предшественниками и считать себя их наследником? Во всяком случае, быть или не быть ему носителем традиций русского офицерства, зависит только от него самого.

Примечания

{1} Из нескольких десятков томов этого издания наибольший интерес для нашей темы представляют отделы 3 и 3а (книга 1. часть 3) 4-го тома: «Прохождение службы по военному ведомству» (сост. А. Н. Андроников и В. П. Федоров) и «Чинопроизводство по военному ведомству» (сост. А. В. Никифоров), изданные в 1912 г.

{2} Историческое обозрение Военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 г. Спб., 1850.

{3} Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования гос. имп. Александра Николаевича (1855–1880 гг.) I Сост М. П. Хорошхин. Спб., 1879–1881. Т. 1–6.

{4} Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. Спб., 1880–1892. Ч. 1–3.

{5} Обзор деятельности Морского управления в России. 1855–1880 гг. Спб.. 1880.

{6} Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III, 1881–1894 гг. Спб., 1903.

{7} Обзор деятельности морского ведомства за царствование имп. Александра III, 1881–1894 гг. Спб.. 1901.

{8} Военно-статистический сборник. Спб., 1871. Т. 4. Ч. 2.

{9} Военно-статистический ежегодник армии ул... 1910–1912. Спб., 1911–1914.

{10} Список Воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету, шефам и штаб-офицерам, также кавалерам Военного ордена и старшинам в иррегулярных войсках на.. Спб., 1767–1796 (за 1767 и 1768 гг. списки назывались «Список находящимся в штате при войске, в полках гвардии и в артиллерии генералитету и штаб-офицерам»).

{11} Список армейскому генералитету на... Спб.. 1797–1800; Список генералитету по старшинству на... Спб.. 1801–1834; Список штаб-офицеров по старшинству на... Спб., 1799–1829; Список армейским и гарнизонным штаб-офицерам на... Спб.. 1798–1799.

{12} Ранговый список генералитету и штаб-офицерам. По 16 апр. 1800 г. Спб.. 1800; Список генералитету и штаб-офицерам по старшинству. Спб., 1801.

{13} Список всем полковникам российской армии по старшинству на... Спб., 1817–1827.

{14} Список генералам по старшинству на. . Спб., 1838–1916.

{15} Список полковникам по старшинству на... Спб., 1838–1916.

{16} Список подполковникам по старшинству на... Спб., 1838–1914.

{17} Список майорам по старшинству на... Спб., 1838–1887.

{18} Список Генерального штаба на... Спб., 1816–1917.

{19} Список армейским офицерам по полкам и батальонам. Спб., 1797.

{20} Военный список октября 29–го дня 1800 года. Спб., 1800.

{21} Список генералам, штаб — и обер–офицерам всей российской армии с показанием чинов, фамилий и знаков отличия на... Спб., 1828–1832.

{22} Список гражданским чинам военного ведомства первых четырех классов по старшинству. Испр. по... Спб., 1885–1887; то же пятого класса. Спб., 1875–1891; То же шестого класса. Спб., 1882–1891; то же седьмого класса. Спб., 1848–1850; То же восьмого класса. Спб., 1848–1859.

{23} Список гражданским чинам военного ведомства первых пяти классов по старшинству. Испр. по... Спб., 1855–1856

{24} Список гражданским чинам военного ведомства первых шести классов по старшинству на... Спб., 1895–1912.

{25} Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства на... Спб., 1828–1916 (за некоторые годы название менялось).

{26} Список генералов, штаб — и обер–офицеров корпусов морского ведомства, чинов по адмиралтейству и числящихся по корпусам на... Спб., 1834–1910 (за некоторые годы название издания менялось).

{27} Список гражданским и медицинским чинам морского ведомства на... Спб. . 1847–1910.

{28} Общий морской список. 4.1–13. Спб.. 1885–1907; Алфавитный указатель 12–ти частей Общего морского списка. Спб., 1900.

{29} Список военным чинам 1–й половины 18–го столетия. Сенатский архив. Спб., 1895. Т.7. С. 636–811.

{30} Адрес–календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи Спб., 1765–1916.

{31} Наибольшее значение в этом отношении имеют фонды 395 (Инспекторский департамент) и 400 (Главный штаб) ЦГВИА.

{32} ЦГВИА, ф. 409.

{33} Высочайшие приказы о чинах военных. Спб., 1796–1917.

{34} В его книге «Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917–1920 гг.» один из разделов первой главы посвящен офицерскому корпусу накануне революции.

{35} Имеются в виду книги П. А. Зайончковского «Самодержавие и русская армия на рубеже XIX и XX вв.», где одна из глав посвящена офицерскому корпусу последнего десятилетия XIX в. (она была помещена статей в «Военно-историческом журнале» № 8 за 1971 г. и № 3 за 1972 г.), и Л. Г. Бескровного «Русская армия и флот в XIX веке», где специальных глав об офицерском корпусе нет, но в ряде разделов о нем идет речь с приведением ряда цифровых данных (особенно это касается военно-учебных заведений).

{36} В первую очередь здесь следует отметить брошюры П. Режепо, основанные на статистической обработке данных генеральского и полковничьего списков начала XX в.

{37} См.: Разин Е. А. История военного искусства. М., 1955. Т. 2. С. 275, 369, 413.

{38} См. там же С. 429–430, 558.

{39} См.: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории М., 1938. Т. 4. С. 107.

{40} См.: Японский милитаризм. М., 1972. С. 45.

{41} См.: Пименова Л. А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986. С. 31, 36.

{42} См. там же. С. 38.

{43} См.: Соколов О. В. Высшие офицеры французской армии и революционное правительство 1792–1794 гг. От старого порядка к революции. Л., 1988. С. 126.

{44} См.: Прокопьев В. П. Армия и государство в истории Германии. Л., 1982. С. 62–63. 73. 79.

{45} См.: Татищев В. Н. Историческое известие о старинных чинах II Древняя российская вивлиофика. 1791. Т. 20. С. 219.

{46} См.: Водарский Я. Е. Служилое дворянство в России в конце XVII — начале XVIII в. // Вопросы военной истории России. М., 1969. С. 237.

{47} См.: Мышлаевский М. З. Офицерский вопрос в XVII веке СПб. 1899. С. 26.

{48} Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. Ч. 1. С. 34.

{49} См.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1. № 529

{50} См.: Мышлаевский М. З. Указ. соч. С. 42.

- {51} См. там же. С. 48.
- {52} Там же. С. 36.
- {53} См.: Мейерберг А. фон. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга... // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1874. Кн. I, отд. 4. С. 176–177.
- {54} Мышлаевский А. З. Указ. соч. С. 37–38.
- {55} См. там же. С. 39.
- {56} См.: Троицкий СМ. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. М., 1974. С. 42.
- {57} Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. № 3705, 3890.
- {58} См.: Познанский В. В. Очерк формирования русской национальной культуры. М., 1975. С. 22.
- {59} Терпигорев С. Н. Оскудение: Очерки помещичьего разорения. Спб., 1881. С. 68.
- {60} Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России, 1861–1904 гг. М., 1979. С. 77.
- {61} См.: Познанский В. В. Указ. соч. С. 16, 19.
- {62} См.: Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 43.
- {63} См.: Корелин А. П. Указ. соч. С. 26.
- {64} См.: ПСЗ, П, Т. 20, № 19086.
- {65} . Там же. Т. 31, №31236.
- {66} См.: Корелин А. П. Указ. соч. С. 32–33.
- {67} См.: Троицкий С. М. Указ. соч. С. 88.
- {68} См. там же С. 92.
- {69} Там же. С. 368–370.
- {70} См.: Ганичев П. П. Воинские звания. М., 1989. С. 119.
- {71} Общий морской список. Спб.. 1885. Ч. 1. С.17.
- {72} См.: История Северной войны 1700–1721) гг. М., 1987. С. 32.
- {73} Там же. С. 34.
- {74} Рабинович М. Д. Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны // Вопросы военной истории России С. 229.
- {75} Автократов В. Н. Военный приказ (К истории комплектования и формирования войск в России в начале XVIII в.) // Полтава. К 250–летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 241.
- {76} Троицкий С.М. Указ. соч. С. 43.
- {77} Корелин А. П. Указ. соч. С. 61–62.
- {78} См.: Троицкий С.М. Указ. соч. С. 129.

{79} См.: Золотарев В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е. Во славу отечества Российского. М., 1984. С. 48.

{80} Столетие Военного министерства, 1802–1902. Т. 4. Ч. 3. Отд. За. Чинопроизводство по военному ведомству / Сост. А. В. Никифоров. Спб., 1912. С. 6.

{81} См.: Исторический очерк деятельности военного управления в России. Т. 3. приложение 56.

{82} Там же. Приложение 90.

{83} Автократов В. Н. Указ. соч. с. 239.

{84} История Северной войны 1700–1721 гг. С. 34; Рабинович М. Д. Указ. соч. С. 228.

{85} Рабинович М. Д. Указ. соч. С. 225.

{86} Автократов В. Н. Указ соч. С. 240.

{87} Там же.

{88} Столетие Военного министерства, 1802–1902. Отд. За. С. 111.

{89} Троицкий СМ. Указ. соч. С. 43–44.

{90} Там же. С. 125.

{91} См : Столетие Военного министерства, 1802–1902. Отд. За. С. 65.

{92} Там же. С. 161.

{93} Список полковникам по старшинству на 1 мая 1903 г.

{94} Режепо П. А. Офицерский вопрос. Спб., 1909. С. 16.

{95} Режепо П. А. Статистика полковников. Спб., 1905. С. 10.

{96} Режепо П. А. Офицерский вопрос. С. 17, 22.

{97} Режепо П. А. Статистика генералов. Спб., 1903. С. 6, 9–11.

{98} См.: Автократов В. Н. Указ. соч. С. 239.

{99} См.: Рабинович М. Д. Указ. соч. С. 234.

{100} См.: Список генералам и штаб–офицерам. Спб., 1797; Список штаб–офицеров по старшинству на 1809 г. Спб., 1809.

{101} См.: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. М., 1973. С. 81.

{102} Военно–статистический сборник. Спб., 1871. Т. 4. Ч. 2. С. 46.

{103} Исторический очерк деятельности военного управления в России... Т. 1, приложение 24.

{104} Там же. Приложение 25.

{105} Там же. Т. 3, приложение 60; Т. 3. С. 269–270; Т. 5. С. 222.

{106} Там же. Т. 3, приложение 38; Т. 5, приложение 82; Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. М., 1986. С. 11–12.

{107} Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. С. 65.

{108} Режепо П. А. Офицерский вопрос. С. 4–6.

{109} См.: Военно–статистический ежегодник армии за 1910 г. Спб., 1911. С. 39; То же за 1911 г. Спб., 1912. С. 54–55; То же за 1912 г. Спб., 1914. С. 54–55.

{110} См.: Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917–1920 гг. М., 1988. С. 22–24.

{111} См.: Гаврилов Л. М. О численности русской армии в период Февральской революции // История СССР. 1964, № 2.

{112} См.: Гаврилов Л. М., Кутузов В. В. Перепись русской армии 25 октября 1917 г. // История СССР, 1972, J4 3.

{113} Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. С. 546–548. Данные «Военно–статистического сборника» по военным чиновникам флота почти совпадают с данными «Отчетов по Морскому ведомству», использованных Л. Г. Бескровным, но по адмиралам и офицерам сильно занижены и включают, очевидно, только строевых флотских офицеров.

{114} Историческое обозрение Военно–сухопутного управления. С. 40.

{115} Исторический очерк деятельности военного управления в России. Т. 1. С.

{116} Столетие Военного министерства, 1802–1902. Т. 4. Ч. 3. кн. 1, отд. 3. Прохождение службы по военному ведомству: Ист. очерк / Сост. А. Н. Андроников и В. П. Федоров. Спб., 1912. С. 16.

{117} Там же. С. 70, 73, 80.

{118} Военно–статистический ежегодник армии за 1910 г. С. 306–307; То же за 1911 г. С. 360–361; То же за 1912 г. С. 172–173.

{119} См.: Режепо П. А. Офицерский вопрос. С. 13–15.

{120} См.: Россия в мировой войне 1914–1918 гг. В цифрах. М., 1925 С. 31.

{121} См.: Кавтарадзе А. Г. Указ. соч. С. 28, 52.

{122} См.: Историческое обозрение Военно–сухопутного управления. С. 46.

{123} См.: Исторический очерк деятельности военного управления в России. Т. 1.

{124} См.: Столетие Военного министерства. Отд. 3. С. 13.

{125} Исторический очерк деятельности военного управления в России. Т. 1, приложение 20: Т. 3, приложение 57; Т. 5, приложение 96.

{126} Столетие Военного министерства. Отд. 3. С. 70, 73, 80.

{127} См.: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. С. 98–99.

{128} Режепо П. А. Офицерский вопрос. С. 27.

{129} Военно–статистический ежегодник армии за 1910 г. С. 111; то же

за 1911 г. С. 88; то же за 1912 г. С. 88.

{130} См.: Кавтарадзе А. Г. Указ. соч. С. 24–26.

{131} См.: Лалаев М. З. Указ. соч. С. 136–137.

{132} См. там же. С. 118–119. 171.

{133} Там же. Приложение 19; данные за 1853–1854 гг. отличаются от приведенных выше.

{134} Там же Ч. 3. С. 88; приложение 1

{135} См.: Исторический очерк деятельности военного управления в России. Т. 3. С. 15.

{136} См.: Лалаев М. З. Указ. соч. С. 187–188, 239–240.

{137} См.: Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX и XX вв. М., 1973. С. 314–315.

{138} См.: Исторический очерк деятельности военного управления в России. Т. 5.

{139} Там же. Приложение 53 и 93; данные за 1871–1879 гг. приложения 23 отличаются от приводимых М. З. Лалаевым (с. 241): 426, 451, 453, 433, 446, 491, 510, 548, 544 человека соответственно. Они заимствованы из всеподданнейших отчетов Главного управления военно-учебными заведениями.

{140} См.: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. С. 183; Армия и флот России в начале XX в. С. 33.

{141} См.: Кавтарадзе А. Г. Указ. соч. С. 25.

{142} См.: Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 315–316.

{143} См.: Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. С. 32 (происхождение этих данных, однако, не указано).

{144} См.: Исторический очерк деятельности военного управления в России. Т. 5. С. 150.

{145} См.: Лалаев М. З. Указ. соч. Ч. 3. С. 98.

{146} См.: Историческое обозрение Военно-сухопутного управления. С. 14; Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 170.

{147} См.: Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 328, 334–337.

{148} Там же. С. 333.

{149} См.: Исторический очерк деятельности военного управления в России. Т. 5 С. 161.

{150} Там же. С. 152 (М. З. Лалаев дает состав Пажеского корпуса в 90 человек и соответственно общее число — 6090).

{151} См.: Лалаев М. З. Указ. соч. Ч. 3. С. 46.

{152} Там же. С. 45; Обзор деятельности Военного министерства. С. 217.

- {153} См.: Зайончковский ПА. Указ. соч. С. 307–309.
- {154} См.: Кавтарадзе А. Г. Указ. соч. С. 23.
- {155} См.: Лалаев М. З. Указ. соч. Ч. 2. С. 249, приложения 1–4; Ч. 3. С. 61
- {156} Там же. Ч. 2. С. 188, 254–255; Обзор деятельности Военного министерства С. 220–221.
- {157} См.: Исторический очерк деятельности военного управления в России. Т. 5. С. 157–158.
- {158} См.: Бескровный Л. Г. Армия и флот России в XIX в. С. 30; Зайончковский ПА. Указ. соч. С. 311.
- {159} См.: Бескровный Л. Г. Русская армия в начале XX в. С. 176, 179; Армия и флот России в XIX в. С. 30.
- {160} См.: Исторический очерк деятельности военного управления в России Т. 5. С. 161.
- {161} См.: Обзор деятельности Военного министерства. С. 222; Лалаев М. З. Указ. соч. Ч. 2. С. 262–263.
- {162} См.: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. С. 173.
- {163} См.: История отечественной артиллерии. М.; Л., 1966. Т. 2, кн. 4. С. 151.
- {164} См.: Исторический очерк деятельности военного управления в России. Т. 5. С. 147.
- {165} См.: История отечественной артиллерии. С. 155.
- {166} См.: Исторический очерк деятельности военного управления в России. Т. 5 С. 148.
- {167} Там же. Приложения 53,93,94. В «Истории отечественной артиллерии» приводятся несколько другие данные за ряд лет (с. 159): в 1862 г. — 55 человек, в 1863–79, в 1866–55, в 1867–50, в 1868–73 и в 1871–80.
- {168} История отечественной артиллерии. С. 159, 161.
- {169} Там же. С. 155.
- {170} См.: Зайончковский ПА. Указ. соч. С. 319; Бескровный Л. Г. Армия и флот России в XIX в. С. 25.
- {171} См.: Бескровный Л. Г. Русская армия в начале XX в. С. 184.
- {172} Там же. С. 185.
- {173} См.: Историческое обозрение Военно–сухопутного управления. С. 149–150.
- {174} См.: Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. Спб., 1882. С. 344–345.
- {175} См.: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. С. 189;

Армия и флот России в начале XX в. С. 40.

{176} Там же. С. 191, 42.

{177} Там же. С. 192, 43.

{178} Там же. С. 193, 44.

{179} Там же С. 40, 42–44; Исторический очерк деятельности военного управления в России. Приложения 22, 54, 95; Обзор деятельности Военного министерства С. 232. Состав слушателей дается вместе с прикомандированными и вольнослушателями, включая геодезическое отделение.

{180} См.: Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. С. 36–37.

{181} См.: Обзор деятельности Морского управления в России Ч. 2. С. 589.

{182} Там же. С. 613.

{183} Там же. С. 591, 648–649.

{184} Там же. С. 592.

{185} Там же. С. 652, 659.

{186} Там же. С. 590–591, 639.

{187} См.: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. С. 562; Армия и флот России в начале XX в. С. 219

{188} Там же. С. 215–217.

{189} См.: Кавтарадзе А. Г. Указ. соч. С. 25.

{190} См.: Столетие Военного министерства. Отд. 3. С. 116.

{191} См.: Автократов В. Н. Указ. соч. С. 243.

{192} См.: Столетие Военного министерства. Отд. 3. С. 143–144.

{193} См.: Исторический очерк деятельности военного управления в России. Т. 5. С. 23.

{194} См.: Столетие Военного министерства. Отд. 3. С. 169.

{195} Там же. С. 147.

{196} См.: Исторический очерк деятельности военного управления в России. Т. 2 С. 433, 449.

{197} Военно–статистический сборник. С. 168; Обзор деятельности Военного

министерства Прил. 6

{198} См.: Военно–статистический ежегодник армии за 1910 г. С. 318–319; то же за 1911 г. С. 428–429.

{199} См.: Историческое обозрение Военно–сухопутного управления. С. 153.

{200} Исторический очерк деятельности военного управления в России.

Прил 32, 75, 123.

{201} См.: Обзор деятельности Военного министерства. С. 388.

{202} Военно–статистический ежегодник армии за 1911 г. С. 426–429; то же за 1912 г. С. 394–395.

{203} Исторический очерк деятельности военного управления в России Прил 75,124; Военно–статистический сборник. С. 169.

{204} См.: Обзор деятельности Морского управления. Ч. 1. С. 289.

{205} См.: Исторический очерк деятельности военного управления в России Прил. 76, 124; Военно–статистический сборник С. 169.

{206} Военно–статистический ежегодник армии за 1910 г. С. 318–319;тожс за 1911 г. С. 428–429; то же за 1912 г. С. 394–395.

{207} Столетие Военного министерства. Прил. С. 18–19.

{208} Там же. Прил. С. 72, 74, 82. Там, где денежные суммы даются с копейками, они округлены до рублей; за 1857, 1858 и 1861 гг. значатся еще дополнительные суммы в червонцах — они пересчитаны по курсу 10 руб. 30 коп., установленному реформой 1838 года.

{209} См.: Глинка В. М. Русский военный костюм XVIII — начала XX века Л., 1988. С. 31.

{210} См.: Троицкий СМ. Указ. соч. С. 126, 121.

{211} Там же. С. 138.

{212} Там же. С. 149.

{213} См.: Режепо П. А. Статистика генералов. С. 28.

{214} См.: Режепо П. А. Офицерский вопрос С. 18–19

{215} См.: Военно–статистический ежегодник армии за 1911 г. С. 188; то же за 1912 г. С. 244.

{216} См.: Обзор деятельности Военного министерства за 1861–1865 гг. Спб., 1866. С. 92.

{217} См.: Историческое обозрение Военно–сухопутного управления. С. 76– 77

{218} Там же. С. 91.

{219} См.: Исторический очерк деятельности военного управления в России. Т. 2. С. 467.

{220} См.: Обзор деятельности Военного министерства за 1861–1865 гг. С. 94–95.

{221} См.: Военно–статистический сборник. С. 155.

{222} Там же. С. 217–218.

{223} Исторический очерк деятельности военного управления в России. Т. 4. С. 531–532.

{224} Там же. Т. 4. С. 407–408.

- {225} Там же. Т. 1. С. 341.
- {226} Там же. Т. 3. С. 285.
- {227} Там же. Т. 5. С. 235.
- {228} См.: Обзор деятельности Морского управления. С. 288– 289.
- {229} Там же. С. 294–295.
- {230} См.: Обзор деятельности Военного министерства. С. 91.
- {231} См.: Зайончковский ПА. Указ. соч. С. 225–227.
- {232} Там же. С. 208–211.
- {233} Исторический очерк деятельности военного управления в России. Т. 2. С. 462.
- {234} Там же. С. 467.
- {235} Военно–статистический сборник. С. 217–218.
- {236} Обзор деятельности Морского управления. С. 299–300.
- {237} Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 229.
- {238} См.: Познанский В. В. Указ. соч. С. 16–17.
- {239} Батюшков К. Н. Сочинения. М., 1955. С. 312.
- {240} Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 219, 224.
- {241} Военно–статистический ежегодник армии за 1910 г. С. 310–311; то же за 1911 г. С. 392–393; то же за 1912 г. С. 404–405.
- {242} Военно–статистический сборник. С. 88.
- {243} См.: Исторический очерк деятельности военного управления в России. Т. 4 С. 535.
- {244} См.: Свод военных постановлений 1869 г., кн. VII. Прохождение службы по военному ведомству. Изд. 2 (по 1.1 1907 г.). Спб, 1907. Ст. 954–961. С. 221–222.
- {245} Режепо ПА. Статистика генералов. С. 26; Статистика полковников. С. 27.
- {246} Военно–статистический ежегодник армии за 1910 г. С. 172, 198, 224; то же за 1911 г. С. 173. 177. 214, 266; то же за 1912 г. С. 229. 233, 270, 322.
- {247} Историческое обозрение Военно–сухопутного управления. С. 92; Обзор деятельности Военного министерства. С. 260; Исторический очерк деятельности военного управления в России. Т. 4. С. 417, 420, Т. 6. С. 330.
- {248} См.: Военно–статистический ежегодник армии за 1910 г. С. 39; то же за 1911 г. С 54–55; то же за 1912 г. С. 54–55.
- {249} См.: Гаврилов Л. М. О численности русской армии в период Февральской революции // История СССР, 1964, № 2.
- {250} См.: Гаврилов Л. М., Кутузов В. В. Перепись русской армии 25

октября 1917 г. // История СССР, 1972, № 3.

{251} Историческое обозрение Военно–сухопутного управления. С. 92.

{252} Военно–статистический ежегодник армии за 1910 г. С. 307; то же за 1911 г. С. 361; то же за 1912 г. С. 173.

{253} См.: Россия в мировой войне 1914–1918 гг. В цифрах. М.. 1925. С. 31.

{254} См.: Историческое обозрение Военно–сухопутного управления. С. 92–93.

{255} Исторический очерк деятельности военного управления в России. Т. 2. С. 395.

{256} Военно–статистический ежегодник армии за 1910 г. С. 120, 128; то же за 1911 г. С. 89, 107; то же за 1912 г. С. 89, 105.

{257} См.: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. С. 138.

{258} См.: Исторический очерк деятельности военного управления в России. Т. 2. С. 407.

{259} Там же. Т. 4. С. 430; Т. 6. С. 336–337.

{260} См.: Обзор деятельности Военного министерства. С. 260.

{261} См.: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. С. 194.

{262} См.: Столетие Военного министерства. Отд. 3. С. 192.

{263} Там же. С. 194.

{264} Золотарев А. В., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е. Во славу отечества Российского. М., 1984. С. 48–49.

{265} См.: Водарский Я. Е. Указ. соч. С. 234, 237.

{266} См.: Столетие Военного министерства. Отд. 3а. С. 203.

{267} См.: Коробков Н. Семилетняя война. М., 1940. С. 61.

{268} См.: Троицкий СМ. Указ. соч. С. 222.

{269} Столетие Военного министерства. Отд. 3а. С. 203.

{270} См.: Корелин А. П. Указ. соч. С. 82, 84, 86. Весьма характерно, что, например, Л. Г. Бескровный, приводя в своей книге («Армия и флот России», с. 46) эти данные, в графе общего процента офицеров дворянского происхождения делает прочерк: там пришлось бы привести цифру 51,2%, свидетельствующую, что половина всех офицеров была недворянского происхождения, а это опровергло бы его итоговые утверждения о характере социального происхождения офицерства.

{271} См.: Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 203–205.

{272} См.: Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско–японской войны. М. Л.. 1947. С. 317.

{273} Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 208–211.

{274} См.: Режепо П. А. Статистика полковников. С. 16–17; Статистика генералов. С. 18.

{275} Военно–статистический ежегодник армии за 1910 г. С. 172–173, 198–199, 224–225; то же за 1911 г. С. 173, 177, 214, 240, 267; то же за 1912 г. С. 229, 233, 270, 296, 323.

{276} ЦГВИА ф. 1483, оп. 1. д. 169–171; ф. 307, оп. 1, д. 168; ф. 304, оп. 1, д. 61; ф. 855, оп. 1. д. 10–12.

{277} См.: Кавтарадзе А. Г. Указ. соч. С. 27.

{278} Военно–статистический сборник. С. 84–88; см. также: Ильяшевич. Некоторые статистические данные о корпусе офицеров нашей армии // Военный сборник, 1863. №5, 8. 11, 12.

{279} Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 200.

{280} См. там же. С. 197–198; Режепо П. А. Статистика полковников С. 19–20; Статистика генералов. С. 20–21.

{281} См.: Военно–статистический ежегодник армии за 1910 г. С. 173, 199, 225; то же за 1911 г. С. 174–175, 178–179, 215, 241, 267; то же за 1912 г. С. 230–231, 234–235. 271, 297, 323.

{282} Военно–статистический сборник. С. 88.

{283} См.: Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 170.

{284} См. там же. С. 182; Режепо П. А. Статистика полковников. С. 12–13. 20; Статистика генералов. С. 12–16, 23.

{285} См.: Военно–статистический ежегодник армии за 1910 г. С. 172. 198, 224; то же за 1911 г. С. 172, 176, 214, 240, 266; то же за 1912 г. С. 228. 232, 270, 322.

{286} См.: Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 188–190.

{287} См.: Режепо П. А. Статистика полковников. С. 10, 25; Статистика генералов. С. 6, 9.

{288} Военно–статистический ежегодник армии за 1910 г. С. 173, 199, 225; то же за 1911 г. С. 173. 177, 215, 241, 266; то же за 1912 г. С. 229, 233. 271, 296–297, 322.

{289} Полное собрание законов. Т. 1, № 99.

{290} Блондель А. Л. Взгляд на обязанности и дух военного звания. Спб., 1836. С. 12.

{291} Наставление к самодисциплине и самовоспитанию. Собрание писем старого офицера к своему сыну. Сост. С. К. Вып. 1. М., 1900. С. И.

{292} Мышлаевский М. З. Указ. соч. С. 12.

{293} Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. Новосибирск, 1959 Т. 2 с. 284–285.

{294} Блондель А. Л. Указ. соч. С. 16.

- {295} Галкин М. Новый путь современного офицера. М. 1906. С. 21.
- {296} Бутовский Н.Д. Очерки современного офицерского быта. Спб. . 1899. С. 27.
- {297} Мышлаевский М. З. Указ. соч. С. 12.
- {298} Галкин М. Указ. соч. С. 20.
- {299} Блондель А. Л. Указ. соч. С. 49.
- {300} Галкин М. Указ. соч. С. 20.
- {301} Бутовский Н. Д. Указ. соч. С. 27.
- {302} Галкин М. Указ. соч. С. 22.
- {303} Наставление к самодисциплине и самовоспитанию. С. 82.
- {304} Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 233. 235.
- {305} Там же. С. 245.
- {306} Справочная книжка для офицеров. Первые шаги молодого офицера. Тифлис, 1903. С. 115–116.
- {307} Бутовский Н. Д. Указ. соч. С. 38–39.
- {308} Бутовский Н. Д. Сборник последних статей Спб., 1910. С. 26–27.
- {309} Наставление к самодисциплине и самовоспитанию. С. 17.
- {310} Румянцев П. А. Документы. Т. I. М., 1953. С. 271.
- {311} Суворов А. В. Документы. Т. II. М., 1951. С. 553.
- {312} Елчанинов А. Г. Офицеры–герои в войну 1812 г. М., 1912.
- {313} Кутузов М. И. Документы. Т. II. М., 1951. С. 252. 250. 273; Т. IV. Ч. I М., 1954. С. 345–346. 348–349; Т. IV. Ч. 2. М., 1955. С. 27, 28, 112–114.
- {314} Суворов А. В. Документы. Т. II. С. 559. 561.
- {315} См.: Военно–статистический сборник «Россия» М., 1871. В. IV. Отд. 11. с. 78.
- {316} См.: Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 510–511.
- {317} См.: Россия в мировой войне 1914–1918 гг. В цифрах М., 1925. С. 31.
- {318} Прежде всего имеется в виду огромный труд А. В. Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск». Ч. 1–30. Спб., 1841–1862 (второе издание осуществлялось с 1899 г. и не было закончено).
- {319} В частности, труды А. С. Ладинского «Хронология русской военной истории» (Спб., 1891) и «Хронология всемирной военной истории» (Спб., 1901) и А.С. Кроткова «Повседневная запись замечательных событий в русском флоте» (Спб., 1893).
- {320} Кирилов Е. М. История 114–го пехотного Новоторжского полка. Митава, 1913. С. 7.

{321} Подсчитано по биографическому словарю «Русские мореплаватели». М. 1953.

{322} См.: Богданов А. П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии. Т. 1–4. М., 1888–1892. (Учтены преимущественно ученые, деятельность которых протекала в 1850–1887 гг.)

{323} Подсчитано по биографическим словарям: «Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь». Т. I М.. 1989. «Словарь русских писателей XVIII в.», вып. 1. Л., 1988.

{324} См.: «Словарь сценических деятелей», вып. 1–16. Спб.. 1898–1905.

{325} Последний новый фильм о гражданской войне появился в 1942 г., а первый после перерыва — в 1958 г.

{326} Имеется в виду роман Л. Соболева «Капитальный ремонт».

{327} См.: Кривицкий А. Традиции русского офицерства. М., 1945. Хотя эта книжка повествует не столько об офицерах, сколько вообще о русской армии (с характерным для тех лет противопоставлением национально-русской и немецкой тенденций в ее развитии), она наиболее характерна для освещения вопроса об отношении к русскому офицерству в те годы.

Фотографии и картины русских офицеров

Типы русских офицеров XVIII в.

Типы русских офицеров первой половины XIX в.

Типы русских офицеров второй половины XIX в.

Типы русских офицеров начала XX в.

Иллюстрации

Послужной список

Стр.1

Стр.2

Стр.3

Стр.4

Краткая записка о службе младшего штаб-офицера 255-го Аварского

резервного батальона подполковника Николая Маркова, представляемого к денежному пособию на воспитание детей (прописывать причину представления).

Стр.1

Послужной лист

Стр.1

Стр.2

Стр.3

Форма.

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОКЪ

Подполковника такого-то пѣхотнаго полка N (фамилія).

Составленъ 00 Сентября 19 . . года.

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОКЪ
Подполковника N.

I. Чинъ, имя, отчество и фамилия.	Подполковникъ Сергѣй Львовичъ N.
II. Должность по службѣ.	Командиръ 2-го баталіона N пѣхотнаго полка.
III. Ордена и знаки отличія.	Кавалеръ орденовъ: Св. Анны 3 ст. и Св. Станислава 2 и 3 степеней.
IV. Когда родился.	00 Мая 18 . . года.
V. Изъ какого званія происходитъ и какой губерніи уроженецъ.	Изъ дворянъ Петербургской губерніи.
VI. Какого вѣроисповѣданія.	Православнаго.
VII. Гдѣ воспитывался.	Въ (такомъ-то) кадетскомъ корпусѣ и въ (такомъ-то) военномъ училищѣ.
VIII. Получаемое на службѣ содержаніе.	<p>Жалованья 000 р. Столовыхъ денегъ 000 —</p> <hr/> <p>0.000 р. въ годъ, и, сверхъ того, квартирныхъ денегъ столько-то (или казенную квартиру въ казармахъ).</p>

Читаетъ Подполковникъ N. 0 Сентября 10 . . года.

IX.

Прохождение службы.

Когда въ службу вступилъ и произведенъ въ первый офицерскій чинъ; производство въ слѣдующіе чины и дальнѣйшая служба: военная, гражданская и по выборамъ; переводы и перемѣщенія изъ одного мѣста службы или должности въ другую, съ объясненіемъ, по какому случаю: по волѣ начальства или по собственному желанію; когда отправился и прибылъ въ новому мѣсту службы; награды: чинами, ордонами, знаками отличія; Всемилостивѣйшіе роскрипты, Высочайшія благоволенія.

Годы.	Мѣсяцы.	Числа.	Годы.	Мѣсяцы.	Числа.

X.

Бытность внѣ службы:

а) Во временныхъ отпускахъ: когда уволенъ, на какое время и явился ли въ срокъ, а если просрочилъ, то сколько имено и признана ли просрочка уважительною; б) для пользованія ранъ: гдѣ именно, по чьему разрѣшенію, съ какого и по какое время; в) въ безсрочномъ отпуску и запасѣ, не состоя на гражданской или общественной службѣ: съ какого и по какое время; г) по роду оружія, безъ исполненія службы; д) въ плѣну, когда и гдѣ взятъ и когда возвратился на службу, и е) въ отставкѣ: когда уволенъ и когда вновь прибылъ на службу.

Годы.	Мѣсяцы.	Числа.	Годы.	Мѣсяцы.	Числа.

<p>XI.</p> <p>Холодность или жеманность, на комъ; имѣетъ ли дѣтей; годъ, мѣсяцъ и число рожденія дѣтей; какого пола и жана вѣроиспытанія.</p>				
<p>XII.</p> <p>Есть ли за нимъ, за родителями его, или, когда нежить, за женою, недвижимое имущество, родовое или благоприобретенное.</p>				
<p>XIII.</p> <p>Подвергался ли наказаніямъ, или замѣчаніямъ, соединеннымъ съ ограниченіемъ въ преимуществѣхъ по службѣ,— когда и за что именно; по судебнымъ приговорамъ или въ дисциплинарномъ порядкѣ.</p>				
<p>XIV.</p> <p>Бытность въ походахъ и дѣлахъ противъ непріятеля, съ объясненіемъ, гдѣ именно, съ какого и по какое время; оказанныя отличія и полученныя въ сраженіяхъ раны или контузіи; особые порученія, ссиртъ прямыхъ обязанностей, по Высочайшимъ повелѣніямъ, или отъ начальства.</p>		<p>Годы.</p>	<p>Мѣсяцы.</p>	<p>Числа.</p>
<p>Командиръ такого-то полка N.</p> <p>Полковій Адъютантъ N.</p>				

Краткая записка о службе младшего штаб-офицера 255-го Аварского резервного батальона подполковника Николая Маркова, представляемая к денежному пособию на воспитание детей (прописывать причину представления).

5 Февраля 1902 года.

Родился 1850 г. Марта 25.

Воспитан православного.

Из потомственных дворян.

В Михайловском-Воронежском кадетском корпусе окончил 5 классов и в Варшавском вѣхотномъ юнкерскомъ училищѣ окончилъ курсъ по 1 разряду.

Женатъ первымъ бракомъ на дочери названного советника Розалии Казимировны Адамской. Имѣетъ дѣтей: дочь Ольгу, родившуюся 10 Июля 1884 г., дочь Анну—30 Мая 1886 г. и сына Николая—11 Апрѣля 1888 г.

Жена воспитанница римско-католическаго, а дѣти—православнаго.

Дочери обучаются на счетъ родителей въ 1-й Варшавской женской гимназій и паходятся въ пансіонѣ при этой гимназій, а сынъ воспитывается въ Тифлисскомъ кадетскомъ корпусѣ на казенномъ содержаніи.

Получаетъ: жалованья 1.344 руб. и столовыхъ 850 руб., всего 1.704 руб. въ годъ; сверхъ того занимаетъ казенную квартиру.

Въ службу вступилъ въ 5-й гренад. Киевскій полкъ унтер-офицеромъ . . . 366 Янв. 13.

Поручикомъ-юнкеромъ, съ переводомъ въ 3-й Кавказскій стр. батальонъ . . . 871 Июня 21.

Праворучникомъ 873 Октяб. 18.

Подпоручикомъ 873 Июня 5.

Поручикомъ 875 " 21.

Казначеемъ 876 Апр. 9.

Штабсъ-капитаномъ " Октяб. 1.

Командиромъ 1-й роты " Дек. 2.

Капитаномъ 884 Июня 15.

Подполковникомъ, съ переводомъ въ 40-й пѣх. Ковлѣвскій полкъ . . . 892 Февр. 26.

Командиромъ 4-го батальона " Март. 25.

Завѣдывающимъ хозяйствомъ 894 Сент. 1.

Отчисленъ отъ должности 895 Февр. 23.

Командиромъ 2-го батальона " Авг. 6.

По домашнимъ обстоятельствамъ уволенъ отъ службы 896 Дек. 15.

Определенъ на службу въ 255-й Аварскій рез. батальонъ 897 Авг. 5.

По Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся 12 Октября 1895 г., за произвольное распоряженіе казенными суммами и несоблюденію установленнаго порядка храненія этихъ суммъ, объявленъ выговоръ, со внесеніемъ въ послужную списокъ (ссадъ штрафъ проценъ, то слѣдуетъ добавитъ: штрафъ Исконностѣйшии проценъ тогда-то).

Въ походахъ и дѣлахъ находился въ Азіатской Турціи въ составѣ Эриванскаго отряда съ 1877 г. Апрѣля 12 по 1877 г. Июня 23.

Раненъ съ Дранъ-Датскихъ высотъ пулею въ лѣвую руку; пуля прошла сверху внизъ, раздробивъ кость.

За боевые отличія имѣетъ ордена: св. Анны 4-й степени и св. Станислава 3-й степени (помѣщать всѣ вообще награды лишь за боевые отличія).

Подпись командира части и скрѣпа адъютанта, безъ приложенія печати.

ПО УКАЗУ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Государя Императора

НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО

и прочая, и прочая, и прочая.

Предъявитель сего, Генералъ-Лейтенантъ Михаилъ Ильичъ Стросовъ. Имѣетъ ордена: Св. Станислава 2-й степени и 3-й степени съ мечами и бантомъ, Св. Анны 2-й степени, 3-й степени съ мечами и бантомъ и 4-й степени съ надписью «за храбрость», Св. Владимира 3-й степени и 4-й степени съ бантомъ и надписью «25 лѣтъ»; медали: свѣдѣбную въ память Русско-Турецкой войны 1877—1878 г.г. и серебряную—въ память царствования Императора Александра III и въ память священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ въ 1896 г.; Румынскій желѣзный крестъ и знакъ Холмскаго православнаго Свято-Ногородицкаго братства 3-й степени. Родился 18 Декабря 1850 г. Пизъ потомственнаго почетнаго гражданина Витебской губерніи, уроженецъ той же губерніи. Вѣроисповѣданія православнаго. Окончилъ курсъ въ Динабургской реальной гимназіи и во 2-мъ военномъ Константиновскомъ (нынѣ, артиллерійское) училищѣ по 1-му разряду. Былъ въ Николаевской академіи Генеральнаго Штаба одинъ годъ. Въ службу вступилъ юнкеромъ во 2-ое военное Константиновское училище 25 Августа 1871 г. По окончаніи курса училища произведенъ въ подпоручики, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ и съ прикомандированіемъ къ лейбъ-гвардіи Волынскаго полку, 10 Августа 1873 г. Переведенъ въ лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ прапорщикомъ 17 Августа 1874 г., со старшинствомъ съ 10 Августа 1873 г. Произведенъ въ подпоручики 30 Августа 1876 г., въ поручики 30 Августа 1877 г. Назначенъ командующимъ 16 ротой 29 Декабря того же года. За участіе въ послѣднемъ Плевненскомъ бою 28 Ноября 1877 г. награжденъ орденомъ Св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость», приказомъ по дѣйствующей арміи, 31 Марта 1878 г. За переходъ черезъ Балканы 19 Декабря 1877 г. награжденъ орденомъ Св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ, приказомъ по дѣйствующей арміи, 10 Апрѣля того же года. За участіе въ трехдневномъ бою (3, 4 и 5 Января 1878 г.) подъ г. Филиппополемъ награжденъ орденомъ Св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ, приказомъ по дѣйствующей арміи, 30 Апрѣля того же года. Командированъ въ запасный батальонъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка, для подготовки къ вступительному экзамену въ Николаевскую академию Генеральнаго Штаба и сдѣлалъ роту 19 Апрѣля того же года. По выдержаніи экзамена, зачисленъ въ младшій классъ академіи 10 Октября того же года. Отчисленъ отъ академіи 19 Октября 1879 г. На состязательной стрѣльбѣ пизъ винтовокъ офицеровъ Вартавскаго гвардейскаго отряда выигралъ второй призъ и получилъ 75 рублей 3 Августа 1880 г. Произведенъ въ штабсъ-капитаны 28 Марта 1882 г. Назначенъ командующимъ 14 ротой 27 Сентября 1883 г. Утвержденъ командиромъ 14 роты 2 Февраля 1884 г. Награжденъ орденомъ Св. Станислава 2 степени 30 Августа того же года. На состоя-

*

зательной стрельбы из револьверов офицеров Варявского гвардейского отряда выбил второй Инкваторский приз и получил 100 рублей 16 Октября 1886 г. Произведен в капитаны 24 Апреля 1888 г. На состязательной стрельбе из винтовок офицеров Варявского гвардейского отряда выбил второй Инкваторский приз и получил 100 рублей 19 Июля того же года. Награжден орденом Св. Анны 2-й степени 30 Августа 1891 г. Назначен исполняющим должность младшего штаб-офицера 9 Апреля 1894 г. Произведен в полковники 17 Апреля того же года. Назначен командующим 4 батальонами 8 Августа того же года. Утвержден в этой должности 24 Апреля 1895 г. Состоять председателем комиссии, зачисляющей полковым офицерам заемный капиталом, с 1 Января 1893 г. по 1 Января 1896 г. и с 1 Января по 2 Сентября 1899 г.; председателем полкового суда с 1 Января 1896 г. по 1 Января 1897 г.; временно-командующим лейб-гвардии Волынской полком с 30 Апреля по 7 Июля и с 5 Октября по 4 Декабря 1898 г. Высочайшим распоряжением принять и носить знак Холмского православного Свято-Богородицкого братства 3-й степени 16 Июля 1898 г. Пожалован орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом за 25-ти-лѣтнюю в офицерских чинах безотрывную службу 22 Сентября того же года. На состязательной стрельбе офицеров Варявского гвардейского отряда выбил первый Инкваторский приз из винтовки и получил 250 рублей и вензельное изображение Императора Его Величества, для помещения на огнестрельное оружие, 28 Июля 1899 г. Назначен командиром 162 пехотного Ахалцхского полка 25 Сентября того же года. Прибыл и вступил в командование полком 26 Ноября того же года. Временно командовал 1-ю бригадою 41 пехотной дивизии и исполнял обязанности начальника гарнизона г. Могилева со 2 по 26 Марта 1900 г. Высочайшим распоряжением занести в послужной список, согласно предварительному свидетельству от 4 Августа 1900 г., засвидетельствованіе объ ушибахъ, полученных 8 Июня того же года при исполнении служебныхъ обязанностей во время объезда стрѣльницкихъ ротъ, 15 Октября 1901 г. Высочайшимъ пожалованъ орденомъ Св. Владимира 3 степени 15 Июля 1902 г. Высочайшимъ приказомъ назначенъ командиромъ 2 бригады 54 пехотной дивизии, съ производствомъ въ генералъ-майоры и съ зачислениемъ по армейской пѣхотѣ, 1 Июня 1901 г.; прибылъ 7 Июня того же года. Назначенъ въ распоряженіе Начальника Главнаго Штаба 5 Октября того же года. Высочайшимъ приказомъ 28 Октября 1906 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ увольнениемъ, за болѣзнію, отъ службы съ мундиромъ и пенсіями: изъ Государственнаго казначейства въ размѣръ 800 рублей и изъ амьенскаго кассы въ размѣръ 9000 рублей въ годъ. Въ гражданской службѣ и по выборамъ дворянства не служилъ. Высочайшимъ рескриптомъ по получалъ. Въ отпускахъ былъ: на 28 дней:— съ 16 Августа 1873 г., съ 17 Декабря 1880 г. и съ 13 Ноября 1883 г.; на 18 дней, съ 16 Июня 1900 г., въ этотъ отпускъ заболѣлъ и возвратился 17 Октября того же года, просрочка признава уважительною; въ 2-хъ-мѣсячныхъ съ 10 Сентября 1902 г.; въ 4-хъ-мѣсячныхъ, по болѣзни, съ сохранениемъ содержанія, съ 3 Июня 1905 г. По роду оружія безъ должности не состоялъ; въ пѣхоту у неприятеля, въ запасѣ и отставкѣ не былъ. Находился въ походѣ и дѣлахъ во время войны 1877—1878 г.г. въ Европейской Турціи. Во 2-й періодъ кампаніи выступилъ изъ г. Варшавы, въ составѣ полка, 23 Августа 1877 г.; перешелъ границу Румынскаго княжества въ Унгевачъ 30 Августа того же года; перешелъ Дунай у Слестова 6 Сентября того же года; находился въ составѣ западнаго отряда, получившаго названіе Плевненскаго отряда обложенія князя Карла Румынскаго, съ 1 Октября по 2 Декабря 1877 г.; въ этотъ періодъ времени участвовалъ въ занятіи съ боя деревни Гринпы и прилегающихъ высотъ, называемыхъ Волынской горой, 12 Октября; въ построѣннѣ редута «Старинкеричъ» на Волынской горѣ, подъ огнемъ, 29 Октября; въ тѣсноцъ блокадѣ Плевны, къ Высочайшимъ присутствіи, съ 12 Октября по 28 Ноября; въ усиленной перестрѣлкѣ подъ Плевной 7 Ноября; въ послѣднемъ Плевненскомъ бою и взятіи въ плѣнъ арміи Османа Пашы, въ Высочайшемъ присутствіи, 28 Ноября. По расформированіи Плевненскаго отряда выступилъ 2 Декабря того же года съ полкомъ къ Балканамъ для присоединенія къ западному отряду генералъ-адъютанта Гурко, прибывшему въ г. Орханіе 7 числа того же мѣсяца; въ составѣ этого отряда участвовалъ въ переходѣ черезъ Балканы въ Чурьякскомъ ущельи съ 13 по 19 того же Декабря. Въ 3-емъ періодѣ кампаніи участвовалъ въ сраженіи при деревнѣ Тапикесей, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Гурко, 19 Декабря; въ дѣлѣ генералъ-адъютанта Католя въ долині рѣки Паркона близъ Петричеа 21 Декабря; въ дѣлѣ при деревнѣ Мечкѣ (въ Балканахъ) 25 Декабря; въ трехдневномъ бою войскъ западнаго отряда подъ начальствомъ

генералъ-адъютанта Гурко подъ г. Филиппополемъ, взятіи этого города, окончательно пораженіи и разбѣганіи всей арміи Сулеймана Паши и вѣсти почти всей его артиллеріи — 3, 4 и 5 Января 1878 г.; въ походѣ отряда генералъ-адъютанта Гурко отъ г. Филиппополя въ г. Адрианополь съ 10 по 17 Января. Въ 4-мъ періодѣ кампаніи находился съ полкомъ во время его расположенія по квартирамъ въ окрестностяхъ г. Силивры и Июль-Чекмеджи на берегу Мраморнаго моря съ 19 Февраля по 19 Апрѣля того же года; прибылъ въ Одессу 22 Апрѣля того же года. На основаніи приказа по военному вѣдомству 1881 года за № 115, время, проведенное въ походѣ, слѣдуетъ считать двойнѣмъ съ 23 Августа 1877 г. по 19 Февраля 1878 г. По распоряженію начальства былъ командированъ: въ г.г. Курскъ и Севастополь для сопровожденія транспорта, со 2 по 22 Юля 1877 г.; въ Варшавское пѣхотное юнкерское училище для занятія съ юнкерами топографическими работами въ полѣ, съ 11 Юня по 28 Юля 1881 г.; находился въ Варшавскомъ военно-окружномъ судѣ запаснымъ членомъ съ 1 Юля по 1 Октября 1894 г. Исполн. на долж. подполковника Маріи Антоновн. Кочетовой; имѣетъ сына, Леонида, родившагося 17 Октября 1894 г.; и дочь Ксению, родившуюся 25 Декабря 1896 г.; жена и дѣти вѣроисповѣданія православнаго. Недвижимаго имущества за нимъ, за родителями и за женою не значится. Вмѣститель, соединеннымъ съ ограниченіемъ по службѣ, не подвергался. Въ службѣ генералъ-лейтенанта Строева не было обстоятельствъ, лишающихъ его права на знакъ отличія безсрочной службы, или отдающихъ срокъ выслуги къ сему знаку. Въ чинѣ подписалъ съ приложеніемъ казенной печати удостовѣреніе. Февраль « » дня 19. . года, С.-Петербургъ.

Въ ономъ указѣ подчистокъ и поправокъ нѣтъ.

Должностный Генералъ Главнаго Штаба,
Генералъ-Лейтенантъ Н.

Правитель Канцеляріи,
Генералъ-Маіоръ Н.